

Samuel P. Huntington

THE THIRD WAVE
Democratization in the
Late Twentieth Century

University of Oklahoma **Press**
Norman and London
1991

Сэмюэл Хантингтон

ТРЕТЬЯ ВОЛНА
Демократизация
в конце XX века

Москва
РОССПЭН
2003

ББК 66.2(0)
X 19

Данное издание выпущено в рамках проекта «Translation Project» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия и Института «Открытое общество» — Будапешт

*Памяти
Уоррена и Аниты*

Перевод с английского *Л.Ю.Паншиой*

Хантингтон С.

X 19 Третья волна. Демократизация в конце XX века /
Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. - 368 с.

В этой книге, вышедшей в серии лекций имени Дж. Ротбаума, речь идет о глобальном политическом процессе конца двадцатого столетия: переходе примерно тридцати стран от недемократических к демократическим политическим режимам. В ней сделана попытка объяснить, почему и как возникла волна демократизации 1974—1990 годов и каковы ее ближайшие последствия. Ключевая мысль книги заключается в том, что третья волна демократизации отлична от прежних, более ранних волн. Будучи написана в 1989—1990 годах, когда рассматриваемый в ней класс явлений еще разворачивался, книга является предварительной оценкой и предварительной попыткой объяснения транзитов, о которых в ней идет речь.

© 1991 by Samuel P. Huntington.
Published by the University of
Oklahoma Press, Norman, Pub-
lishing Division of the Univer-
sity.

© Перевод. «Российская полити-
ческая энциклопедия», 2003.

ISBN 5-8243-391-6

Предисловие

Из множества хороших вещей, случавшихся в моей жизни, ни одна не служит мне большим поводом для законной гордости, чем создание Научно-исследовательского центра Карла Альберта при Конгрессе в Университете Оклахомы, и ни одна не приносит больше удовлетворения, чем представляемый Центром «Цикл лекций им. Джулиана Дж. Ротбаума». Данный цикл является постоянно финансируемой программой Университета Оклахомы, созданной в честь Дж.Ротбаума его женой Айрин и сыном — Джоэлом Янковски.

Джулиан Ротбаум, мой близкий друг еще с детских лет, проведенных на юго-востоке Оклахомы, давно стал лидером в общественной жизни штата. Он два срока входил в правление Университета Оклахомы, работал в управлении штата по делам высшего образования. В 1974 г. он был удостоен высшей университетской награды — внесения его имени в список лучших работников, а в 1986 г. попал в оклахомский Зал славы.

Цикл лекций имени Ротбаума посвящен темам представительного правления, демократии и образования, гражданского участия в общественных делах — ценностям, которые Дж.Ротбаум отстаивал всю свою жизнь. Его неизменная преданность Университету Оклахомы, штату и своей стране — дань тем же идеалам, что вдохновляют лекции Ротбаумовского цикла. Книги из этой серии вносят солидный вклад в дело осмысления американской демократии.

Карл Альберт,
сорок шестой спикер
Палаты представителей США

Введение

В этой книге речь идет о важном — может быть, наиважнейшем — глобальном политическом процессе конца двадцатого столетия: переходе примерно тридцати стран от недемократических к демократическим политическим системам. В ней сделана попытка объяснить, почему и как возникла волна демократизации 1974—1990 гг., каковы ее ближайшие последствия.

Книга не является ни чисто теоретическим, ни чисто историческим трудом — она представляет собой нечто среднее, сочетая понемногу и теорию, и историю; это — в первую очередь разъяснение. Хорошая теория обычно точна, строга, изящна и освещает отношения между несколькими концептуальными величинами. Таким образом, никакая теория, как правило, не может объяснить полностью отдельно взятое событие или группу событий. Объяснение, со своей стороны, неизбежно бывает сложным, непрозрачным, неупорядоченным и интеллектуально неудовлетворительным. Успех ему приносит не строгость, а исчерпывающий характер. Хорошая история хронологически описывает и убедительно анализирует некую последовательность событий, показывая, почему одно привело к другому. Настоящее исследование не делает и этого. Оно не раскрывает общий ход демократизации в 1970—1980-е гг., не характеризует процессы демократизации в *отдельных странах*. Я пытаюсь в нем разъяснить и проанализировать отдельную группу транзитов, происходивших в ограниченный период времени. Говоря на общественнонаучном жаргоне, данное исследование не является ни номотетическим, ни идеографическим; поэтому как теоретики, так и историки могут найти его неудовлетворительным. В нем нет ни обобщений, любезных сердцу первых, ни глубины, требуемой вторыми.

Таким образом, по своему подходу к теме настоящее исследование существенно отличается от некоторых других моих книг. В тех работах я старался делать обобщения или выводить теории касательно взаимоотношений между ключевыми переменными, например, политической властью и военным профессионализмом, политическим участием и политической ин-

ституционализацией, политическими идеалами и политическим поведением. Тезисы, характеризующие эти отношения, как правило, были сформулированы в виде вневременных истин. В настоящей книге, однако, обобщения ограничены рамками отдельного класса событий 1970—1980-х гг. Ключевая мысль книги — та, что третья волна демократизации отлична от прежних, более ранних волн. Работая над ней, я порой чувствовал искушение изрекать абстрактные формулы типа: «Замены носят более насильственный характер, чем трансформации». Тогда мне приходилось напоминать себе, что я основываюсь лишь на отдельных, исторически ограниченных случаях, которые исследовал, и пишу разъяснительный, а не теоретический труд, следовательно, должен отказаться от абстрактного настоящего времени и писать в прошедшем: «Замены носили более насильственный характер, чем трансформации». За очень немногими исключениями, так я и поступал. В некоторых случаях универсальный характер тезиса настолько не вызывал сомнений, что я не мог противиться искушению сформулировать его в более общих выражениях. Помимо того, почти ни одно положение не было применимо в равной степени ко всем трем волнам демократизации. Поэтому читатель найдет в изобилии рассыпанными по тексту обороты вроде «имели тенденцию», «как правило», «почти всегда» и прочие в том же духе. Таким образом, вышеприведенную формулировку в ее окончательном виде следовало бы читать так: «Замены, как правило, носили более насильственный характер, чем трансформации».

Эта книга была написана в 1989—1990 гг., когда рассматриваемый в ней класс явлений еще разворачивался. В результате она страдает всеми недостатками свидетельства современника и должна считаться предварительной оценкой и предварительной попыткой объяснения транзитов, о которых идет речь. В основу книги легли труды историков, политологов и других ученых, писавших подробные монографии, посвященные отдельным событиям. Во многом она также опирается на газетные отчеты о данных событиях. Когда третья волна демократизации завершится, появится и

возможность дать этому явлению более полное и удовлетворительное объяснение.

Предыдущая моя работа о политическом изменении — «Политический порядок в меняющихся обществах» — была посвящена проблеме политической стабильности. Я написал ее, поскольку считал политический порядок неплохой вещью. Моей целью было разработать общую общественнонаучную теорию о том, почему, как и при каких обстоятельствах может быть или не быть достигнут порядок. Настоящая книга посвящена демократизации. Ее я написал, поскольку считаю, что демократия — это само по себе хорошо и что она имеет, как я утверждаю в главе 1, позитивные последствия для индивидуальной свободы, внутренней стабильности, мира во всем мире и Соединенных Штатов Америки. Как и в «Политическом порядке», я попытался по мере возможности не руководствоваться в ходе анализа своими личными ценностями, по крайней мере на 95 % это у меня получилось. Однако порой мне казалось полезным четко раскрыть подразумеваемые анализом выводы для тех, кто желает демократизировать свои общества. В итоге в пяти местах данной книги я отказался от роли обществоведа в пользу роли политического консультанта и набросал кое-какие «Советы демократизаторам». Если это придает мне вид целеустремленного демократического Макиавелли, пусть так и будет.

Непосредственным толчком к написанию настоящей книги послужило приглашение участвовать в «Цикле лекций им. Дж. Ротбаума» в Университете Оклахомы, полученное в ноябре 1989 г. В своих лекциях я изложил основные темы исследования, конечно, без привлечения всего эмпирического материала. Значительная часть работы была написана в конце 1989 и в 1990 г., и я не пытался включить в нее дополнительно какие-либо события, происходившие после 1990 г. Я чрезвычайно обязан Научно-исследовательскому центру Карла Альберта при Конгрессе в Университете Оклахомы и его директору д-ру Рональду М. Питерсу младшему за приглашение читать вышеупомянутые лекции. Мы с моей женой Нэнси хотели бы также за-

свидетельствовать, как высоко мы ценим неизменную обходительность и гостеприимство, с которыми нас встречали в Университете Оклахомы д-р Питере, Джулиан и Айрин Ротбаумы, Джоэл Янковски и спикер Карл Альберт с супругой.

Хотя приглашение читать лекции и обусловило написание данной книги, содержание ее я уже обдумывал несколько раньше. В некоторых местах рукописи я опирался на две свои предыдущие статьи: «Станут ли демократическими еще какие-нибудь страны?» (*Political Science Quarterly*, Summer 1984. Vol. 99. P. 191-218) и «Скромное значение демократии» (*Democracy in the Americas: Stopping the Pendulum* / Ed. by R.A.Pastor. New York: Holmes and Meier, 1989. P. 11-28). В 1987-1990 гг. Стипендия Джона М. Олина на цели демократии и развития дала мне возможность уделить исследованиям по теме данной книги больше времени и сил, чем я сумел бы в противном случае.

Множество людей, сознательно или невольно, способствовали появлению настоящей рукописи. С 1983 г. я читал в рамках основной программы Гарварда курс современной демократии, посвященный проблемам демократического транзита. И студенты и ассистенты узнают в книге многое из этого курса; мои мысли приобрели гораздо большую отточенность благодаря их замечаниям и критике. Мэри Кирели, Ян Джо Ли, Кевин Марчиоро и Адам Позен оказали мне неоценимую помощь в разыскании и приведении в порядок материала для книги. Джеффри Симбало выполнял те же задачи, но при этом еще и тщательно выверял текст и сноски на последних этапах подготовки рукописи. Джулиет Блэккетт и Эми Инглхардт, пользуясь своими немалыми навыками в работе с текстовыми редакторами, умело, быстро и безошибочно выполняли таблицы и схемы к рукописи и вносили в них мои бесконечные поправки. Несколько коллег прочли рукопись полностью или частично. Хучан Чехабяи, Эдвин Корр, Хорхе Домингес, Фрэнсис Хагоян, Эрик Нордлингер и Тони Смит сделали к ней вдумчивые, довольно критические и весьма конструктивные письменные замечания. Члены Гарвардской дискуссионной группы по сравнительной политике

организовали оживленное обсуждение первой половины рукописи. Данкварт Э. Растоу верно подметил четыре пропуска в схеме 1.1, допущенные в издании в твердом переплете и исправленные в настоящем издании.

Я очень благодарен всем этим людям за их интерес к моей работе и весомый вклад в повышение ее качества. Однако в конечном счете ответственность за высказанные в данном исследовании мысли, приведенный материал и допущенные ошибки несу я один.

Сэмюэл П. Хантингтон

Кембридж, Массачусетс

Глава 1

ЧТО?

НАЧАЛО ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ

Третья волна демократизации в современном мире невероятным и невольным образом началась в двадцать пять минут пополудни в четверг 25 апреля 1974 г. в столице Португалии Лиссабоне, когда некая радиостанция стала передавать песню «Грандола вила морена». Эта песня послужила для размещенных в Лиссабоне и окрестностях военных частей сигналом к началу государственного переворота, планы которого были тщательно разработаны молодыми офицерами, возглавлявшими Движение вооруженных сил (МФА, от португальского *Movimento das Forças Armadas*). Переворот прошел быстро и успешно, при минимальном сопротивлении со стороны сил безопасности. Войска заняли ключевые министерства, радиостанции, почту, телефон и аэропорты. Позже утром на улицы хлынули толпы, радостно приветствующие солдат и сующие им в дула винтовок гвоздики. Ближе к вечеру смещенный диктатор Марселу Каэтану сдался новым военным лидерам Португалии. На следующий день он отправился в изгнание. Так скончалась диктатура, рожденная таким же военным переворотом в 1926 г. и возглавлявшаяся свыше тридцати пяти лет суровым штатским Антонио Салазаром в тесном сотрудничестве с португальскими военными¹. Переворот 25 апреля невероятным образом стал началом мирового движения к демократии, поскольку государственные перевороты гораздо чаще свержают демократические режимы, чем устанавливают их. Он также стал таковым невольным, поскольку установление демократии, а тем более — инициирование глобального демократического движения, отнюдь не входило в планы лидеров переворота. Смерть диктатуры не обуславливала рождения демократии. Однако она высвободила огромное количество народных, социальных и политических сил, успешно подавлявшихся во времена диктатуры. В

течение восемнадцати месяцев после Апрельского переворота в Португалии царил неразбериха. Офицеры МФА раскололись на соперничающие консервативные, умеренные и марксистские фракции. Политические партии составили столь же широкий спектр, от ортодоксальной коммунистической партии слева до фашистских групп справа. Шесть временных правительств сменили друг друга, причем у каждого последующего было меньше власти, чем у предшествующего. Делались попытки переворотов и контрпереворотов. Рабочие и крестьяне проводили стачки и демонстрации, захватывали заводы, фермы и средства массовой информации. Умеренные партии выиграли общенациональные выборы в годовщину переворота в 1975 г., однако осенью того же года возникла угроза гражданской войны между консервативным севером и радикальным югом.

Революция в Португалии во многом казалась повторением ситуации в России 1917 г.: Каэтано играл роль Николая II, Апрельский переворот — роль Февральской революции, доминирующие группировки в МФА — роль большевиков; страну точно так же охватили экономическая разруха и народные волнения; имелся даже эквивалент Корниловского заговора в виде неудачной попытки правого переворота, предпринятой генералом Спинолой в марте 1975 г. Это сходство не укрылось от внимательных наблюдателей. В сентябре 1974 г. министр иностранных дел временного правительства и лидер социалистической партии Португалии Мариу Соариш встречался в Вашингтоне с госсекретарем США Генри Киссинджером. Киссинджер упрекал Соариша и других умеренных за то, что они не предпринимают более решительных действий, дабы воспрепятствовать установлению марксистско-ленинской диктатуры.

— Вы — Керенский... Я не сомневаюсь в вашей искренности, но вы наивны, — сказал Киссинджер Соаришу.

— Разумеется, я не хочу быть Керенским, — возразил Соариш.

— Керенский тоже не хотел, — парировал Киссинджер.

Однако Португалия, как оказалось, все же отличалась от России. Керенские победили; демократия восторжествовала. Соариш стал премьер-министром, а впоследствии президентом. Лениным же португальской революции, т.е. человеком, в решающий момент, ради достижения желаемого политического результата, пустившим в ход обученные вооруженные отряды, был немногословный продемократически настроенный полковник Антониу Рамалью Эанеш, 25 ноября 1975 г. разгромивший леворадикальные элементы в вооруженных силах и обеспечивший будущее демократии в Португалии.

Португальское движение к демократии 1974 и 1975 гг. было наиболее решительным, но отнюдь не уникальным. Менее очевидные демократические подвиги происходили и в других местах. В 1973 г. в Бразилии лидеры уходящего в отставку правительства генерала Эмилию Медичи разработали планы политической *distensao* («декомпрессии»), и в 1974 г. генерал Эрнесту Гейзел поручил своему новому правительству начать процесс установления политической открытости. В Испании премьер-министр Карлос Ариас осторожно направлял диктатуру Франко в русло либерализации, пока страна дождалась смерти диктатора. В Греции внутри режима полковников накапливались противоречия, которые в середине 1974 г. привели к его падению и к появлению несколько позднее в том же году, на новой волне транзита, первого демократически избранного правительства. В следующие пятнадцать лет эта демократическая волна приобрела глобальный размах; около тридцати стран перешли от авторитаризма к демократии и по крайней мере две дюжины других оказались так или иначе затронуты демократической волной.

ПОНЯТИЕ ДЕМОКРАТИИ

Данная книга посвящена переходам к демократии, состоявшимся в 1974—1990 гг. Первым шагом при рассмотрении этой темы должно быть уточнение значения понятий демократии и демократизации, как они употребляются в книге.

Понятие демократии как формы правления восходит еще к греческим философам. Однако современное его употребление берет свое начало от революционных

переворотов в западном обществе конца XVIII в. В середине XX в. в ходе дебатов о смысле слова «демократия» выделались три основных подхода. Демократия как форма правления стала определяться исходя либо из источников власти правительства, либо из целей, которым правительство служит, либо из процедур его образования.

При определении демократии по источнику власти или целям правительства возникают двусмысленность и неточность, создающие серьезные проблемы, так что в данном исследовании используется процедурное определение³. При других системах правления человек становится лидером по праву рождения, благодаря счастливому жребию или богатству, специальному обучению, в результате применения насилия, кооптации, назначения или сдачи экзамена. Основная процедура демократии — избрание лидеров управляемыми ими людьми путем соревновательных выборов. Наиболее существенную современную формулировку такого понятия демократии дал Йозеф Шумпетер в 1942 г. В своем новаторском исследовании «Капитализм, социализм и демократия» Шумпетер вскрыл недостатки «классической теории демократии», определявшей последнюю в таких выражениях, как «воля народа» (источник) и «общее благо» (цель). Успешно развенчав подобный подход, он выдвинул «другую теорию демократии». «Демократический метод, — писал он, — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, при котором отдельные индивиды обретают власть принимать решения в результате конкурентной борьбы за голоса людей»⁴.

После Второй мировой войны некоторое время шли дебаты между теми, кто стоял на своем, определяя демократию в классическом духе по источнику или цели, и растущим числом теоретиков, принявших на вооружение процедурное понятие демократии по методу Шумпетера. К 1970-м гг. дебаты закончились, и Шумпетер победил. Теоретики все чаще стали проводить различие между рационалистическими, утопическими, идеалистическими определениями демократии, с одной стороны, и эмпирическими, дескриптивными, институциональными, процедурными — с другой, приходя к выводу, что лишь второй тип определе-

ний обеспечивает аналитическую точность и эмпирическую референтность, делающие понятие пригодным к использованию. Широкие дискуссии о нормативной теории демократии резко сократились, по крайней мере в американских научных кругах, и на смену им пришли попытки понять природу демократических институтов, механизм их функционирования, причины их расцвета и гибели. Стало превалировать стремление к тому, чтобы в слове «демократия*» было меньше лозунговости и больше здравого смысла⁵.

Следуя традиции Шумпетера, в настоящем исследовании политическая система какого-либо государства в XX в. определяется как демократическая в той мере, в какой лица, наделенные высшей властью принимать коллективные решения, отбираются путем честных, беспристрастных, периодических выборов, в ходе которых кандидаты свободно соревнуются за голоса избирателей, а голосовать имеет право практически все взрослое население. Определенное таким образом понятие демократии включает два аспекта — соревновательность и участие, — которые Роберт Даль считал жизненно важными для своей реалистической демократии или полиархии. Оно предполагает также существование гражданских и политических свобод слова, печати, собраний и организаций, необходимых для политических дебатов и проведения избирательных кампаний.

Такое процедурное определение демократии дает нам ряд характерных признаков — в основном группирующихся по двум указанным Далем осям координат, — по которым можно судить о степени демократичности тех или иных политических систем, сравнивать системы, анализировать их движение в сторону большей или меньшей демократичности. Например, в той мере, в какой политическая система не допускает к участию в голосовании часть своего общества — как было с 70 % чернокожего населения в ЮАР, 50 % населения женского пола в Швейцарии или 10 % чернокожих южан в США, — она недемократична. Точно так же система недемократична в той мере, в какой оппозиции запрещается участвовать в выборах, деятельность оппозиции притесняется или преследуется, подвергаются цензуре или закрываются оппозиционные газеты, производятся манипуляции с голосами избира-

телей и неверный их подсчет. В любом обществе постоянные неудачи на выборах главной оппозиционной политической партии неизбежно вызовут вопросы о степени соревновательности, дозволяемой системой. В конце 1980-х гг. критерий свободных и беспристрастных выборов стал более эффективным благодаря все более частому присутствию на выборах групп международных наблюдателей. К 1990 г. дело дошло до того, что первые выборы в демократизирующейся стране в глазах широкой общественности считались законными лишь в том случае, если за их проведением следили одна или несколько достаточно компетентных и независимых команд международных наблюдателей и если наблюдатели подтверждали соответствие данных выборов минимальным стандартам честности и беспристрастности.

Процедурный подход к определению демократии согласуется с общепринятым употреблением этого слова. Все мы знаем, что военные перевороты, цензура, сфальсифицированные выборы, притеснения и преследования оппозиции, заключение в тюрьму политических противников и запрещение политических митингов несовместимы с демократией. Все мы знаем также, что опытные политические наблюдатели, прилагая процедурные условия демократии к существующим в мире политическим системам, легко могут составить список стран несомненно демократических, несомненно недемократических, а также находящихся где-то посередине, — и, за незначительными исключениями, у разных наблюдателей списки получатся идентичные. Мы знаем, что можем судить о том, как меняется правление со временем, и никто не станет опаривать утверждение, что Аргентина, Бразилия и Уругвай в 1986 г. были демократичнее, нежели в 1976-м. Политические режимы никогда не будут идеально укладываться на мысленно отводимые им полочки, и любой системе классификации придется мириться с существованием неоднозначных, пограничных и смешанных случаев. Исторически, к примеру, гоминьдановская система на Тайване сочетала в себе отдельные элементы авторитаризма, демократии и тоталитаризма. Кроме того, правительства, изначально демократические, могут покончить с демократией, отменив или строго ограничив демократические процедуры, как

произошло в Корее и Турции в конце 1950-х гг., на Филиппинах в 1972 г. И все же, несмотря на все эти проблемы, классификация режимов в зависимости от уровня допускаемой ими процедурной демократии остается сравнительно простой задачей.

Если всенародные выборы лиц, наделенных высшей властью принимать решения, — суть демократии, то решающий момент в процессе демократизации — замена правительства, которое не было избрано подобным образом, другим, избранным в результате свободных, открытых и беспристрастных выборов. Однако всеобщий процесс демократизации, проходящий до таких выборов и после них, обычно сложен и длителен. Он включает в себя слом недемократического режима, установление режима демократического, а затем — консолидацию демократической системы. Либерализация же, напротив, представляет собой достижение частичной открытости авторитарной системы без избрания правительственных лидеров путем свободных соревновательных выборов. Либерализующиеся авторитарные режимы могут освободить политических узников, выносить некоторые вопросы на всенародное обсуждение, смягчать цензуру, организовывать выборы на должности, дающие мало властных полномочий, допускать некоторое обновление гражданского общества и совершать другие шаги на пути к демократии — не подвергая при этом принимающую решения верхушку тесту выборов. Либерализация может привести, а может и не привести к полномасштабной демократизации.

При определении понятия демократии следует отметить еще несколько моментов.

Во-первых, определение на основе критерия выборов является минимальным. Некоторые видят в этом слове более широкое и идеалистическое значение. Для них «подлинная демократия» означает *liberte, egalite, fraternite**, эффективный гражданский контроль над полицией, ответственность правительства перед населением, честность и открытость в политике, компетентную и рациональную совещательность, равные участие

* Свобода, равенство, братство (фр.). — Прим. пер.

и власть и разные другие гражданские ценности. По большей части это хорошие вещи, и при желании можно с их помощью определять понятие демократии. При этом, однако, встают все те же проблемы, что и при использовании критериев источника или цели. Нечеткие нормы непригодны для успешного анализа. Выборы, открытые, свободные и честные, — суть демократии, ее неизбежное *sine qua pop**. Правительства, создаваемые в результате выборов, могут быть неэффективными, коррумпированными, недальновидными, безответственными, они могут руководствоваться особыми интересами и быть неспособны проводить политику, какой требует общественное благо. Подобные качества могут делать такие правительства нежелательными, но не делают их недемократическими. Демократия — одна из общественных ценностей, но не единственная, и понять отношение демократии к другим общественным ценностям и наоборот можно лишь в том случае, если демократия будет четко выделена из других характеристик политических систем.

Во-вторых, допустим, общество избирает своих политических лидеров демократическими методами, но эти лидеры не пользуются реальной властью. Они могут просто служить ширмой или марионетками какой-то другой группы. Политическая система недемократична в той мере, в какой наиболее могущественный коллектив принимающих решения не избирается в ходе выборов. Однако понятие демократии подразумевает ограничение власти. При демократическом правлении выборные лица, принимающие решения, не обладают тотальной властью. Они разделяют власть с другими группами в обществе. Но если такие демократически избранные руководители, принимающие решения, становятся просто фасадом, за которым гораздо большую власть приобретает не избранная демократически группа, то данная политическая система, совершенно очевидно, является недемократической. Так, например, закономерно может возникнуть вопрос, не слишком ли выборные правительства в Японии конца 1920-х гг. и Гватемале конца 1980-х подпа-

Обязательное условие (*лат.*) — *Прим. пер.*

ли под влияние военных, чтобы быть подлинно демократическими. Впрочем, критикам правительства, что слева, что справа, столь же легко заявлять, будто выборные должностные лица — простые «орудия» некой другой группы или будто они осуществляют свою власть исключительно с дозволения некой другой группы и в строгих рамках, ею установленных. Подобные заявления делаются часто и вполне могут быть справедливы. Но их не следует считать таковыми, пока справедливость их не будет доказана. Сделать это, может быть, трудно, однако все же возможно.

Третий момент касается вопроса о непрочности или стабильности демократической политической системы. В определение демократии можно было бы включить понятие стабильности или институционализации. Речь здесь, как правило, идет о степени жизнеспособности политической системы. Стабильность — ключевая характеристика при анализе любой из них. Однако политическая система может быть как более или менее демократична, так и более или менее стабильна. Системы, справедливо классифицируемые как в равной степени демократические, могут существенно различаться по своей стабильности. Так, Фридом-Хауз в своем обзоре существующей в мире свободы, опубликованном в начале 1984 г., достаточно обоснованно характеризует и Новую Зеландию, и Нигерию как «свободные» страны. К моменту, когда был сделан такой вывод, вполне вероятно, свободы во второй из них было не меньше, чем в первой. Однако меньше было стабильности: новгородный военный переворот 1984 г. успешно покончил с нигерийской демократией. Демократические и недемократические системы могут создаваться, но при этом или быть, или не быть долговечными. Стабильность системы и ее природа — разные вещи⁶.

В-четвертых, существует вопрос о том, рассматривать ли демократичность и недемократичность как дихотомичную или непрерывную величину. Многие аналитики предпочли второй подход и разработали критерии демократичности, сочетающие в себе такие показатели, как беспристрастность выборов, ограничения деятельности политических партий, свобода прессы и пр. Подобный подход полезен для некоторых целей, например, для выявления варьирования степени демо-

кратичности в странах, обычно считающихся демократическими (США, Швеция, Франция, Япония), или степени авторитарности в недемократических странах. Однако он создает множество проблем, например проблему значимости показателей. Дихотомичный подход лучше служит цели настоящего исследования, поскольку нас интересует переход от недемократического режима к демократическому. Кроме того, демократия в данной работе определяется на основе единого, сравнительно четкого и повсеместно общепринятого критерия. Даже в тех случаях, когда аналитики пользуются несколько различающимися мерками, их выводы относительно того, какие политические системы являются демократическими, а какие — нет, коррелируют в чрезвычайно высокой степени⁷. Следовательно, в настоящей работе мы будем рассматривать демократию как дихотомичную величину, признавая при этом возможность существования неких промежуточных случаев (как, например, Греция в 1915—1936 г., Таиланд с 1980 г., Сенегал с 1974 г.), которые с достаточным основанием могут быть названы «полудемократиями».

В-пятых, при недемократических режимах нет избирательного соревнования и широкого участия в голосовании. Помимо этих общих негативных черт у разных форм таких режимов мало общего. К данной категории относятся абсолютные монархии, бюрократические империи, олигархии, аристократии, конституционные режимы с ограниченным избирательным правом, личные деспотии, фашистские и коммунистические режимы, военные диктатуры и другие типы правления. Какие-то из этих форм преобладали в прошлые эпохи, какие-то представляют собой относительно современное явление. В частности, тоталитарные режимы возникли в XX в. после начала демократизации; они пытаются добиться массовой мобилизации своих граждан на служение целям режима. Социологи провели справедливое и важное различие между такими режимами и традиционными недемократическими авторитарными системами. Для первых типичны: единая партия, как правило, возглавляемая одним человеком; вездесущая и могущественная тайная полиция; чрезвычайно развитая идеология, рисующая идеальное общество, которое тоталитарное движе-

ние должно построить; власть и контроль государства над средствами массовой коммуникации и всеми или большинством социально-экономических организаций. Для традиционной же авторитарной системы характерны один лидер или небольшая группа лидеров; отсутствие или слабость партий; отсутствие массовой мобилизации; существование в лучшем случае «менталитета», но не идеологии; ограниченное правительство; «ограниченный, не ответственный политический плюрализм» и отсутствие попыток переделать общество и природу человека⁸. Это различие между тоталитаризмом и авторитаризмом является ключевым для понимания политики двадцатого столетия. Дабы избежать семантической неуклюжести при постоянном повторении слова «недемократический», в настоящем исследовании термин «авторитарный» употребляется применительно ко всем недемократическим системам. Специфические формы недемократических или авторитарных режимов обозначаются как однопартийные системы, тоталитарные системы, личные диктатуры, военные режимы и т.п.

ВОЛНЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Политические системы с демократическими характеристиками не являются исключительно приметой нашего времени. Во многих уголках мира веками выбирали племенных вождей, а в некоторых местах демократические политические институты долго существовали на уровне села. Кроме того, понятие демократии, разумеется, было известно еще в древнем мире. Однако демократия древних греков и римлян отстраняла от участия в политической жизни женщин, рабов, а зачастую и другие категории населения, например проживающих в данном государстве чужестранцев. Степень ответственности правящих органов даже перед столь ограниченным кругом людей на практике тоже чаще всего была невысока.

Современная демократия — это не просто демократия села, племени или города-государства; это демократия национального государства, и возникновение ее тесно связано с развитием последнего. Первоначальный импульс развитию демократии на Западе был

Категория	Число стран	Первая волна	Первый откат	Вторая волна	Второй откат	Третья волна	Третий откат?
L	3						
K	12						
J	6						
I	1						
H	9						
G	10						
F	3						
E	4						
D	5						
C	10						
B	1						
A	10						
Демократические страны	33 (макс.)	11 (мин.)	52 (макс.)	30 (мин.)	65 (макс.)	61 (мин.)	
Количественный сдвиг	+33	-22	+41	-22	+35	-4	
Всего стран ~ 74							

■ Демократические или полудемократические фазы

■ Недемократические фазы в странах, прежде бывших демократическими

Схема 1.1. Волны демократизации и откаты

дан в первой половине XVII в. Демократические идеи и демократические движения являлись весьма существенной, хотя и не главной чертой английской революции. Основные Законоположения Коннектикута, принятые гражданами Хартфорда и близлежащих городков 14 января 1638 г., стали «первой письменной конституцией современной демократии». В общем и целом, однако, пуританские перевороты не оставили наследия в плане демократических институтов ни в Англии, ни в Америке. Более ста лет после 1660 г. система правления в обеих странах неуклонно становилась даже более закрытой и менее представляющей широкие слои населения, чем прежде. Самыми разными путями происходила аристократическая и олигархическая реставрация. В 1750 г. в западном мире не существовало никаких общенациональных демократических институтов. В 1900 г. такие институты были во многих странах. Еще больше государств обрели демократические институты к концу XX в., и возникали они во времена волн демократизации (см. схему 1.1).

Примечание: Классификация стран в схеме 1.1:

- A — Австралия, Исландия, Ирландия, Канада, Новая Зеландия, Соединенное Королевство, США, Финляндия, Швеция, Швейцария;
- B — Чили;
- C — Австрия, Бельгия, Дания, Западная Германия, Италия, Колумбия, Нидерланды, Норвегия, Франция, Япония;
- D — Аргентина, Венгрия, Греция, Уругвай, Чехословакия;
- E — Восточная Германия, Испания, Польша, Португалия;
- F — Латвия, Литва, Эстония;
- G — Ботсвана, Венесуэла, Гамбия, Израиль, Коста-Рика, Малайзия, Мальта, Тринидад-и-Тобаго, Шри-Ланка, Ямайка;
- H — Боливия, Бразилия, Индия, Пакистан, Перу, Турция, Филиппины, Эквадор, Южная Корея;
- I — Нигерия;
- J — Бирма, Гайана, Гана, Индонезия, Ливан, Фиджи;
- K — Болгария, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Монголия, Намибия, Никарагуа, Панама, Папуа — Новая Гвинея, Румыния, Сальвадор, Сенегал;
- L — Гаити, Судан, Суринам.

Волна демократизации — это группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период. К этой волне обычно относятся также либерализация или частичная демократизация в тех политических системах, которые не становятся полностью демократическими. В современном мире имели место три волны демократизации¹⁰. Каждая из них затрагивала сравнительно небольшое число стран, и во время каждой совершались переходы и в недемократическом направлении. Вдобавок не все переходы к демократии происходили в рамках этих волн. История не отличается упорядоченностью, и политические изменения невозможно разложить по удобным историческим полочкам. История также не является однонаправленной. За каждой из первых двух волн демократизации следовал откат, во время которого некоторые, хотя и не все, страны, совершившие прежде переход к демократии, возвращались к недемократическому правлению. Чаще всего определить момент перехода от одного режима к другому можно лишь условно. Условно определяются и даты волн демократизации и откатов. Тем не менее, доля условности нередко бывает полезна, так что даты волн смен режима выглядят примерно следующим образом:

Первая, длинная волна демократизации	1828—1926
Первый откат	1922—1942
Вторая, короткая волна демократизации	1943—1962
Второй откат	1958—1975
Третья волна демократизации	1974—

Первая волна демократизации. Корни первой волны — в американской и французской революциях. Однако действительное возникновение национальных демократических институтов — это феномен XIX века. В большинстве стран демократические институты постепенно развивались в течение всего столетия, поэтому определить конкретную дату, после которой некая политическая система может считаться демократической, весьма трудно и возможно лишь с долей условности. Тем не менее, Джонатан Саншайн выдвигает два веских критерия, позволяющих установить, когда

политические системы XIX в. достигали демократического минимума в контексте той эпохи: 1) 50 % взрослого мужского населения имеет право голоса; 2) ответственный глава исполнительной власти должен либо сохранять за собой поддержку большинства в выборном парламенте либо избираться в ходе периодических всенародных выборов. Если принять эти критерии на вооружение, применяя их достаточно свободно, можно сказать, что первая волна демократизации началась с Соединенных Штатов около 1828 г.¹¹. Отмена имущественного ценза в старых штатах и присоединение новых штатов с избирательным правом для всех взрослых мужчин помогли довести долю белых мужчин, действительно голосовавших на президентских выборах 1828 г., более чем до 50 %. В последующие десятилетия и другие страны постепенно расширяли свое избирательное право, сокращали возможность подачи голоса одним лицом в нескольких избирательных округах, вводили тайное голосование и устанавливали ответственность премьер-министров и кабинетов перед парламентами. Швейцария, заморские британские доминионы, Франция, Великобритания и несколько мелких европейских стран совершили переход к демократии к концу столетия. Незадолго до Первой мировой войны более или менее демократические режимы установили у себя Италия и Аргентина. После войны демократическими были только что обретшие независимость Ирландия и Исландия, массовое движение к демократии разворачивалось в государствах, ставших преемниками империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов. В самом начале 1930-х г., когда первая волна уже успешно завершилась, демократические ряды пополнили Испания и Чили. В общем и целом за сто лет свыше тридцати стран ввели у себя по крайней мере минимальные общенациональные демократические институты. В 1830-х гг. Токвиль предсказал этот тренд, когда он только зарождался. В 1920 г. Джеймс Брайс, рассматривая его историю, размышлял о том, не является ли «тенденция к демократии, просматривающаяся ныне повсеместно, естественной тенденцией, в силу общего закона социального прогресса»¹².

Первый откат. Однако уже в то время, когда Брайс размышлял о будущем демократической тенденции,

она сходила на нет и превращалась в свою противоположность. Доминантой политического развития 1920—1930-х гг. были уход от демократии и либо возврат к традиционным формам авторитарного правления, либо установление новых, массовых, гораздо более жестоких и всеобъемлющих форм тоталитаризма. Такое движение вспять происходило главным образом в тех странах, которые восприняли демократические формы буквально накануне Первой мировой войны или сразу после нее, для которых не только демократия, но и, во многих случаях, нация были чем-то новым. Из дюжины стран, создавших у себя демократические институты до 1910 г., лишь одна — Греция — пережила после 1920 г. откат. Из семнадцати стран, воспринявших демократические институты в 1910—1931 гг., лишь четыре сохранили их на протяжении 1920—1930-х гг.

Первый откат начался в 1922 г. с месяца марта в Риме, когда Муссолини с легкостью получил в свое распоряжение непрочную и порядком коррумпированную итальянскую демократию. Чуть больше десятилетия понадобилось, чтобы едва оперившиеся демократические институты в Литве, Польше, Латвии и Эстонии были свергнуты в результате военных переворотов. Такие страны, как Югославия и Болгария, никогда не знавшие реальной демократии, подчинились новым формам более жесткой диктатуры. Захват власти Гитлером в 1933 г. покончил с демократией в Германии, сделал неизбежной гибель австрийской демократии в следующем году и, разумеется, в итоге положил в 1938 г. конец чешской демократии. Греческая демократия, уже в 1915 г. расшатанная Национальным Расколом, была окончательно похоронена в 1936 г. Португалия в 1926 г. стала жертвой военного переворота, повлекшего за собой долгую диктатуру Салазара. Военные путчи произошли в 1930 г. в Бразилии и Аргентине. Уругвай вернулся к авторитаризму в 1933 г. Военный переворот 1936 г. привел к гражданской войне в Испании и гибели Испанской республики в 1939 г. Новая, ограниченная демократия, установленная в 1920-е гг. в Японии, в начале 1930-х гг. оказалась вытеснена военным правлением.

Эти смены режимов отражали расцвет коммунистических, фашистских и милитаристских идеологий. Во

Франции, Великобритании и других странах, где демократические институты сохранились, антидемократические движения набирали силу, черпая ее в отчуждении 1920-х гг. и депрессии 1930-х гг. Война, которая велась ради того, чтобы завоевать мир для демократии, вместо этого стимулировала движения, как справа, так и слева, настойчиво стремящиеся уничтожить ее.

Вторая волна демократизации. Вторая мировая война положила начало второй, короткой волне демократизации. Союзническая оккупация способствовала введению демократических институтов в Западной Германии, Италии, Австрии, Японии и Корее, хотя в то же время Советы задушили зарождающуюся было демократию в Чехословакии и Венгрии. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. пришли к демократии Турция и Греция. В Латинской Америке Уругвай вернулся к демократии во время войны, а в Бразилии и Коста-Рике демократические перемены произошли в конце 1940-х гг. В четырех других латиноамериканских странах — Аргентине, Колумбии, Перу и Венесуэле — выборы 1945 и 1946 гг. привели к власти всенародно избранные правительства. Однако во всех четырех демократическая практика оказалась недолгой, и к началу 1950-х гг. там утвердились диктатуры. Аргентина и Перу во второй половине 1950-х гг. вернулись к ограниченной демократии, правда, очень нестабильной из-за конфликта между военными кругами и популистскими движениями апристов и перонистов. В Колумбии же и Венесуэле элиты в конце 1950-х гг. договорились о мерах, призванных покончить с военными диктатурами в этих странах и ввести демократические институты, которые остались бы надолго.

Между тем, начало конца западной колониальной системы породило на свет ряд новых государств. Во многих из них не делалось никаких реальных попыток ввести демократические институты. В некоторых демократия была весьма скудная: в Пакистане, к примеру, демократические институты никогда по-настоящему не пользовались властью и были формально отменены в 1958 г. Малайзия, став независимой в 1957 г., сохранила свою «квази-демократию», за исключением краткого периода чрезвычайного положения в 1969—1971 гг. В Индонезии некая непонятная форма парла-

ментской демократии существовала с 1950 по 1957 г. В нескольких новых государствах — Индии, Шри-Ланке, на Филиппинах, в Израиле — демократические институты продержались лет десять и более, а в 1960 г. крупнейшее государство Африки, Нигерия, вступило в жизнь как демократическое.

Второй откат. К началу 1960-х гг. вторая волна демократизации исчерпала себя. В конце 1950-х политическое развитие и транзит режимов приняли отчетливо авторитарный характер¹³. Наиболее крутые перемены произошли в Латинской Америке. Сдвиг в сторону авторитаризма начался в 1962 г. в Перу, когда военные вмешались в ход выборов с целью изменить их результаты. На следующий год президентом был избран штатский, устраивавший военных, но военный переворот 1968 г. сместил и его. В 1964 г. военные перевороты свергли гражданские правительства в Бразилии и Боливии. Аргентина последовала их примеру в 1966 г., Эквадор — в 1972-м. В 1973 г. военные режимы пришли к власти в Уругвае и Чили. Согласно одной теории, военные правительства Бразилии, Аргентины, а также (что несколько более спорно) Чили и Уругвая представляли собой примеры нового типа политической системы — «бюрократического авторитаризма»¹⁴.

В Азии в 1958 г. военные установили режим военного положения в Пакистане. В конце 1950-х гг. Ли Сын Ман повел подкоп под демократические процедуры в Корее, а демократический режим, пришедший ему на смену в 1960 г., был свергнут в результате военного переворота в 1961-м. Этот новый «полуавторитарный» режим был легитимирован выборами 1963 г., а полностью в крайне авторитарную систему превратился в 1973 г. В 1957 г. Сукарно заменил парламентскую демократию управляемой демократией в Индонезии, а в 1965 г. индонезийские военные уничтожили и управляемую демократию, взяв бразды правления страной в свои руки. Президент Фердинанд Маркос ввел в 1972 г. военное положение на Филиппинах, в 1975 г. Индира Ганди, временно отказавшись от демократической практики, объявила чрезвычайное положение в Индии. На Тайване недемократический гоминьдановский режим кое-как терпел либеральных диссидентов в 1950-е гг., но в «мрачную эпоху» 1960-х гг.

разгромил их и заставил смолкнуть «политический дискурс любого рода»¹⁵.

В Средиземноморье греческая демократия пала под ударами монархического переворота 1965 г. и военного — 1967 г. Турецкие военные свергли гражданское правительство страны в 1960 г., возвратили власть выборному правительству в 1961-м, вновь совершили «полупереворот» в 1971-м, позволили вернуть выборное правительство в 1973-м и, наконец, осуществили полномасштабный военный переворот в 1980 г.

В 1960-е гг. несколько неафриканских колоний Великобритании получили независимость и установили демократические режимы, продержавшиеся у власти значительный период времени. Это Ямайка и Тринидад-и-Тобаго (1962), Мальта (1964), Барбадос (1966) и Маврикий (1968). Однако большая часть новых стран, ставших независимыми в 1960-е гг., находилась в Африке. Наиболее важная из них — Нигерия — начала свой путь как демократия, но в 1966 г. пала жертвой военного переворота. Единственной африканской страной, стойко придерживавшейся демократической практики, была Ботсвана. Тридцать три других африканских государства, получивших независимость между 1956 и 1970 гг., стали авторитарными в тот же самый момент или очень скоро после него. Деколонизация Африки привела к сильнейшему в истории увеличению числа независимых авторитарных правительств.

Глобальный поворот прочь от демократии в 1960-х — начале 1970-х гг. приобрел впечатляющие размеры. По одному подсчету, в 1962 г. плодами государственных переворотов во всем мире являлись тринадцать правительств; к 1975 г. — тридцать восемь. По другой оценке, треть из 32 действующих демократий, существовавших в мире в 1958 г., превратилась в авторитарные режимы к середине 1970-х¹⁶. В 1960 г. в девяти из десяти южноамериканских испаноязычных стран были демократически избранные правительства; в 1973 г. — только в двух, Венесуэле и Колумбии. Эта волна переходов от демократии к авторитаризму тем более паразитальна, что увлекла за собой некоторые страны, такие как Чили, Уругвай («Швейцария Южной Америки»), Индия и Филиппины, где демократические режимы держались четверть века и дольше. Авторитар-

ные транзиты подобного рода не только вызвали к жизни теорию бюрократического авторитаризма, призванную объяснить перемены, происходящие в Латинской Америке. Они породили значительно более пессимистический взгляд на пригодность демократии для развивающихся стран и усилили озабоченность жизнью и работоспособностью демократии в странах развитых, где она существовала многие годы¹⁷.

Третья волна демократизации. И вновь диалектика истории опрокинула теоретические конструкции, созданные социальной наукой. В течение пятнадцати лет после падения португальской диктатуры в 1974 г. демократические режимы пришли на смену авторитарным почти в тридцати странах Европы, Азии и Латинской Америки. В некоторых странах произошла значительная либерализация авторитарных режимов. В других движения, выступающие за демократию, обрели силу и легальность. Совершенно очевидно, что существовало сопротивление, бывали неудачи, как, например, в Китае в 1989 г., но, несмотря на все это, движение к демократии, казалось, приобрело характер неудержимой глобальной приливной волны, катящейся от одной победы к другой.

Сначала этот демократический прилив проявил себя в Южной Европе. Через три месяца после португальского переворота рухнул военный режим, правивший Грецией с 1967 г., и там пришло к власти гражданское правительство, возглавляемое Константином Караманлисом. В ноябре 1974 г. в ходе жаркого избирательного соревнования греческий народ отдал решающее большинство голосов Караманлису и его партии, а в следующем месяце подавляющим большинством проголосовал за то, чтобы не реставрировать монархию. 20 ноября 1975 г., всего за пять дней до того, как Эанеш разгромил марксистов-ленинистов в Португалии, смерть генерала Франсиско Франко положила конец его тридцатилетнему правлению в Испании. В течение следующих восемнадцати месяцев новый испанский король Хуан Карлос при поддержке своего премьер-министра Адольфо Суареса добился одобрения парламентом и народом закона о политической реформе, что повлекло за собой избрание нового законодательного собрания. Законодательное собрание составило проект новой конституции,

которая была ратифицирована референдумом в декабре 1978 г. и на основе которой в марте 1979 г. прошли парламентские выборы.

В конце 1970-х гг. демократическая волна докатилась до Латинской Америки. В 1977 г. военные лидеры в Эквадоре заявили о своем желании уйти из политики; в 1978 г. там был составлен проект новой конституции; в 1979-м в результате выборов было сформировано гражданское правительство. Сходный процесс ухода военных со сцены в Перу в 1978 г. привел к выборам в учредительное собрание, в 1979-м — к принятию новой конституции, в 1980-м — к избранию гражданского президента. В Боливии отступление военных повлекло за собой четыре сумбурных года переворотов и срывавшихся выборов; началось все это в 1978 г., но в итоге все же завершилось в 1982 г. избранием гражданского президента. В том же году поражение в войне с Великобританией подорвало позиции аргентинского военного правительства и привело к избранию гражданского президента и правительства в 1983 г. Переговоры между военными и политическими лидерами в Уругвае закончились избранием гражданского президента в ноябре 1984 г. Два месяца спустя долгий процесс *abertura* («открытия»), начавшийся в Бразилии в 1974 г., достиг критической точки с избранием первого гражданского президента этой страны начиная с 1964 г. Между тем военные покидали руководящие посты и в Центральной Америке. В Гондурасе гражданский президент появился в январе 1982 г.; сальвадорские избиратели в ходе остро соревновательных выборов в мае 1984 г. избрали президентом Хосе Наполеона Дуарте; Гватемала провела выборы учредительного собрания в 1984 г., гражданского президента — в 1985-м.

Демократическое движение заявило о себе и в Азии. В начале 1977 г. первая демократия третьего мира — Индия — прожив полтора года в условиях чрезвычайного положения, вернулась на демократический путь. В 1980 г. турецкие военные в ответ на разгул насилия и терроризма в третий раз захватили бразды правления страной. Однако в 1983 г. они ушли со сцены, и в результате выборов было сформировано гражданское правительство. В том же году убийство Бениньо Акино положило начало цепи событий, кото-

² Третья волна.
Демократизация в конце XX века

рые в конце концов привели в феврале 1986 г. к уничтожению диктатуры Маркоса и восстановлению демократии на Филиппинах. В 1987 г. военное правительство Южной Кореи выдвинуло своего кандидата на пост президента, который после острого соревнования в ходе предвыборной кампании победил на относительно справедливых выборах. На следующий год оппозиция добилась контроля над южнокорейским парламентом. В 1987 и 1988 гг. правительство Тайваня значительно смягчило ограничения, наложенные на политическую деятельность в этой стране, и взяло на себя обязательство создать демократическую политическую систему. В 1988 г. закончилось правление военных в Пакистане, и оппозиция, возглавляемая женщиной, победив на выборах, получила контроль над правительством.

В конце десятилетия демократическая волна захлестнула коммунистический мир. В 1988 г. в Венгрии начался переход к многопартийной системе. В 1989 г. выборы на съезд народных депутатов СССР принесли поражение нескольким высокопоставленным партийным лидерам и позволили создать весьма независимый Верховный Совет. В начале 1990 г. стали развиваться многопартийные системы в Прибалтийских республиках, а коммунистическая партия Советского Союза отказалась от руководящей роли. В Польше «Солидарность» одержала в 1989 г. полную победу на выборах в государственный сейм, и на свет появилось некоммунистическое правительство. В 1990 г. лидер «Солидарности» Лех Валенса был избран президентом, сменив на этом посту коммуниста генерала Войцеха Ярузельского. В последние месяцы 1989 г. рухнули коммунистические режимы в Восточной Германии, Чехословакии и Румынии, и в 1990 г. в этих странах прошли соревновательные выборы. В Болгарии коммунистический режим также начал либерализоваться, народные движения, выступающие за демократию, появились в Монголии. В 1990 г. в обеих этих странах состоялись, как кажется, достаточно беспристрастные выборы.

Между тем в Западном полушарии мексиканская правящая партия в 1988 г. впервые выиграла президентские выборы лишь с самым минимальным перевесом, а в 1989 г. впервые потеряла власть в государстве. Чилийская общественность в 1988 г. проголосовала во

время референдума за то, чтобы положить конец затянувшемуся пребыванию у власти генерала Аугусто Пиночета и на следующий год избрала гражданского президента. Военная интервенция США в 1983 г. уничтожила марксистско-ленинистскую диктатуру в Гренаде, а в 1989 г. — военную диктатуру генерала Мануэля Норьегы в Панаме. В феврале 1990 г. потерпел поражение на выборах марксистско-ленинистский режим в Никарагуа, в декабре — было избрано демократическое правительство на Гаити.

1970-е и начало 1980-х гг. стали также финальной фазой европейской деколонизации. Конец португальской империи породил пять недемократических правительств. Однако в 1975 г. Папуа — Новая Гвинея стала независимой с демократической политической системой. Ликвидация остатков британской империи, главным образом на островах, произвела на свет дюжину крошечных новых наций, и почти все они сохранили демократические институты, хотя в Гренаде эти институты пришлось восстанавливать с помощью военной интервенции из-за рубежа. В 1990 г. получила независимость Намибия, причем ее правительство было избрано на выборах, проходивших под контролем международных наблюдателей.

В Африке и на Среднем Востоке движение к демократии в 1980-е гг. происходило в ограниченных пределах. Нигерия в 1979 г. сменила военный режим на демократически избранное правительство, но последнее, в свою очередь, было свергнуто в результате военного переворота в начале 1984 г. К 1990 г. некоторая либерализация произошла в Сенегале, Тунисе, Алжире, Египте и Иордании. Южноафриканское правительство в 1978 г. начало медленный процесс свертывания апартеида и расширения политического участия в пользу цветных меньшинств, однако не в пользу подавляющего большинства чернокожего населения страны. После некоторой паузы, а затем — избрания президентом Ф.В. де Клерка этот процесс в 1990 г. был возобновлен переговорами между правительством и Африканским национальным конгрессом. К 1990 г. стали раздаваться требования демократии в Непале, Албании и других странах, имевших прежде весьма скромный демократический опыт или не имевших его вовсе.

В целом движение к демократии носило глобальный характер. За пятнадцать лет демократическая волна прокатилась по Южной Европе, затопила Латинскую Америку, дошла до Азии и уничтожила диктатуру в Советском блоке. В 1974 г. восемь из десяти южноамериканских стран управлялись недемократическими правительствами, в 1990 г. — в девяти правительства были демократически избраны. В 1973 г., по данным Фридом-Хауза, 32 % мирового населения проживало в свободных странах; в 1976 г., из-за введения чрезвычайного положения в Индии, — менее 20 %. В 1990-м, однако, в свободных обществах жило почти 39 % человечества.

В каком-то смысле волны демократизации и откаты укладываются в схему «два шага вперед — шаг назад». До настоящего времени каждый откат аннулировал некоторые, но не все переходы к демократии, совершившиеся в предыдущую волну демократизации. Правда, последняя колонка в табл. 1.1 предполагает менее оптимистичный прогноз на будущее. Государства многократно меняли очертания и размеры, за десятилетия, прошедшие после Второй мировой войны, число независимых государств удвоилось, а доля демократических государств в мире изменялась с завидной регулярностью. В низших точках двух откатов 19,7 % и 24,6 % стран в мире были демократическими. На пиках двух волн демократизации — 45,3 % и 32,4 %. В 1990 г. демократические системы были примерно в 45,4 % независимых государств мира — практически как в 1922 г.

Таблица 1.1

Демократизация в современном мире

Год	Демократические государства	Недемократические государства	Всего государств	% демократических государств
1922	29	35	64	45,3
1942	12	49	61	19,7
1962	36	75	111	32,4
1973	30	92	122	24,6
1990	59	71	130	45,4

Примечание: Здесь не учитываются страны с населением менее 1 млн чел.

Совершенно очевидно, что вопрос о наличии демократии в Гренаде менее важен, чем вопрос о наличии ее в Китае, и не все соотношения общего числа стран и числа демократических государств в равной степени значимы. Кроме того, в 1973—1990 гг. абсолютное количество авторитарных государств впервые снизилось, хотя к 1990 г. третья волна демократизации еще не привела к увеличению процентной доли демократических государств в мире по сравнению с предыдущим пиком, достигнутым шестьдесят восемь лет назад.

ВОПРОСЫ, ПОРОЖДАЕМЫЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ

Верховный суд руководствуется результатами выборов; обществоведы вечно стараются догнать историю, разрабатывая теории, призванные объяснить, почему то, что случилось, должно было случиться. Они пытались объяснить откат от демократии в 1960—1970-х гг., указывая на непригодность демократии для бедных стран, на преимущества, какие имеет авторитаризм для политического порядка и экономического роста, на причины, по которым само экономическое развитие имело тенденцию порождать новую, более устойчивую форму бюрократического авторитаризма. Уже в то время, когда разрабатывались такие теории, вновь начался переход различных стран к демократии. Неотступно следуя этому повороту, обществоведы сменили тактику и создали обширную литературу, посвященную предпосылкам демократизации, процессам ее осуществления, а со временем — и проблемам упрочения новых демократических режимов. Подобные исследования значительно обогатили имеющиеся знания о процессах демократизации и способствовали общему их осмыслению¹⁸.

К середине 1980-х гг. демократический транзит породил также волну оптимизма по поводу перспектив демократии. Коммунизм стали называть (довольно верно) «великой неудачей», пользуясь выражением Збигнева Бжезински. Кое-кто пошел дальше, утверждая, что «жизнеспособные системные альтернативы исчерпаны» и это означает «уверенную победу экономического и политического либерализма». «Демократия победила!» — бросал клич один автор. Оптимизм в

отношении демократии, говорил другой, «более обоснован, чем пессимизм, царивший в 1975 г.»¹⁹. Более резкий контраст, чем тот, что наблюдался между взглядами на будущее демократии середины 1970-х и конца 1980-х гг., трудно вообразить.

Такие колебания мнений специалистов вновь вызвали к жизни кардинальные вопросы, связанные с отношениями между политической демократией и историческим развитием. Главные из них касаются простоты и прочности демократии. Существует ли неоправданная в основе своей, долгосрочная, глобальная тенденция к распространению демократических политических систем по всему миру, как полагали Токвиль и Брайс? Или политическая демократия — это форма правления, ограниченная, за немногими исключениями, пределами меньшинства богатых и/или западных обществ? А может быть, для значительного числа стран политическая демократия — явление временное, периодически чередующееся с различными формами авторитарного правления?

Так ли важны эти вопросы?

Кто-то может заявить, что нет, поскольку для того или иного народа либо его соседей нет особой разницы — демократическими или недемократическими методами управляется его страна. В весьма обширной научной литературе высказывается, к примеру, предположение, что на формирование публичной политики в большинстве случаев сильнее влияет уровень экономического развития страны, чем характер ее режима. Коррупция, неэффективность, некомпетентность, господство узкого круга особых интересов обнаруживаются во всех обществах, независимо от формы правления. Одна книга по сравнительной политике, пользующаяся большим читательским спросом, даже начинается с фразы: «Важнейшее политическое различие между странами заключается не в форме правления, а в уровне управления»²⁰.

В этих аргументах есть доля истины. Форма правления — не единственная важная для страны вещь, и, может быть, даже не самая важная. Разница между порядком и анархией носит более фундаментальный характер, чем разница между демократией и диктатурой.

И все же эта последняя по некоторым причинам тоже имеет решающее значение.

Во-первых, политическая демократия тесно связана со свободой личности. Демократии могут злоупотреблять и злоупотребляли индивидуальными правами и свободами человека, а хорошо отрегулированное авторитарное государство может в весьма значительной степени обеспечивать своим гражданам безопасность и порядок. Однако в целом корреляция между существованием демократии и существованием личной свободы чрезвычайно велика. Определенная доля последней представляет собой существеннейший компонент первой. И наоборот, длительное следование демократической политике способствует расширению и углублению свободы личности. Свобода в некотором смысле — особое преимущество демократии. Если человек заинтересован в свободе как основополагающей социальной ценности, он должен быть заинтересован и в судьбе демократии.

Во-вторых, политическая стабильность и форма правления, как указывалось выше, — две разные вещи. Однако между ними существует и взаимосвязь. Жизнь при демократии часто бывает беспокойная, но для нее нечасто характерно политическое насилие. В современном мире демократические системы менее подвержены гражданскому насилию, чем недемократические. Демократические правительства гораздо реже применяют насилие против своих граждан, чем авторитарные. Демократии также создают общеупотребительные каналы для выражения несогласия и оппозиционных настроений внутри системы. Таким образом, и у правительства, и у оппозиции меньше поводов применять насилие друг против друга. Демократия способствует стабильности еще и тем, что обеспечивает возможность регулярной смены политических лидеров и изменения публичной политики. В демократиях перемены редко случаются внезапно, за одну ночь; почти всегда они происходят малозаметно и постепенно. Демократические системы гораздо лучше защищены от крупных революционных переворотов, чем авторитарные. Как сказал некогда Че Гевара, не может быть успешной революции там, где правительство «пришло к власти в результате народного волеизъявления в той

или иной форме, пусть даже путем махинаций, и сохраняет хотя бы видимость конституционной законности»²¹.

В-третьих, распространение демократии оказывает влияние на международные отношения. Демократии в истории вели войны не реже, чем авторитарные страны. Последние воевали с демократическими странами и друг с другом. Демократии же с начала XIX в. и до 1990 г., за очень незначительными или чисто формальными исключениями, не воевали с другими демократиями²². Пока такое положение вещей сохраняется, распространение демократии означает расширение зоны мира во всем мире. Судя по опыту прошлого, преимущественно демократический мир способен быть миром, сравнительно свободным от международного насилия. Если в особенности Советский Союз и Китай станут демократиями, подобно другим крупным державам, вероятность широкомасштабного межгосударственного насилия значительно снизится.

С другой стороны, мир, перманентно разделенный, скорее всего будет миром насилия. Развитие экономики и средств коммуникации интенсифицирует взаимодействие между странами. Авраам Линкольн в 1858 г. утверждал, что «не сможет устоять дом, разделенный в себе самом. Это государство не может вечно быть наполовину рабским, наполовину свободным». Мир в конце XX в. не является единым домом, но он все сильнее и сильнее интегрируется. Взаимозависимость — главная тенденция времени. Сколь долго сможет существовать все более взаимозависимый мир, будучи наполовину демократическим, наполовину авторитарным?

И наконец, в более узком, местническом смысле, будущее демократии в мире имеет особое значение для американцев. Соединенные Штаты — первая демократическая страна современного мира, и ее самосознание как нации неотделимо от приверженности к либеральным и демократическим ценностям. Другие нации могут кардинально менять свои политические системы, продолжая при этом существовать как нации. У Соединенных Штатов такой возможности нет. Поэтому американцы особенно заинтересованы в развитии

глобальной окружающей среды, благоприятной для демократии.

Итак, будущее свободы, стабильности, мира и Соединенных Штатов в определенной степени зависит от будущего демократии. Данное исследование — не попытка предсказать это будущее. Это попытка пролить на него некоторый свет, анализируя волну демократизации, которая началась в 1974 г., попытка выявить причины данного ряда транзитов (глава 2), процессы их осуществления, стратегии сторонников и противников демократии (главы 3 и 4), проблемы, встающие перед новыми демократиями (глава 5). Завершают ее размышления о перспективах дальнейшей экспансии демократических режимов в мире (глава 6).

При рассмотрении этих тем привлекаются существующие общественнонаучные теории и постулаты, дабы увидеть, какие из них могут помочь при объяснении недавних транзитов. Однако цель данной книги не в том, чтобы разработать некую общую теорию предпосылок демократии или процессов демократизации. Это не попытка объяснить, почему некоторые страны являются демократиями уже свыше столетия, тогда как другие остаются диктатурами. Ее задача более скромна — попробовать объяснить, почему, как и с какими последствиями в 1970—1980-е гг. произошел ряд почти одновременных переходов к демократии, а также понять, что могут значить эти переходы для будущего мировой демократии.

Глава 2 ПОЧЕМУ?

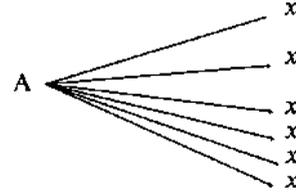
ЧЕМ ОБЪЯСНЯЮТСЯ ВОЛНЫ

Волны демократизации и откаты представляют собой проявления некоего более общего феномена в политике. Порой в истории схожие события более или менее одновременно происходят в разных странах или политических системах. В 1848 г. революции произошли в нескольких европейских странах. В 1968 г. студенческие волнения вспыхнули во многих странах на разных континентах. В Латинской Америке и Африке военные перевороты в различных странах часто бывали тесно сопряжены по времени. Выборы в демократических странах в одно десятилетие приводят к общему сдвигу влево, а в следующее — вправо. Длинная волна демократизации в XIX в. растянулась достаточно надолго, существенно отличаясь тем самым от позднейших волн демократизации и откатов. Последние же охватывали сравнительно короткий период времени. Наша задача — установить возможные причины, вызывающие подобные волны в политике.

Предположим некий микрокосм из шести стран, обозначаемых цифрами от 1 до 6. Предположим также, что в течение сравнительно короткого периода одно и то же событие — демократизация, — обозначаемое как x , происходит в каждой из этих стран. Что могло бы вызвать такое массовое явление x ? Здесь возможны несколько объяснений.

Единая причина. Все шесть x могут иметь одну причину A , возникшую независимо от событий в той или иной из шести стран. Это может быть, например, расцвет некой новой сверхдержавы или какая-то другая крупная перемена в международной расстановке сил. Это может быть большая война или иное важное событие, затронувшее многие общества. Некоторые латиноамериканские государства, к примеру, в 1945 и 1946 гг. либо установили у себя демократические ре-

жимы, либо провели новые всенародные выборы. Имеющиеся данные свидетельствуют, что эти x в значительной мере стали результатом единой причины A , т.е. победы союзников во Второй мировой войне:

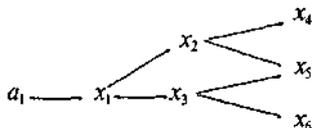

Параллельное развитие. События x могут вызываться сходными процессами, приводящими к появлению одних и тех же независимых переменных (a_1, a_2 и т.д.) и протекающими более или менее одновременно во всех шести странах. Так, например, теоретики утверждали, что страна становится способна к демократическому развитию, когда минует определенные пороги экономического развития, достигнув конкретного уровня валового национального продукта (ВНП) на душу населения или определенного уровня грамотности. В данном случае демократический прогресс в каждой стране обуславливается чем-то, существующим внутри этой страны и характерным для нее, однако сходные факторы могут более или менее одновременно действовать при этом и в других странах, порождая сходные результаты:

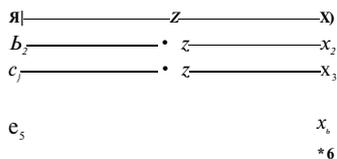
a_1 x_1
 a_2 x_2
 a_3 x_3
 a_4 x_4
 a_5 x_5
 a_6 x_6

Снежный ком. Важной причиной, вызывающей событие x в одной стране, может стать наступление события x в другой. Если бы все x происходили абсолютно одновременно, это было бы невозможно, однако полная одновременность бывает очень редко, и возможность одновременного развития событий совершенно независимо друг от друга становится все реже.

Весть о значительных политических событиях все чаще разносится по всему миру почти мгновенно, поэтому событие x в одной стране все чаще бывает способно практически в то же время спровоцировать сопоставимое событие в другой стране. Возрастает возможность действия эффекта наглядности. Некая своеобразная, даже уникальная в своем роде причина a_1 может вызвать x_1 в одной стране, затем x_1 — дать толчок сопоставимым событиям в других странах, а те, в свою очередь, могут воздействовать еще на какие-то страны, и так далее, подобно снежному кому.

Излюбленная панацея. Непосредственные причины события x в разных странах могут также существенно различаться. Тем не менее, эти разные причины могут вызывать одну и ту же реакцию, если элиты разных стран разделяют общее убеждение в эффективности именно такой реакции, представляющей собой модное лекарство в духе времени, излюбленную панацею от всех бед. Так же как шесть человек способны более или менее одновременно принимать аспирин для лечения шести совершенно разных физических недугов, шесть стран способны одновременно совершить одинаковые переходы от одного режима к другому, чтобы справиться с совершенно разными проблемами: инфляцией в одной из них, исчезновением закона и порядка в другой, углублением экономического спада в третьей, военным поражением в четвертой и т.д. В данном случае специфические, индивидуальные причины политической перемены (a_1 , b_2 , c_3 , и т.д.) воздействуют на общий набор политических убеждений, рождая сходные ответы x :

*6

Эти четыре возможных объяснения политических волн не являются ни исчерпывающими, ни взаимоисключающими и не обязательно противоречат друг другу. В каждой данной ситуации могут действовать все четыре фактора. Это модели, которые следует держать в памяти, пытаясь объяснить происхождение политических волн.

ЧЕМ ОБЪЯСНЯЮТСЯ ВОЛНЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Зависимой переменной в данном исследовании служит не демократия, а демократизация. Его цель — объяснить, почему некоторые страны, бывшие прежде авторитарными, стали демократическими в определенный период времени. Все внимание обращено на смену режима, а не на его существование.

Тем самым настоящая работа отличается от исследований, в первую очередь рассматривавших характеристики обществ с демократическими и недемократическими правительствами. В целом ряде таких исследований, к примеру, была показана сильная корреляция между различными социально-экономическими факторами и существованием демократических институтов. Однако, как подчеркивал Данкварт Растроу, есть разница между генетическим объяснением и функциональным¹. Почти все богатые страны являются демократическими, и почти все демократии богаты. Одна эта корреляция ничего не говорит о каузации, и если демократические страны были богаты задолго до того, как стали демократическими (как, собственно говоря, и обстоит дело с большинством северных европейских стран), то, вероятно, богатство само по себе не дает достаточного объяснения совершившемуся в них переходу от недемократической к демократической политике. Точно так же исторически существовала весьма сильная корреляция между протестантизмом и демократией, однако многие страны два века, а то и больше, были протестантскими и в то же время недемократическими, прежде чем стать демократическими. Чтобы объяснить изменение зависимой переменной, обычно требуется какое-то изменение независимой переменной.

Проблему, однако, осложняет тот факт, что это изменение независимой переменной может скрываться под видом ее постоянства. Три года экономической стагнации при авторитарном режиме могут не привести к его падению, тогда как пять лет — приведут. Кумулятивный эффект действия независимой переменной с течением времени вызывает изменение зависимой переменной. Или, как заметил Гэбриел Алмонд, «социальные и международные изменения могут продолжаться в течение длительного периода и начать провоцировать изменения в политической системе лишь по достижении некоей краткосрочной петли или ряда петель на кривой или кривых»². Изменения в этом смысле чаще всего способны иметь политический эффект, если включают такие независимые переменные, как экономические и социальные тренды.

Зависимая переменная не только динамична; она также носит комплексный характер. Люди полагают порой, что достаточно разделаться с диктатурой, чтобы прийти к воцарению демократии. В действительности же недемократические режимы скорее способны замещаться другими недемократическими режимами. Кроме того, факторы, ответственные за гибель недемократического режима, могут существенно отличаться от тех, которые приводят к созданию режима демократического. Экономический провал авторитарного режима может подорвать позиции этого режима, но экономический успех его скорее создаст базис для демократического режима. Обстоятельства, способствующие установлению демократического режима, могут вовсе не способствовать его консолидации и долговременной стабильности. На простейшем уровне демократизация включает в себя: 1) уничтожение авторитарного режима; 2) установление демократического режима; 3) консолидацию демократического режима. И за каждый из этих трех процессов могут быть ответственны разные и весьма противоречивые причины.

Анализ независимой переменной — возможных причин демократизации — тоже ставит свои проблемы. С одной стороны, здесь существует опасность тавтологии. Политические элиты изменяют или свергают авторитарные режимы, устанавливая и упрочивая демократические. Почему они это делают? По-видимому,

действуя в своих интересах, в соответствии со своими ценностями и целями, как они их понимают. Если они хотят демократии, то производят и получают демократию. Или, как выразился Раствоу, для создания демократии требуется, чтобы элиты пришли «к процедурному консенсусу относительно правил игры»³. Это привлекает наше внимание к самой, может быть, непосредственной и значительной разъясняющей переменной: убеждениям и действиям политических элит. Это веское объяснение, но все же неудовлетворительное. Демократия может быть создана, даже если народ ее не хочет, следовательно, слова, что демократия будет создана, если народ хочет демократии, возможно, и не совсем тавтология, но близки к тому. Объяснение, заметил кто-то, это место, куда разум приходит отдохнуть. Но почему же соответствующие политические элиты хотят демократии? Наш разум неизбежно стремится дальше, по причинно-следственной цепочке.

Различие между независимой и зависимой переменными наиболее ясно видно, если это величины разного порядка, если, как часто бывает, экономическая переменная используется для объяснения политической. Вся марксистская интеллектуальная традиция толкает анализ в этом направлении. Да и фактор «поиска ключа под фонарем» ее в этом поддерживает. Экономические данные (включая разнообразную статистику на самые разные темы) имеются по многим обществам, особенно начиная со Второй мировой войны, а по западным обществам — еще с XIX в. Аналитиков неизбежно тянет воспользоваться этими данными, чтобы посмотреть, какие корреляционные и каузальные связи могут существовать между экономическими факторами и демократизацией. Иногда такие попытки имеют под собой теоретическую базу, иногда нет.

Обществоведы говорят порой о проблеме сверхдетерминации. Обычно они имеют при этом в виду множественность правдоподобных теорий, призванных объяснить то или иное событие, и возникающую в результате проблему установления относительной ценности этих теорий. Однако это представляет проблему только для тех, кого интересует оценка теорий. Для тех, кто заинтересован в том, чтобы объяснить события, такой проблемы не существует. В политике почти

для всего есть множество причин. Почему на выборах победил этот кандидат, а не тот? Совершенно очевидно, что для объяснения такой простой вещи, как результат выборов, и то понадобится целый ряд переменных и стоящих за ними теорий. Чтобы свершиться исторически, событие почти обязано быть сверхдетерминировано теоретически. И с демократизацией дело явно обстоит так же.

Для объяснения демократизации выдвигались многочисленные теории и определялись многочисленные переменные. Среди величин, как говорят, способствующих демократии и демократизации, называются следующие:

- высокий в целом уровень экономического благосостояния;
- относительно равное распределение дохода и/или богатства;
- рыночная экономика;
- экономическое развитие и социальная модернизация;
- существование феодальной аристократии в какой-то момент истории общества;
- отсутствие феодализма в обществе;
- сильная буржуазия («нет буржуа — нет демократии» в лаконичной формулировке Баррингтона Мура);
- сильный средний класс;
- высокий уровень грамотности и образования;
- инструментальная, а не созерцательная культура;
- протестантизм;
- социальный плюрализм и сильные промежуточные группы;
- развитие политического соревнования раньше расширения политического участия;
- демократические властные структуры внутри социальных групп, особенно тех, которые тесно связаны с политикой;
- низкий уровень гражданского насилия;
- низкий уровень политической поляризации и экстремизма;
- политические лидеры — сторонники демократии;
- опыт существования в качестве британской колонии;
- традиции терпимости и компромисса;
- оккупация страны продемократической иностранной державой;

- влияние продемократической иностранной державы;
- стремление элиты подражать демократическим государствам;
- традиции уважения к закону и правам личности;
- гомогенность (этническая, расовая, религиозная) общества;
- гетерогенность (этническая, расовая, религиозная) общества;
- консенсус относительно политических и социальных ценностей;
- отсутствие консенсуса относительно политических и социальных ценностей.

Теории, связывающие эти факторы с демократией и демократизацией, почти всегда правдоподобны. Однако каждая переменная и каждая теория может быть верна лишь для некоторых случаев. За полвека после 1940 г. демократизация была осуществлена в Индии и Коста-Рике, Венесуэле и Турции, Бразилии и Ботсване, Греции и Японии. Поиск некоей общей для всех, универсальной независимой переменной, которая могла бы играть значительную роль при объяснении политического развития столь разных стран, если и не тавтологичен, то почти наверняка обречен на неудачу. Причины демократизации существенно различаются в зависимости от места и времени. Множественность теорий и разнообразие опыта свидетельствуют о вероятной справедливости следующих положений:

- (1) Нет единого фактора, который мог бы служить достаточным объяснением развития демократии во всех странах или в одной отдельной стране.
- (2) Нет единого фактора, который был бы необходим для развития демократии во всех странах.
- (3) Демократизация в каждой стране есть результат комбинации причин.
- (4) Комбинация причин, порождающих демократию, в разных странах бывает различна.
- (5) Комбинация причин, в общем и целом ответственных за одну волну демократизации, отличается от тех, что ответственны за другие волны.
- (6) Причины, ответственные за первые смены режимов во время волны демократизации, могут отли-

чатся от тех, что ответственны за более поздние смены режимов той же волны.

Размышляя о многообразии обществ с демократическими правительствами, Майрон Вейнер пришел к выводу, что, дабы объяснить демократизацию, следует посмотреть, «какие стратегии доступны тем, кто добивается демократической революции»⁴. Этот совет высвечивает решающую роль политического лидерства и политического искусства в осуществлении демократии. Однако не следует, объясняя демократическое развитие, полностью отвергать контекстуальные факторы более широкого значения — социальные, экономические, культурные. Цепь или воронка (можете подобрать собственную метафору) причинности существует, при этом международные, социальные, экономические, культурные и наиболее непосредственные политические факторы действуют все вместе, зачастую конфликтуя между собой, либо благоприятствуя созданию демократии, либо поддерживая авторитаризм.

Таким образом, причины демократизации варьируют, и значение их со временем способно значительно варьировать. Здесь не место для подробного исторического анализа того, что породило демократизацию до 1974 г. Однако краткий обзор главных, как представляется, причин первой и второй волн не помешает, хотя бы в целях создания контекста для более развернутого обсуждения причин третьей волны.

Экономическое развитие, индустриализация, урбанизация, появление буржуазии и среднего класса, развитие рабочего класса и его ранних организаций, постепенное сглаживание экономического неравенства — все это, по-видимому, сыграло свою роль в движении северных европейских стран XIX в. к демократии. Как правило, это были также страны, где интеллектуальный этос формировался под влиянием Локка, Бентама, Милля, Монтескье, Руссо и идеалов Французской революции. В странах, заселенных выходцами из Британии, — США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии — действовали многие из тех же факторов, подкрепляемые гораздо большими экономическими возможностями, слабостью существующих статусных систем и более равным распределением дохода, кото-

рое стало возможно в обществах фронта. Предположительно протестантизм также способствовал демократизации; три четверти стран, где демократические институты развились до 1900 г., по религиозному составу населения были преимущественно протестантскими.

Победа западных союзников в Первой мировой войне и послевоенный демонтаж империй значительно повлияли на демократизацию. Периферийные европейские страны — Финляндия, Исландия, Ирландия — сравнительно успешно поддерживали демократические системы; расположенным ближе к центру государствам — преемникам империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов это не удалось. Короче говоря, первостепенными факторами, ответственными за первую волну демократизации, очевидно, были экономическое и социальное развитие, экономическая и социальная обстановка в странах, основанных британскими поселенцами, а также победа западных союзников в Первой мировой войне и последовавший в результате крах основных континентальных империй.

Во второй волне демократизации явно доминировали политические и военные факторы. Большинство стран, перешедших тогда к демократии, попадают в одну из трех категорий. Во-первых, ряду стран: Западной Германии, Италии, Японии, большей части Австрии и Южной Кореи — демократию навязали победоносные западные союзники. Во-вторых, многие другие страны двинулись в демократическом направлении, потому что именно западные союзники выиграла войну. К этой категории относятся Греция, Турция, Бразилия, Аргентина, Перу, Эквадор, Венесуэла, Колумбия⁵. В-третьих, ослабление западных государств в результате войны и подъем национализма в их заморских колониях заставили их начать процесс деколонизации. Значительное число новых государств стартовали как демократии, несколько меньшее число их поддерживали демократические институты в течение довольно большого периода времени. Таким образом, за вторую волну ответственны главным образом победа признанных западных демократий во Второй мировой войне и осуществленная этими демокра-

тиями после войны деколонизация. То были исторически дискретные события. Третья волна стала результатом совершенно иного набора причин.

ЧЕМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ТРЕТЬЯ ВОЛНА

Чтобы объяснить третью волну демократизации, нужно ответить на два вопроса. Во-первых, почему тридцать стран с авторитарными системами перешли к демократическим политическим системам, а около сотни других не перешли? Во-вторых, почему смена режима в этих странах произошла в 1970-е и 1980-е гг., а не в какое-то другое время?

Что касается первого вопроса, отказ тех или иных стран от авторитаризма мог бы зависеть от природы существовавших в них авторитарных режимов. Однако режимы, пришедшие к демократии в третью волну, представляли собой весьма пеструю картину. Среди них были однопартийные системы, военные режимы, личные диктатуры и расовая олигархия в Южной Африке. К каждой из этих категорий относились и страны, которые не демократизировались за пятнадцать лет, прошедшие после 1974 г.: среди однопартийных систем — это Китай и Вьетнам, среди военных режимов — Бирма и Индонезия, среди личных диктатур — Ирак и Куба. Следовательно, природа авторитарного режима не может служить объяснением того, почему одни режимы перешли к демократии, а другие нет.

Иной подход к ответу на этот вопрос привлекает наше внимание к истории смен режима в демократизовавшихся странах. Страны, следовавшие *циклической модели*, то и дело меняли демократическую систему на авторитарную и наоборот. Эта модель была характерна главным образом для Латинской Америки, включая такие государства, как Аргентина, Бразилия, Перу, Боливия и Эквадор, но встречалась и в других странах, например Турции и Нигерии. Данные страны имели тенденцию постоянно колебаться между более популистскими демократическими правительствами и более консервативными военными режимами. При демократическом режиме радикализм, коррупция, беспорядок достигают недопустимого уровня, и военные свергают его, к немалому облегчению и при шумном

одобрении народа. В свое время, однако, поддерживающая военный режим коалиция распадается, режиму не удается эффективно справиться с экономическими проблемами страны, офицеров-профессионалов начинает тревожить политизация вооруженных сил, и вот, снова к великому облегчению и при шумном одобрении народа, военные уходят сами или их выгоняют с руководящих постов. Тем самым смена режима в таких странах выполняет ту же функцию, что и смена партий в стабильной демократической системе. Страна не выбирает попеременно то демократическую, то авторитарную политическую систему; эта постоянная смена демократии авторитаризмом и авторитаризма демократией *и есть* политическая система данной страны.

Другой моделью смены режима была модель *второй попытки*. Страна с авторитарной системой меняет ее на демократическую. Затем либо демократическая система терпит неудачу из-за отсутствия в стране социальной базы для демократии, либо лидеры новой демократической системы проводят экстремистскую политику, вызывающую острую ответную реакцию, либо какой-то катаклизм (депрессия, война) приводит режим к краху. К власти на более или менее долгий срок приходит авторитарное правительство. В конце концов, однако, делается вторая, более успешная попытка установить демократию, и успех ее, по крайней мере отчасти, обуславливается тем, что прежний неудачный опыт научил чему-то демократических лидеров. Ряд стран — Германия, Италия, Австрия, Япония, Венесуэла, Колумбия — разными путями создали у себя достаточно стабильные демократические системы во время второй волны, после того как пережили откат, который свел на нет более ранние попытки такого рода. Испанию, Португалию, Грецию, Корею, Чехословакию и Польшу можно будет причислить к странам, следующим модели второй попытки, если демократические режимы третьей волны в них стабилизируются.

Третьей моделью была *прерванная демократия*. Речь идет о странах, которые устанавливают у себя демократические режимы, существующие сравнительно долгий период времени. Однако в какой-то момент в

них появляются нестабильность, поляризация или другие условия, приводящие к приостановке демократических процессов. В 1970-е гг. демократия была временно отменена в Индии и на Филиппинах — демократически избранными главами исполнительной власти, в Уругвае — выборными лидерами в сотрудничестве с военными, в Чили — военными лидерами, свергшими выборное правительство. Но долгий опыт демократии в этих странах, тем не менее, не позволил политическим лидерам, временно ее отменившим, полностью покончить с демократической практикой. Во всех четырех случаях они в конечном итоге сочли себя обязанными пойти на проведение всенародного голосования в той или иной форме — и проиграли.

Четвертая модель смены режима представляла собой *прямой переход* от стабильной авторитарной системы к стабильной демократической системе — либо со временем, путем постепенной эволюции, либо в результате внезапной замены первой на вторую. Эта модель была типична для транзитов первой волны. Попытки третьей волны в Румынии, Болгарии, на Тайване, в Мексике, Гватемале, Сальвадоре, Гондурасе и Никарагуа приблизятся к данному образцу, если демократия в них консолидируется.

И наконец, есть еще *модель деколонизации*. Демократическая страна вводит демократические институты в своих колониях. Колония становится независимой и, в отличие от большинства бывших колоний, успешно свои демократические институты сохраняет. Во время третьей волны так случилось, например, с Папуа — Новой Гвинеей. Как указывал Майрон Вейнер, данная модель свойственна главным образом бывшим британским колониям, большинство из которых получили независимость в ходе второй волны⁶. Те же, кому пришлось дожидаться третьей волны, чтобы стать независимыми и демократическими, по большей части представляли собой мелкие, островные государства. К ним относились Антигуа и Барбуда, Белиз, Доминика, Кирибати, Сент-Кристофер и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Соломоновы о-ва, Тувалу, Вануату. Пожалуй, за исключением очень немногих оставшихся колоний (напр., Гонконга, Гибралтара, Фолклендов), эти страны — последнее демократизирую-

щееся наследие Британской империи. Из-за малых размеров они, кроме особо оговоренных случаев, не включаются в анализ стран третьей волны в настоящем исследовании.

Если сравнительно стабильные и долго существующие авторитарные и демократические режимы обозначить как *A* и *D*, а менее стабильные и недолговечные — как *a* и *d*, то пять моделей развития режима можно представить следующим образом:

- (1) цикличная: $a - d - a - d - a - d$
- (2) вторая попытка: $A - d - a - D$
- (3) прерванная демократия: $A - D - a - D$
- (4) прямой переход: $A - D$
- (5) деколонизация: $D/a - D$

Страны третьей волны демонстрируют все пять моделей смены режима. Впрочем, двадцать три из двадцати девяти стран, демократизовавшихся в 1974—1990 гг., имели прежний опыт демократии. В некоторых случаях этот опыт остался далеко в прошлом, в некоторых был совсем недавним, а в некоторых имело место и первое и второе. Но, так или иначе, в какой-то момент он был. В большинстве же стран, имевших в 1974 г. авторитарные системы и не демократизовавшихся к 1990 г., предыдущего опыта демократии не было. Таким образом, в 1974 г. существовал великолепный способ предсказать, станет ли страна с авторитарным правлением демократической, — посмотреть, была ли она уже когда-нибудь таковой. Однако в 1989 г. третья волна вступила во вторую фазу и начала затрагивать страны, не имевшие в прошлом сколько-нибудь значительного демократического опыта, включая Румынию, Болгарию, Советский Союз, Тайвань и Мексику. Это поставило решающий вопрос: насколько третья волна способна превзойти первую и вторую? Не станут ли страны, не знавшие демократии в прошлом, стабильными демократиями в будущем?

Правдоподобные ответы на вопрос о том, почему некоторые страны перешли к демократии, а другие нет, не обязательно отвечают на второй вопрос: почему эти переходы случились именно тогда, когда случились, а не в какое-то другое время? Представляется невероятным, чтобы столь массовый транзит в течение

каких-то полутора десятилетий был чистой случайностью. Очевидно, разумно будет предположить, что все эти переходы были вызваны отчасти общими причинами, действующими на многие страны, параллельным развитием некоторых стран и влиянием более раннего транзита на более поздний. Предыдущий демократический опыт, однако, не объясняет, почему сдвиг в сторону демократии в этих странах пришелся именно на 1970-е и 1980-е гг. Кое-кто относил демократический транзит 1980-х гг. на счет «стремления к свободе», пустившего глубокие корни и широко распространившегося среди угнетаемых авторитарными правителями народов. Существование такого стремления может отличать демократизировавшиеся страны от недемократизировавшихся, но оно не может объяснить, почему демократизация произошла тогда, когда произошла. Как показывают события 1953, 1956, 1968 и 1980—1981 гг., жители Восточной Европы стремились к свободе десятилетиями, но получили они ее только в 1989 г. Почему не раньше? В других странах народ мог прежде в своей истории не проявлять стремления к свободе, но в 1970—1980-е гг. оно в нем развилось. Перед нами стоит проблема — как объяснить, почему такое желание появилось именно тогда? При анализе мы вынуждены искать какие-то другие процессы, возможно, его породившие.

Вот вопрос, на который необходимо ответить: какие изменения правдоподобных независимых переменных, скорее всего имевшие место в 1960—1970-е гг., произвели зависимую переменную — демократизирующую смену режима — в 1970—1980-е гг.? Пять таких изменений, по видимому, сыграли значительную роль в том, что транзиты третьей волны произошли именно в тех странах, где произошли, и в то время, когда произошли:

(1) обострение проблемы легитимности авторитарных систем в мире, где широко признаны демократические ценности, зависимость этих режимов от функциональной легитимности и уничтожение этой легитимности военными поражениями, экономическими неудачами и нефтяными кризисами 1973—1974, 1978—1979 гг.;

(2) беспрецедентный глобальный экономический рост в 1960-е гг., который во многих странах поднял

жизненный уровень, повысил уровень образования и значительно увеличил городской средний класс;

(3) разительные перемены в доктрине и деятельности католической церкви, продемонстрированные на Втором Ватиканском соборе в 1963—1965 гг., и превращение национальных церквей из защитников *status quo** в противников авторитаризма и проповедников социальной, экономической и политической реформы;

(4) перемены в политике внешних акторов, в том числе новая позиция Европейского Сообщества по вопросу о расширении членства в конце 1960-х гг., крупный сдвиг в политике США в сторону пропаганды прав человека и демократии в других странах начиная с 1974 г., драматический переворот, совершенный в конце 1980-х гг. Горбачевым в советской имперской политике;

(5) эффект «снежного кома», или демонстрационный эффект, произведенный первыми переходами к демократии в третью волну и усиленный средствами международной коммуникации, стимулировавший последующие попытки смены режима в других странах и дававший для них образцы.

УПРАТА ЛЕГИТИМНОСТИ И ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ

Легитимность — расплывчатое понятие, которого политические аналитики предпочитают избегать. Тем не менее, оно имеет существенное значение для понимания проблем, встающих перед авторитарными режимами в конце XX в. «Даже у самого сильного не хватит силы, чтобы всегда быть хозяином, — замечал Руссо, — если он не обратит силу в право, а повинование в долг». Откуда же берутся «право» авторитарных лидеров на власть и «долг» народа повиноваться им?

В прошлом легитимацию недемократического правления обеспечивали традиция, религия, божественное право королей, общественное почтение. В эпоху грамотного, мобилизованного населения эти традиционные обоснования авторитаризма теряют силу. Авторитаризм нового времени оправдывал себя с по-

* Сложившегося положения (*лат.*) — *Прим. пер.*

мощью национализма и идеологии. Однако эффективность первого в значительной степени зависит от наличия заслуживающего доверия образа врага, противостоящего чаяниям народа. К тому же национализм — народная сила и может легитимировать демократическое правление с тем же успехом, что и авторитарное. Главным идеологическим оправданием авторитаризма в новое время стал марксизм-ленинизм. Он дает логическое обоснование однопартийной диктатуре и власти узкого круга сохраняющей себя в неприкосновенности бюрократической элиты. Правда, большинство авторитарных режимов конца XX в. не были коммунистическими. Но они вместе с коммунистическими режимами столкнулись с большими проблемами в деле утверждения и поддержания своей легитимности.

Победа западных союзников во Второй мировой войне практически породила вторую волну демократизации. Еще более всеобъемлющие и прочные перемены она произвела в интеллектуальной среде политики. Люди в большинстве стран пришли к признанию — если не претворению в жизнь — риторики и идей демократии. На свет появился всемирный демократический этос. Даже те, чьи действия носили явно антидемократический характер, зачастую оправдывали их демократическими ценностями. Открытые возражения против демократии как понятия почти исчезли из публичных дебатов в большинстве стран мира. «Впервые в мировой истории, — отмечалось в отчете ЮНЕСКО в 1951 г., — не выдвигаются антидемократические доктрины. Против других часто бывают направлены обвинения в антидемократических действиях или позициях, но все практические политики и политические теоретики согласно подчеркивают демократический элемент в институтах, которые защищают, и теориях, за которые ратуют»⁷.

Столь всеобъемлющее распространение демократических норм в значительной мере опиралось на приверженность этим нормам самой могущественной страны в мире. Главный альтернативный источник легитимности, марксизм-ленинизм, пользовался поддержкой второй сильнейшей державы. Однако коммунисты регулярно отдавали дань силе демократических ценностей, подчеркивая демократические элементы в

своей идеологии, используя демократическую фразеологию и преуменьшая роль ленинистской партии как авангарда общества и диктатуры пролетариата.

Многие авторитарные режимы в 1970-е гг. столкнулись с проблемами легитимности также из-за прежнего опыта демократии в их странах. В каком-то смысле политическое тело их общества было заражено демократическим вирусом, и даже если предыдущий демократический режим не добился особых успехов, все же убеждение, что истинно легитимное правление должно базироваться на демократической практике, осталось. Поэтому авторитарные правители были вынуждены оправдывать собственные режимы с помощью демократической риторики, заявляя, будто они являются подлинно демократическими или станут таковыми в будущем, как только удастся справиться с насущными проблемами, стоящими перед обществом.

Проблемы, связанные с легитимностью авторитарных режимов, варьировали в зависимости от природы режима. Однопартийные системы, представлявшие собой продукт самобытного политического развития, как в революционно-коммунистических государствах, Мексике, КНР, имели более надежный базис легитимности. Идеология и национализм могли здесь на пару служить опорой режиму. В странах же, где, как в Восточной Европе, коммунизм и однопартийная система были навязаны внешними силами, режим мог использовать к своей выгоде лишь идеологию, а не национализм, который всегда был потенциальным источником нестабильности. Со временем, однако, коммунистическим правительствам стало труднее привлекать идеологию для поддержки своей легитимности. Идеология теряла свою привлекательность, по мере того как стагнировала государственная бюрократия и оостеневали социально-экономические неравенства. Коммунистическая идеология также стала главным препятствием для экономического роста, лишая режим способности легитимировать себя с помощью экономических свершений. Таким образом, марксизм-ленинизм в коммунистических государствах поначалу обеспечивал идеологическую легитимность, но по мере ослабления этого эффекта он же не дал развиваться легитимности, базирующейся на экономических достижениях.

При прочих равных условиях большинство режимов со временем утрачивают легитимность, по мере того как делается тот или иной выбор, не исполняются обещания, развивается фрустрация. В большинстве случаев поддерживающая режим коалиция также со временем распадается. Однако демократические системы обновляются путем выборов, дающих возможность прийти к власти новой коалиции с новой политикой и новыми обещаниями на будущее. Для авторитарных режимов, напротив, самообновление представляет главную проблему, и отсутствие механизмов самообновления немало способствует эрозии легитимности этих режимов. Острее всего данная проблема, конечно, в государствах — личных диктатурах, где самообновление (исключая реинкарнацию) по самой природе режима невозможно.

В немногих случаях авторитарные режимы создали механизмы регулярной смены верховных лидеров и, следовательно, по крайней мере ограниченного обновления. В Мексике и Бразилии был хорошо институционализирован принцип, согласно которому президент не может быть преемником самому себе. Выгода от такой системы рутинизированной преемственности получалась по меньшей мере двоякая. Во-первых, она пробуждала у ключевых фигур авторитарного истеблишмента надежду, что в следующий раз и у них будет шанс занять верховный пост или высокую должность, лишая их тем самым стимула устраивать беспорядки или свергать существующее руководство. Во-вторых, регулярная ротация на верховном руководящем посту делала возможными и даже весьма вероятными перемены в политике. В Мексике десятилетиями более левые президенты сменяли более правых и наоборот. И в Бразилии примерно так же две слабо структурированные коалиции — сорбоннская группа и националисты — боролись за власть среди военных. Сорбоннская группа пришла к власти после переворота 1964 г.; ее сместили, когда генерал Артур Кошта-и-Сильва занял президентский пост в 1967 г.; в 1974 г. она вернулась к власти вместе с Гейзелом. Подобные механизмы и процессы дали этим режимам возможность избежать некоторых дисфункциональных аспектов авторитаризма, а также средство обновить их легитим-

ность, по крайней мере в ограниченных пределах. Каждый новый президент обещал что-то новое хотя бы потому, что это был не прежний президент. С 1929 по 1989 г. в Мексике существовал необыкновенно стабильный авторитарный режим, которому требовалось применять репрессии лишь в самых скромных масштабах, поскольку его легитимность поддерживалась как революционной идеологией, так и регулярной сменой политических лидеров. В самобытных коммунистических режимах было первое, но не было второго; в Бразилии было второе, но не было первого.

Проблема легитимности военных режимов и личных диктатур 1970-х гг., особенно тех, которые появились во время второго отката, как правило, проходила в своей эволюции три фазы. Смещение демократического режима авторитарным почти всегда приветствовалось подавляющим большинством общественности с чувством большого облегчения и горячего одобрения. В этой начальной фазе новый режим обладал «негативной легитимностью», проистекающей из неудач демократического режима и очевидных различий между первым и вторым. Новые режимы, как правило, оправдывали себя тем, что борются с коммунизмом и внутренней подрывной деятельностью, умиряют социальные волнения, восстанавливают закон и порядок, уничтожают коррупцию и продажных гражданских политиков, укрепляют национальные ценности, волю и сплоченность. Так, например, греческие полковники в 1967 г. легитимировали себя призывами к «идеологии антикоммунистического государства»; бразильский военный режим в свои первые годы тоже добивался легитимности на базе «лозунгов с приставкой "анти": антикоммунизм, антидеструктивность, антихаос».

Разумеется, со временем негативная легитимность стала утрачиваться. Авторитарным режимам 1960-х и 1970-х гг. почти неизбежно приходилось надеяться лишь на свою эффективность, коэффициент полезности деятельности, как на один из главных, если не самый главный источник легитимности. В некоторых случаях, как, например, в Перу и на Филиппинах, лидеры авторитарных режимов обещали экономическую и социальную реформу. В большинстве других случаев они

обещали экономический рост и развитие. Однако стремление добиться функциональной легитимности породило так называемую проблему функциональности. В демократических государствах легитимность правителей обычно зависит от того, насколько они отвечают ожиданиям ключевых групп избирателей, т.е. от отдачи, которую от них получают. Легитимность же системы зависит от процедур, от способности голосующих избирать себе правителей путем выборов. В конечном итоге правители, пребывающие у власти, перестают действовать эффективно, теряют легитимность, терпят поражение на выборах, и власть переходит к другому составу правителей. Утрата правителями функциональной легитимности ведет к утверждению заново процедурной легитимности системы. В авторитарных системах, которые не являлись однопартийными системами, невозможно было провести различие между легитимностью правителя и легитимностью режима. Плохое функционирование в одно и то же время уничтожало как легитимность правителей, так и легитимность системы.

Анализируя восемь крупнейших кризисов политического развития, от британского Акта о реформе 1832 г. до экономических реформ Карденаса в 1930-х гг., Гэбриел Алмонд, Скотт Флэнеген и Роберт Мундт обнаружили, что для каждого случая было характерно «исчезновение компонентов экономической функциональности (депрессия, безработица, дефицит продовольствия, голод)»⁹. Неудовлетворительная экономическая функциональность играла ключевую роль и в возникновении кризиса авторитарных режимов в 1970-х гг. Кампания за социальную и экономическую реформу на Филиппинах быстро заглохла, в конце концов от нее отказались и в Перу. Многие авторитарные правительства потеряли возможность обрести легитимность за счет экономического роста в результате повышения цен на нефть в 1970-е гг. и экономической политики, которую они проводили.

Взлет цен на нефть в 1973—1974 гг. вызвал глобальный экономический спад. Он поставил вопрос об управляемости демократии в треугольнике «Европа — Северная Америка — Япония» и значительно повредил попыткам авторитарных режимов третьего мира ис-

пользовать экономическую функциональность для поддержания своей легитимности. Таким странам, как Филиппины, Испания, Португалия, Греция, Бразилия и Уругвай, был нанесен особенно жестокий удар в силу их практически полной зависимости от импортируемой нефти. Ситуацию усугубило второе повышение цен на нефть в 1979 г. В Западной Германии, Великобритании, Франции, Канаде и США правящие партии были отстранены от власти. В третьем мире способность сохранившихся авторитарных режимов поддерживать свою легитимность с помощью экономической функциональности еще сильнее уменьшилась. Скачком цен на нефть и их экономическим последствиям принадлежит значительная доля заслуг в деле ослабления авторитаризма в 1970-х — начале 1980-х гг.

За редкими исключениями, политика, принятая на вооружение авторитарными правительствами, для того чтобы справиться с нефтяными и долговыми кризисами, зачастую лишь ухудшала экономическую ситуацию, приводя к стагнации, депрессии, инфляции, низкому или отрицательному уровню роста, увеличению задолженности либо сразу к нескольким из этих условий в той или иной комбинации и в результате еще больше лишая режим легитимности. Примером могут служить Филиппины:

«*Экономический* фундамент Нового общества начал трещать во время нефтяного кризиса 1973—1974 гг. и последовавшего за ним глобального спада. На Филиппинах, импортировавших 90% нефти, затраты на энергию выросли вчетверо, а цены на предметы экспорта упали. Со вторым скачком цен на нефть в 1979 г. скорость экономического обвала возросла. Маркое отреагировал новыми займами и расходами, с 1979 по 1983 г. удвоившими внешний долг Манилы. Почти половина займов были краткосрочными, и... международные кредиторы начали беспокоиться: лишь за последние четыре месяца 1982 г. были отозваны кредиты примерно на 700 млн долларов»¹⁰.

Начиная с 1980 г. доход на душу населения на Филиппинах неуклонно сокращался.

В Аргентине экономическая политика Мартинеса де Оса в 1978—1980 гг. вызвала искусственный бум, «который не мог длиться долго. Импорт стал таким

дешевым, что местная промышленность разваливалась, не выдерживая конкуренции. Экспорт — таким дорогим, что сельское хозяйство оказалось вытеснено с мирового рынка... В 1981 г. шарик лопнул... Экономика рухнула буквально за одну ночь.

За девять месяцев резко подскочил уровень инфляции и безработицы. Стоимость песо, оказавшегося под огромным давлением в результате биржевых спекуляций, упала более чем на 400%. Аргентинцы, имевшие долги в долларах, внезапно обнаружили, что теперь им придется отдавать в песо в пять раз больше. Они не могли уплатить столько... Между тем охваченные паникой вкладчики начали осаждать банки. Резервы страны резко сократились¹¹.

В Уругвае военный режим в начале 1980-х гг. обзавелся вторым по величине внешним долгом на душу населения в Латинской Америке и вызвал четырехлетний спад, урезавший реальную заработную плату наполовину по сравнению с той, что была десятилетием раньше. В Португалии огромные затраты на войну в колониях в сочетании с повышением цен на нефть и плохим управлением экономикой привели к столь же печальным экономическим результатам:

«Одной из других потерь [в войне] стала экономика Португалии. К моменту переворота уровень инфляции в стране достиг 30 % (будучи самым высоким в Западной Европе), дефицит в торговле был велик как никогда, безработица росла — невзирая на постоянный поток эмигрантов, искавших работу или бежавших от призыва на военную службу.

Поскольку чуть ли не половина средств, отпускаемых правительством, уходила военным, уровень "твердых" инвестиций — которые и создают экспорт и рабочие места — был самым низким в Западной Европе...

Португалия, импортирующая 80% энергии и почти половину продовольствия, особенно тяжело пострадала от глобального спада и вспышки инфляции, которые последовали за нефтяным эмбарго, объявленным Организацией стран — экспортеров нефти (ОПЕК) в 1973 г. Португальские экспортные рынки разваливались, цены на все, от трески до билетов на бой быков, опережали заработную плату. Хотя и профсоюзы, и стачки в Новом государстве были вне закона, рабочие

под предводительством коммунистов устроили в 1973 г. до 40 крупных забастовок. Заводы, принадлежащие "Интернэшнл телефон энд телеграф", "Грундиг", "Бритиш Лейланд" и другим фирмам, закрывались¹².

Греция испытала значительный, хотя и несбалансированный экономический рост при военном режиме, пришедшем к власти в 1967 г. Однако новая военная группировка, захватившая власть в конце 1973 г., «показала себя решительно неспособной справляться с насущными проблемами, стоящими перед страной... Продолжалась неконтролируемая инфляция, и на Греции, обладающей очень немногими собственными источниками энергии, особенно тяжело отразился нефтяной кризис, последовавший за Войной на Иом Кипур¹³. В Перу «попытки военного режима подстегнуть экономический рост в стране... окончились ничем. Производительность и в промышленности, и в сельском хозяйстве снижалась, реальная заработная плата падала, открытая безработица росла, инфляция усиливалась, а государственный долг Перу поднялся на головокружительную высоту». Даже в Бразилии были проблемы с экономической функциональностью. Когда ее режим во второй половине 1970-х гг. начал постепенно демократизироваться, экономические проблемы обострились, и «способность правительства обеспечивать экономический рост и обещать бразильцам лучшее будущее заметно поуменилась». К 1982 г. значительная часть бразильской общественности винила во всех недостатках просчеты в политике правительства¹⁴.

Коммунистические режимы были сравнительно изолированы от скачков цен на нефть и других событий в мировой экономике, хотя у Польши и Венгрии появились немалые долги. Там недостаточная экономическая функциональность явилась результатом командной экономики, навязанной им Советским Союзом после Второй мировой войны. В 1950-е гг. такие экономики росли очень быстрыми темпами. В 1960-е гг. рост замедлился, а в 1970-е и 1980-е начался застой. Экономические неудачи вызвали огромное недовольство существующей политико-экономической системой и некоторую оппозицию ей. Однако экономической стагнации самой по себе было недостаточно, чтобы породить движение в демократическом направ-

³ Третья волна. Демократизация в конце XX века

лении. Она стала фактором, способствующим демократизации в данных странах, не раньше, чем Советский Союз это позволил. В Восточной Европе политика главенствовала надо всем, и советская поддержка примиряла коммунистические режимы с последствиями недостаточной экономической функциональности.

Военные неудачи в 1974—1989 гг. внесли свой вклад в падение или ослабление по крайней мере пяти авторитарных режимов. В двух странах с личной диктатурой вооруженные силы стали проявлять недовольство, поскольку вынуждены были сражаться с повстанцами, в борьбе с которыми видели мало шансов на победу. Явная неспособность португальского правительства и его армии выиграть свои колониальные войны стала подоплекой образования МФА и Апрельского переворота. На Филиппинах примерно такое же Движение за реформу вооруженных сил (РАМ) атаковало кумовство, бездарность, коррупцию, процветавшие в армии при попустительстве Маркоса. Осознание растущей силы партизан-коммунистов из Новой народной армии (НПА) в последние годы режима Маркоса в целом способствовало ослаблению последнего. Большие издержки, связанные с афганской войной, и неспособность советской армии довести ее до успешного завершения помогли политической либерализации, которую принес Советскому Союзу Горбачев. В Греции и Аргентине конфликты, спровоцированные военными режимами, привели к поражению и гибели этих режимов.

Авторитарный режим утрачивал легитимность и в том случае, если выполнял свои обещания. Достигнув своей цели, он терял цель. Это означало исчезновение причины, почему общественность должна была поддерживать данный режим, учитывая другие издержки (напр., отсутствие свободы), с ним связанные, а также провоцировало внутри режима неуверенность и конфликты по поводу того, какие новые цели ему следует перед собой поставить. В Аргентине в 1980—1981 гг., например, произошел резкий спад в экономике. В то же время режим уничтожил партизан Монтонеро и восстановил в стране порядок (если не закон). Это устранило главную причину поддержки режима, а военное правительство «стало выказывать признаки скуки именно потому, что достигло одной из своих

главных целей: разгрома вооруженных партизанских групп». Примерно так же в Бразилии в 1974 г. «режим, безусловно установив порядок, был вынужден либо приступить к долгосрочной институционализации своей власти, либо, напротив, начать процесс либерализации»¹⁵. Сходная ситуация сложилась в Уругвае, после того как военное правительство уничтожило «тупамарос». Поскольку легитимность авторитарных режимов базировалась на критериях функциональности, они теряли ее и в тех случаях, когда не были функциональны, и в тех, когда были.

Столкнувшись с эрозией легитимности, авторитарные лидеры могли реагировать и реагировали одним или несколькими из пяти способов. Во-первых, они могли просто отказываться признать свою растущую слабость, надеясь или будучи убеждены, что сумеют удержаться у власти. Такие тенденции поддерживались слабостью механизмов обратной связи при большинстве авторитарных режимов и заблуждениями многих диктаторов. Но ни надежда, ни убеждение чаще всего не оправдывались. Во-вторых, режим мог попытаться выжить, становясь все более репрессивным, фактически заменяя испаряющееся на глазах чувство долга вынужденным повиновением. Это часто требовало перестановок в руководстве, как и случилось в Греции в 1973 г., в Аргентине в 1981 г. и в Китае в 1989 г. Если лидеры режима в основном приходили к согласию относительно необходимости такого курса, они были в состоянии значительно отсрочить наступление последствий утраты ими легитимности.

Третья возможность — спровоцировать внешний конфликт и попытаться восстановить легитимность, обратившись к национализму. Весной 1974 г. режим Иоаннидиса организовал переворот на Кипре, в результате которого был свергнут архиепископ Макариос и приведено к власти правительство, расположенное к энтозису (союзу) с Грецией. Турки вторглись на Кипр; Иоаннидис попытался поднять греческую армию и народ на борьбу с ними. Но греки в военном отношении были неспособны мериться силами с турками, и командующие войсками отказались пойти на это. Режим полковников пал самым постыдным образом — фактически в результате забастовки собственного офи-

церского корпуса. В Аргентине легитимность военного режима достигла низшей точки в 1982 г., после экономических неудач, и генерал Леопольдо Галтиери попытался вновь завоевать поддержку своему правительству вторжением на Фолкленды. Если бы он добился военных успехов, то стал бы величайшим героем аргентинской истории. Его провал и возвращение островов Великобритании ускорили переход к демократии, который произошел в следующем же году.

Попытки авторитарных лидеров удержать исчезающую легитимность с помощью войны с внешним врагом встречают неизбежное препятствие. Вооруженные силы военного режима вовлечены в политику, они могут вообще не иметь эффективной командной структуры (как было в Аргентине), и чем старше режим, тем сильнее в них тенденция политизироваться (это одна из причин, почему у профессионально ориентированных военных лидеров часто появляется желание уничтожить военный режим). С другой стороны, при личной диктатуре, подобной диктатуре шаха в Иране или Маркоса на Филиппинах, армия может не участвовать в политике, но политика проникает в армию, поскольку диктатор больше боится переворота. Поэтому при назначениях на должности предпочтение отдается некомпетентным людям и близким знакомым. Таким образом, для вооруженных сил как военных режимов, так и личных диктатур чаще всего характерен низкий уровень военного профессионализма и боеспособности, а следовательно, как свидетельствуют примеры Греции и Аргентины, провоцирование войны для них — стратегия высокого риска.

Четвертая возможность — попытаться создать для своего режима некое подобие демократической легитимности. Большинство авторитарных режимов — кроме базирующихся на идеологии однопартийных систем, — существовавших в начале 1970-х гг., заявляли, что в надлежательный срок восстановят демократию. Когда они стали утрачивать функциональную легитимность, от них все настойчивее начали требовать выполнения этого обещания, и сами они все сильнее ощущали побуждение попытаться релегитимировать себя путем выборов. В некоторых случаях лидеры явно

верили, что сумеют честно победить на выборах. Но такого почти никогда не бывало, особенно если оппозиции удавалось добиться хотя бы минимального единства. Проблема функциональности, таким образом, уступала место проблеме выборов. Нужно ли организовывать выборы? Если это было сделано, нужно ли подтасовывать результаты? Если сделано и это, добьются ли они легитимности? А если результаты выборов не подтасованы, не проиграют ли?

В-пятых, авторитарные лидеры могли схватить быка за рога и взять на себя инициативу уничтожения авторитарного правления и введения демократической системы. Так часто случалось, но почти всегда это требовало смены руководства внутри самой авторитарной системы.

Утрата легитимности обычно будила сомнения в умах авторитарных лидеров и вызывала в руководстве раскол по вопросу о том, какие ответные меры выбрать. В итоге нерешительность, разногласия, колебания в предпринимаемых действиях еще больше лишали режим легитимности и заставляли политические группировки задуматься о возможном преемнике.

Режим-преемник не обязательно был демократическим. В 1978 и 1979 гг. Иран и Никарагуа перешли от модернизирующихся личных диктатур соответственно к исламскому фундаментализму и марксизму-ленинизму. Когда в середине 1970-х гг. третья демократическая волна уже покатилась, в Африке и некоторых других уголках третьего мира также совершился ряд переходов к марксистско-ленинистским режимам. Португалия после некоторой борьбы пошла по демократическому пути; ее бывшие колонии, получив независимость, — по марксистско-ленинскому. С середины 1960-х гг. до начала 1980-х общее число ярко выраженных марксистско-ленинистских режимов в третьем мире выросло с шести до семнадцати. По большей части эти режимы имели сравнительно узкую базу и не отличались экономическими успехами или длительной политической стабильностью. В начале 1960-х гг. и латиноамериканским политикам, и лидерам США политический выбор Латинской Америки представлялся как выбор между реформой и революцией, Джоном

Кеннеди и Фиделем Кастро. Однако Латинская Америка, за немногими исключениями, не получила ни реформы, ни революции, а получила репрессию в виде военных и бюрократически-авторитарных режимов. Затем экономические неудачи этих режимов уничтожили данную форму правления как альтернативу на ближайшее будущее.

Правые диктатуры, как на Филиппинах и в Сальвадоре, часто стимулируют рост левых революционных движений. Однако в Южной Америке репрессии, безжалостно и успешно проводимые военными режимами, физически устранили многих экстремистов, а заодно заставили марксистские и социалистические группы заново оценить преимущества демократии. В 1980-е гг., отмечали Хуан Линц и Альфред Степан, латиноамериканские левые начали рассматривать «процедурную демократию» как «норму, полезную саму по себе, и как политическое устройство, дающее и защиту от государственного терроризма, и некоторую надежду на электоральный прогресс в направлении социальной и экономической демократии». Один из отцов теологии освобождения, отец Густаво Гутьеррес из Перу, примерно в том же духе заметил в 1988 г., что «опыт диктатуры заставил теологов освобождения оценить политические права»¹⁶. Развал коммунистических режимов в Восточной Европе еще сильнее ограничил возможности марксизма-ленинизма как альтернативы другим авторитарным режимам. Таким образом, хотя авторитарные режимы выступали во многих формах — военное правительство, однопартийная система, личная тирания, абсолютная монархия, расовая олигархия, исламская диктатура, — в 1980-е гг. они в общем и целом не воспринимались как альтернативы друг другу. Везде, кроме Африки и еще некоторых стран, демократия стала считаться единственной законной и жизнеспособной альтернативой авторитарному режиму любого типа.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ

Отношения между экономическим развитием, с одной стороны, демократией и демократизацией — с

другой, сложны и, по-видимому, меняются во времени и пространстве. Экономические факторы оказывают значительное влияние на демократизацию, но не детерминируют ее. Между уровнем экономического развития и демократией существует общая корреляция, однако никакой уровень и никакая модель экономического развития сами по себе не являются необходимыми или достаточными для осуществления демократизации.

Экономические факторы воздействовали на демократизацию третьей волны тремя путями. Во-первых, как указывалось выше, повышение цен на нефть в одних странах и марксистско-ленинские пути в других вызывали в их экономике спад, ослаблявший авторитарный режим. Во-вторых, к началу 1970-х гг. многие страны достигли такого общего уровня экономического развития, который обеспечивал экономическую базу для демократии и облегчал переход к ней. В-третьих, в некоторых странах чрезвычайно быстрый экономический рост дестабилизировал авторитарные режимы, вынуждая их либо либерализоваться, либо усилить репрессии. Короче говоря, экономическое развитие создавало базу для демократии; кризисы, вызываемые либо быстрым ростом, либо экономическим спадом, ослабляли авторитаризм. Не в каждой стране проявлялись все три фактора, но в конечном счете ни одна из стран третьей волны их не избежала. Они рождали экономический импульс и контекст для демократизации в 1970-е и 1980-е гг.

Экономическое развитие. Политические теоретики XVIII в. утверждали, что богатые страны скорее способны быть монархиями, а бедные — республиками или демократиями. Для аграрных обществ это была правдоподобная гипотеза. Однако индустриализация перевернула соотношение между уровнем богатства и формой правления, и в XIX в. возникла положительная корреляция богатства и демократии. Она так и осталась в силе. Большинство богатых стран являются демократическими, и большинство демократических стран — Индия представляет собой драматическое исключение — богаты. Это отношение было выявлено Сеймуром Мартином Липсетом в 1959 г. и решительно

подтверждено большим числом позднейших исследований¹⁷. В 1985 г., например, Кеннет Боллен и Роберт Джекман обнаружили, что «уровень экономического развития оказывает ярко выраженное воздействие на политическую демократию, даже с учетом иных, неэкономических факторов... ВВП представляет собой доминантную объясняющую переменную»¹⁸. В 1989 г. Всемирный банк классифицировал как «страны с высокими доходами» двадцать четыре государства, имеющие доход на душу населения от 6 010 долларов (Испания) до 21 330 долларов (Саудовская Аравия). Три из них (Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты) были экспортерами нефти и не являлись демократическими. На другом конце шкалы к категории «бедных» Всемирным банком были отнесены сорок две страны со среднедушевым доходом от 130 долларов (Эфиопия) до 450 долларов (Либерия). Только две из них (Индия, Шри-Ланка) имели сколько-нибудь продолжительный опыт демократии. Среди пятидесяти трех «стран со средними доходами», от Сенегала (ВВП на душу населения 520 долларов) до Омана (ВВП на душу населения 5 810 долларов), находились двадцать три демократии, двадцать пять недемократических государств и пять таких, о которых в 1989 г., по всем признакам, можно было сказать, что они находятся в процессе перехода от недемократичности к демократии.

Корреляция между богатством и демократией подразумевает, что переходы к демократии в первую очередь должны происходить в странах со средним уровнем экономического развития. В бедных странах демократизация невозможна; в богатых она уже совершилась. Между ними есть некая зона политического транзита; страны, принадлежащие к этому особому экономическому слою, скорее всего перейдут к демократии, а большинство стран, переходящих к демократии, окажутся именно в этом слое. Как только страна развивается экономически и попадает в данную зону, у нее появляются перспективы демократизации. Во время первой волны демократизации в XIX — начале XX в. демократия, как правило, зарождалась в северных европейских странах, когда их ВВП на душу на-

селения, в долларах по курсу 1960 г., составлял от 300 до 500 долларов. В 1920—1930-е гг. множество факторов, включая экономические кризисы, вызвали первый откат к авторитаризму. В целом, однако, экономическое развитие продолжалось, и, следовательно, уровень дохода, характерный для зоны транзита, разделяющей демократические и недемократические системы, повышался¹⁹.

1950-е и 1960-е были годами весьма впечатляющего глобального экономического роста, особенно в менее развитых странах. С 1950 по 1975 г. ВВП на душу населения в развивающихся странах в среднем увеличился на 3,4% ежегодно, что «превосходило и официально поставленные цели, и тайные ожидания»²⁰. Как для развивающихся, так и для развитых стран такой рост был исторически беспрецедентным. В 1960-е гг. — «десятилетие развития» — годовой прирост ВВП в развивающихся странах в среднем превышал 5%, что в целом было более чем вдвое больше, нежели в европейских странах в соответствующих фазах экономического развития. Конечно, показатели по отдельным странам существенно различались — в Южной Европе, Восточной Азии, на Среднем Востоке и в Латинской Америке они были выше; в Южной Азии и Африке — ниже. Однако в целом экономический взлет после Второй мировой войны, продолжавшийся до нефтяных кризисов 1973—1974 гг., переместил многие страны в зону транзита, создавая в них благоприятные экономические условия для развития демократии. Волна демократизации, начавшаяся в 1974 г., в значительной мере являлась плодом экономического роста двух предыдущих десятилетий.

К 1970-м гг. центр экономической зоны транзита сместился вверх, поднявшись от довоенного уровня дохода 300—500 долларов (по курсу 1960 г.) до 500—1000 долларов. В девяти случаях из двадцати одного (т.е. почти в половине случаев) демократизация в третью волну произошла в странах, находящихся на этом Уровне; в четырех случаях — в странах с доходом 300—500 долларов; в двух (Греция, Испания) — в странах, где ВВП на душу населения составлял чуть больше 1000 долларов (все по курсу 1960 г.); в шести (Индия,

Пакистан, Сальвадор, Гондурас, Боливия, Филиппины) — в странах с ВВП на душу населения менее 300 долларов. Разброс по уровню экономического развития, от Индии (87 долларов) до Греции (1 291 доллар), получился весьма значительный, но все же около двух третей переходов к демократии случились в странах, где ВВП на душу населения к моменту перехода составлял приблизительно от 300 до 1 300 долларов. Транзит явно был наиболее вероятен в странах со средним уровнем экономического развития и выше и, как и ожидалось, сосредоточен в зоне, располагавшейся на шкале уровня дохода несколько выше той, которую Саншайн выделил как зону транзита до Второй мировой войны.

Зону транзита третьей волны также можно увидеть, рассматривая данные, представленные в таблице 2.1. Страны здесь классифицируются по ВВП на душу населения в 1976 г. (по отчетам Всемирного банка), а также по тому, были ли в них в 1974 г. демократические политические системы, демократизировались ли или либерализовались они в 1974—1989 гг. либо сохранили все эти годы недемократические режимы²¹. Эти цифры вновь показывают, что страны третьей волны значительно отличались друг от друга по уровню экономического развития: Индия и Пакистан имели в 1976 г. ВВП на душу населения менее 250 долларов, тогда как Чехословакия и Восточная Германия — свыше 3 000 долларов. Однако двадцать семь либерализовавшихся или демократизировавшихся стран из тридцати одной находились посередине, не будучи ни бедными, ни богатыми, и у половины стран третьей волны ВВП на душу населения в 1976 г. составлял от 1 000 до 3 000 долларов. Три четверти стран, достигших данного уровня экономического развития в 1976 г. и имевших недемократические правительства в 1974 г., демократизировались или значительно либерализовались к 1989 г. Короче говоря, обществуведы, желавшему в середине 1970-х гг. предсказать, где в будущем совершится демократизация, стоило бы попросту ткнуть пальцем в недемократические страны, находящиеся в зоне транзита, с ВВП на душу населения 1 000 - 3 000 долларов.

Таблица 2.1

Экономическое развитие и демократизация третьей волны

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
ВВП на душу населения в 1976 г. (в долларах)	Страны, бывшие демократическими в 1974 г.	Страны, демократизировавшиеся/либерализовавшиеся в 1974—1989 гг.	Недемократические страны	Всего	% демократизировавшихся/либерализовавшихся страна
<250	1	2 ^b	31	34	6
250—1 000	3	11	27 ^c	41	29
1 000—3 000	5	16	5	26	76
>3 000	18	2	3	23	40
Всего	27	31	66	124	32

Источник: Экономические данные Всемирного банка: World Development Report 1978. Washington: The World Bank, 1978. P. 76-77.

^a За период 1974—1989 гг., исключая страны, которые уже были демократическими в 1974 г.

^b Включая Индию, которая перестала быть демократической в 1975 г. и затем демократизировалась в 1977 г.

^c Включая Нигерию, перешедшую к демократии в 1980 г. и вернувшуюся к военному правлению в 1984 г., а также Судан, проделавший похожий путь в 1986 и 1989 гг.

Это не значит, что демократизация так просто детерминирована экономическим развитием. Разумеется, нет. В 1976 г. Чехословакия и Восточная Германия очутились в богатой экономической зоне, где «должны» были уже быть демократическими, а Советский Союз, Болгария, Польша и Венгрия, имея ВВП на душу населения свыше 2 000 долларов, занимали высокое положение в зоне транзита. Однако политика и внешние силы задержали их продвижение к демократии до конца 1980-х гг. Интересно отметить, что Филлипс Катрайт в работе начала 1960-х гг. установил наличие сильной корреляции между уровнем развития средств коммуникации и демократией и воспользовался этим, чтобы выявить аномальные случаи, выпада-

шие из начерченной им обратной последовательности. Главными европейскими странами, которые являлись гораздо менее демократическими, чем «должны» были, оказались Испания, Португалия, Польша и Чехословакия²². В менее скованной иберийской среде политическое развитие сравнялось с экономическим в середине 1970-х гг.; в Восточной Европе этого не произошло, пока она не вышла из-под советского контроля пятнадцать лет спустя.

Пять стран с ВВП на душу населения в 1976 г. в пределах 1 000—3 000 долларов не демократизировались к 1990 г. Ирак и Иран — многонаселенные страны — экспортеры нефти. В Ливане была особая консорциативная форма демократии, но она распалась, и со второй половины 1970-х гг. там началась гражданская война. Югославию, во многих отношениях более либеральную, чем другие восточноевропейские коммунистические страны, вал демократизации у соседней в 1989 г. застиг врасплох, хотя самые богатые ее республики, Словения и Хорватия, уже начали двигаться в демократическом направлении. Город-государство Сингапур, богатейшее из государств третьего мира, не экспортирующее нефть, на протяжении 1980-х гг. оставался под милостивой, но твердой рукой своего короля-философа. Там, как и в советском блоке, политика доминировала над экономикой.

Зону экономического транзита можно обнаружить и в параллельном анализе Митчелла Селигсона, утверждающего, что в Латинской Америке пороги, после которых демократия становится если и не обязательной, то возможной, — это ВВП на душу населения (в долларах по курсу 1957 г.) 250 долларов и уровень грамотности 50%. Из одиннадцати латиноамериканских стран лишь три — Аргентина, Чили и Коста-Рика — перешагнули эти пороги в 1957 г. Однако к 1980-м гг. их достигли или миновали еще семь государств: Бразилия, Перу, Эквадор, Сальвадор, Никарагуа, Гватемала и еле-еле — Гондурас. Среди рассматриваемых в той работе одиннадцати стран только Боливия так и осталась значительно ниже указанных порогов. Таким образом, в Латинской Америке появился экономический базис для демократии. Конечно, это не гарантировало самой демократии, но к 1990 г. переходы к демо-

кратии произошли или происходили во всех названных странах. Двигаясь в сходном направлении, Энрике Балойра указывал, что в Латинской Америке личные диктатуры в старом стиле (Парагвай) имеют тенденцию сохраняться дольше, чем бюрократические авторитарные режимы нового типа (Бразилия)²³. По-видимому, жизнеспособность авторитарного режима зависит больше от природы общества, чем от природы самого режима.

Почему экономическое развитие и перемещение стран на уровень дохода выше среднего стимулировали демократизацию? Имеющийся материал свидетельствует, что одно богатство само по себе, видимо, никогда не было решающим фактором. Иран и Ирак, находясь в зоне транзита, тем не менее не демократизировались. Три малонаселенные страны, экспортирующие нефть (Саудовская Аравия, Ливия, Кувейт), не были демократическими, хотя имели в 1976 г. ВВП на душу населения свыше 4 000 долларов, занимая высокое место среди богатых стран. Представляется, что экономическое развитие на широкой основе, включающее значительную индустриализацию, может способствовать демократизации, а богатство, получаемое за счет продажи нефти (и, вероятно, других природных ресурсов), — нет. Нефтяные доходы достаются государству; следовательно, они увеличивают мощь государственной бюрократии и, поскольку сокращают или вовсе устраняют необходимость налогообложения, тем самым уменьшают необходимость иметь правительство, перед которым можно было бы ходатайствовать об уступках со стороны субъектов налогообложения. Чем ниже уровень налогообложения, тем меньше у обществности причин требовать представительства²⁴. «Никакого налогообложения без представительства» — было политическим требованием; «Никакого представительства без налогообложения» — политической реальностью.

В отличие от происходящего в нефтяных государствах, процессы экономического развития, включающего значительную индустриализацию, приводят к созданию новой, гораздо более многообразной, комплексной, вступающей во множество взаимосвязей экономики, которую авторитарным режимам все труд-

нее контролировать. Экономическое развитие создавало новые источники богатства и власти помимо государства и порождало функциональную необходимость ротации тех, кто принимает решения. Более непосредственно оно, по-видимому, вызывало перемены в социальной структуре и ценностях, которые, в свою очередь, способствовали демократизации. Во-первых, как утверждалось, уровень экономического благосостояния в самом обществе формирует «ценности и настроения граждан», благоприятствуя развитию чувств межличностного доверия, довольства жизнью и компетентности, что, в свою очередь, сильно коррелирует с существованием демократических институтов²⁵. Во-вторых, экономическое развитие повышает уровень образования в обществе. В 1960—1981 г. доля релевантных возрастных групп, посещающих среднюю школу, в развивающихся странах резко возросла²⁶. Более образованным людям более присущи такие свойства, как доверие, довольство и компетентность, соответствующие демократии. В-третьих, экономическое развитие увеличивает ресурсы, которые можно распределять между социальными группами, и тем самым облегчает соглашения и компромиссы. В-четвертых, экономическое развитие в 1960—1970-е гг. требовало и помогало открывать общества для внешней торговли, иностранных инвестиций, технологий, туризма и коммуникаций. Включение страны в мировую экономику создавало неправительственные источники богатства и влияния, и общество становилось открыто для воздействия демократических идей, преобладающих в индустриализованном мире. Правительства, желавшие, как в Китае, открыть свою экономику миру, чтобы стимулировать экономическое развитие, но при этом сохранить закрытую политическую систему, сталкивались с явно неразрешимым конфликтом. Автаркия и развитие — невозможная комбинация, развитие и либерализующее иностранное влияние — неизбежная.

Наконец, экономическое развитие способствует расширению среднего класса: все большую и большую часть общества составляют бизнесмены, специалисты, владельцы магазинов, учителя, государственные слу-

жащие, менеджеры, инженерно-технические, канцелярские и торговые работники. Демократия в какой-то мере предопределяется властью большинства, и ее трудно добиться в условиях концентрации неравенства, когда огромное, доведенное до обнищания большинство противостоит малочисленной богатой олигархии. Демократия возможна и в сравнительно бедном аграрном обществе, каковыми являлись Соединенные Штаты в начале XIX в. или Коста-Рика в XX в., где землевладельцы относительно равны. Как правило, однако, средний класс значительных размеров есть продукт индустриализации и экономического роста. В ранних фазах он не обязательно представляет собой силу демократии. Порой в Латинской Америке и в других местах группы среднего класса допускали, а то и активно поддерживали военные перевороты, призванные свергнуть радикальные правительства и уменьшить политическое влияние рабочих и крестьянских организаций. Но по мере того как продолжался процесс модернизации, у сельских радикальных движений оказывалось все меньше рычагов для воздействия на политический процесс, а городской средний класс увеличивался в размерах по сравнению с промышленным рабочим классом. В результате потенциальные угрозы группам среднего класса со стороны демократии уменьшались, и эти группы все более уверялись в своей способности продвигать свои интересы с помощью электоральной политики.

Движения за демократизацию в третью волну возглавляли не сельские хозяева, не крестьяне и не промышленные рабочие (за исключением Польши). Практически в каждой стране наиболее активными сторонниками демократизации были представители городского среднего класса. В Аргентине, к примеру, в 1960—1970-е гг. выбор делался между избранным перонистским правительством, опиравшимся на рабочий класс, или рожденным переворотом военным режимом, пользующимся поддержкой среднего класса. Однако к 1980-м гг. средний класс стал достаточно многочисленным, чтобы внести основной вклад в победу радикальной партии Рауля Альфонсина и заставить перонистских кандидатов не забывать о его инте-

ресах. В Бразилии средний класс в подавляющем большинстве поддержал переворот 1964 г. Но в середине 1970-х гг. «именно те сектора, которые больше всего выиграли за годы "экономического чуда", наиболее громко требовали возврата к демократическому правлению: население крупных и развитых городов и средний класс»²⁷.

На Филиппинах бизнесмены и специалисты из среднего класса влились в ряды демонстраций против Маркоса в 1984 г. На следующий год ядро кампании Акино составлял «средний класс, врачи и юристы, не занимающиеся политикой, которые предлагали свои услуги в качестве добровольцев кандидатам от оппозиции или гражданским наблюдательным группам от НАМФРЕЛ [Национального движения за свободные выборы], а не какой-либо партии»²⁸. В Испании экономическое развитие создало «нацию современного среднего класса», что и сделало возможным быстрый и мирный процесс приведения политической системы к согласию с обществом²⁹. На Тайване «главными акторами политических перемен» были «недавно появившиеся интеллектуалы среднего класса, достигшие совершеннолетия в период быстрого экономического роста»³⁰. В Корее движение за демократию в 1980-е гг. стало представлять серьезную угрозу для авторитарного режима только потому, что к 1980-м гг. появился «процветающий городской средний класс» и профессионалы из среднего класса присоединились к студентам, требуя покончить с авторитаризмом. Мобилизация «управленческих и профессиональных классов Сеула... пожалуй, более, чем какой-либо иной» фактор вынудила страну совершить переход к демократии в 1987 г. Сообщая о демонстрациях 1987 г. против авторитарного режима Чон Ду Хвана, «Экономист» спрашивал: «Что будет, когда слезоточивый газ встретится со средним классом в Сеуле?»³¹ Ответ скоро стал ясен: слезоточивый газ проиграет. В некоторых странах, в том числе в Испании, Бразилии, Перу, Эквадоре и на Филиппинах, деловое сообщество, прежде помогавшее созданию авторитарных режимов, сыграло решающую роль, добиваясь перехода к демократии³². И напротив, там, где городской средний класс был меньше или слабее, как в Китае, Бирме, Судане, Болгарии и Румы-

нии, либо демократизация не была успешной, либо демократия — стабильной.

Итак, процессы экономического развития, которые, если верить О'Доннелу, в 1960-е гг. породили бюрократический авторитаризм, в 1980-е — дали толчок демократизации. Приблизительная картина причинно-следственных связей, приведших к такому исходу, показана на схеме 2.1.

Схема 2.1. Экономическое развитие как фактор демократизации

Быстрый рост. Итак, достижение странами среднего уровня доходов и перемещение их в экономическую зону транзита вело к изменениям в социальных структурах, убеждениях, культуре, каковые благоприятствовали зарождению демократии. Чрезвычайно высокие темпы экономического роста в некоторых странах также порождали недовольство существующим авторитарным правительством. За два десятилетия, предшествовавшие транзиту середины 1970-х гг., Испания, Португалия и Греция пережили взрыв экономического роста. В 1913—1950 гг. ежегодный совокупный прирост реального продукта на душу населения в среднем в Испании был отрицательным, а в Греции и Португалии составлял менее 1%. В 1950—1973 гг. прирост в Испании составлял 5,2%, в Португалии — 5,3%, в Греции — 6,2%. Темпы роста ВВП в этих трех странах составляли в 1960—1973 гг. 6—8% по сравнению с 4—5% в остальных западноевропейских странах, а ВВП на душу населения в 1960—1980 гг. рос быстрее, чем во

всех прочих странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), за исключением Японии»³³.

Быстрый экономический рост быстро создает экономическую базу для демократии, которую более медленный рост соответственно создает медленнее. Он также пробуждает ожидания, обостряет неравенства, вызывает стрессы и натяжение социальной ткани, стимулирующие политическую мобилизацию и требования политического участия. Так, например, в Греции 1950—1960-х гг. быстрый, неровный экономический рост породил «все возрастающее самосознание, политизацию, фрустрацию и возмущение», которые вели к «социальным волнениям и политической мобилизации»³⁴. Это обострение обстановки в значительной степени явилось причиной переворота 1967 г., одной из главных задач которого было сдержать подобное развитие событий. Однако экономический рост продолжался и при военном режиме до 1973 г. Режим следовал одновременно двумя противоречащими друг другу курсами. Он «пытался остановить и обратить вспять процесс демократизации. Но при этом не мог отказаться от быстрого экономического роста и модернизации»³⁵. Социальная фрустрация и политическое недовольство увеличивались. В конце 1973 г. взлет цен на нефть добавил еще один источник недовольства, и режим должен был или либерализоваться, или усилить репрессии. Пападопулос нерешительно обратился в сторону либерализации; студенты Национального технического университета стали протестовать и требовать большего. В них начали стрелять, и сторонники жесткой линии во главе с Иоаннидисом прогнали Пападопулоса, чтобы самим пасть всего через полгода, когда они спровоцировали военный конфликт на Кипре.

В Испании те же противоречия были вызваны «беспрецедентным периодом экономического роста» 1960-х гг. Лидеры франкистского режима надеялись, что такой рост сделает население счастливым, довольным и лишит его интереса к политике. «На практике, однако, быстрые экономические перемены обострили или катализировали основные конфликты в испанском обществе и способствовали культурным, соци-

альным и политическим переменам, поставившим под сомнение жизнеспособность режима. Политические структуры, строившиеся когда-то в преимущественно аграрном обществе после изнурительной гражданской войны, стали казаться анахроническими перед лицом противоречий быстро меняющегося индустриализованного общества»³⁶. Политические требования, рожденные быстрым ростом, наложились на экономику, полностью сформировавшую экономическую и социальную базу демократии. В 1960-е гг. франкистский министр планирования Лауреано Лопес Родо предсказывал, что Испания станет демократической, когда ее ВВП на душу населения достигнет 2 000 долларов. Так и вышло. Переходу помогла и современная смерть Франко в 1975 г. Если бы он тогда не умер или если бы Хуан Карлос не обязался создать парламентскую демократию, поляризация могла бы привести к социальному насилию и серьезно повредить перспективам демократии в Испании. Однако экономические и социальные предпосылки для демократии там в 1975 г. существовали, и потому умелое и верное своим обязательствам руководство сумело осуществить демократизацию сравнительно быстро и гладко.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. пережила свое «экономическое чудо» Бразилия. С 1968 по 1973 г. ее ВВП в среднем прирастал почти на 10% в год. Это усугубило и без того уже весьма значительное неравенство в распределении доходов, и кое-кто мог бы избразить Бразилию как яркий образчик капиталистического развития, в результате которого многонациональные корпорации и их местные партнеры получают прибыли, а местные рабочие и крестьяне страдают. Это также дало повод Эрнесту Гейзелу, когда тот стал президентом Бразилии в 1974 г., заметить: «Бразилия живет очень хорошо, а бразильцы — очень плохо». Трудности быстрого экономического роста, приведшие к гибели военного режима в Греции и к трансформации диктатуры в Испании, дали о себе знать и в Бразилии. Однако бразильские военные лидеры их хорошо понимали и решили к ним приспособиться. В последний год своего правления президент Медичи стал обдумывать способы осуществления *distensao* («декомпрессии»). Президент Гейзел и его главный советник

генерал Гольбери ду Коуту-и-Сильва начали этот процесс и продвигали дело до 1978 г. Президент Жуан Фигейреду продолжил и расширил его, превратив в процесс *abertura* («открытия»). Действия этих двух президентов предотвратили нараставший социальный конфликт и подготовили почву для демократии.

Темпы роста, достигнутые в 1960—1980-х гг. Южной Кореей и Тайванем, были одними из высочайших в мире. Эти два общества экономически и социально трансформировались. Стремление к демократизации развивалось в них медленнее, чем в европейских и латиноамериканских обществах, по двум причинам. Во-первых, конфуцианские культурные традиции, ставшие во главу угла иерархию, авторитет, общинность и лояльность, отодвинули момент, когда социальные группы интенсивно стали заявлять свои требования государству. Во-вторых, в отличие от других обществ, быстрый экономический рост происходил в Корее и на Тайване в контексте систем сравнительно равного распределения доходов. Последние сложились в силу различных причин, в том числе в результате программ земельных реформ конца 1940-х — начала 1950-х гг. и рано достигнутого высокого уровня грамотности и образования. Неравенства, сопутствующие быстрому росту в Бразилии, в этих двух восточноазиатских странах явно отсутствовали. Тем не менее, к 1980-м гг. экономическое развитие в них дошло до той точки, когда требования расширения политического участия вынудили правительства обеих стран начать процессы демократизации.

Очень быстрый экономический рост с неизбежностью бросал вызов авторитарным дилерам. Он не обязательно заставлял их вводить демократию. В 1960—1975 гг. бразильский ВВП в среднем возрастал ежегодно на 8%. В те же годы ВВП в Иране увеличивался на 10%. С 1980 по 1987 г. прирост ВВП в Китае также составлял ежегодно 10%. Такие темпы роста вызвали в этих трех авторитарных системах крайне дестабилизирующие стрессы и напряженность, усилили неравенство и фрустрацию, стимулировали предъявление социальными группами требований к правительству. Лидеры трех стран реагировали тремя различными способами. Гейзел открыл общество, Дэн сломил его, шах не

решался ни на то, ни на другое. Результатом стали соответственно демократия, репрессии и революция.

Резюме. В долгосрочной перспективе экономическое развитие создает базис для демократических режимов. В краткосрочной — очень быстрый экономический рост и экономические кризисы могут разрушить авторитарные режимы. Если экономический рост не сопровождается экономическим кризисом, демократия наступает медленно, как происходило в Европе XIX в. Если дестабилизирующий рост или экономический кризис имеют место, когда уровень богатства, позволяющий войти в зону транзита, еще не достигнут, авторитарные режимы могут пасть, но весьма сомнительно, что их заменят долговечные демократические режимы. В третью волну наиболее благоприятной для перехода от авторитарного к демократическому правлению экономической формулой стало сочетание значительного уровня экономического развития с недолгим экономическим кризисом или провалом³⁷.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРЕМНЫ

Два процесса, происходившие в религиозной сфере, способствовали демократизации в 1970—1980-е гг.

Существует сильная корреляция между западным христианством и демократией. Современная демократия в первую очередь и наиболее энергично развивалась в христианских странах. К 1988 г. католическая и/или протестантская религия доминировали в тридцати девяти из сорока шести демократических стран. Эти тридцать девять демократических государств составляли 57% от общего числа — шестидесяти восьми — стран, являвшихся преимущественно западно-христианскими. И напротив, только семь (12%) из пятидесяти восьми стран, где преобладали другие религии, были демократическими. Особенно редко встречалась демократия в странах по преимуществу мусульманских, буддистских или конфуцианских³⁸.

Эта корреляция не обуславливает каузацию. Тем не менее, христианство западного образца акцентирует достоинство личности и раздельность сфер деятельности церкви и государства. Лидеры протестантской и католической церкви многих стран играли ведущую

роль в борьбе с репрессивными государствами. Представляется правдоподобной гипотеза, что экспансия христианства поощряет демократическое развитие.

Где же в 1960—1970-е гг. значительно распространилось христианство? Ответ: в очень немногих местах. Наиболее яркий пример — Южная Корея. С небольшими перерывами в Корее сначала был полудемократический гражданский режим Ли Сын Мана в 1950-х гг., полудемократический военный режим Пак Чжон Хи в 1960-х гг. и военные диктатуры того же Пака и генерала Чон Ду Хвана в 1970-х и 1980-х гг., после чего в 1987 г. произошел переход к демократии. В конце Второй мировой войны Корея была преимущественно буддистской, с некоторым налетом конфуцианства. Христиане составляли примерно 1% населения. В середине 1980-х гг. около 25% населения Кореи были христианами — из них четыре пятых протестантами, главным образом пресвитерианами, а одна пятая — католиками. Переходили в христианство в основном молодые городские жители, принадлежавшие к среднему классу. Мотивы их обращения объяснялись глубокими социально-экономическими переменами, совершавшимися в Корее. «Для миллионов, хлынувших в города, — говорилось в одной статье, — и для многих из тех, кто остался в изменившейся деревне, статичный буддизм аграрной эпохи утратил привлекательность. Христианство, с его идеей личного спасения и индивидуальной судьбы, давало большее ощущение комфорта во времена потрясений и перемен»³⁹.

Христианство также предоставляло более надежный доктринальный и институциональный базис для сопротивления политическим репрессиям. Оно, как выразился один житель Южной Кореи, «отличалось тем, что несло идею равенства и почитания власти, независимой от государства»⁴⁰. На смену конфуцианскому авторитаризму и буддийской пассивности пришла христианская воинственность. В 1974 г. пять епископов вывели 5 000 католиков на первую крупную демонстрацию против режима военного положения, установленного президентом Паком. Многие из главных лидеров оппозиционных движений, например Ким Дэ Джун и Ким Янг Сам, были христианами, а представители протестантского и католического духовенства,

такие как преподобный Мун Ик Хван и кардинал Ким Су Хван, возглавляли борьбу против репрессий военного правительства. К началу 1980-х гг. церкви стали «основным форумом оппозиции режиму». В 1986 и 1987 гг. кардинал Ким, другие католические лидеры и главная организация протестантов — Национальный церковный совет — решительно поддержали кампанию оппозиции за прямые выборы президента. В конфликте с правительством «церкви и соборы обеспечивали институциональный базис для борьбы за справедливость и права человека, а также публичное пространство для инакомыслящих и инакововерующих. Католические священники, Римско-католическая ассоциация молодых рабочих-католиков, Городская промышленная миссия и протестантские пасторы политизировались и начали представлять собой немаловажную часть антиправительственного движения. Собор Мьендон в Сеуле стал символическим местом встреч политических диссидентов»⁴¹. Таким образом, Корея в некотором роде перевернула вековскую взаимосвязь: экономическое развитие стимулировало экспансию христианства, а христианские церкви, их лидеры и верующие стали главной силой в осуществлении перехода к демократии в 1987—1988 гг.

Вторым, более важным процессом в религиозной сфере, содействующим демократизации, были имеющие далеко идущие последствия перемены в доктрине, руководстве, отношении к самодеятельности прихожан и политической ориентации римско-католической церкви по всему миру в целом и во многих странах в частности. Исторически протестантизм и демократия были связаны друг с другом. Первый демократический импульс в западном мире создала пуританская революция XVII в. Подавляющее большинство стран, ставших демократическими в первую волну демократизации в XIX в., были протестантскими. Страны второй волны после Второй мировой войны в религиозном отношении представляли собой весьма разнообразную картину. Тем не менее, в 1960-е гг. между этими двумя переменными существовала довольно значительная взаимосвязь. Как показало одно исследование, в девяти странах «уровень демократии был тем выше, чем больше была доля протестантского населе-

ния». Католичество же ассоциировалось с отсутствием демократии или с ограниченным либо запоздалым демократическим развитием. По словам Липсета, оно «представлялось антитезой демократии в Европе до Второй мировой войны и в Латинской Америке»⁴².

Выдвигались три правдоподобных объяснения такой взаимосвязи. В протестантской доктрине главное внимание было обращено на индивидуальную совесть, доступность Святого Писания для отдельного человека, прямые взаимоотношения человека с Богом. Католичество подчеркивало посредническую роль священничества, воплощенную в латинской мессе. Во-вторых, сами протестантские церкви были организованы более демократично, верховная власть в них принадлежала конгрегации, епископов не было вообще, либо они обладали весьма ограниченными полномочиями. Католическая церковь, напротив, представляла собой авторитарную организацию с целой иерархической лестницей из священников, епископов, архиепископов, кардиналов и с папой на ее вершине, с доктриной о непогрешимости папы. Католические страны, как отмечал Пьер Эллиот Трюдо, «авторитарны в духовных вопросах, а поскольку разграничительная линия между духовным и светским может быть очень тонкой и даже смещаться, они зачастую не склонны решать светские дела простым подсчетом голосов»⁴³. И наконец, есть тезис Вебера: протестантизм поощряет предпринимательство в экономике, развитие буржуазии, капитализма, экономического благосостояния, которые способствуют появлению демократических институтов.

До 1960-х гг. эти аргументы и объясняемая с их помощью связь между религией и демократией казались неоспоримыми. Но теперь дело обстоит уже не так. Третья волна 1970—1980-х гг. оказалась преимущественно католической волной. Католическими были две из трех стран, демократизировавшихся в третью волну первыми (Португалия и Испания). Затем демократизация прокатилась по шести южноамериканским и трем центральноамериканским странам. Она дошла до Филиппин — первой демократизировавшейся восточноазиатской страны, — вернулась в Чили, коснулась Мексики и обрушилась на католическую Польшу и

Венгрию — первые демократизировавшиеся восточно-европейские страны. В каждом из этих регионов католические страны играли ведущую роль, а в самом католическом регионе — Латинской Америке — и демократизация была наиболее полной. В целом католическими были примерно три четверти стран, перешедших к демократии в 1974—1989 гг.

Как это объяснить? Конечно, отчасти ответ заключается в том, что к началу 1970-х гг. большинство главных протестантских стран мира уже стали демократическими. Основные исключения представляли Восточная Германия и Южная Африка, и протестантские церковные лидеры в этих странах боролись за демократизацию, так же как и в Южной Корее. Однако среди других стран, которым еще предстояло демократизироваться, были и католические, и православные, и вообще нехристианские. Остается вопрос: почему же демократизировались именно католические? Частично это может объясняться преобразованием еще одной существовавшей прежде и неблагоприятной для католичества корреляции. В прошлом протестантские страны экономически развивались быстрее католических и достигали более высокого уровня экономического благосостояния. Католические страны были бедны. Однако начиная с 1950-х гг. темпы экономического роста у них стали выше, чем у протестантских стран. Конечно, в значительной мере — потому что, как правило, они находились на более низком уровне экономического развития. Но, так или иначе, экономический рост несомненно облегчил переход к демократии в некоторых католических странах⁴⁴.

Более глубокой причиной прорыва к демократии в католических странах послужили перемены в католической церкви. Исторически в Иберии, Латинской Америке и других местах церковь ассоциировалась с местным истеблишментом, землевладельческой олигархией и авторитарным правительством. В 1960-е гг. она изменилась. Перемены в церкви поставили мощный социальный институт в оппозицию диктаторским режимам, лишили эти режимы какой бы то ни было религиозной легитимности и стали обеспечивать защиту, поддержку, ресурсы и лидеров продемократическим оппозиционным движениям. До середины

1960-х гг. католическая церковь обычно приспособилась к авторитарным режимам и нередко легитимировала их. Начиная с середины 1960-х гг. — она почти неизменно противостояла авторитарным режимам, а в некоторых странах, например, в Бразилии, Чили, Польше, на Филиппинах и в центральноамериканских государствах, играла центральную роль в попытках смены подобных режимов. Это превращение католической церкви из оплота *status quo*, как правило, авторитарного, в силу, служащую переменам, как правило, демократическим, представляет собой величайший политический феномен. Обществоведы 1950-х гг. были правы: католичество тогда препятствовало демократии. Но после 1970 г. из-за внутренних перемен в католической церкви оно стало силой демократии*.

Перемены происходили на двух уровнях. На уровне глобальном их проводил в жизнь папа Иоанн XXIII. Он действовал личным примером и убеждением, с помощью доктрин, которые обнародовал в своих энцикликах, но главное — с помощью Второго Ватиканско-

Ответы на вопросы, почему и как произошли эти судьбоносные перемены в католической церкви, находятся за пределами данного исследования. Джордж Вейгель выделяет несколько восходящих еще к концу XIX в. факторов, ответственных за изменение позиции церкви по отношению к либерально-демократическому государству. «Особенно важное значение» среди них, по его словам, имели США и американские епископы. Их влияние, говорит он, достигло кульминации во Втором Ватиканском соборе и его Декларации религиозной свободы (*Dignitatis Humanae Personae*), которая являла собой «дита американского опыта и эксперимента», и в особенности американского теолога Джона Кортни Мюррея. См.: Weigel G. *Catholicism and Democracy: The Other Twentieth-Century Revolution // The New Democracies: Global Change and U.S. Policy* / Ed. by B. Roberts. Cambridge: MIT Press, 1990. P. 20—25. Если следовать аргументам Вейгеля, Соединенные Штаты сыграли двоякую роль в осуществлении третьей волны: непосредственно своей новой политикой в 1970—1980-е гг. (см. ниже, с. 104—112) и более косвенно — путем длительного влияния, оказываемого на католическую церковь.

За редкими исключениями, обществоведы игнорировали значение перемен в католической церкви для демократического развития, так же как они игнорировали поначалу не менее важные, хотя и совершенно иные, процессы, протекавшие в 1960—1970-е гг. в исламе. Пророческим исключением явилась книга Дж. Лоджа 1970 г.: Lodge J.C. *Engines of Change: United States Interests and Revolution in Latin America*. New York: Alfred A. Knopf, 1970.

го собора, созданного им и проходившего с 1962 по 1965 г. Второй Ватиканский собор подчеркнул законность и необходимость социального изменения, важность коллегиальных действий епископов, священников и мирян, обязанность помогать бедным, переходящий характер социальных и политических структур, права личности. На лидерах церкви, заявил Собор, лежит обязанность «выносить моральный приговор в делах политического устройства, если с точки зрения основных прав личности... есть необходимость такого приговора»⁴⁵. Эта позиция была вновь подтверждена и развита на конференциях латиноамериканских епископов в Медельине в 1968 г. и Пуэбле в 1979 г., а также на других собраниях епископов.

Одновременно происходили столь же значительные перемены в области самодеятельности прихожан и деятельности рядовых священников. Так, например, в Испании 1960-х гг., как указывал Хуан Линц, «новые поколения священников (некоторые из них приняли сан поздно), сокращение, по-видимому, рекрутирование духовенства на селе, более сильное осознание социальной несправедливости, контакты с дехристианизированным рабочим классом, социологические исследования религиозной практики, отождествление духовенства с культурными, языковыми меньшинствами в Стране басков и Каталонии, а прежде всего влияние Второго совета Ватикана, породили фермент критических и беспокойных настроений среди наиболее молодых интеллектуалов-католиков, мирян и духовных лиц и привели к конфликтам с властью»⁴⁶.

В Бразилии 1960-е и 1970-е гг. ознаменовались быстрым распространением по всей стране народных «низовых церковных общин» (НЦБ), которых к 1974 г. насчитывалось сорок тысяч и которые придали бразильской церкви совершенно новый характер. В то же время на Филиппинах развивалось движение «левых христиан», включавшее священников и местных активистов; некоторые из них были марксистами, другие выступали за социальную демократию, одновременно и антиимпериалистическую, и антикоммунистическую. В конце 1970-х гг. церковь в Аргентине резко сменила прежнюю консервативную окраску, ее священники мобилизовали массовое молодежное движе-

ние, что привело к «беспрецедентному евангелическому возрождению». Точно так же произошла «политизация церкви снизу» в Польше и Чили: «В основе позиции церкви в каждой стране можно проследить движение агрессивных молодых священников, решительно отождествляющих себя с чаяниями местного общества и стремящихся организовать или защищать аутентично репрезентативные и ненасильственные социальные движения»⁴⁷. Эти новые направления мобилизации низов в сочетании с новым направлением в доктрине, идущим от Ватикана, создали новую церковь, практически неизбежно встающую в оппозицию авторитарным правительствам.

В некоммунистических странах взаимоотношения церкви и авторитарного правительства чаще всего проходили три стадии: согласия, неопределенности и противостояния. Поначалу внутри церковной иерархии обычно брали верх консервативные элементы, олицетворяющие историческую позицию церкви как партнера истеблишмента и адвоката социального мира. Церковные лидеры приветствовали истеблишмент авторитарного режима. В Испании церковь помогла Франко победить и долго поддерживала его правление. Бразильские епископы сразу после переворота 1964 г. встали «на позицию горячих сторонников военного правительства». В Аргентине, Чили и других странах церковь точно так же легитимировала военные перевороты⁴⁸.

По мере того как режим укреплялся у власти и, как правило, усиливал репрессии, а также по мере осознания национальной церковной иерархией конвергирующих трендов, существующих в широких народных массах и в Ватикане, позиция церкви обычно менялась. В Бразилии, на Филиппинах, в Чили, в центральноамериканских государствах и в других местах внутри церкви развивались два течения оппозиционной мысли и деятельности. Социалистическое или «красное» течение выступало за социальную справедливость, обличало пороки капитализма, ставило во главу угла обязанность помогать бедным и нередко включало в свое учение значительные марксистские элементы «теологии освобождения». Влияние последней не приводило церковь к демократии, но во многих

странах, кроме Никарагуа, помогало мобилизовать католиков для противостояния существующей диктатуре. В большинстве стран также развивалось умеренное или «желтое» (под таким названием оно было известно на Филиппинах) оппозиционное течение, к которому, как правило, принадлежала огромная часть епископов и которое первоочередное внимание сосредоточивало на правах человека и демократии. В результате церковь в целом меняла свою позицию с приспособленческой на довольно неопределенную.

В большинстве стран в какой-то момент наступал перелом в отношениях церкви и государства, когда национальная конференция епископов или верховный лидер церкви открыто ставили последнюю в оппозицию режиму. В Чили жесточайший произвол и пренебрежение правами человека со стороны военного режима очень скоро после его прихода к власти привели к разрыву с церковью и образованию в январе 1976 г. Викариата солидарности. В Бразилии такой разрыв также произошел в ранний период существования военного правительства, после того как Национальная конференция бразильских епископов выпустила документ, обличающий правительственную доктрину национальной безопасности как «фашистскую», и подготовила почву для активной церковной оппозиции, напомнив бразильцам о нацистской Германии, где христиане «приняли правительственные доктрины, не зная, что они противоречат истинным заветам христианства». Вскоре кардинал Сан-Паулу довершил разрыв эффективным жестом, нанеся рассчитанное оскорбление военному президенту Бразилии — отказавшись служить мессе в день его рождения⁴⁹. В Испании разрыв с церковью произошел на более позднем этапе истории режима, когда в сентябре 1971 г. была созвана уникальная Ассамблея епископов и священнослужителей в Мадриде. Для испанской церкви это было экстраординарно демократическое собрание; ход его работы широко освещался в средствах массовой информации; оно «дало урок демократии» испанскому народу и приняло резолюции в защиту «права на свободу слова, свободу союзов и организаций, свободу собраний — фактически всех тех прав, осуществление которых при режиме Франко всегда было весьма огра-

ничено». В результате «церковь открыто отделила себя от государства и отказалась от своей роли в легитимации режима»⁵⁰. Ватикан полностью одобрил эти перемены. На Филиппинах разрыв произошел в 1979 г., когда кардинал Хайме Син потребовал отмены военного положения и проведения новых выборов без участия Маркоса. В Аргентине это случилось в 1981 г., после того как церковь выпустила документ под названием «Церковь и национальное сообщество». В Гватемале церковь перестала защищать существующий строй и начала выступать за социальную справедливость, реформы и демократию после обнародования епископами «с 1983 по 1986 г. более пятнадцати пастырских посланий и публичных обличений, призывающих уважать права человека и пропагандирующих социальную, экономическую и земельную реформы»⁵¹. В Сальвадоре церковь во главе с архиепископом Роме-ро точно так же порвала с правительством после 1977 г.

Практически во всех случаях, когда церковные лидеры начинали обличать режим, последний в отместку усиливал атаки на католическое духовенство, активистов, печатные издания, организации и имущество церкви. Священников и церковных служителей часто арестовывали, пытали, случалось, и убивали. Так создавались мученики. Результатом зачастую становилась открытая политическая, идеологическая и экономическая война между церковью и государством, церковь превращалась в «крупнейшего противника» авторитарного государства, как в Бразилии, и «центр нравственной оппозиции режиму», как в Чили⁵². На Филиппинах, в других странах церковь стала главным институтом, осуждающим репрессии, защищающим права человека и приближающим переход к демократии. Интересное исключение среди глубоко католических стран представляла Польша, где начиная с 1980 г. «Солидарность» монополизировала роль центра оппозиции, а церковь под руководством осторожного кардинала Юзефа Глемпа несколько лет играла роль посредника между правительством и оппозицией.

Национальные церкви действовали в своей войне против авторитаризма многие ресурсы. Церковные организации и здания предоставляли убежище и помощь противникам режима. Церковные радиостанции, газе-

ты и другие периодические издания вставали на службу делу оппозиции. Будучи общенародным, охватывающим всю страну институтом, церковь, например в Бразилии, имела «общенациональную сеть представителей, которых могла мобилизовать»⁵³. В определенном смысле это была тайная общенациональная политическая машина, состоящая из сотен и тысяч священников, монахинь, активистов-мирян, способная поставлять силы для акций протеста оппозиции. У церкви нередко были весьма искусные в политике лидеры, такие как кардиналы Арнс в Бразилии, Син на Филиппинах, Роме-ро в Сальвадоре, Ким в Южной Корее. Она создавала организации вроде чилийского Викариата солидарности, поддерживавшего оппозицию, и второго Национального движения за свободные выборы (НАМФРЕЛ, или, как его часто называли, «Нанфрел»*) на Филиппинах, выступавшего за возврат к электоральному процессу и содействовавшего обеспечению честных выборов⁵⁴. (Первый НАМФРЕЛ с теми же целями был создан ЦРУ США в 1953 г.)

Кроме того, церковь, разумеется, была транснациональной организацией. При случае она могла призвать на помощь влияние Ватикана, так же как других национальных церквей и католиков в других странах. Бразильская церковь, к примеру, мобилизовала за рубежом в свою поддержку «Ватикан, сочувствующее духовенство и мирян в Европе и США и других активистов — защитников прав человека, вдохновив волну протестов в европейской и американской прессе. Критика с этой стороны в особенности обеспокоила бразильских военных»⁵⁵.

После вступления на папский престол Иоанна Павла II папа и Ватикан вышли на авансцену борьбы церкви против авторитаризма. В марте 1979 г. в своей первой энциклике Иоанн Павел II осудил нарушения прав человека и прямо назвал церковь «стражем» свободы, «каковая есть условие и основа истинного достоинства человеческой личности». Папские визиты стали играть ключевую роль. Иоанн Павел II, казалось, обладал особым умением выступить во всем ве-

Игра слов от английского «nun» — «монахиня». — Прим. пер.

личии сана понтифика именно в критические моменты процессов демократизации: он побывал в Польше в июне 1979 г., июне 1983 г., июне 1987 г.; в Бразилии в июне — июле 1980 г.; на Филиппинах в феврале 1981 г.; в Аргентине в июне 1982 г.; в Гватемале, Никарагуа, Сальвадоре, на Гаити — в марте 1983 г.; в Южной Корее в мае 1984 г.; в Чили в апреле 1987 г.; в Парагвае в мае 1988 г.

Эти визиты, как и многие другие, всегда, как говорилось, преследовали чисто пастырские цели и почти неизменно имели политический эффект. Лишь в немногих случаях, например в Корее и на Филиппинах, местные сторонники демократизации выражали сожаление, что папа не высказался яснее в защиту их дела. Чаше, однако, он достаточно откровенно поддерживал местные церкви в их борьбе с авторитарными правительствами, а в Польше, Гватемале, Никарагуа, Чили, Парагвае и др. четко относил себя к оппозиции режиму⁵⁶. Величайшее влияние он, конечно, оказал на Польшу, где его драматический визит 1979 г., как выразился один польский епископ, изменил «менталитет страха, страха перед полицией и танками, страха потерять работу, не получить повышения, быть исключенным из школы, не получить паспорт. Люди поняли, что, если они перестанут бояться системы, система будет бессильна». Это «первое великое паломничество», по замечанию Тимоти Гартон Эша, возвестило «начало конца» коммунизма в Восточной Европе. «Здесь мы впервые увидели масштабную, длительную, но притом мирную и дисциплинированную демонстрацию социального единства, спокойную толпу, выступающую против партии-государства; это стало отличительным признаком и главным внутренним катализатором перемен 1989 г. в каждой стране кроме Румынии (и даже в Румынии не толпа начала первой применять насилие)»⁵⁷. Выступая против Пиночета в Чили, папа так обозначил отношение демократии к своей миссии: «Я не проповедник демократии; я проповедник Евангелия. Послание Евангелия, конечно, касается всех проблем прав человека; и если демократия означает права человека, то послание церкви касается и ее тоже»⁵⁸.

Наконец, в критические моменты процесса демократизации церковные лидеры и организации порой вмешивались и в политику. В 1978 г. церковь Доминиканской Республики осудила попытку прекратить подсчет голосов и продлить срок полномочий президента Балагера. В 1989 г. панамские церковные лидеры так же осудили фальсификацию выборов Норьегой и призвали панамские войска не повиноваться приказу выступить против демонстрантов от оппозиции. В Никарагуа кардинал Обандо-и-Браво организовал сопротивление сандинистскому правительству. В Чили кардинал Хуан Франсиско Фресно, подобно своему предшественнику, кардиналу Раулю Сильва Энрикесу, был на передовой борьбы против режима Пиночета и в августе 1985 г. играл активную роль, добиваясь от лидеров одиннадцати политических партий подписания Национального соглашения с требованием конституционной реформы и выборов. В решающий момент кампании за демократию в Южной Корее кардинал Ким совершил откровенно политический шаг, прямо подтвердив необходимость «пересмотра конституции» и заявив: «Мы должны безотлагательно принести демократию в Корею»⁵⁹.

Самый крайний случай участия церковного лидера в политике несомненно имел место на Филиппинах. Кардинал Син вел переговоры о соглашении между Акино и Сальвадором Лаурелем по поводу составления единого списка кандидатов от оппозиции. За месяц до выборов он разослал во все 2 000 филиппинских приходов письмо, где инструктировал католиков голосовать за «людей, олицетворяющих евангельские ценности: скромность, правдивость, честность, уважение к правам и жизни человека». Это вряд ли оставляло сомнения в том, кого поддерживает кардинал, но он вдобавок и потом практически открыто помогал Акино. После попытки Маркоса фальсифицировать выборы и военного мятежа в Кемп-Крем он использовал церковную организацию и церковную радиостанцию, чтобы мобилизовать массы в поддержку военным. «Религиозный подтекст трехдневного мятежа невозможно было не заметить, после того как монахини и священники заняли первые ряды в живых баррикадах, а мятежные генералы поднимали над толпой статую

4 Третья волна.
Демократизация в конце XX века

девы Марии. Когда Маркое, наконец, бежал на Гавайи, кардинал Син отслужил торжественную благодарственную мессу в Люнете, скандируя: "Кори!" — и сверкая значком "Лабан"⁶⁰. Кардинал Син, быть может, сыграл более активную и видную роль в уничтожении режима и смене национального политического руководства, чем какой бы то ни было католический прелат начиная с XVII в.

В общем и целом, если бы не перемены в католической церкви и не последовавшие в результате действия церкви против авторитаризма, в третью волну произошло бы меньше переходов к демократии и многие из них случились бы позже. В одной стране за другой выбор между демократией и авторитаризмом персонифицировался в конфликте между кардиналом и диктатором. Католичество в качестве вездусущей силы, работающей на демократизацию в 1970-е и 1980-е гг., уступало только экономическому развитию. Логотипом третьей волны вполне могло бы быть распятие на фоне значка доллара.

НОВАЯ ПОЛИТИКА ВНЕШНИХ АКТОРОВ

На демократизацию в той или иной стране могут влиять, возможно решающим образом, действия правительств и институтов за пределами этой страны. В пятнадцати из двадцати девяти стран, бывших демократическими в 1970 г., как указывал Роберт Даль, демократические режимы были установлены либо в период иностранного правления, либо когда страна получила независимость от иностранного правления⁶¹. Иностранцы, совершенно очевидно, могут также свергать демократические режимы или мешать демократизироваться странам, которые в противном случае могли бы это сделать. Вероятно, правильное всего будет сказать, что они ускоряют или тормозят воздействие экономического и социального развития на демократизацию. Как уже отмечалось, когда страны достигают определенного социально-экономического уровня, они попадают в зону транзита, где возможность движения в демократическом направлении заметно возрастает. Иностранное влияние может привести к попыткам демократизации прежде, чем страна

достигнет этой зоны, а может тормозить демократизацию страны с нужным уровнем развития либо вообще препятствовать ей. Джонатан Саншайн, например, утверждает, что внешние влияния в Европе до 1830 г. носили кардинально антидемократический характер и потому сдерживали демократизацию. В период же 1830—1930 гг. внешняя среда была нейтральна в отношении демократизации; в результате демократизация в разных странах шла более или менее в том темпе, который задавало ей экономическое и социальное развитие⁶². Победа союзников в Первой мировой войне вызвала к жизни демократические институты в странах Центральной и Восточной Европы, социально-экономически к ним не готовых (кроме Чехословакии), и в результате эти институты оказались недолговечны. После Второй мировой войны советское вмешательство воспрепятствовало созданию демократических институтов в Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии и Польше, которые к тому времени в экономическом и социальном плане были более готовы к демократизации. Точно так же деколонизация породила множество новых стран с демократическими институтами, слепленными по образцу институтов колониальной державы, но при этом с социально-экономическими условиями, крайне неблагоприятными (как в Африке) или ставящими большие препятствия для демократического развития.

Внешние акторы существенно помогли демократизации третьей волны. Действительно, к концу 1980-х гг. главные источники силы и влияния в мире — Ватикан, Европейское Сообщество, Соединенные Штаты и Советский Союз — активно способствовали либерализации и демократизации. Рим делегитимировал авторитарные режимы в католических странах; Брюссель дал стимул демократизации в Южной и Восточной Европе; Вашингтон подталкивал демократизацию в Латинской Америке и Азии; Москва устранила основное препятствие для демократизации Восточной Европы. В каждом случае действия этих внешних институтов отражали значительные изменения в их политике. Без таких изменений и влияния внешних акторов третья волна была бы куда более ограниченной.

Европейские институты. Начало Европейскому Сообществу положил договор 1951 г. между Францией, Западной Германией, Италией и тремя странами Бенилюкса о создании Европейского объединения угля и стали. В 1957 г. Римские договоры оформили образование Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома) и Европейского экономического сообщества, включавшие те же шесть стран-участниц. В 1969 г. эти три органа были объединены в Европейское Сообщество. В результате вето де Голля на вступление Великобритании в 1963 г. членами объединенных сообществ остались все те же шесть сторон, подписавших Парижский договор. Однако в 1970 г. Сообщество сменило курс, и были начаты переговоры с Норвегией, Данией, Ирландией и Великобританией. Последние три страны в 1973 г. стали членами Сообщества в ходе его «первого расширения». К середине 1970-х гг. на повестку дня встал вопрос о дальнейшей экспансии в Южную Европу.

Эта смена направления Сообществом совпала с протекавшими в средиземноморской Европе процессами демократизации и усилила их. Для Греции, Португалии и Испании демократизация и вступление в Европейское Сообщество шли рука об руку. Стать членом Сообщества было желательно и даже необходимо по экономическим причинам; чтобы вступить в члены Сообщества, стране нужно было стать демократической; следовательно, демократия представляла собой важный шаг на пути к экономическому росту и процветанию. В то же время членство в Сообществе укрепило бы приверженность страны к демократии и обеспечило бы внешний якорь, удерживающий ее от возврата к авторитаризму. Когда новые демократические правительства подали заявления о вступлении, члены Сообщества «не могли не принять их. Общий консенсус в пользу расширения был достигнут довольно легко»⁶³.

Греция была кандидатом в члены Сообщества с 1962 г. После уничтожения военной диктатуры в 1974 г. новое греческое руководство быстро постаралось развить эти отношения и в июне 1975 г. подало заявление о приеме в полные члены. Правительство Караманлиса и поддерживавшие данный шаг греки хотели стиму-

лировать экономическое развитие, обеспечить доступ греческой продукции — особенно сельскохозяйственной — на западноевропейские рынки, уменьшить свою зависимость от США и укрепить отношения с западноевропейскими странами в противовес Турции и славянским государствам. Решающее значение имело, однако, признание доминирующими в греческой политике центристскими и консервативными группировками того факта, что вступление в Сообщество станет «лучшей гарантией для еле оперившихся демократических институтов Греции»⁶⁴.

В Испании и Португалии середины 1970-х гг. существовало горячее желание отождествить свою страну с Европой. Туризм, торговля, инвестиции сделали испанскую экономику частью европейской. Португалия почти половину своей внешней торговли вела с Сообществом. Испания, подчеркивал Хуан Карлос, призвана быть с Европой и в Европе. «Будущее Португалии, — говорил генерал Спинола, — безусловно с Европой»⁶⁵. Такие чувства были особенно сильны у среднего класса обеих стран, обеспечивавшего также социальную базу движения к демократии. Португалия подала заявление о вступлении в члены Сообщества в марте 1977 г., Испания — в июне 1977 г. В обеих странах, как и в Греции, установление демократии считалось необходимым, чтобы добиться экономического выигрыша от членства в Сообществе, а членство в Сообществе рассматривалось как гарантия стабильности демократии. В январе 1981 г. Греция стала полным членом Сообщества, пять лет спустя за ней последовали Португалия и Испания.

В Португалии влияние Сообщества на демократизацию не ограничивалось пассивной ролью экономического стимула и политического якоря. Западногерманское правительство и социал-демократическая партия (СДПГ) выступили с инициативой активного вмешательства в борьбу с коммунистами и предоставили португальскому правительству и португальским социалистам значительные ресурсы⁶⁶. Тем самым они также подали пример США, дали им стимул и средство заниматься тем же самым, отпуская немалые суммы силам, борющимся за демократию. Учитывая, какими огромными финансовыми ресурсами (оцениваемыми в

45—100 млн долларов) Советский Союз снабжал коммунистов, вмешательство Запада во главе с немцами имело для португальской демократизации жизненно важное значение.

Начало третьей волны более или менее совпало с Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), принятием хельсинкского Заключительного акта и началом того, что получило название хельсинкского процесса. Три элемента этого процесса затронули развитие прав человека и демократии в Восточной Европе. Во-первых, первоначальное и последующие совещания приняли ряд документов, придавших международно-правовой характер правам и свободам человека и международному контролю за соблюдением этих прав в отдельных странах. Заключительный акт, подписанный главами тридцати пяти европейских и североамериканских государств в августе 1975 г., в числе десяти принципов провозглашал «уважение прав человека и основных свобод, в том числе свободы мысли, совести, вероисповедания или убеждений». «Третья корзина» соглашения возлагала на правительства ответственность за обеспечение свободного потока информации, прав меньшинств, свободы торговли и воссоединения семей. В январе 1989 г. в итоговый документ Венской встречи участников СБСЕ вошли более подробные положения, касающиеся прав человека и основных свобод. Это породило на свет Совещание по правам человека, проходившее в Париже в мае—июне 1989 г. и в Копенгагене в июне 1990 г. На последней встрече был принят обстоятельный документ в поддержку верховенства закона, демократии, политического плюрализма, права создавать политические партии, свободных и беспристрастных выборов. Таким образом, за пятнадцать лет страны — участницы СБСЕ пришли от обязательства соблюдать ограниченное число прав человека к всесторонней поддержке демократических свобод и институтов.

Во-вторых, многие в Соединенных Штатах нападали на хельсинкский Заключительный акт за то, что он узаконивал прочерченные Советами в Восточной Европе границы в обмен на мало что значащие обещания соблюдать определенные права человека. Однако последующие совещания стран — участниц СБСЕ в

Белграде (1977-1978), Мадриде (1980-1983) и Вене (1986—1989) дали США и западноевропейским государствам возможность нажимать на СССР и восточноевропейские страны, заставляя их исполнять свои хельсинкские обязательства, привлекать внимание к отдельным нарушениям этих обязательств и требовать их исправления.

Наконец, хельсинкский процесс включал также создание внутри стран комиссий или наблюдательных групп, следящих за выполнением соглашения. Юрий Орлов и другие советские диссиденты образовали первую такую группу в мае 1976 г., за ними последовали чехословацкая группа «Хартия 77» и похожие комитеты в других странах. Подобные группы, часто преследуемые и притесняемые правительством, тем не менее составляли внутреннее лобби в пользу либерализации.

Влияние всех трех составляющих хельсинкского процесса на демократизацию в Восточной Европе было ограниченным, но реальным. Коммунистические правительства одобрили западные принципы относительно стандартных прав человека и тем самым дали возможность критиковать себя внутри страны и за рубежом при нарушении этих прав. Хельсинки дал реформаторам стимул и оружие для попыток добиться открытости своих обществ. По крайней мере в двух случаях его влияние было самым непосредственным. В сентябре 1989 г. реформаторски настроенное правительство Венгрии, воспользовавшись своим обязательством соблюдать право на эмиграцию (зафиксированное в заключительном документе Венской встречи), обосновало с его помощью нарушение соглашения с правительством Восточной Германии и позволило восточным немцам выезжать в Западную Германию через Венгрию. Этот процесс положил начало ряду событий, приведших к крушению восточногерманского коммунизма. В октябре 1989 г. совещание стран — участниц СБСЕ по проблемам окружающей среды в Болгарии вызвало в Софии демонстрации, жестоко подавленные правительством, что спровоцировало цепь событий, закончившуюся отстранением в следующем месяце реакционера-диктатора Тодора Живкова.

Европейское Сообщество активно содействовало демократизации, и перспектива стать его членом слу-

жила другим странам стимулом демократизироваться. СБСЕ начало процесс, обязывавший коммунистическое правительство либерализоваться и легитимизировать попытки внутренних диссидентов в их странах и зарубежных правительств заставить их сделать это. Он не создавал демократий, но помогал добиваться политической открытости в Восточной Европе и Советском Союзе.

Соединенные Штаты Америки. Американская политика относительно защиты прав человека и демократии в других странах стала изменяться в начале 1970-х гг. и с 1973 по 1989 г. прошла четыре фазы. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. эти цели занимали второстепенное место в американской внешней политике. Активистские идеи «Союза прогресса» оказались отставлены; правительство и страна были заняты в первую очередь войной во Вьетнаме; президент Никсон и Генри Киссинджер исповедовали в иностранных делах подход в духе «реальной политики». Однако в 1973 г. начался поворот в другом направлении. Инициатива перемен исходила от Конгресса, и начало им положило 15-е заседание Подкомиссии Дональда Фрезера по международным организациям и движениям, проходившее во второй половине 1973 г. Отчет подкомиссии в начале 1974 г. настаивал, чтобы США сделали защиту прав человека главной задачей своей внешней политики, и рекомендовал различные меры для выполнения этой задачи. В 1974 г. Конгресс внес поправки, касающиеся прав человека, в Акт об иностранной помощи, Акт о взаимопомощи и Акт о торговой реформе. Три года спустя такие же поправки были внесены в Акт о международных финансовых организациях. В целом все они сводились к тому, что никакая помощь не должна оказываться странам, повинным в грубых нарушениях прав человека, если только у президента не будет причин, настоятельно заставляющих его сделать это. В течение 1974, 1975 и 1976 гг. забота Конгресса о правах человека и стремление применить экономические санкции против их нарушителей проявились со всей очевидностью.

Вторая фаза политики США началась с приходом к власти администрации Картера в 1977 г. Картер сделал права человека главной темой своей предвыборной

кампании, и в первый год его президентства они стали важнейшим аспектом его внешней политики. Действия президента (письмо Андрею Сахарову немедленно по вступлении в должность, прием Владимира Буковского в Белом Доме); речи и заявления президента, госсекретаря и других представителей администрации; приостановка экономической помощи некоторым странам, организационное повышение значения прав человека в правительственном аппарате — все это служило цели подчеркнуть центральную роль прав человека в американской внешней политике и поставить их на «всемирную повестку дня», как выразился президент Картер.

Администрация Рейгана пришла в Белый Дом, решительно настроенная проводить не такую внешнюю политику, какая была у ее предшественницы. Одним из элементов выполнения этой задачи стала критика картеровского подхода к проблеме прав человека, фокусировавшего внимание на нарушениях прав отдельных людей, а не на политических системах, пренебрегающих правами человека в целом. Так, сначала администрация Рейгана не придавала большого значения вопросам соблюдения прав человека «авторитарными» режимами в Латинской Америке и Азии, подчеркивая необходимость борьбы с коммунистическими режимами. Однако в конце 1981 г., под влиянием Конгресса и демократического транзита в Латинской Америке, позиция администрации начала меняться, и манифестом такой перемены стало обращение президента Рейгана к парламенту в июне 1982 г. В 1983 и 1984 гг. политика США вступила в четвертую фазу — администрация перешла к активной поддержке демократических преобразований в странах как с коммунистическими, так и с некоммунистическими диктатурами, ее преданность этому делу должно было символизировать создание Национального фонда пожертвований в пользу демократии. В конечном счете и картеровская, и рейгановская администрации демонстрировали схожий «моралистический» подход к проблеме защиты прав человека и демократии за рубежом⁶⁷.

В третью волну правительство Соединенных Штатов, содействуя демократизации, использовало самые различные средства — политические, экономические,

дипломатические и военные. Среди них были следующие:

(1) заявления президентов, госсекретарей, других официальных лиц в поддержку демократии в целом и в отдельных странах; составляемые Госдепартаментом ежегодные рейтинги соблюдения прав человека в других странах; выступления за демократию Информационного агентства США, «Голоса Америки», радио «Свободная Европа» и радио «Свобода»;

(2) экономическое давление и санкции, в том числе накладываемые Конгрессом ограничения или запреты на помощь США, торговлю и инвестиции в пятнадцать странах; временное прекращение помощи в административном порядке в других случаях; воздержание от голосования или голосование против предоставления займов международными финансовыми организациями;

(3) дипломатические меры, в том числе всемерное содействие демократизации со стороны новой, активистской генерации послов США — «разносчиков свободы» (которым послужила примером деятельность Фрэнка Карлуччи в Португалии в 1975 г.*) — таких как Лоуренс Пезулло в Уругвае и Никарагуа, Стивен Босворт на Филиппинах, Дин Р. Хинтон в Сальвадоре,

«Карлуччи, энергично поддерживаемый Западной Германией, предложил политику незаметной поддержки социалистов. Он также держался на почтительном расстоянии от старых твердолобых правых, к которым раньше благоволил Вашингтон; он помогал усилению умеренных левых среди военных, делал все, что в его силах, чтобы обеспечить значительную экономическую помощь коалиции социалистов и умеренных армейских офицеров, разгромивших коммунистов и радикально настроенных солдат в ноябре 1975 г.» (Maxwell K. Regime Overthrow and the Prospects for Democratic Transition in Portugal // *Transitions from Authoritarian Rule: Southern Europe* / Ed. by G.O'Donnell, P.C.Schmitter, L.Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 131).

Представление, что в обязанности американского посла входит помогать делу демократии в стране аккредитации, а не просто поддерживать хорошие отношения с ее правительством, каким бы ужасным оно ни было, сигнализировало о революционных переменах в этосе Госдепартамента. Необходимо серьезно исследовать, почему и как бюрократический менталитет совершил этот переход от «разносчиков печенья» к «разносчикам свободы».

Пакистане и Панаме, Эдвин Корр в Перу, Боливии и Сальвадоре, Клайд Тейлор в Парагвае, Гарри Варне в Чили, Марк Палмер в Венгрии; а также лоббирование, осуществлявшееся командующим Южной группы войск США в Эквадоре и Чили;

(4) материальная помощь демократическим силам, включая, по-видимому, десятки миллионов долларов, поступивших от ЦРУ социалистической партии в Португалии в 1975 г., значительную финансовую поддержку «Солидарности» в Польше, несколько миллионов долларов, отпущенных Агентством международно-го развития (АМР) и Национальным фондом пожертвований в пользу демократии с целью обеспечения справедливого референдума по вопросу о генерале Пиночете в Чили в 1988 г., и субсидирование демократического исхода ситуации в Никарагуа в 1990 г.;

(5) военные акции, в том числе посылка административной эскадры американских военных кораблей к берегам Доминиканской Республики, дабы обеспечить справедливый подсчет голосов на выборах 1978 г., вторжение на Гренаду, санкционированное административной эскадрой Рейгана в 1983 г., полеты американских военных самолетов над Филиппинами в знак поддержки Акино и вторжение в Панаму при администрации Буша в 1989 г.; военная помощь демократически избранным правительствам Филиппин и Сальвадора в их войнах с марксистско-ленинистскими повстанцами; финансовая поддержка повстанческих движений против недемократических правительств в Афганистане, Анголе, Камбодже и Никарагуа;

(6) многосторонняя дипломатия, в том числе пресинг Советского Союза по поводу «третьей корзины» Хельсинкских соглашений, осуществлявшийся карте-ровско-рейгановским представителем Максом Кампельманом на переговорах стран — участниц СБСЕ в Белграде и Мадриде, и попытки мобилизовать органы ООН в оппозицию наиболее одиозным нарушителям прав человека.

Насколько эти меры помогли демократизации? Несомненно, наиболее значительный эффект имел тот факт, что права человека и демократия стали главными вопросами международных отношений. Как отмечала Международная лига прав человека, в 1977 г. эти

права «впервые стали субъектом национальной политики во многих странах», а также «центральной темой дискуссии в международных организациях и предметом большого внимания со стороны мировых средств массовой информации. Самую значительную роль в этом сыграла политика по правам человека президента Картера и США». Кампания Картера, писал Артур Шлезингер, «изменила международную среду» и «поставила вопрос о правах человека на всемирную повестку дня — и перед всемирной совестью»⁶⁸. Утверждение президентом Рейганом «Проекта демократии» в первый год президентства, его речь в парламенте в 1982 г., создание Национального фонда пожертвований в пользу демократии в 1984 г., послание Конгрессу в марте 1986 г. плюс деятельность американских дипломатов в ряде стран помогли сохранить демократизацию в центре внимания в международных делах в 1980-е гг. и усилить развитие общей, глобальной интеллектуальной среды, благоприятной для демократии.

В некоторых странах роль Америки была самой прямой и решающей. Подобно кардиналам и папским нунциям, американские послы порой добивались соглашений между оппозиционными группировками и служили посредниками между этими группировками и авторитарным правительством. В 1980, 1983 и 1984 гг. Соединенные Штаты своим вмешательством предотвратили планировавшиеся военные перевороты в Сальвадоре, Гондурасе и Боливии. В 1987 г. президент Рейган и госсекретарь Джордж Шульц заставили южнокорейского президента Чона вступить в диалог с оппозицией, а Госдепартамент направил корейским военным «жесткие предостережения», чтобы те не пытались совершить государственный переворот. В Перу в январе 1989 г. военный переворот казался неминуемым; американский посол убедительно заявил о том, что США против него; переворота не произошло⁶⁹. Несколько раз Соединенные Штаты защищали от военных переворотов филиппинскую демократию. Американские действия в этих и других случаях могли играть, а могли и не играть решающей роли, но для поддержки движения к демократии они явно имели большое значение. Фактически США при Картере, Рейгане и Буше взяли на вооружение демократичес-

кую версию доктрины Брежнева: они не допускали свержения демократических правительств в пределах своей сферы влияния.

Очевидно, что усилия Картера — Рейгана имели самые разные результаты в разных странах, и оценить эти результаты даже в одной отдельно взятой стране чрезвычайно трудно. Тут, пожалуй, могут пригодиться два критерия. Один из них — суждения тех, кто должен был выиграть от их политики. Освальдо Уртадо, демократический президент Эквадора в 1981—1984 гг., например, сказал в 1986 г.: «Соединенные Штаты переданы демократическим институтам, как никогда в прошлом; без продемократической политики, проводимой президентами Картером и Рейганом, некоторые демократические процессы в Латинской Америке так и не начались бы или не имели бы такого успеха». Похожие чувства выражал Хулио Сангинетти в декабре 1984 г., через неделю после того, как стал первым демократически избранным президентом Уругвая с 1971 г.: «Энергичная политика администрации Картера оказала наиважнейшее внешнее влияние на процесс демократизации Уругвая. В годы диктатуры нам, оппозиции, приходилось вести борьбу практически в кромешной тьме. Одним из немногих значительных источников поддержки для нас была политика правительства США, постоянно следившего за нарушениями прав человека». Комментируя успешную борьбу против Маркоса на Филиппинах, кардинал Син заметил: «Никто здесь не победит без помощи Америки». Даже в Советском Союзе ощутили эффект американских действий. «Я не знаю, войдет ли президент Картер в американскую историю, — говорил глава московского отделения «Эмнести Интернешнл» в 1980 г., — но своей политикой он уже вошел в российскую историю»⁷⁰.

Второй критерий оценки влияния США исходит от тех, кто хотел сохранить диктатуру. Во время администрации Картера и Рейгана главы авторитарных правительств в Бразилии, Аргентине, Чили, Уругвае, на Филиппинах, в Китае, СССР, Польше и других странах горько, а в некоторых случаях — очень часто, жаловались на «вмешательство» Америки в их внутренние дела. Имеющиеся данные решительно свидетельствуют

о том, что в большинстве случаев жалобы были оправданны.

Суждения непосредственных участников событий в отношении многих стран подкрепляются мнениями наблюдателей-экспертов. В Перу в 1977 г., по словам Луиса Абугаттаса, «редемократизации способствовала политика по правам человека администрации Картера и необходимость внешней легитимности ввиду переговоров о внешнем долге. Переговоры с МВФ с середины 1976 г. были прерваны, и военное правительство не могло возобновить их, поскольку не желало согласиться на "шоковую политику", требуемую фондом. Стремление к демократической открытости привлекло внимание Госдепартамента США, и на каждый шаг в этом направлении следовала положительная реакция, например в виде увеличения иностранной помощи режиму. Более того, посольство США получило распоряжение выступить против правых армейских офицеров и фракций представителей местного капитала, добивавшихся создания военного *continuismo* стран вдоль линии Южного Конуса, и довести до их сведения, что администрация Картера на это не согласится. Если после июля 1976 г. редемократизация была возможна — после июля 1977 г. она стала фактом». В Эквадоре нажим со стороны США являлся одним из трех факторов, которые, «по видимому, не допустили авторитарного рецидива» в 1978 г., и, когда президент Фебрес-Кордеро захотел отменить досрочные выборы 1985 г., он в конце концов «назначил их только под сильнейшим давлением посольства Соединенных Штатов». В 1984 г. президент Боливии, похищенный спецслужбами, был освобожден благодаря «резкому протесту рабочих, лояльных частей армии и посольства США». Демократизация в Доминиканской Республике, получившая прозвище «перехода от "ничего"», протекала с участием Соединенных Штатов, чьи меры по обеспечению честного подсчета голосов на выборах 1978 г. стали кульминацией их прямого вмешательства во время третьей волны. В Чили «постоянное давление США» помогло сделать возможным проведение свободного и честного референдума по поводу режима Пиночета в 1988 г. Администрация Рейгана особенно успешно поощряла демократизацию в таких

странах, как Чили, Сальвадор, Гватемала и Гондурас, потому что тамошний военный истеблишмент воспринимал ее как в целом дружественную⁷¹.

Вызвавшей наибольшую шумиху и полемику попыткой Соединенных Штатов способствовать демократизации другой страны было принятие Конгрессом, вопреки вето президента Рейгана, Всеобъемлющего акта против апартеида 1986 г., налагающего санкции на Южную Африку. В развернувшихся дебатах сторонники этой меры утверждали, что санкции значительно повлияют на южноафриканскую экономику и вынудят южноафриканский режим как можно быстрее покончить с апартеидом. Ее противники также говорили, что санкции серьезно затронут экономику — уничтожив при этом рабочие места для черных, понизив их уровень жизни и ухудшив перспективы продвижения. И те и другие преувеличивали. Санкции США вкупе с менее стеснительными санкциями Европейского Сообщества оказали в 1980-х гг. некоторое экономическое влияние на Южную Африку. Неясно, насколько сильно они подействовали на движение в сторону отказа от апартеида. Это движение началось в 1979 г. как прямой результат экономического развития в Южной Африке и возникшей необходимости предоставить черным квалифицированные рабочие места, учредить для них легальные профсоюзы, усовершенствовать образование, позволить свободное перемещение рабочей силы и повысить их покупательную способность. Апартеид годился для сравнительно бедной сельской экономики; он оказался несовместим с комплексной, богатой, городской торгово-промышленной экономикой. Как и в других странах, экономическое развитие вызвало политическую либерализацию. Американские и европейские санкции, несомненно, повлияли на психологию южноафриканских белых, вызвали у них ощущение одиночества, создали дополнительный стимул для движения к отказу от апартеида. Возможно, они повлияли на скорость и характер этого движения, но их эффект все же был вторичен по сравнению с действием экономических и социальных перемен в самой Южной Африке.

Здесь невозможно точно оценить роль США в процессах демократизации третьей волны. В целом, однако, представляется, что их поддержка имела решающее

значение для демократизации Доминиканской Республики, Гренады, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Уругвая, Перу, Эквадора, Панамы и Филиппин и была немаловажным фактором, содействовавшим демократизации Португалии, Чили, Польши, Южной Кореи, Боливии и Тайваня. Как и в случае с католической церковью, неучастие США в процессах перехода к демократии означало бы, что они произошли бы позже и в меньшем количестве.

Советский Союз. Демократизация конца 1980-х гг. в Восточной Европе стала результатом перемен в советской политике — еще более крутых и имеющих далеко идущие последствия, чем перемены, произведенные Конгрессом США и президентом Картером в 1970-е гг. в американской политике. Президент Горбачев отказался от брежневской доктрины и ясно дал понять как восточноевропейским правительствам, так и оппозиционным группировкам, что советское правительство не собирается принимать мер по сохранению существующих коммунистических диктатур и одобряет экономическую либерализацию и политическую реформу. Трудно сказать, насколько Горбачев предвидел и поддерживал масштабы политических реформ. Он, несомненно, одобрял отстранение лидеров из старой гвардии, таких как Эрих Хонеккер в Восточной Германии, Тодор Живков в Болгарии, Милош Якеш в Чехословакии, и замену их на коммунистов-реформаторов, которые стали бы его естественными союзниками. Неясно, одобрял ли он также полную демократизацию восточноевропейских стран и практически окончательный крах советского влияния в этих обществах. Как бы то ни было, его действия привели именно к этому.

Новый советский подход открыл дорогу к устранению признанных коммунистических лидеров, участию во власти некоммунистических группировок, подбору правительственных чиновников путем соревновательных выборов, позволил открыть границы с Западной Европой и активизировать усилия по созданию более рыночно-ориентированных экономик. Переход Польши к демократии в 1988—1989 гг., по всей видимости, объясняется в первую очередь внутренними процессами, происходившими в этой стране. Однако Горбачев, по слухам, в августе 1989 г. заставил лидеров компар-

тии присоединиться к правительству, возглавляемому «Солидарностью». В сентябре Советы не стали возражать, когда венгры открыли границу с Западом. В начале октября визит Горбачева в Восточный Берлин и его заявление, что «отстающих наказывает жизнь», стали толчком к смещению Хонеккера. Кремль дал понять, что не будет применять свои войска, чтобы подавить акции протеста в Лейпциге и других городах. В ноябре Советы участвовали в снятии Живкова с поста руководителя компартии Болгарии и создании реформистского правительства во главе с Петром Младеновым. Что касается Чехословакии, говорят, Горбачев летом 1989 г. настоял на замене Якеша и Ладислава Адамека. В ноябре Советы выразили осуждение по поводу интервенции 1968 г., тем самым делегитимируя чехословацкое партийное руководство, и решительно предостерегли чехов, чтобы те не применяли силу, пытаясь помешать переменам⁷².

В Латинской Америке и Восточной Азии демократизации помогла власть США; в Восточной Европе тот же эффект произвел отказ СССР от своей власти. Перемена советской позиции привела к тому, что весьма националистически и продемократически настроенные демонстранты на улицах Лейпцига, Будапешта и Праги скандировали «Горби! Горби!», а Михаил Горбачев вместе с Иоанном Павлом II, Джимми Картером и Рональдом Рейганом попал в число главных международных деятелей — поборников демократических перемен конца двадцатого столетия.

ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭФФЕКТ ИЛИ «СНЕЖНЫЙ КОМ»

Пятый фактор, способствовавший третьей волне, можно называть по-разному: демонстрационным эффектом, эффектом «инфицирования», диффузии, подражания, «снежного кома» или, может быть, эффектом домино. В одной стране успешно совершается демократизация, и это подталкивает к демократизации другие страны, либо потому, что перед ними стоят схожие проблемы, либо потому, что успешная демократизация, как им кажется, может стать лекарством и от их проблем, каковы бы те ни были, либо потому,

что демократизировавшаяся страна сильна и/или считается политическим и культурным образцом. В своей работе «Кризис, выбор, изменение» Алмонд и Мундт нашли, что эффект демонстрации имеет некоторое значение среди тех пяти факторов окружающей среды, которые они анализировали. Статистические исследования переворотов и других политических явлений показали наличие возможности «инфицирования», по крайней мере при некоторых обстоятельствах⁷³. Анализ действия демонстрационного эффекта в конкретных случаях труден и требует более углубленного изучения, чем это возможно здесь, но некоторые представляющиеся правдоподобными гипотезы относительно общей роли данного эффекта в третьей волне все же можно изложить.

Что, собственно говоря, демонстрировал демонстрационный эффект? Во-первых, лидеры и группировки в одном обществе видели способность лидеров и группировок другого общества покончить с авторитарной системой и установить демократическую. Они видели, что это можно сделать, и поэтому, вероятно, у второго общества появлялся стимул подражать первому. Во-вторых, они видели, как это можно сделать. Люди в обществе-последователе перенимали технику и методы, использовавшиеся для осуществления более ранней демократизации, и пытались воспроизвести их. Южнокорейские группировки сознательно копировали «народовластный» подход, низвергший диктатуру Маркоса. Иногда такое заимствование было результатом прямых консультаций между демократизаторами и процесса сознательного обучения — так венгерские демократизаторы учились у своих испанских предшественников. В-третьих, те, кто осуществлял демократизацию позднее, узнавали также об опасностях, которых следует избегать, и трудностях, которые нужно преодолеть. Например, перевороты и социальный конфликт в Португалии 1974—1975 г. побудили лидеров демократизации в Испании и Бразилии попытаться осуществить «процесс управляемого политического изменения, во избежание именно того разрыва преемственности, от которого пострадала Португалия». Точно так же испанские демократические лидеры рассматривали турецкий военный переворот в сентябре 1980 г.

«как опасный пример», которому нельзя следовать в Испании⁷⁴.

В целом роль демонстрационного эффекта в третьей волне можно свести к трем пунктам.

Во-первых, для третьей волны демонстрационный эффект имел большее значение, чем для первых двух волн демократизации, а может быть — и любых других политических волн в XX в. Причина этого заключается в бурном развитии после Второй мировой войны средств коммуникации и транспорта, особенно — охватившей в 1970-е гг. весь мир сети телевидения и спутниковой связи. Правительства еще могут контролировать местные СМИ и порой практически начисто лишать свои народы возможности получать известия, которые им, правительствам, неудобны. Однако связанные с этим трудности и затраты заметно возросли. К тому же в результате может возникнуть обширная подпольная информационная сеть, как случилось в Польше и других странах. Коротковолновое радио, спутниковое телевидение, компьютеры и факсы все сильнее мешают авторитарным правительствам утаивать от своей элиты и даже от общественности информацию о борьбе против авторитарных режимов и о свержении их в других странах. В значительной мере благодаря действию глобальной сети коммуникаций к середине 1980-х гг. образ «всемирной демократической революции», несомненно, стал реальностью в сознании политических и интеллектуальных лидеров большинства стран мира. И вера людей в этот образ имела вполне реальные последствия. Люди теперь могли задаваться и задавались вопросом, какое значение для них самих имеют политические события в далеких странах. Борьба «Солидарности» в Польше и падение Маркоса на Филиппинах, например, получили в Чили резонанс, совершенно невероятный в прежние десятилетия⁷⁵.

Во-вторых, хотя развитие коммуникаций и заставило казаться важным даже происходящее в весьма удаленных местах, все же сильнее всего демонстрационный эффект действовал среди стран географически близких и схожих в культурном отношении. Падение авторитаризма в Португалии немедленно отозвалось в Южной Европе и Бразилии. «Нам нужен греческий ге-

нерал Спинола, чтобы прогнать хунту и вернуть конституционное правительство», — сказал один житель Афин в июне 1974 г., через два месяца после португальского переворота и за месяц до крушения греческого военного режима. Конец сорокапятилетней португальской диктатуры также «поверг в глубокий шок испанский "бункер" и дал большой моральный заряд оппозиции. Тот факт, что "бедный родственник" сумел добиться демократии, лишь подстегивал требования перемен в Испании»⁷⁶. По природе вещей, демократизация в Греции вызвала небольшой отклик в других местах. Однако испанская демократизация вполне годилась для Латинской Америки и оказала на нее огромное влияние. Как выразился один аргентинец: «От нас вряд ли разумно было ожидать, чтобы мы повторили Соединенные Штаты, но походить на Испанию — совсем другое дело». Переходы к демократии в Испании и Португалии самым убедительным образом продемонстрировали, что иберийские культуры не являются изначально и неизменно антидемократическими. Если смогли Испания и Португалия, то и «Латинская Америка сможет освободиться от тирании». Альфонсин широко использовал «испанскую метафору» для легитимации своей деятельности в Аргентине⁷⁷. Аргентинская демократизация, в свою очередь, по словам президента Боливии, «стала опорой демократии во всей Латинской Америке», а особое воздействие оказала на соседей Аргентины. Для Уругвая эффект ее был и положительным, и отрицательным. Установление демократии в большой соседней стране делало демократизацию Уругвая практически неизбежной; однако принятые вначале режимом Альфонсина меры по преследованию бывших военных правителей заставили часть уругвайских военных отказаться от намерения сложить с себя власть. «Аргентинцы причинили нам такой ужасный вред», — жаловался Хулио Сангинетти. Демократизация Аргентины вдохновила сторонников демократии в Чили и Бразилии и, по слухам, помешала военным переворотам против новых демократических режимов в Перу и Боливии. Альфонсин лично встречался с лидерами группировок демократической оппозиции в других латиноамериканских странах и поддерживал их⁷⁸.

Падение Маркоса в феврале 1986 г. породило тревоги и надежды среди авторитарных лидеров и оппозиционеров-демократов в Азии. Самое значительное влияние оно оказало на Южную Корею. Через месяц после того, как кардинал Син сыграл центральную роль в смене режима на Филиппинах, кардинал Ким выступил за пересмотр конституции и демократию в Южной Корее. «В Азии много диктатур, — сказал лидер оппозиции Ким Дэ Джун. — Но только в Южной Корее и на Филиппинах вы найдете людей, активно добивающихся демократии. Они победили на Филиппинах, и, может быть, мы победим здесь... Пришло время народовластия в развивающихся странах Азии. Мы еще никогда не были так уверены в этом»⁷⁹. Представляется вероятным, хотя данных у нас мало, что события на Филиппинах и в Корее стимулировали проведение демонстраций в защиту демократии в Бирме летом 1988 г., в Китае осенью 1986 г. и весной 1989 г., а также оказали некоторое содействие либерализации на Тайване.

Наиболее ярко эффект «снежного кома» проявился в Восточной Европе. После того как Советский Союз примирился с приходом к власти некоммунистических сил в Польше в августе 1989 г., а может быть, даже способствовал ему, прилив демократизации захлестнул одну за другой Венгрию в сентябре, Восточную Германию в октябре, Чехословакию и Болгарию в ноябре, Румынию в декабре. Как заметил один житель Восточной Германии: «Мы видели, что делают Польша и Венгрия; мы слышали Горбачева. Все думали: а что же мы отстаем?» В Чехословакии, по словам Тимоти Гартон Эша, «все знали, по опыту соседей, что это можно сделать»⁸⁰. Демократизация некоторых стран льстила самолюбию их соседей. Разве искушенной, индустриализированной, обладающей сильным средним классом Испании не пришлось тащиться по следам маленькой, бедной Португалии? Разве не вышло так, что Аргентина и Бразилия затмили Уругвай и Чили с их долгим опытом демократического правления? Разве Чехословакия, единственная восточноевропейская страна с истинно демократическими традициями, не отстала от остальных?

Процессы демократизации в Восточной Европе и Восточной Азии иллюстрируют третий важный аспект, демонстрационного эффекта: происходящую со временем перемену в относительном значении различных причин волны демократизации. В самом первом случае демократизации демонстрационный эффект явно действовать не может. Переходы к демократии на раннем этапе третьей волны были результатом особых импульсов и не представляли собой «снежный ком». Колониальная война, которую невозможно выиграть, военное поражение на Кипре, смерть Франко дали толчок демократизации Португалии, Греции и Испании. Поражение на Фолклендах, убийство Бениньо Акино и визит папы имели схожий эффект в Аргентине, на Филиппинах и в Польше. Все эти процессы в значительной мере были автохтонными. Но как только они произошли, перемены в этих передовых странах — в Испании, Португалии, Аргентине, на Филиппинах, в Польше — стимулировали выступления с требованиями таких же перемен в соседних и сходных в культурном плане государствах. Действие демонстрационного эффекта не слишком зависело от наличия экономических и социальных условий, благоприятных для демократии, в стране-реципиенте. По мере того как «снежный ком» нарастал, этот процесс уже сам по себе начал заменять такие условия. Это выразилось в его ускорении. В Польше, как стали говорить, демократизация заняла десять лет, в Венгрии — десять месяцев, в Восточной Германии — десять недель, в Чехословакии — десять дней, а в Румынии — десять часов⁸¹.

В конце 1989 г. один египтянин так сказал о будущей политике арабского мира: «От демократии теперь никуда не деться»⁸². В этом пророчестве кратко воплощена идея «снежного кома» как причины демократизации: поскольку демократизация произошла там, она произойдет и здесь. Однако снежный ком, катящийся под горку, не только разгоняется и растет; попав в неблагоприятную среду, он тает. На исходе 1980-х гг. демонстрационный эффект вызвал попытки демократизации в странах, где другие условия, ей благоприятствующие, сложились в слабой степени или не сложились вовсе. После прихода к демократии Филиппин,

Польши и Венгрии южные корейцы, восточные немцы и чехословаки справедливо задавались вопросом: «А почему не мы?» После того как и эти народы пришли к демократии, китайцы и румыны тоже стали спрашивать: «Почему не мы?» Но в данном случае в ответ можно было привести неотразимые аргументы. Китайский ВВП на душу населения составлял половину филиппинского и одну десятую часть южнокорейского; экономически Китай находился далеко от зоны политического транзита. В Китае не было сильной буржуазии. Его никогда не оккупировали и не колонизировали Соединенные Штаты. Христианство там было слабо распространено, католической церкви почти не существовало. Китай не имел демократического опыта в прошлом, а его культура содержала много авторитарных элементов. Румыния после Албании была беднейшей страной в Восточной Европе; она также не имела никакого опыта демократии; христианство западного образца там почти полностью отсутствовало; страна была изолирована от внешних влияний Европейского Сообщества, Ватикана, США и даже Советского Союза. И тем не менее демонстрационный эффект оказался такой мощной силой, что вызвал попытки демократизации и в Румынии, и в Китае. Он донес третью волну от кроваво-красных гвоздик Лиссабона до потоков крови в Пекине и Бухаресте.

ОТ ПРИЧИН К ВИНОВНИКАМ

К факторам, способствовавшим крушению или ослаблению авторитарных режимов в 1970—1980-е гг., относились: господство демократических норм в мире в целом и во многих отдельных странах в частности; отсутствие в результате этого идеологически обоснованной легитимности у авторитарных режимов, за исключением однопартийных систем; военные поражения; экономические проблемы и неудачи, порожденные нефтяными кризисами ОПЕК, марксистско-ленинской идеологией, неразумной и неэффективной экономической политикой; успех в достижении некоторых целей, который либо уменьшает нужду в данном режиме (как в случае подавления партизанских движе-

ний), либо усиливает социальную напряженность и требования политического участия (как при слишком быстром экономическом росте); усиление, раскола внутри правящих коалиций авторитарных режимов, особенно военных — из-за политизации вооруженных сил; эффект «снежного кома», производимый падением некоторых авторитарных режимов на уверенность в себе правителей и оппозиции в других авторитарных странах.

К факторам, способствовавшим появлению в 1970—1980-е гг. демократических режимов в авторитарных прежде странах, относились: прежде всего — более высокий уровень экономического благосостояния, приводящий к более широкому распространению грамотности, образования и урбанизации, созданию более обширного среднего класса, развитию ценностей и настроений, благоприятных для демократии; перемены и в низах, и в верхушке католической церкви, заставившие церковь противостоять авторитарным режимам и защищать демократию; новая политика поддержки демократического развития со стороны Европейского Сообщества, Соединенных Штатов, а с середины 1980-х гг. — и Советского Союза; эффект «снежного кома» — влияние, оказанное появлением демократических режимов в таких передовых странах, как Испания, Аргентина, Филиппины и Польша, на усиление движения к демократии в других странах.

Таковы общие причины третьей волны демократизации. Они существенно отличаются от основных причин второй волны и менее существенно — от основных причин первой волны. Относительная значимость этих общих причин варьировала в зависимости от региона, от типа авторитарной системы, от страны. Она также менялась со временем в течение третьей волны. Военное поражение, экономическое развитие, экономические кризисы, вызванные скачками цен на нефть, занимали первое место среди причин первых случаев демократизации. В последующих случаях более значительную роль стали играть внешние акторы и в особенности эффект «снежного кома». В каждой конкретной стране демократизация являлась результатом сочетания тех или иных общих причин с другими факторами, свойственными именно этой стране.

Общие факторы создают условия, благоприятные для демократизации. Они не делают ее обязательной и далеко не являются непосредственно за нее ответственными. Демократический режим устанавливают не тенденции, а люди. Демократии создаются не причинами, а виновниками. Действовать приходится политическим лидерам и общественности. Почему Эанеш и Соариш, Караманлис, Хуан Карлос и Суарес, Эврен и Озал, Гейзел и Фигейреду, Альфонсин, Дуарте, Акино и Рамос, Ро и два Кима, Цзян и Ли, Валенса и Ярузельский, де Клерк и Манд ела, так же как подобные им лидеры в других странах, привели свои государства к демократии? Мотивы политических лидеров разнообразны и изменчивы, запутаны и загадочны и зачастую неясны им самим. Они могут устанавливать демократию, потому что верят в нее как в самоцель, потому что видят в ней средство для достижения других целей или потому что она является побочным продуктом при преследовании ими других целей. Во многих случаях демократия для них, возможно, не самый желательный выход, но меньшее зло⁸³.

Появления благоприятных для демократии социальных, экономических и внешних условий никогда не бывает достаточно, чтобы произвести демократизацию. Те или иные политические лидеры, независимо от их мотивов, должны захотеть, чтобы она совершилась, либо пожелать сделать шаги, которые, как, например, частичная либерализация, могут привести к тому, что она совершится. Политические лидеры не могут одной силой воли создать демократию там, где для этого нет предпосылок. В конце 1980-х гг. препятствия для демократизации на Гаити были таковы, что могли смутить самого искусного и преданного делу демократического лидера. А вот в Сингапуре демократизацию мог при желании произвести даже менее искусный политический лидер, чем Ли Куан Ю. В третью волну условия для создания демократии должны были существовать, но только лидеры, готовые взять на себя такой риск, делали ее реальностью.

Глава 3

КАК? ПРОЦЕССЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Как происходила демократизация третьей волны? «Почему» и «как» демократизации тесно переплетены, но в данном пункте нашего анализа акцент все-таки смещается с первого на второе, с причин на процессы — способы, какими политические лидеры и общественность в 1970—1980-е гг. уничтожали авторитарные системы и создавали демократические. Перемены шли разными путями, как разными были люди, их осуществлявшие. Помимо того, асимметричны были начальная и конечная точка процесса. Среди демократических режимов существуют очевидные различия: какие-то из них президентские, какие-то парламентские, какие-то олицетворяют собой голлистскую смесь того и другого; кроме того, одни из них двухпартийные, а другие многопартийные, и партии также сильно различаются между собой по характеру и численности. Все эти различия важны для стабильности создаваемых демократических систем, но имеют сравнительно мало значения для ведущих к этому процессов¹. Важнее то, что при всех демократических режимах главные лица в правительстве избираются в ходе соревновательных выборов, в которых может принимать участие большая часть населения. Таким образом, демократические системы имеют общее институциональное ядро, устанавливающее их идентичность. Авторитарные режимы — в том смысле, в каком этот термин употребляется в настоящем исследовании, — определяются просто по отсутствию данного институционального ядра. Они могут иметь весьма мало общего помимо того, что не являются демократическими. Следовательно, начиная говорить о смене авторитарных режимов, необходимо выявить различия между такими режимами и значение этих различий для процессов демократизации. Затем наш анализ перейдет к характеру данных процессов и стратегиям, применяемым сторонниками и противниками демократии. Следующая глава завершит рассмотрение вопроса «как?»

обсуждением некоторых общих черт, присущих демократизации третьей волны.

АВТОРИТАРНЫЕ РЕЖИМЫ

Исторически недемократические режимы принимали самые разные формы. Те, что демократизировались в первую волну, были, как правило, абсолютными монархиями, сохранившимися с давних пор режимами правления феодальной аристократии и государствами-преемниками континентальных империй. Во вторую волну демократизировались фашистские государства, колонии и личные военные диктатуры, зачастую имевшие в прошлом демократический опыт. Режимы, которые перешли или начали движение к демократии в третью волну, распались на три группы: однопартийные системы, военные режимы и личные диктатуры.

Однопартийные системы возникли в результате революции либо были навязаны Советами, к ним относились коммунистические страны, а также Тайвань и Мексика (Турция до своей демократизации во вторую волну — в 1940-е гг. — также соответствовала этой модели). В таких системах партия полностью монополизировала власть, доступ к власти существовал лишь через партийную организацию, и свое правление партия легитимировала с помощью идеологии. Эти системы часто достигали сравнительно высокого уровня политической институционализации.

Военные режимы были созданы государственными переворотами, сместившими демократические или гражданские правительства. Там на том или ином институциональном базисе власть осуществляли военные, причем либо военные лидеры управляли коллегиально — как хунта, — либо пост главы правительства переходил от одного представителя высшего генералитета к другому. Такие режимы в большом количестве существовали в Латинской Америке (где некоторые из них приблизились к бюрократически-авторитарной модели), а также в Греции, Турции, Пакистане, Нигерии и Южной Корее.

Личные диктатуры представляли собой третью, наиболее пеструю группу недемократических систем. Отличительная черта личной диктатуры заключается в

том, что источником власти является конкретный лидер и власть обусловлена доступом, близостью к этому лидеру, подчинением ему и поддержкой с его стороны. К этой категории относились Португалия при Салазаре и Каэтану, Испания при Франко, Филиппины при Маркосе, Индия при Индире Ганди и Румыния при Николае Чаушеску. Истоки у личных диктатур были разные. На Филиппинах и в Индии они стали результатом переворотов в правительстве. В Португалии и Испании начало им положили военные перевороты (второй из которых вылился в гражданскую войну), но впоследствии диктаторы создали для своей власти фундамент, независимый от военных. В Румынии личная диктатура развилась из однопартийной системы. Чили при Пиночете сначала представляла собой военный режим, но стала по сути личной диктатурой благодаря длительному пребыванию Пиночета у власти, его разногласиям с лидерами военных служб и победе над ними. Некоторые личные диктатуры, например Маркоса и Чаушеску, подобно режимам Сомосы, Дювалье, Мобуту и шаха, олицетворяли собой веберовскую модель султанских режимов, для которой характерны патронаж, nepotизм, круговая порука и коррупция.

И однопартийные системы, и военные режимы, и личные диктатуры не допускали ни соревновательности, ни участия. Южноафриканская система отличалась от них тем, что являлась в основе своей расовой олигархией, исключавшей из политики более 70% населения, но допускавшей довольно интенсивную политическую состязательность внутри правящего белого сообщества. Исторический опыт свидетельствует, что демократизация протекает легче, если состязательность развивается раньше, чем участие². Если это так, то в Южной Африке перспективы для успешной демократизации было больше, чем в авторитарных системах других типов. Там этот процесс должен был напоминать демократизацию XIX в. в Европе, главной отличительной чертой которой являлось распространение всеобщего избирательного права и создание более включающей политики. Однако тогда исключение базировалось на экономических, а не расовых причинах. Иерархические же общинные системы исторически отличало весьма сильное сопротивление мирным переменам³.

Таким образом, наличие состязательности внутри олигархии благоприятствовало успешной демократизации Южной Африки; однако расовый принцип создания этой олигархии представлял проблему.

Отдельные режимы не всегда точно укладывались в ту или иную категорию. Так, например, в Польше начала 1980-х гг. сочетались элементы угасающей однопартийной системы и опирающегося на армию режима военного положения, возглавляемого военным, одновременно являющимся генеральным секретарем компартии. Коммунистическая система в Румынии (как и ее аналог в Северной Корее) начинала как однопартийная система, но к 1980-м гг. трансформировалась в личную диктатуру султанского типа. Чилийский режим в 1973—1989 гг. был отчасти военным режимом, но, в отличие от других южноамериканских военных режимов, на протяжении всего периода своего существования имел лишь одного лидера, находившего иные источники власти. В результате он во многом носил характер личной диктатуры. С другой стороны, диктатура Норьегги в Панаме была чрезвычайно персонализирована, но при этом почти полностью зависела от военной власти. Отсюда следует, что классификацию, данную в таблице 3.1, нужно рассматривать как приближительную. Режим, сочетавший в себе элементы двух типов, отнесен в ней к тому типу, который доминировал на момент начала перехода к демократии.

Таблица 3.1

Авторитарные режимы и процессы либерализации/демократизации, 1974—1990

Процессы	Режимы			Расовые олигархии
	Однопартийные	Личные	Военные	
Трансформация	(Тайвань) ³ Венгрия (Мексика) (СССР) Болгария	Испания Индия Чили	Турция Бразилия Перу Эквадор Гватемала Нигерия* Пакистан Судан*	
16	5	3	8	

Процессы	Режимы			
	Однопартийные	Личные	Военные	Расовые олигархии
Замещение	Польша Чехословакия Никарагуа Монголия	(Непал)	Уругвай Боливия Гондурас Сальвадор Южная Корея	(Южная Африка)
11	4	1	5	1
Замена	Восточная Германия	Португалия Филиппины Румыния	Греция Аргентина	
6	1	3	2	
Интервенция	Гренада		(Панама)	
2	1		1	
Всего	35	11	16	1

Примечание: Главным критерием демократизации служит принцип формирования правительства путем открытых, соревновательных, честно проводимых выборов с участием всего населения.

^a В скобках указаны страны, которые значительно либерализовались, но не демократизировались к 1990 г.

* Звездочкой отмечены страны, вернувшиеся к авторитаризму.

Во вторую волну демократизация по большей части происходила в результате иностранного влияния и деколонизации. В третью волну, как мы видели, оба этих процесса имели меньшее значение, ограничиваясь до 1990 г. Гренадой, Панамой и несколькими сравнительно мелкими бывшими британскими колониями, также в основном расположенными в Карибском бассейне. Хотя внешние влияния зачастую являлись существенной причиной демократизации третьей волны, сами процессы ее в подавляющем большинстве носили внутренний характер. Эти процессы можно расположить по одной шкале в зависимости от роли правящих и оппозиционных группировок как источников демократизации. В аналитических целях полезно разбить все случаи на три общих типа процессов.

Трансформация (или, по Линцу, «реформа» — *reforma*) имеет место, когда правящая элита берет на себя инициативу установления демократии. Замена (у Линца «руптура» — *ruptura*) означает, что бразды правления взяли в свои руки оппозиционные группировки, а авторитарный режим развалился или был свергнут. Наконец, замещением или «руптформой» (*ruptforma*) можно назвать случай, когда демократизация по большей части является результатом совместных действий правительственных и оппозиционных группировок*. Практически во всех случаях своя роль была и у тех групп, что стояли у власти, и у тех, что были вне ее, и вышеназванные категории просто фиксируют соотношение значения правительства и оппозиции.

Как типы режимов, так и исторические случаи их смены не обязательно точно соответствуют теоретическим категориям. Транзит почти всегда (не только при замещении) включал определенные переговоры — прямые или косвенные, открытые или тайные — между правительством и оппозиционными группами. Иногда вначале он шел по одному типу, а затем принимал иной характер. В начале 1980-х гг., к примеру, П.В.Бога как будто инициировал процесс трансформации в южноафриканской политической системе, но остановился, так и не демократизовав ее. Столкнувшись с иной политической обстановкой, его преемник Ф.В. де Клерк перешел к процессу замещения, завязав

По причинам, без сомнения коренящимся в глубинах человеческой природы, ученые для выражения одних и тех же идей часто используют разные слова. Мое трехчастное деление процессов транзита совпадает с классификацией, предложенной Дональдом Шером и Скоттом Мейнуэрингом, но процессы при этом мы называем каждый по-своему:

Хантингтон	Линц	Шер/Мейнуэринг
(1) трансформация	= реформа	= урегулирование
(2) замена	= руптура	= слом/крушение
(3) замещение	= —	= выход из кризиса

См.: Linz J.J. Crisis, Breakdown, and Reequilibration // The Breakdown of Democratic Regimes / Ed. by J.J.Linz, A.Stepan. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. P. 35; Share D., Mainwaring S. Transitions Through Transaction: Democratization in Brazil and Spain // Political Liberalization in Brazil: Dynamics, Dilemmas, and Future Prospects / Ed. by W.A.Selcher. Boulder, Colo.: Westview Press, 1986. P. 177-179.

переговоры с основной оппозиционной группировкой. Ученые также утверждают, что бразильское правительство инициировало процесс транзита и контролировало его многие годы. Одни говорят, что оно потеряло контроль над данным процессом в результате народной мобилизации и забастовок 1979—1980 гг.; другие указывают на успешное сопротивление правительства в середине 1980-х гг. настойчивым требованиям оппозиции провести прямые президентские выборы. Каждый исторический случай сочетал в себе элементы двух или более процессов транзита. Однако при этом каждый случай был явно ближе к какому-то одному типу процесса, чем к другим.

Как характер авторитарного режима был связан с характером процесса транзита? Таблица 3.1 показывает, что прямой взаимосвязи здесь не существовало. Однако первый все же отражался на втором. Все переходы к демократии от военных режимов, с тремя исключениями, в основном представляли собой трансформацию или замещение. Три исключения — Аргентина, Греция и Панама, их режимы потерпели военные поражения и рухнули в результате. В других местах военные правители брали в свои руки, иногда в ответ на требования оппозиции и народа, инициативу по осуществлению смены режима. Военным правителям было удобнее прекращать существование собственных режимов, чем лидерам других систем. Военные лидеры практически никогда не объявляли себя постоянными правителями своей страны. Они поддерживали убеждение, что, как только будет исправлено зло, которое заставило их захватить власть, они уйдут от власти и вернутся к своим нормальным военным функциям. У военных была своя постоянная институциональная роль помимо политики и управления государством. В результате в какой-то момент военные лидеры (кроме аргентинских, греческих и панамских) решали, что пора инициировать возврат к гражданскому демократическому правлению либо вступить с оппозиционными группами в переговоры о своей отставке. Почти всегда это случалось после того, как происходила по крайней мере одна замена на высшем руководящем посту⁴.

Почти неизменно военные лидеры выговаривали себе два условия («выходные гарантии») своей отставки. Во-первых, не должно быть никаких преследований, наказаний или иных акций возмездия в отношении военных офицеров за какие бы то ни было деяния, которые они могли совершить, находясь у власти. Во-вторых, должны уважаться институциональные роли и автономия военного истеблишмента, включая его общую ответственность за национальную безопасность, руководство правительственными министерствами, ведающими вопросами безопасности, а зачастую и контроль над производством вооружений и другими экономическими отраслями, традиционно находящимися под эгидой военных. Способность уходящих в отставку военных добиться согласия гражданских политических лидеров на эти условия зависела от баланса сил. В Бразилии, Перу и других местах, где шла трансформация, военные лидеры руководили процессом, а гражданским политическим лидерам оставалось лишь смириться с их требованиями. Там, где баланс сил был более равным, как в Уругвае, переговоры приводили к некоторым изменениям в требованиях военных. Греческие и аргентинские военные лидеры просили тех же гарантий, что и их коллеги в других странах. Однако гражданские лидеры им в этой просьбе отказали сразу же, и военным пришлось согласиться на практически безоговорочную капитуляцию⁵.

Таким образом, военным правителям было сравнительно легко уйти от власти и возвратиться к профессиональным военным ролям. Однако обратная сторона медали заключалась в том, что так же сравнительно легко им было вернуться к власти, если требовали обстоятельства и их собственные интересы. Один успешный военный переворот в стране заставляет политических и военных лидеров не забывать о возможности второго. Демократии третьей волны, наследовавшие военным режимам, вступали в жизнь омраченные этой тенью.

Трансформация и замещение были также характерны для переходов от однопартийной системы к демократии, совершавшихся в течение всего 1989 г., если не считать Восточную Германию и Гренаду. Однопартийные режимы обладали институциональной структу-

⁵ Третья волна.
Демократизация в конце XX века

рою и идеологической легитимностью, что отличало их как от демократических, так и от военных режимов. Они также отличались от военных режимов тем, что претендовали на перманентность. Характерной чертой однопартийных систем было тесное переплетение партии и государства. Это создавало при переходе к демократии проблемы двух видов — институциональные и идеологические.

Наиболее тяжелые институциональные проблемы возникали в ленинистских партийных государствах. На Тайване, как и в коммунистических странах, «отделение партии от государства» было «величайшим вызовом партии ленинского типа» в процессе демократизации⁶. В Венгрии, Чехословакии, Польше и Восточной Германии приходилось отменять статьи конституции о «руководящей роли» коммунистической партии. На Тайване также отказались от сходных по смыслу «временных положений», внесенных в конституцию в 1950 г. Во всех ленинистских партийных системах главную проблему представлял вопрос о владении материальными и финансовыми средствами: кому они принадлежали — партии или государству? Соответственно вставал вопрос и о том, как этими средствами распорядиться — сохранит ли их партия, национализирует ли государство, либо партия должна их продать тому, кто больше заплатит, либо их нужно как-то по справедливости распределить между социальными и политическими группами? В Никарагуа, к примеру, сандинистское правительство, проиграв в феврале 1990 г. на выборах, явно принялось быстро «препроводить правительственную собственность в больших объемах в руки сандинистов». «Они продают самим себе дома, продают самим себе машины», — заявлял один бизнесмен-антисандинист⁷. Точно такие же обвинения по поводу присвоения коммунистической партией правительственной собственности звучали, когда «Солидарность» готовилась взять бразды правления Польшей в свои руки. (Можно провести параллель и с Чили, где правительство Пиночета, расставаясь с властью, передало военному истеблишменту имущество и архивы, принадлежавшие другим правительственным органам.)

В некоторых странах приходилось распускать или ставить под контроль правительства партийную мили-

цию, и почти во всех однопартийных государствах необходимо было деполитизировать регулярные вооруженные силы. Так, например, в Польше, как и в большинстве коммунистических стран, все армейские офицеры были обязаны быть членами компартии; однако в 1989 г. польское офицерство лоббировало в парламенте решение запретить офицерскому составу состоять в какой-либо политической партии⁸. В Никарагуа сандинистская Народная армия была армией движения, затем стала также армией государства, и впоследствии потребовалось превратить ее исключительно в последнюю. Вопрос о том, должны ли продолжать свою деятельность партийные ячейки на предприятиях, также вызывал сильнейшую полемику. И наконец, там, где единая партия оставалась у власти, существовал еще вопрос об отношении ее лидеров, входящих в правительство, и высших партийных органов, таких как Политбюро и ЦК. В ленинистском государстве последние диктовали политику первым. Однако подобные взаимоотношения вряд ли были совместимы с верховной властью выборных парламентских органов и ответственными кабинетами в демократическом государстве.

Второй пакет проблем носил идеологический характер. В однопартийных системах идеология партии определяла идентичность государства. Поэтому оппозиция партии приравнивалась к государственной измене. Чтобы легитимировать оппозицию партии, необходимо было придать государству какую-то иную идентичность. Эта проблема заявляла о себе в трех контекстах. Во-первых, Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии коммунистическую идеологию и образ правления навязал Советский Союз. Идеология не играла существенной роли в определении идентичности страны. На деле по меньшей мере в трех из этих стран коммунизму противостоял национализм. Когда компартии там отказались от претензий на безоговорочную власть, базирующуюся на идеологии, данные страны переименовали себя из «народных республик» в «республики» и сделали базисом государства национализм вместо идеологии. Оттого все эти перемены прошли сравнительно легко.

Во-вторых, некоторые однопартийные системы, где демократизация встала на повестку дня, были созданы в результате национальных революций. В этих случаях (Китай, Мексика, Никарагуа и Турция) характер и задачи государства определялись идеологией партии. В Китае режим стойко придерживался своей идеологии, отождествляя демократическую оппозицию коммунизму с государственной изменой. В Турции правительство проводило неопределенную, двусмысленную политику в отношении исламских группировок, критиковавших светский базис кемалистского государства. В Мексике руководство Партидо революсьонарио институсьональ (ПРИ) придерживалось примерно такого же взгляда на либеральный вызов революционному, социалистическому, корпоративистскому характеру государства ПРИ со стороны оппозиционной Партидо аксьон насьональ (ПАН). В Никарагуа сандинистская идеология являлась базисом не только программы партии, но и легитимности государства, созданного никарагуанской революцией.

В-третьих, в иных местах идеология единой партии определяла не только характер государства, но и его территорию. В Югославии и СССР коммунистическая идеология придавала идеологическую легитимность многонациональным государствам. При отказе от идеологии исчезал базис государства и каждая национальность могла законно претендовать на то, чтобы создать собственное. В Восточной Германии коммунизм обеспечивал идеологический базис разделения Германии; если отказаться от идеологии, исчезала логическая причина существования восточногерманского государства. Идеология Гоминьдана называла правительство Тайваня правительством Китая, и потому режим рассматривал оппозиционные элементы, выступавшие за независимость Тайваня, как подрывные. Здесь проблема была не такой серьезной, как в трех других случаях, поскольку идеология легитимировала скорее желаемое, чем действительное. В действительности гоминьдановское правительство весьма успешно функционировало как правительство Тайваня, хотя в его собственных глазах его легитимность опиралась на миф о том, что оно является законным правительством всего Китая.

Военные, уступая контроль над правительством, не уступают при этом контролю над инструментами насилия, с помощью которых могут вернуть себе и контроль над правительством. Демократизация же однопартийной системы означает, что партия-монополист подвергает риску свой контроль над правительством, становясь одной из партий, соперничающих в рамках многопартийной системы. В этом смысле ее отделение от власти не такое полное, как у военных, уходящих в отставку. Партия остается политическим актором. Потерпев поражение на выборах 1990 г., сандинисты могли надеяться «сразиться в другой день» и вернуться к власти выборным путем⁹. В Болгарии и Румынии бывшие компартии победили на выборах; в других восточноевропейских странах они питали менее оптимистические надежды участвовать в коалиционном правительстве когда-нибудь в будущем.

После демократизации бывшая партия-монополист способна восстановить авторитарную систему не более, чем любая другая политическая группа. Партия отказывается от монополии на власть, но не от возможности бороться за власть демократическими методами. Военные, вернувшись в свои казармы, отказываются и от того и от другого, но сохраняют способность вновь обрести власть с помощью недемократических методов. В итоге переход к демократии от однопартийной системы чаще всего более труден, чем от военного режима, но и дает более долговечный результат¹⁰. Трудность преобразования однопартийной системы, по-видимому, отражает тот факт, что к 1990 г. лидеры таких режимов на Тайване, в Мексике и Советском Союзе начали либерализацию, но крайне медленно двигались к полной демократизации.

Лидеры личных диктатур меньше, чем лидеры военных и однопартийных режимов, были способны добровольно отказаться от власти. Диктаторы и в тех странах, которые перешли к демократии, и в тех, которые не перешли, обычно старались остаться в своем кресле как можно дольше. Это часто создавало напряжение между политической системой, имеющей весьма узкий базис, и все более сложными, современными экономикой и обществом¹¹. Это также приводило в

отдельных случаях к насильственному свержению диктатора, как произошло на Кубе, в Никарагуа, на Гаити и в Иране, и к замене диктатора другим авторитарным режимом. В третью волну демократизации личные диктатуры точно так же были свергнуты в результате восстаний в Португалии, на Филиппинах и в Румынии. В Испании диктатор умер, а его преемники продемонстрировали классический пример проведения демократической трансформации сверху. В Индии и Чили находящиеся у власти лидеры пошли на выборы в очевидном, но ошибочном убеждении, что избиратели утвердят их на их постах. Когда этого не случилось, они, в отличие от Маркоса и Норьегги, смирились с вердиктом электората. При режимах султанского типа переход к демократии осложнялся из-за слабости политических партий и других институтов. Таким образом, переход к демократии от личной диктатуры совершался, когда основавший ее диктатор умирал, а его преемники решались на демократизацию, когда диктатора свергали либо когда он (или она) ошибочно рассчитывал на поддержку избирателей.

ПРОЦЕССЫ ТРАНЗИТА

Транзит третьей волны представлял собой сложные политические процессы с участием самых различных групп, борющихся за власть, за и против демократии, преследующих какие-то иные цели. В зависимости от своего отношения к демократизации основные участники этих процессов делились на консерваторов, либеральных реформаторов и демократических реформаторов в правящей коалиции, умеренных демократов и революционных экстремистов — в оппозиции. В некоммунистических авторитарных системах консерваторы в правительстве обычно представляли как правые, фашисты и националисты. Противники демократизации в оппозиции были, как правило, левыми, революционерами и марксистами-ленинистами. Сторонники демократии и в правительстве и в оппозиции предположительно могли занимать среднюю позицию в лево-правом континууме. В коммунистических системах с левыми и правыми было меньше ясности. Консерваторы обычно считались сталинистами или брежневцами.

В оппозиции экстремистами — противниками демократии часто были не революционеры-левые, а националистические группы, считавшиеся правыми.

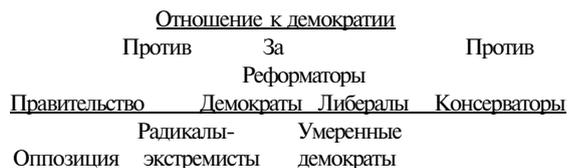

Схема 3.1. Политические группы, участвующие в демократизации

Внутри правящей коалиции одни группировки часто начинали поощрять демократизацию, другие сопротивлялись ей, третьи поддерживали ограниченные реформы или либерализацию (см. схему 3.1). Оппозиция также обычно разделялась на лагеря в своем отношении к демократии. Сторонники существующей диктатуры всегда были против демократии; противники существующей диктатуры зачастую тоже были против нее, однако они практически неизменно пользовались демократической риторикой при попытках заменить существующий авторитарный режим своим собственным. Таким образом, у групп, участвующих в политике демократизации, бывали и противоположные, и общие цели. Реформаторы и консерваторы расходились во мнениях по поводу либерализации и демократизации, но, по всей видимости, были одинаково заинтересованы в том, чтобы ограничить силу оппозиционных групп. Умеренные и радикалы видели общий интерес в свержении существующего режима и своем приходе к власти, но спорили о том, какого рода новый режим следует создать. Реформаторы и умеренные были сообщами заинтересованы в установлении демократии, но между ними часто не было согласия по поводу того, какой ценой и за чей счет это делать и как потом будет распределяться власть. Консерваторы и радикалы занимали абсолютно противоположные позиции по вопросу о том, кто должен править, но и у них были общие интересы — ослабление демократических группировок в центре и поляризация политики в обществе.

Позиции и цели отдельных людей и групп порой менялись в ходе процесса демократизации. Если демократизация не приносила с собой тех опасностей, которых они боялись, либеральные реформаторы и даже консерваторы могли принять демократию. Равным образом участие в процессах демократизации могло заставить членов экстремистских оппозиционных группировок умерить свои революционные страсти и удовлетвориться возможностями, предоставляемыми демократией, смирившись с ограничениями, которые она при этом налагает.

Баланс сил различных групп определял характер процесса демократизации и часто в ходе его менялся.

Если в правительстве заправляли консерваторы, а в оппозиции — экстремисты, демократизация была невозможна, как, например, в тех случаях, когда правый диктатор усиленно цепляется за власть, а противостоящую ему оппозицию возглавляют марксисты-ленинисты. Разумеется, переход к демократии облегчался, если и в правительстве, и в оппозиции доминировали про-демократически настроенные группы. Однако соотношение сил между реформаторами и умеренными являлось показателем того, как протекал этот процесс.

Так, например, испанская оппозиция в 1976 г. требовала полного «демократического разрыва» (*ruptura*) с наследием Франко, создания временного правительства и созыва учредительного собрания, которое сформулировало бы основы нового конституционного строя. Но Адольфо Суарес был достаточно силен, чтобы проигнорировать эти требования и произвести демократизацию с помощью конституционного механизма, оставленного Франко¹². Если демократические группировки были сильны в оппозиции, но не в правительстве, демократизация зависела от каких-то событий, которые свалили бы правительство и привели к власти оппозицию. Если же демократы доминировали в правящей коалиции, но не в оппозиции, попытке демократизации могли угрожать насилие со стороны повстанцев и, как ответная реакция, усиление консервативных группировок, способное привести к государственному перевороту.

Решающее значение для процессов демократизации имели три типа взаимоотношений: между правительством

и оппозицией, между реформаторами и консерваторами в правящей коалиции, а также между умеренными и экстремистами в оппозиции. Во всех случаях перехода к демократии эти три основных типа взаимоотношений сыграли свою роль. Однако относительное значение каждого из них, конфликтный или согласный характер этих взаимоотношений менялись вместе с общим характером процесса транзита. При трансформации центральное место принадлежало взаимоотношениям между реформаторами и консерваторами внутри правящей коалиции, и трансформация происходила лишь в том случае, если реформаторы были сильнее консерваторов, правительство сильнее оппозиции, а умеренные — сильнее экстремистов. По мере того как шла трансформация, представители умеренной оппозиции зачастую кооптировались в правящую коалицию, тогда как консервативные группы, выступающие против демократии, покидали ее. При замене важное значение имели отношения между правительством и оппозицией и между умеренными и экстремистами; оппозиция в конечном итоге должна была стать сильнее правительства, а умеренные — сильнее экстремистов. Последовательное отступничество различных групп часто приводило к падению режима и вступлению демократической системы в свои права. При замещении основными становились взаимоотношения между реформаторами и умеренными: они должны были быть примерно равны по силе и способности взять верх над антидемократическими группировками на своем конце линии «правительство — оппозиция». В некоторых случаях замещения правительство и бывшие оппозиционные группы соглашались по крайней мере временно разделить власть.

ТРАНСФОРМАЦИЯ

В случае трансформации стоящая у власти при авторитарном режиме верхушка берет на себя инициативу и играет решающую роль в уничтожении этого режима, превращении его в демократическую систему. Граница между трансформацией и замещением весьма расплывчата, и некоторые случаи по праву можно отнести как к той, так и к другой категории. В целом,

однако, среди тридцати пяти переходов к демократии, свершившихся или еще идущих в третью волну к концу 1980-х гг., насчитывается приблизительно шестнадцать примеров трансформации. К этим шестнадцати случаям либерализации или демократизации относятся перемены в пяти странах с однопартийной системой, трех — с личной диктатурой и восьми — с военным режимом. Для трансформации нужно, чтобы правительство было сильнее оппозиции. Поэтому они происходили при как следует утвердившихся военных режимах, где правительство явно имело под своим контролем последнее средство принуждения, которое могло использовать против оппозиции, и/или в авторитарных системах, добившихся экономического успеха, таких как Испания, Бразилия, Тайвань, Мексика и — в сравнении с другими коммунистическими государствами — Венгрия. Лидеры этих государств обладали достаточной силой, чтобы при желании вести свои страны к демократии. Оппозиция в каждом случае была заметно слабее правительства, по крайней мере в начале процесса. Например, в Бразилии, как указывает Степан, «когда началась либерализация, не было ни сколько-нибудь значительной политической оппозиции, ни экономического кризиса, и аппарат принуждения не развалился в результате военного поражения»¹³. Там, как и в некоторых других местах, людьми, наиболее способными покончить с авторитарным режимом, были лидеры режима — и они делали это.

Типичными примерами трансформации служили Испания, Бразилия и среди коммунистических режимов Венгрия. Самым важным — если претворится в жизнь — станет Советский Союз. Переход к демократии в Бразилии представлял собой «освобождение сверху» или «либерализацию по инициативе режима». В Испании «задачу инициировать процессы политического изменения изнутри старого режима взяли на себя реформистские элементы, связанные с существующей диктатурой»¹⁴. Эти два перехода к демократии, однако, значительно различались по своей длительности. В Испании меньше чем за три с половиной года премьер-министр — демократ сменил либерала, франкистская законодательная власть вотировала конец режима, политическая реформа была одобрена

референдумом, были легализованы политические партии (включая коммунистическую), избрано новое законодательное собрание, составлена и утверждена референдумом демократическая конституция, главные политические акторы пришли к соглашению относительно экономической политики, состоялись парламентские выборы по новой конституции. Суарес, по слухам, сказал своему кабинету, что «его стратегия основывалась на скорости. Он мог оставаться в игре, лишь принимая конкретные меры быстрее, чем *continuas* из франкистского истеблишмента успевали на них отреагировать». Хотя реформы были втиснуты в короткий отрезок времени, они осуществлялись последовательно. Поэтому говорят также, что «Суарес, проводя реформы поэтапно, избежал антагонизма с чересчур многими секторами франкистского режима одновременно. Последний пакет демократических реформ вызвал открытую враждебность военных и других твердых франкистов, но президент [Суарес] успел набрать скорость и приобрести значительную поддержку». Фактически Суарес следовал тогда, в сжатом виде, кемалистскому образцу реформы — «стратегия фабианская, тактика блицкрига»¹⁵.

В Бразилии, напротив, президент Гейзел решил, что политическое изменение должно быть «постепенным, медленным и верным». Процесс начался в конце правления Медичи в 1973 г., продолжался при Гейзеле и Фигейреду, сделал скачок вперед в 1985 г., когда вступил в должность гражданский президент, и, наконец, его кульминацией стали принятие новой конституции в 1988 г. и всенародные выборы президента в 1989 г. Декретированные режимом шаги в сторону демократизации перемежались мерами, призванными успокоить приверженцев «жесткой линии» в военных и иных кругах. Президенты Гейзел и Фигейреду фактически проводили политику «два шага вперед — шаг назад». Результатом ее стала «ползучая» демократизация, контроль над процессом которой никто ни разу у правительства серьезно не оспаривал. В 1973 г. в Бразилии была репрессивная военная диктатура; в 1989 г. — полномасштабная демократия. Приход демократии в Бразилию привыкли датировать январем 1985 г., когда коллегия выборщиков избрала гражданского президен-

та. Однако на деле четкой грани здесь не было; гениальность бразильского преобразования в том и состоит, что практически невозможно сказать, в какой момент Бразилия перестала быть диктатурой и превратилась в демократическое государство.

Испания и Бразилия представляли собой типичные примеры изменения сверху, и испанская модель в особенности стала образцом для последующих демократизаций в Латинской Америке и Восточной Европе. Так, например, венгерские лидеры в 1988 и 1989 гг. подробно консультировались с испанскими лидерами о том, как устанавливать демократию, а в апреле 1989 г. в Будапешт в качестве советников прибыла испанская делегация. Шесть месяцев спустя один комментатор указал на сходство процессов перехода к демократии в двух странах:

«Последние годы кадаровской эпохи чем-то напоминали мягкий авторитаризм диктатуры Франко на закате ее дней. Имре Пожгаи в этой аналогии принадлежит роль принца Хуана Карлоса. В обстановке радикальных перемен он являет собой утешительный символ преемственности. Либерально настроенные эксперты-экономисты со связями среди старого истеблишмента и новый класс предпринимателей образуют необходимую для транзита технократическую элиту, подобно новым буржуазным элитам, связанным с *Opus Dei*, в Испании. Оппозиционные партии также фигурируют в данной аналогии, выходя из подполья точно так же, как сделали испанские изгнанники, едва лишь это стало безопасно. И так же, как в Испании, венгерские оппозиционеры — умеренные по своему стилю, радикальные демократы по существу — играют жизненно важную роль, вновь изобретая демократию»¹⁶.

Трансформация третьей волны обычно проходили пять основных фаз, четыре из которых протекали внутри авторитарной системы.

Появление реформаторов. Первым шагом было появление внутри авторитарного режима группы лидеров или потенциальных лидеров, уверенных, что движение в сторону демократии желательно или необходимо. Почему они так думали? Причины, по которым люди становились демократическими реформаторами, в раз-

ных странах сильно различались и редко бывали совершенно ясны. Однако их можно разделить на пять категорий. Во-первых, реформаторы часто приходили к выводу, что издержки пребывания у власти — политизация их вооруженных сил, раскол поддерживавшей их коалиции, необходимость биться над неразрешимыми на первый взгляд проблемами (обычно экономическими) и ужесточение репрессий — выросли настолько, что было бы неплохо от власти красиво уйти. Лидеры военных режимов особенно остро чувствовали, как участие в политике раздвигает целостность, профессионализм, сплоченность и командные структуры армии. «Мы все прямо или косвенно, — заметил генерал Моралес Бермудес, когда повел Перу к демократии, — были свидетелями того, что происходит с этим фундаментальным для нашей родины институтом, а также и с другими институтами. И мы этого не хотим». Генерал Фернандо Маттеи, командующий чилийскими военно-воздушными силами, предостерегал в том же духе: «Если не начать немедленно переход к демократии, мы погубим вооруженные силы вернее, чем любая марксистская инфильтрация»¹⁷.

Во-вторых, в некоторых случаях реформаторы желали снизить риск, которому они подверглись бы, если бы продолжали держаться за власть и в конце концов потеряли ее. Если оппозиция по всем признакам набирала силу, единственным способом добиться вышесказанного была организация демократического транзита. В конечном счете лучше потерять свой пост, чем жизнь.

В-третьих, в некоторых случаях, в том числе в Индии, Чили и Турции, авторитарные лидеры полагали, что они или их соратники своих постов и не потеряют. Эти правители, когда-то взявшие на себя обязательство восстановить демократические институты, перед лицом утраты легитимности и поддержки могли счесть желательной попытку возродить свою легитимность путем организации выборов, предполагая при этом, что избиратели оставят их у власти. Обычно подобные предположения оказывались ошибочными (см. ниже, с. 188 и сл., об «ошеломляющих выборах»).

В-четвертых, реформаторы часто считали, что демократизация принесет их стране какие-то выгоды:

повысит ее международную легитимность, смягчит американские или иные санкции против режима, откроет дверь для экономической и военной помощи, кредитов Международного валютного фонда (МВФ), приглашений в Вашингтон, участия в международных форумах под предводительством лидеров Западного альянса.

И наконец, во многих случаях, в том числе в Испании, Бразилии, Венгрии, Турции и некоторых других странах с военными режимами, реформаторы были убеждены, что демократия — это «правильная» форма правления и что их страна дошла в своем развитии до той точки, когда ей тоже следует иметь демократическую политическую систему, подобно другим развитым и респектабельным странам.

Либеральные реформаторы склонны были рассматривать либерализацию как способ обезоружить оппозицию своему режиму, не демократизируя режим полностью. Они готовы были смягчить репрессии, восстановить некоторые гражданские свободы, ослабить цензуру, позволить более широкое обсуждение вопросов общественного значения и дать гражданскому обществу — ассоциациям, церквям, союзам, деловым организациям — больше простора для ведения дел. Однако либерализаторы не хотели проводить соревновательные выборы с полным участием населения, которые могли бы лишиться власти правящего лидера. Они хотели создать более мягкий, добрый, безопасный и стабильный авторитаризм, не изменяя кардинально характер системы. Некоторые реформаторы, без сомнения, сами точно не знали, как далеко они хотят зайти, делая открытой политику своей страны. Они также, несомненно, порой чувствовали необходимость маскировать свои намерения: демократизаторы успокаивали консерваторов, изображая, будто проводят всего лишь либерализацию; либерализаторы пытались заручиться более широкой поддержкой в народе, делая вид, что осуществляют демократизацию. В результате развернулись бурные дебаты о том, насколько далеко «в действительности» были готовы зайти Гейзел, Бота, Горбачев и другие.

Появление либерализаторов и демократизаторов внутри авторитарной системы создает в первую оче-

редь силу для политического изменения. Однако оно может иметь и вторичный эффект. В частности, при военных режимах оно раскалывает правящую группу, еще сильнее политизирует армию, приводя тем самым все новых и новых офицеров к мысли, что с «армией как правительством» нужно покончить, чтобы сохранить «армию как институт». В споре о том, уходить или не уходить из правительства, появляется аргумент в пользу ухода.

Обретение власти. Демократические реформаторы не только должны были существовать внутри авторитарного режима — они должны были при этом режиме обладать властью. Как же это получалось? В трех случаях лидеры, создавшие авторитарный режим, сами руководили его переходом к демократии. В Индии и Турции авторитарные режимы с самого начала подавались как временная отмена формально демократического устройства. Они были недолговечны и закончились выборами, организованными авторитарными лидерами, ошибочно полагавшими, что победят они или поддерживаемые ими кандидаты. В Чили генерал Пиночет создал режим, семнадцать лет оставался у власти, разработал подробный план перехода к демократии, стал претворять его в жизнь, ожидая, что избиратели продлят срок его полномочий еще на восемь лет, и неохотно ушел от власти, когда они этого не сделали. В остальных странах те, кто создавали авторитарные режимы или долгое время стояли во главе их, не брали на себя инициативу по их уничтожению. Во всех этих случаях преобразование совершалось потому, что реформаторы сменяли консерваторов у кормила власти.

Реформаторы приходили к власти при авторитарных режимах тремя путями. Во-первых, в Испании и на Тайване авторитарные лидеры — основатели режима и многолетние бессменные правители, Франко и Чан Кайши, умерли. На престол вступили их официальные преемники Хуан Карлос и Цзян Цзинго и, отключаясь на важные социально-экономические перемены, произошедшие в их странах, начали процесс демократизации. В Советском Союзе последовавшие одна за другой в течение трех лет смерти Брежнева, Андропова и Черненко позволили прийти к власти

Горбачеву. В каком-то смысле Франко, Цзян и Брежнев вовремя умерли, чего не скажешь о Дэн Сяопине.

В Бразилии и Мексике сама авторитарная система обеспечивала регулярную смену руководства. Это делало приход к власти реформаторов возможным, но не обязательным. В Бразилии, как указывалось выше, среди военных существовали две фракции. Репрессии достигли своего пика в 1969—1972 гг., во время президентства генерала Медичи, сторонника твердой линии. В результате острой борьбы, завязавшейся в среде военного истеблишмента, в конце его правления «сорбоннская группа» сторонников мягкого курса смогла добиться назначения президентом генерала Эрнесту Гейзела, отчасти потому, что его брат был военным министром. Под руководством своего главного помощника генерала Гольбери ду Коуту-и-Силва Гейзел начал процесс демократизации и, действуя решительно, добился, чтобы его, в свою очередь, сменил в 1978 г. другой член сорбоннской группы — генерал Жуан Батиста Фигейреду. В Мексике уходящий президент Хосе Лопес Портильо в 1981 г., следуя обычной практике, выбрал своим преемником министра планирования и бюджета Мигеля де ла Мадрида. Де ла Мадрид был экономическим и политическим либерализатором и, отклонив более традиционные кандидатуры представителей старой гвардии, избрал молодого технократа-реформатора Карлоса Салинаса, чтобы тот продолжил процесс создания открытого общества.

Там, где авторитарные лидеры не умирали и не сменялись регулярно, демократическим реформаторам приходилось смещать правителя и формировать продемократическое руководство. Для военных правительств, кроме бразильского, это означало замену одного военного лидера другим в результате переворота: так Моралес Бермудес заменил Веласко в Перу, Поведра — Родригеса Лару в Эквадоре, Мехия — Риоса Монтта в Гватемале, Муртала Мухаммед — Говона в Нигерии¹⁸. В Венгрии — однопартийной системе — реформаторы, мобилизовав свои силы, сняли долго правившего Яноша Кадара на внеочередной партийной конференции в мае 1988 г., заменив его на посту генерального секретаря Каролом Гросом. Грос, правда, был полуреформатором./и юл спустя ЦК заменил его президиумом

мом из четырех человек, где главенствовали реформаторы. В октябре 1989 г. один из них, Резо Ниеш, стал партийным президентом. В Болгарии осенью 1989 г. реформистски настроенные лидеры компартии изгнали Тодора Живкова с верховного поста, который он занимал тридцать пять лет. Общая картина перемен в руководстве, связанных с определенными либерализующими и демократизирующими реформами, дана в таблице 3.2.

Неудача либерализации. Важнейший вопрос третьей волны касается роли либеральных реформаторов и стабильности либерализованной авторитарной политики. Либеральные реформаторы — преемники консервативных лидеров обычно оказывались проходными фигурами и пребывали у власти недолго. На Тайване, в Венгрии и Мексике либерализаторов быстро сменили более демократически ориентированные реформаторы. Представляется довольно ясным (хотя некоторые аналитики в этом и сомневаются), что в Бразилии Гейзел и Гольбери с самого начала стремились к полноценной демократизации¹⁹. Но даже если они намеревались всего лишь либерализовать авторитарную систему, а не заменить ее, Фигейреду продолжил процесс демократизации. «Я должен сделать эту страну демократией», — сказал он в 1978 г., перед тем как вступить в должность, — и сделал²⁰.

В Испании премьер-министр — сторонник твердой линии, адмирал Луис Карреро Бланко, был убит в декабре 1973 г., и Франко назначил его преемником Карлоса Ариаса Наварро. Ариас был классическим либеральным реформатором. Он хотел модифицировать режим Франко, чтобы сохранить его. В своей знаменитой речи 12 февраля 1974 г. он предложил курс на «открытие» общества (apertura) и рекомендовал провести ряд скромных реформ, включающих, например, разрешение деятельности политических ассоциаций — но не политических партий. Он «был в глубине души слишком консерватором и франкистом, чтобы осуществить подлинную демократизацию режима». Консерваторы из «бункера», включая Франко, торпедировали его реформаторские предложения; в то же время последние побудили оппозицию требовать большей открытости. В итоге Ариас «дискредитировал апертуризм

Таблица 3.2

Перемены в руководстве и реформы, 1973—1990

Страна	Лидер-консерватор	Перемена	Первый лидер-реформатор	Перемена	Второй лидер-реформатор	Первые демократические выборы
Нигерия	Говон	Июль 1975 переворот	Муртала Мухаммед	Февраль 1976 смерть	Обасанджо	Август 1979
Эквадор	Родригес Лара	Январь 1976 переворот	Поведа	—	—	Апрель 1979
Перу	Веласко	Август 1975 переворот	Моралес Бермудес	—	—	Май 1980
Бразилия	Медичи	Март 1974 передача пол- номочий пре- емнику	Гейзел	Март 1979 передача полномочий преемнику	Фигейреду	Январь 1985
Гватемала	Риос Монт	Август 1983 переворот	Мехия	—	—	Декабрь 1985
Испания	Франко Карреро Бланко	Ноябрь 1975 смерть Декабрь 1973 смерть	Хуан Карлос Ариас	— Июль 1976 смещение с поста	Хуан Карлос Суарес	Март 1979
Тайвань	Чан Кайши	Апрель 1975 смерть	Цзян Цзинго	Январь 1988 смерть	Ли Дэньхуэй	
Венгрия	Кадар	Май 1988 смещение с поста	Грос	Май—октябрь 1989 смещение с поста	Ниеш-Пожгаи	Март 1990
Мексика	Портильо	Декабрь 1982 передача пол- номочий пре- емнику	Де ла Мадри	Декабрь 1988 передача полно- мочий преемни- ку	Салинас	
Южная Африка	Форстер	Сентябрь 1978 смещение с поста	Бота	Сентябрь 1989 смещение с поста	де Клерк	
СССР	Черненко	Март 1985 смерть	Горбачев			
Болгария	Живков	Ноябрь 1989 смещение с поста	Младенов	—	—	Июнь 1990

так же, как Карреро дискредитировал иммобилизм»²¹. В ноябре 1975 г. Франко умер, и пост главы государства наследовал Хуан Карлос. Он стремился преобразовать Испанию в подлинную парламентскую демократию европейского типа, Ариас сопротивлялся этим переменам, и в июле 1976 г. Хуан Карлос заменил его Адольфо Суаресом, который быстро принялся устанавливать демократию.

Впрочем, переход от либерализованного авторитаризма мог совершаться как вперед, так и назад. Возникновение ограниченно открытого общества могло пробудить надежды на дальнейшие перемены, а это, в свою очередь, — привести к нестабильности, потрясениям и даже насилию; последнее же могло спровоцировать антидемократическую реакцию и замену либерализующего руководства консервативным. В Греции Пападопулос попытался сменить консервативный курс на либерализацию; это вызвало демонстрации студентов Политехникума и кровавую расправу с ними; затем последовала реакция, и либерализатор Пападопулос был заменен «твердым» Иоаннидисом. В Аргентине генерал Роберто Виола, унаследовав пост президента от сторонника жесткого курса генерала Хорхе Виделы, начал либерализацию. Это вызвало реакцию среди военных, отстранение Виолы и замену его на «твердого» генерала Леопольдо Галтиери. В Китае власть в последней инстанции, по-видимому, оставалась у Дэн Сяопина. Однако в 1987 г. Чжао Цзяян стал генеральным секретарем компартии и взял курс на создание открытой политической системы. В результате последовали массовые студенческие демонстрации на площади Тяньаньмэнь весной 1989 г., спровоцировавшие, в свою очередь, реакцию сторонников жесткого курса, разгром студенческого движения, отстранение Чжао и замену его Ли Пенем. В Бирме генерал Не Вин, правивший страной двадцать шесть лет, официально ушел в отставку в июле 1988 г., и его сменил другой сторонник твердой линии генерал Сейн Лвин. Нарастающая лавина протестов и насилия вынудила Сейна Лвина оставить свой пост через три недели. Его преемником стал Маунг Маунг — штатский и, по всей видимости, умеренный, предложивший провести выборы и попытавшийся договориться с

оппозиционными группами. Но протесты не прекращались, и в сентябре армия сместила Маунг Маунга, взяла правительство под свой контроль, учинила кровавую расправу над демонстрантами и покончила с движением в направлении либерализации.

Стоящие перед либерализаторами дилеммы отразил опыт П.В.Боты и М.С.Горбачева. Оба лидера провели в своих обществах крупные либеральные реформы. Бота в 1978 г. пришел к власти с лозунгом «приспособиться или умереть», легализовал черные профсоюзы, отменил законы о браке, учредил смешанные торговые зоны, дал права гражданства черным жителям городов, разрешил черным свободное владение собственностью, существенно ограничил мелкие проявления апартеида, значительно увеличил финансирование образования для черных, отменил пропускную систему, предусмотрел создание выборных советов в районах с черным населением и создал в парламенте палаты, представляющие цветное и азиатское население (правда, все же не черное). Горбачев объявил гласность, сильно смягчил цензуру, бросил решительный вызов власти коммунистического партийного аппарата и ввел хотя бы скромные формы ответственности правительства перед выборной законодательной властью. Оба лидера дали своим обществам новые конституции, фиксировавшие многие реформы и создававшие новый, наделенный большой властью пост президента, который они затем и заняли. Однако ни Бота, ни Горбачев, вероятно, не хотели кардинально менять свои политические системы. Их реформы были направлены на то, чтобы улучшить, смягчить и при этом укрепить существующую систему, сделать ее более приемлемой для общества. Они сами неоднократно об этом говорили. Бота не собирался покончить с властью белых; Горбачев не собирался покончить с властью коммунистов. Как либеральные реформаторы, они хотели изменить, но при этом сохранить системы, которые возглавляли, в аппарате которых сделали карьеру.

Направленные на либерализацию, но не на демократизацию реформы Боты побудили черное население Южной Африки все настойчивее требовать полной инкорпорации в политическую систему. В сентябре 1984 г. в черных районах произошел взрыв протес-

та, который привел к насилию, репрессиям и вводу войск в эти районы. Одновременно прекратились попытки реформ, и Бота-реформатор в глазах широкой общественности превратился в Боту-угнетателя. Процесс реформ возобновился лишь в 1989 г., когда его сменил Ф.В. де Клерк; проводимые последним более обширные преобразования вызвали критику со стороны Боты и привели к его выходу из Националистической партии. Либерализующие, но не демократизирующие реформы Горбачева в 1989 и 1990 гг., по-видимому, породили такие же потрясения, протесты и насилие в Советском Союзе. Как и в Южной Африке, различные группировки на местах боролись друг с другом и с центральной властью. Дилемма перед Горбачевым стояла вполне ясная. Движение вперед, к полномасштабной демократизации, означало не только конец власти коммунистов в СССР, но и, весьма вероятно, конец самого СССР. Жесткий курс в ответ на беспорядки положил бы конец попыткам экономической реформы, намного улучшившимся отношениям с Западом и сложившемуся во всем мире образу Горбачева как творческого и гуманного лидера. Андрей Сахаров в 1989 г. точно охарактеризовал имевшийся у него выбор: «Средний курс в подобных ситуациях практически невозможен. Страна и вы лично стоите на распутье — либо максимально ускорить процесс перемен, либо попытаться сохранить административно-командную систему со всеми присущими ей свойствами»²².

Там, где предпринимались попытки либерализации, они возбуждали у одних групп стремление к демократизации, а у других — стремление к репрессиям. Опыт третьей волны решительно свидетельствует о том, что либерализованный авторитаризм не обладает устойчивым равновесием: половина дома устоять не может.

Легитимность прошлого: умиротворение консерваторов. Обретение власти давало реформаторам возможность начать демократизацию, не лишая при этом консерваторов возможности бросить им вызов. Консервативные элементы какой бы то ни было правящей коалиции — франкистский «бункер» в Испании, приверженцы жесткого курса среди военных в Бразилии и других латиноамериканских странах, сталинисты в

Венгрии, старая гвардия с материка в Гоминьдане, партийные боссы и бюрократия в ПРИ, крыло «Verkampte» в Националистической партии — так легко не сдавались. Консерваторы в правительстве, армии, партийном аппарате делали все, чтобы остановить или замедлить процессы перемен. В системах, не являвшихся однопартийными, — Бразилии, Эквадоре, Перу, Гватемале, Нигерии, Испании — консервативные группировки в армии совершали попытки переворотов или старались другими способами отстранить реформаторов от власти. В Южной Африке и Венгрии консервативная фракция порывала с правящей партией, обвиняя ее в предательстве основополагающих принципов, на которых эта партия стоит.

Реформистские правительства пытались нейтрализовать оппозицию консерваторов, ослабляя их, задабривая и обращая в свою веру. Перед лицом сопротивления консерваторов зачастую требовалось сосредоточить всю власть в руках реформатора — главы исполнительной власти. Гейзел аттестовал сам себя как «диктатора "абертуры"», вынужденного стать таковым, чтобы силой вытеснить бразильских военных из политики²³. Хуан Карлос, ведя Испанию к демократии, до предела использовал свою власть и полномочия, не в последнюю очередь — когда столь неожиданно назначил премьер-министром Суареса. Бота и Горбачев, как мы видели, создали для себя новый, дающий большую власть пост президента. Салинас решительно утверждал свои полномочия в первые годы пребывания на посту президента Мексики.

Первоочередной задачей для лидеров-реформаторов было очистить правительственный, военный, а также (там, где была в том необходимость) партийный аппарат, заменив консерваторов на руководящих постах сторонниками реформ. Как правило, это делалось избирательно, чтобы не провоцировать резкую реакцию и внести разлад в ряды консерваторов. Помимо ослабления последних, лидеры-реформаторы пытались также задобрить их и перетянуть на свою сторону. При военных режимах реформаторы заявляли, что после необходимой, но ограниченной по срокам авторитарной интерлюдии пришло время вернуться к демократическим принципам, лежащим в основе поли-

тической системы их страны. В этом смысле они провозглашали «возврат к легитимности». В невоенных авторитарных системах реформаторы апеллировали к «легитимности прошлого» и всячески подчеркивали элементы преемственности в развитии²⁴. В Испании, например, была реставрирована бывшая монархия, и Суарес, отменяя франкистскую конституцию, строго следовал статьям этой самой конституции: ни один франкист не смог бы обвинить его в процедурных нарушениях. В Мексике и Южной Африке реформаторы в ПРИ и Националистической партии неукоснительно придерживались традиций этих партий. Гоминьдановские реформаторы на Тайване апеллировали к трем принципам Сунь Ятсена.

Легитимность прошлого имела две положительные стороны и производила двоякий эффект: она легитимировала новый строй, поскольку он был продуктом старого, и задним числом легитимировала старый строй, поскольку именно он порождал новый. Это приводило к всеобщему консенсусу, исключая экстремистов от оппозиции, которым не по нраву был как старый авторитарный режим, так и новый демократический. Реформаторы также призывали консерваторов стать на их сторону ради обуздания радикальной оппозиции и минимизации нестабильности и насилия. Суарес, например, попросил армию поддержать его именно по этим причинам, и главенствующие элементы в армии приняли переход к демократии, потому что «не было ни беззакония, ни уличных беспорядков, ни какой-либо значительной угрозы саботажа и диверсий». Реформаторы также неизбежно обнаруживали, что не могут, как выразился Гейзел, «двигаться вперед, не отступая порою», и что в иных случаях, как при достижении «Апрельского соглашения» 1977 г. в Бразилии, должны делать уступки консерваторам²⁵.

Кооптация оппозиции. Оказавшись у власти, демократические реформаторы, как правило, торопились начать процесс демократизации. Обычно это требовало консультаций с лидерами оппозиции, политических партий, основных социальных групп и институтов. В некоторых случаях велись более или менее официальные переговоры и заключались определенные соглашения или пакты. В других — консультации и перегово-

воры носили более неформальный характер. В Эквадоре и Нигерии правительства назначали комиссии по выработке планов и политики для новой системы. В Испании, Перу, Нигерии, а в конце концов и в Бразилии, избранные учредительные собрания принимали проекты новых конституций. В некоторых случаях проводились референдумы по вопросам нового конституционного устройства.

По мере того как реформаторы удаляли консерваторов из правящей коалиции, они нуждались в подкреплении и должны были обеспечивать себе поддержку среди оппозиции, а также расширять политическую арену, привлекая туда новые группы, которые становились политически активны в результате большей открытости общества. Искусные реформаторы пользовались возрастающим давлением со стороны этих групп, выступавших за дальнейшую демократизацию, чтобы ослабить консерваторов, а угрозу реакционного переворота, так же как приманку в виде определенной доли власти, использовали для того, чтобы усилить умеренные группировки среди оппозиции.

С этой целью реформаторы в правительстве вели переговоры с главными оппозиционными группами и вступали с ними в явные или тайные соглашения. В Испании, к примеру, коммунистическая партия признала, что она слишком слаба, чтобы следовать курсом «радикальной "руптуристской" политики», и вместо этого согласилась с «ruptura pactada», хотя пакт был заключен «совершенно негласно». В октябре 1977 г. Суарес добился заключения с коммунистическими и социалистическими партиями «пакта Монклоа», представлявшего собой смесь довольно суровых чрезвычайных экономических мер и некоторых социальных реформ. В ходе секретных переговоров с главным лидером коммунистов Сантьяго Каррильо он «сыграл на стремлении вождя ПКЭ [Партидо комуниста де Эспанья] быть поближе к рычагам власти и заручился его поддержкой в пользу пакета чрезвычайных мер»²⁶. В Венгрии осенью 1989 г. состоялись официальные переговоры между компартией и оппозиционным Круглым столом, представляющим главные из прочих партий и групп. В Бразилии проходили неофициальные собеседования между правительством и оппозици-

онными партиями — Бразильским демократическим движением (МДБ, Movimento Democrático Brasileiro) и Партией Бразильского демократического движения (ПМДБ, Partido Movimento Democrático Brasileiro). На Тайване правительство и оппозиция в 1986 г. достигли соглашения по параметрам политических перемен, а в июле 1990 г. в ходе недельного совещания согласовали всю программу демократизации.

Превращение демократической оппозиции в умеренную и сотрудничество с ней — вовлечение ее в процесс в качестве младшего партнера — были жизненно необходимы для успешной трансформации. Почти во всех странах основные оппозиционные партии — МДБ—ПМДБ в Бразилии, социалисты и коммунисты в Испании, Демократическая прогрессивная партия (ДПП) на Тайване, Гражданский форум в Венгрии, Американский народно-революционный альянс (АПРА, Alianza Popular Revolucionaria Americana) в Перу, христианские демократы в Чили — возглавлялись умеренными и проводили умеренную политику, сталкиваясь порой с крупными провокациями со стороны консервативных групп в правительстве.

Скидмор, подводя итог случившемуся в Бразилии, точно уловил центральные взаимосвязи, действовавшие в ходе процессов преобразования:

«В конечном счете либерализация была плодом сильнейшей диалектической взаимосвязи между правительством и оппозицией. Военные, покровительствовавшие abertura, должны были действовать осторожно, чтобы не спугнуть "твердолобых". Их попытки завязать диалог с оппозицией были рассчитаны на то, чтобы вычленив в ней "ответственные" элементы, показывая тем самым, что умеренные готовы сотрудничать с правительством. В то же время оппозиция постоянно требовала от правительства прекратить произвол, напоминая военным, что их правление не легитимно. При этом умеренным оппозиционерам приходилось напоминать радикалам, что, нажимая чересчур сильно, они сыграют на руку "твердолобым". Эти запуганные политические взаимоотношения успешно функционировали, поскольку между военными и гражданскими существовал консенсус в пользу возвращения к открытой (почти) политической системе»²⁷.

Советы демократизаторам

1. Как реформировать авторитарные системы

Главные уроки, которые необходимо извлечь демократическим реформаторам в авторитарных правительствах из опыта испанской, бразильской и других трансформаций, следующие:

(1) Обеспечьте себе политическую базу. Как можно быстрее разместите сторонников демократизации на ключевых властных постах в правительстве, партии и армии.

(2) Сохраняйте легитимность прошлого, т.е. проводите перемены с помощью признанных процедур, установленных недемократическим режимом, задабривайте консервативные группировки символическими уступками, следуя курсом «два шага вперед — шаг назад».

(3) Постепенно меняйте свою социальную базу, сокращая свою зависимость от правительственных группировок, выступающих против перемен, расширяйте ее в направлении оппозиционных групп, поддерживающих демократию.

(4) Будьте готовы к тому, что консерваторы могут предпринять какие-либо крайние действия (напр., попытку переворота), чтобы остановить перемены, — возможно, стоит даже подтолкнуть их к этому, а затем безжалостно сокрушить, изолируя и дискредитируя тем самым наиболее крайних противников перемен.

(5) Захватите и удерживайте инициативу в процессе демократизации. Всегда сохраняйте перевес в силе и никогда не принимайте каких-либо мер по демократизации под явным давлением со стороны наиболее крайних радикальных оппозиционных групп.

(6) Не пробуждайте слишком больших надежд относительно того, насколько далеко могут зайти перемены; говорите о них как о постоянно идущем процессе, а не как о претворении в жизнь некой законченной демократической утопии.

(7) Способствуйте тому, чтобы сложилась ответственная, умеренная оппозиционная партия, которую ключевые группы в обществе (в том числе в армии) приняли бы в качестве реальной и не опасной альтернативы правительству.

(8) Создавайте ощущение неизбежности процесса демократизации, чтобы в самых широких кругах общества на него стали смотреть как на необходимый и естественный ход вещей, пусть для кого-то и по-прежнему нежелательный.

ЗАМЕНА

Замена — процесс, сильно отличающийся от трансформации. Реформаторы внутри режима слабы, или их нет вообще. В правительстве доминируют консерваторы, упорно не допускающие смены режима. Поэтому демократизация происходит, когда оппозиция набирает силу, а правительство теряет ее до тех пор, пока не рухнет или не будет свергнуто. Бывшие оппозиционные группы приходят к власти, и тогда конфликт нередко вступает в новую фазу: в новом правительстве различные группы борются между собой из-за характера режима, который они должны установить. Короче говоря, процесс замены включает три различные фазы: борьбу, приводящую к падению режима; само падение; борьбу после падения.

Большинство демократизаций третьей волны требовали определенного сотрудничества с властями. До 1990 г. имело место лишь шесть случаев замены. Они были редкостью при переходе к демократии от однопартийной системы (один случай из одиннадцати) или военного режима (два случая из шестнадцати) и чаще встречались при переходе к демократии от личной диктатуры (три случая из семи). Как мы уже указывали, лидеры — творцы авторитарных режимов, за некоторыми исключениями (Ганди, Эврен, Пиночет), не склонны были уничтожать их. В авторитарной системе смена руководства скорее могла произойти в результате переворотов «второй фазы» при военном режиме либо регулярной ротации или деятельности надлежащих партийных органов при однопартийной системе. Однако личные диктаторы редко уходили в отставку добровольно, а сама природа их власти — личной, а не военной или организационной — не давала их противникам внутри режима отстранить их, да, собственно, и делала маловероятным существование сколько-нибудь сильных и многочисленных противников. Таким обра-

зом, личный диктатор мог держаться на своем месте до самой смерти либо до гибели самого режима. Жизнь режима становилась жизнью диктатора. Политически, а иногда и буквально (напр., в случае с Франко, Чаушеску) смерть диктатора означала смерть режима.

Демократические реформаторы в авторитарных режимах, которые исчезли в результате замены, были очень слабы либо вообще отсутствовали. В Аргентине и Греции лидеров-либерализаторов Виолу и Пападопулоса убрали от власти, и на их место пришли «твердые» военные. В Португалии Каэтану начал какие-то либеральные реформы и сам же от них отказался. На Филиппинах, в Румынии и Восточной Германии в окружение Маркоса, Чаушеску и Хонеккера если и входили демократы или хотя бы либералы, то крайне мало. Во всех шести случаях власть монополизировали консерваторы, и возможность инициировать реформы изнутри была практически полностью исключена.

Авторитарная система существует, потому что правительство политически сильнее оппозиции. Она заменяется, когда правительство становится слабее оппозиции. Поэтому для осуществления замены необходимо, чтобы оппозиция расшатала правительство и изменила баланс сил в свою пользу. Авторитарные режимы, смытые третьей волной, вначале почти всегда пользовались популярностью и широкой поддержкой. Обычно их поддерживала коалиция множества различных групп. Однако со временем их силы таяли, как бывает с любым правительством. Греческий и аргентинский военные режимы испытали унижение военного поражения. Португальский и филиппинский режимы не смогли выиграть войну с партизанами, а филиппинский режим вдобавок создавал мучеников и фальсифицировал результаты выборов. Румынский режим проводил глубоко антинародную политику и в результате изолировал себя от своего народа; поэтому он оказался уязвим для действия кумулятивного эффекта «снежного кома», произведенного антиавторитарным движением во всей Восточной Европе. Восточная Германия — случай более сложный. Хотя ее режим в некоторых отношениях добивался определенных успехов, неизбежное сравнение с Западной Германией изначально было его слабым местом, и откры-

тие транзитного коридора через Венгрию резко подорвало его власть. В начале декабря 1989 г. партийное руководство ушло в отставку, и бразды правления перешли к временному правительству, назначенному до новых выборов. Однако авторитет режима растаял, как дым, а вместе с ним и основания для существования восточногерманского государства.

Иногда эрозия поддержки режима протекала открыто, но, учитывая репрессивный характер авторитарных режимов, чаще всего это происходило тайно. Авторитарные лидеры зачастую не осознавали, насколько они стали непопулярны. Тайное недовольство вырывалось наружу, когда какое-нибудь событие, играя роль спускового крючка, обнажало слабость режима. В Греции и Аргентине это было военное поражение. В Португалии и Восточной Германии — открытое выступление против режима главного источника его власти: армии в Португалии, Советского Союза в Восточной Германии. Действия турок, англичан, португальских военных, Горбачева подстегивали недовольство других групп режимом в вышеназванных обществах и заставляли его проявиться открыто. Во всех этих случаях лишь очень немногие слабые группировки выступали в поддержку режима. Он вызывал недовольство очень многих людей, потому что был авторитарным, и требовалось лишь какое-то событие-толчок, чтобы это недовольство кристаллизовалось.

Студенты представляют собой универсальную оппозицию; они против любого режима, существующего в их обществе. Однако сами по себе студенты режимов не свергают. В отсутствие сколько-нибудь значительной поддержки среди других групп населения военные и полиция расстреливали их и в Греции в ноябре 1973 г., и в Бирме в сентябре 1988 г., и в Китае в июне 1989 г. Военные — главная опора режимов. Если они лишают последние своей поддержки, если совершают антиправительственный переворот или отказываются применять силу против тех, кто угрожает режиму, следует падение режима. В промежутке между вечной оппозицией студентов и необходимой поддержкой военных располагаются другие группы, чья поддержка или оппозиция режиму зависит от обстоятельств. В некоммунистических авторитарных системах, например на

Филиппинах, эти группы начинали испытывать недовольство по очереди, одна за другой. За недовольством студентов следовало недовольство интеллектуалов вообще, затем — лидеров существовавших прежде политических партий, многие из которых в свое время, возможно, поддержали авторитарный переворот или примирились с ним. Как правило, отчуждение захватывало все более широкие круги среднего класса — «белые воротнички», специалистов, мелких предпринимателей-собственников. В католических странах лидеры церкви также становились одними из первых и весьма решительных противников режима. Если профсоюзы существовали и не находились полностью под контролем правительства, то в какой-то момент к оппозиции присоединялись и они. А самое главное — так же поступали широкие деловые круги и буржуазия. Со временем недовольство начинали проявлять Соединенные Штаты или другие иностранные источники помощи. И вот в довершение всего военные решали не поддерживать более правительство или активно выступали против него вместе с оппозицией.

В пяти из шести случаев замены, исключая Аргентину, недовольство военных играло решающую роль в крушении режимов. В странах с личными диктатурами — в Португалии, Румынии, на Филиппинах — это недовольство вызывала политика диктатора, ослаблявшая профессионализм армии, политизировавшая и разлагавшая офицерский корпус, создававшая соперничавшие с армией параллельные вооруженные силы и силы безопасности. Как правило (Португалия — единственное исключение), оппозиционные настроения должны были широко распространиться в обществе, прежде чем армия покидала правительство. Если недовольство было не слишком широко распространено, то либо наиболее вероятные источники оппозиции — средний класс, буржуазия, религиозные группировки — были малы и слабы, либо режим пользовался поддержкой этих групп, обычно в результате успешной политики экономического развития. В Бирме и Китае вооруженные силы жестоко подавили выступления с протестами, возглавлявшиеся главным образом студентами. В обществах, более высокоразвитых экономически, оппозиция авторитаризму собиралась под

свои знамена более широкие ряды. И когда эта оппозиция вышла на улицы на Филиппинах, в Восточной Германии и Румынии, военные части не стали открывать огонь по столь репрезентативным группам своих сограждан.

Популярная картина демократического транзита такова: репрессивные правительства ниспровергаются «властью народа», мобилизованными массами возмущенных граждан, требующих смены режима и в конечном итоге добивающихся ее силой. Определенная форма активности масс имела место почти в каждом случае смены режима в третью волну. Однако центральную роль массовые демонстрации, протесты и забастовки играли только в шести примерно случаях транзита, совершившегося или еще продолжавшегося в конце 1980-х гг. К ним относятся случаи замены на Филиппинах, в Восточной Германии и Румынии, а также случаи замещения в Южной Корее, Польше и Чехословакии. В Чили частыми массовыми акциями без всякого успеха пытались изменить пиночетовский план трансформации. В Восточной Германии — единственной — и «уход», и «голос», если пользоваться терминами Хиршмана, сыграли главную роль: там протест сначала принял форму массового отъезда граждан из страны, а затем — массовых уличных демонстраций в Лейпциге и Берлине.

На Филиппинах, в Португалии, Румынии и Греции, когда режим разваливался, он разваливался быстро. Сегодня авторитарное правительство еще у власти, на следующий день — уже нет. В Аргентине и Восточной Германии авторитарные режимы были быстро делегитимированы, но продолжали цепляться за власть, пытаясь выторговать условия смены режима. В Аргентине преемник военного правительства генерал Рейнальдо Биньяне, взявший бразды правления в свои руки в июле 1982 г., сразу после поражения на Фолклендах, в течение шести месяцев «сравнительно успешно» держал процесс транзита под определенным контролем режима. Однако в декабре 1982 г. усиливавшаяся оппозиция в обществе и разрастание оппозиционных организаций вылились в массовые акции протеста, всеобщую забастовку и закончились тем, что Биньяне назначил дату проведения выборов, а объеди-

нившиеся оппозиционные партии отклонили предложенные военными условия передачи власти. Авторитет обанкротившегося военного режима неуклонно падал, пока его не сменило правительство Альфонсина, избранное в октябре 1983 г. «Военное правительство погибло, — замечал один автор. — Оно не имело никакого влияния на выдвижение кандидатов или сами выборы, оно никому не могло дать отвод и не сохранило за собой ни каких-либо полномочий, ни права вето на будущее. Кроме того, он не было способно ни гарантировать свою автономию по отношению к будущему конституционному правительству, ни заручиться обещанием по поводу будущей военной политики, и того менее — учитывая, кто из кандидатов победил, — обеспечить базис для соглашения касательно продолжавшейся борьбы с партизанами»²⁸. В Восточной Германии в начале 1990 г. сложилась очень похожая ситуация со слабым, дискредитировавшим себя коммунистическим правительством, цепляющимся за власть, и премьер-министром Хансом Модровом, выступающим в роли Биньяне.

При замене не делался характерный для трансформации акцент на процедурную преемственность и легитимность прошлого. Институты, процедуры, идеи, люди, связанные с прежним режимом, считались запятнанными, подчеркивался, наоборот, резкий и полный разрыв с прошлым. Те, кто пришел на смену авторитарным правителям, основывали свое правление на «легитимности будущего», на том, что они непременно сделают в будущем, на отсутствии связи с прежним режимом или неучастия в его делах.

При трансформации и замещении лидеры авторитарных режимов обычно оставляли политику и споконно, даже с некоторым достоинством, возвращались в казармы или к частной жизни. Тех же авторитарных лидеров, которые потеряли власть в результате замены, постигла злосчастная судьба. Маркое и Каэтано были изгнаны. Чаушеску — в конце концов расстрелян. Военные офицеры, правившие Грецией и Аргентиной, пошли под суд и оказались в тюрьме. В Восточной Германии кара, грозившая Хонеккеру и другим бывшим руководителям, представляла разительный контраст с полным отсутствием подобных мер в Поль-

²⁸ Третья волна.
Демократизация в конце XX века

ше, Венгрии и Чехословакии. Диктаторы, свергнутые в результате иностранной интервенции в Гренаде и Панаме, также подверглись судебному преследованию и наказанию.

Мирная кончина авторитарного режима обычно порождала славные, но короткие мгновения общественной эйфории, гвоздик и шампанского, которых не бывало при трансформации. Создавала она и потенциальный вакуум власти, чего также при трансформации не бывало. В Греции и на Филиппинах вакуум быстро заполнился с приходом к власти Караманлиса и Акино, популярных политических лидеров, которые повели свои страны к демократии. В Иране вакуум власти заполнил аятолла, который повел Иран совсем в другую сторону. В Аргентине и Восточной Германии правительства Биньоне и Модрова весьма слабо заполняли собой промежуток между гибелью авторитарных режимов и избранием демократических правительств.

До падения режима оппозиционные группы едины в своем стремлении добиться этого падения. После него среди этих групп появляются разногласия, они борются за распределение власти, за то, какой должен быть установлен новый режим. Судьбу демократии определяло соотношение сил между умеренными демократами и радикалами-антидемократами. В Аргентине и Греции авторитарные режимы были у власти недолго, политические партии быстро появились вновь, и между политическими лидерами и группировками в подавляющем большинстве существовал консенсус в пользу скорейшего восстановления демократических институтов. На Филиппинах открытая оппозиция демократии, за исключением повстанцев НПА, также была незначительна.

В Никарагуа, Иране, Португалии и Румынии внезапный крах диктатур привел к борьбе бывших оппозиционных группировок и партий между собой за то, кто будет отправлять власть и какого рода режим будет создан. В Никарагуа и Иране умеренные демократы проиграли. Португалия, как указывалось на первых страницах этой книги, с апреля 1974 по ноябрь 1975 г. находилась в состоянии революционного брожения. Вполне возможна была консолидация власти в руках антидемократической марксистско-ленинской коали-

ции компартии и левых офицеров. В конце концов, после острой борьбы фракций среди военных, массовой мобилизации, демонстраций, стачек Эанеш с помощью военных действий повернул Португалию на демократический курс. «То, что началось как переворот, — заметил Роберт Харви, — стало революцией, которая была остановлена реакцией, прежде чем превратилась в анархию. Из этой неразберихи родилась демократия»²⁹.

Перед Португалией стоял выбор между буржуазной демократией и марксистско-ленинистской диктатурой. В Румынии 1990 г. выбор не был столь очевиден, но демократия там также не являлась неизбежностью. Отсутствие эффективно организованных оппозиционных партий и групп, отсутствие прежнего опыта демократии, насилие, сопровождавшее свержение Чаушеску, горячее желание отомстить людям, связанным с диктатурой, притом что в ее делах участвовала немалая часть населения, принадлежность многих лидеров нового правительства к верхушке старого режима — все это не предвещало демократии ничего хорошего. В конце 1989 г. некоторые румыны восторженно сравнивали случившееся в их стране с тем, что произошло двести лет назад во Франции. Им следовало бы учесть, что Французская революция закончилась военной диктатурой.

Советы демократизаторам

2. Как свергать авторитарные режимы

История происшедших замен свидетельствует, что умеренные демократы от оппозиции, пытающиеся свергнуть авторитарный режим, должны руководствоваться следующими принципами*.

Майрон Вейнер сформулировал похожие, но более лаконичные рекомендации: «Уроки для тех, кто стремится к демократизации, таковы: мобилизуйте широкую ненасильственную оппозицию режиму, ищите поддержки у центра и при необходимости у правых консерваторов, сдерживайте левых и не давайте им выйти на первые роли в движении, склоните на свою сторону часть военных, добейтесь сочувственного освещения в западных средствах массовой информации и поддержки США» (Weiner M. Empirical Democratic Theory and the Transition from Authoritarianism to Democracy // PS. Fall 1987. Vol. 20. P. 866).

(1) Сосредоточьте внимание на нелегитимности или сомнительной легитимности авторитарного режима; это его самое уязвимое место. Нападайте на режим, поднимая общие темы, имеющие широкий общественный резонанс, как, например, коррупция и жестокость. Пока режим успешно функционирует (особенно в экономической сфере), эти нападки ни к чему не приведут. Но как только он станет менее функциональным (что непременно должно случиться), разоблачение его нелегитимности станет единственным и важнейшим рычагом, который поможет убрать его от власти.

(2) Авторитарные правители, так же как демократические, со временем отталкивают первоначальных сподвижников. Уговорите эти недовольные группы поддержать демократию как необходимую альтернативу существующей системе. Особенно постарайтесь привлечь лидеров деловых кругов, специалистов из среднего класса, религиозных деятелей и лидеров политических партий, большинство которых, вероятно, поддерживало создание авторитарной системы. Чем более «респектабельной» и «ответственной» будет казаться оппозиция, тем легче ей будет завоевывать новых сторонников.

(3) Обхаживайте генералов. В конечном счете, падет режим или нет, будет зависеть от того, поддержат ли они его, присоединятся к вам в оппозиции или останутся в стороне. Поддержка военных может быть полезна во время кризиса, но в сущности все, что вам от них действительно нужно, — чтобы они не захотели защищать режим.

(4) Практикуйте и проповедуйте ненасилие (см. с. 212 и ел. ниже). Помимо всего прочего, вам тогда будет легче перетянуть на свою сторону силы безопасности: солдаты как-то не склонны сочувствовать людям, которые швыряют в них бутылки с «коктейлем Молотова».

(5) Хватайтесь за любую возможность выразить свою оппозиционность режиму, в том числе и за возможность участия в организуемых им выборах (см. ниже, с. 201 и ел.).

(6) Развивайте контакты с мировыми средствами массовой информации, зарубежными правозащитными организациями и транснациональными учреждениями, такими как церковь. В особенности мобилируйте сторонников в Соединенных Штатах. Американские конгрессмены всегда ищут нравственный повод создать себе рекламу, который можно использовать против американской администрации. Драматизируйте ваше дело в их глазах и дайте им материал для выступлений по телевидению и речей, которые будут напечатаны в газетах с броскими заголовками.

(7) Добивайтесь единства среди оппозиционных групп. Попробуйте создавать обширные организационные структуры, облегчающие сотрудничество таких групп. Это будет трудно, к тому же, как показывают примеры Филиппин, Чили, Южной Кореи и Южной Африки, авторитарные правители часто искушены в провоцировании раскола оппозиции. Одним из доказательств вашей способности стать демократическим лидером своей страны будет умение преодолеть эти препятствия и обеспечить определенное единство оппозиции. Помните изречение Гэбриела Алмонда: «Великие лидеры — это великие создатели коалиций»³⁰.

(8) Когда авторитарный режим падет, будьте готовы быстро заполнить образовавшийся вакуум власти. Это можно сделать: выдвинув на сцену популярного, харизматического, демократически ориентированного лидера; быстро организовав выборы, дабы придать народную легитимность новому правительству; создав ему международную легитимность — заручившись поддержкой иностранных и транснациональных акторов (международных организаций, США, Европейского Сообщества, католической церкви). Осознайте тот факт, что некоторые из ваших бывших партнеров по коалиции захотят установить новую — собственную — диктатуру, и потихоньку организуйте сторонников демократии для отражения таких попыток, если они будут иметь место.

ЗАМЕЩЕНИЕ

При замещении демократизация осуществляется в ходе совместных действий правительства и оппозиции.

В правительстве соотношение между консерваторами и реформаторами таково, что оно (правительство) желает вести переговоры о смене режима — в отличие от ситуации, когда консерваторы преобладают, что приводит к его замене, — но не желает само инициировать этот процесс. Его нужно подтолкнуть и/или втянуть в переговоры с оппозицией. Внутри оппозиции умеренные демократы достаточно сильны, чтобы взять верх над радикалами-антидемократами, но недостаточно сильны, чтобы свергнуть правительство. Поэтому они тоже видят желательный выход в переговорах.

Примерно одиннадцать из тридцати пяти процессов либерализации и демократизации, прошедших или начавшихся в 1970—1980-е гг., близки к модели замещения. Наиболее яркие примеры представляли собой Польша, Чехословакия, *Уругвай* и Южная Корея; смена режима в Боливии, Гондурасе, Сальвадоре и Никарагуа также демонстрирует значительные элементы замещения. В Сальвадоре и Гондурасе переговоры отчасти велись с правительством США, действующим как суррогат умеренных демократов. Южная Африка в 1989 и 1990 гг. начала процесс замещения, Монголия и Непал, по-видимому, также двинулись в этом направлении. Некоторые черты замещения имелись и в Чили. Однако режим Пиночета был достаточно силен, чтобы сопротивляться требованиям оппозиции вступить в переговоры о демократизации, и упорно придерживался плана смены режима, составленного им в 1980 г.

При успешном замещении доминирующие группы в правительстве и в оппозиции признавали, что не в состоянии в одностороннем порядке определить характер будущей политической системы в своем обществе. Лидеры правительства и оппозиции зачастую утверждались в таких взглядах, испытав друг друга на силу и решимость в рамках политической диалектики. Поначалу оппозиция обычно верила, будто сумеет когда-нибудь в не слишком отдаленном будущем свалить правительство. Подобные убеждения порой бывали совершенно нереалистичны, но, пока лидеры оппозиции их придерживались, серьезные переговоры с

правительством были невозможны. Правительство, со своей стороны, поначалу обычно верило, будто сумеет укротить и подавить оппозицию, не понеся чрезмерных издержек. Замещение происходило, когда и те и другие меняли свои убеждения. Оппозиция осознавала, что недостаточно сильна, чтобы свергнуть правительство. Правительство осознавало, что оппозиция сильна достаточно, чтобы многократно возросли издержки отказа от переговорного процесса — в форме усиления репрессий, приводящего к дальнейшему отчуждению от правительства различных групп, углубления раскола внутри правящей коалиции, все более реальной возможности захвата власти «твердолобыми» и в значительной степени утраты международной легитимности.

Диалектика замещения часто требовала особой последовательности шагов. Во-первых, правительство проводило некоторую либерализацию и начинало терять власть и авторитет. Во-вторых, оппозиция пользовалась этими послаблениями и ослаблением правительства, чтобы заручиться более широкой поддержкой и активизировать свою деятельность в надежде в скором времени это правительство свалить. В-третьих, правительство энергично реагировало, стремясь сдерживать и не допустить мобилизацию политических сил оппозицией. В-четвертых, лидеры правительства и оппозиции, чувствуя, что зашли в тупик, начинали нащупывать возможности осуществления транзита путем переговоров. Однако этот четвертый шаг не был неизбежен. Правительство, например, могло, скорее всего после смены руководства, со всей жесткостью использовать военные и полицейские силы, чтобы восстановить свою власть, хотя бы временно. Оппозиция могла продолжать наращивать силы, не прекращая расшатывать власть правительства, и в конечном итоге добиться его падения. Таким образом, для осуществления замещения требовались приблизительно равенство сил правительства и оппозиции, а также неуверенность каждой из сторон в том, что она сможет одержать верх, если дело дойдет до главного испытания этих сил. В таких обстоятельствах переговоры и компромисс казались менее рискованными, чем конфронтация и последующая катастрофа.

В результате политический процесс, ведущий к замещению, часто бывал отмечен большими шатаниями и потрясениями, стачками, акциями протеста, демонстрациями с одной стороны, репрессиями, массовыми арестами, полицейским насилием, введением осадного и военного положений — с другой. Подобные циклы протестов и репрессий в Польше, Чехословакии, Уругвае, Южной Корее и Чили в конце концов почти во всех случаях, за исключением Чили, привели к переговорам и достижению соглашения между правительством и оппозицией.

В Уругвае, к примеру, вспышка массовых акций протеста и демонстраций осенью 1983 г. стимулировала процесс переговоров, которые привели к уходу военных от власти. В Боливии в 1978 г. «серия конфликтов и акций протеста» предшествовала соглашению военных с программой проведения выборов³¹. В Южной Корее, как и в Уругвае, военный режим сначала решительно подавлял протесты. Но весной 1987 г. демонстрации приобрели более массовый характер и более широкую социальную базу, в них все чаще начал участвовать средний класс. Сперва правительство реагировало обычным образом, но затем меняло позицию, согласилось на переговоры и приняло основные требования оппозиции. Стачки 1988 г. в Польше имели такой же эффект. Как пояснял один комментатор, «забастовки сделали круглый стол не просто возможным, но необходимым — для обеих сторон. Как это ни парадоксально, они были достаточно сильны, чтобы заставить коммунистов сесть за круглый стол, но слишком слабы, чтобы позволить лидерам "Солидарности" отказаться от переговоров. Поэтому переговоры за круглым столом состоялись»³².

В ходе замещения силу и слабость каждой из сторон показывало столкновение лицом к лицу на центральной площади столицы масс протестующих и сомкнутых рядов полиции. Оппозиция могла мобилизовать массы в свою поддержку; правительство могло сдерживать их, не поддаваясь давлению оппозиции.

Политика в Южной Африке 1980-х гг. развивалась именно по указанной четырехступенчатой модели. В

конце 1970-х гг. П.В.Бота начал процесс либеральных реформ, пробудив надежды среди черного населения и затем разбив их, когда конституция 1983 г. отказала черным в праве играть роль в национальной политике. Это привело к восстаниям черных районов 1984—1985 гг., породившим надежды на скорое падение режима господства африканеров. Решительное и эффективное подавление правительством как черных, так и белых инакомыслящих заставило оппозицию резко пересмотреть свои взгляды. В то же время восстания привлекли внимание международной общественности, вызвали осуждение системы апартеида и тактики правительства, заставили США и европейские правительства ужесточить экономические санкции против Южной Африки. По мере того как рушились надежды радикалов из Африканского национального конгресса (АНК) на революцию, возрастала опасность правительства Националистической партии по поводу международной легитимности и будущего экономики. В середине 1970-х гг. Джо Слово, руководитель южноафриканской компартии и военной организации АНК, утверждал, что АНК может свергнуть правительство и завоевать власть путем длительной партизанской войны и революции. В конце 1980-х гг. он по-прежнему оставался приверженцем насильственных методов, но рассматривал переговоры как более вероятный путь для достижения АНК своих целей. Ф.В. де Клерк, став президентом Южноафриканской Республики в 1989 г., также подчеркивал важное значение переговоров. Урок Родезии, по его словам, заключался в том, что, «когда существовала возможность реальных, конструктивных переговоров, ею не воспользовались... Все пошло не так, потому что слишком долго, при сложившихся обстоятельствах, ждали, прежде чем завязать серьезные переговоры и диалог. Мы не должны сделать ту же ошибку, и мы полны решимости не повторять ее»³³. Оба политических лидера учились на своем и чужом опыте.

В Чили, напротив, правительство хотело и могло избежать переговоров. Весной 1983 г. там началась вспышка крупных забастовок, но всеобщую национальную стачку правительство подавило. Начиная с

мая 1983 г. оппозиция стала организовывать ежемесячные массовые демонстрации в «дни национального протеста». Полиция их разгоняла, несколько человек при этом обычно бывали убиты. Экономические проблемы и протесты оппозиции вынудили правительство Пиночета вступить в диалог с оппозицией. Но затем началось оздоровление экономики, а средний класс начал тревожиться, как бы не исчез окончательно закон и порядок. Национальная стачка в октябре 1984 г. была подавлена с большим кровопролитием. Вскоре после этого правительство вновь ввело осадное положение, отмененное в 1979 г. Таким образом, все усилия оппозиции свергнуть правительство или заставить его пойти на серьезные переговоры потерпели неудачу. Оппозиция «переоценила свои силы и недооценила силы правительства»³⁴. Она недооценила также упорство и политическое мастерство Пиночета и готовность чилийских сил безопасности стрелять в безоружных гражданских демонстрантов.

Замещение требовало от лидеров с обеих сторон готовности пойти на риск переговоров. Как правило, среди правящей элиты существовало расхождение во мнениях относительно переговоров. Иногда верховные лидеры шли на переговоры с оппозицией исключительно под давлением своих коллег и обстоятельств. Так, например, Адам Михник в 1989 г. заявил, что Польша, как и Венгрия, следовала по «испанскому пути к демократии». В целом он был прав, поскольку и испанский и польский переход к демократии в основном протекал мирно. Однако, если смотреть на частности, испанская аналогия не годится для Польши, ибо Ярузельский не был Хуаном Карлосом или Суаресом (тогда как Имре Пожгаи в значительной степени был). Ярузельский стал демократом поневоле, к переговорам с «Солидарностью» его подтолкнуло ухудшение положения страны и его режима³⁵. Уругвайский президент генерал Грегорио Альварес хотел продлить свое пребывание у власти, откладывая демократизацию, но другие члены военной хунты вынудили его поторопиться со сменой режима. В Чили генерал Пиночет примерно так же испытывал нажим со стороны других членов хунты, в особенности ко-

мандующего военно-воздушными силами генерала Фернандо Маттеи, требующих большего прогресса в отношениях с оппозицией, но Пиночет успешно противостоял давлению.

В других странах, прежде чем начинались какие-либо серьезные переговоры с оппозицией, происходили перемены в высшем руководстве. Правительство генерала Чон Ду Хвана в Южной Корее упорно проводило консервативную политику обструкции требований оппозиции и подавления ее деятельности. Но в 1987 г. правящая партия выдвинула кандидатом в премьерники Чона Ро Дэ У. Ро круто изменил политику Чона, провозгласил политическую открытость и вступил в переговоры с лидером оппозиции³⁶. В Чехословакии консервативного должителя на верховном посту, генерального секретаря компартии Густава Гусака в декабре 1987 г. сменил мягкий реформист Милош Якеш. Но как только осенью 1989 г. мобилизовалась оппозиция, место Якеша занял реформатор Карел Урбанек. Урбанек и реформистски настроенный премьер-министр Ладислав Ададек в ходе переговоров достигли соглашения о переходе к демократии с Вацлавом Гавелом и другими лидерами оппозиционного Гражданского форума. В Южной Африке де Клерк от процесса трансформации сверху, не завершеного его предшественником, перешел к переговорам с лидерами черной оппозиции в духе процесса замещения. Таким образом, для правящих кругов в ситуации замещения, как правило, были характерны неуверенность, неопределенность и расхождения во мнениях. Эти режимы никак не могли окончательно выбрать либо поддержание своей власти безжалостной рукой, либо решительное движение в сторону демократии.

Разногласия и неуверенность в случаях замещения царили не только в правительственном лагере. Фактически еще вернее, чем среди лидеров дряхлеющего авторитарного правительства, следовало ожидать раскола среди мечтавших заменить их лидеров оппозиции. В ситуации замены правительство подавляет оппозицию, и оппозиция в свержении правительства видит общий интерес, преваляющий надо все остальным. Как показывают примеры Филиппин и Никарагуа, даже в

этих условиях может быть крайне трудно добиться единства среди оппозиционных лидеров и партий, и зачастую достигнутое единство оказывается весьма непрочным и хрупким. При замещении, когда речь идет не о свержении правительства, а о переговорах с ним, достичь единства оппозиции еще труднее. В Южной Корее этого не получилось, и поэтому правительственный кандидат Ро Дэ У, имея меньшинство голосов, был избран президентом, так как два кандидата от оппозиции, соперничая друг с другом, раскололи антиправительственное большинство. В Уругвае одна из оппозиционных партий — Национальная партия, — поскольку ее лидер находился в тюрьме, отвергла соглашение, достигнутое между военными и двумя другими партиями. В Южной Африке главным препятствием для демократических реформ стали многообразные разногласия внутри оппозиции: между парламентскими и непарламентскими группами, африканерами и англичанами, черными и белыми, черными идеологами и племенными группами. Еще совсем незадолго до 1990-х гг. южноафриканскому правительству противостояло поразительное множество оппозиционных групп, различия между которыми зачастую были не меньше, чем различия между ними и правительством.

В Чили оппозиция была глубоко расколота: большое число партий, фракций и коалиций. В 1983 г. умеренно-центристские оппозиционные партии сумели объединиться в Демократический альянс. В августе 1985 г. более широкая группа из дюжины партий заключила Национальное соглашение, призывая к демократизации. Тем не менее, конфликты по вопросам руководства и тактики не прекращались. В 1986 г. чилийская оппозиция организовала массовые акции протеста, надеясь повторить в Сантьяго то, что случилось в Маниле. Однако она была разобщена, а ее воинственность отпугнула консервативные слои. Проблема, как выразился в то время один наблюдатель, заключалась в том, что «генералу не бросает вызов умеренное оппозиционное движение, сплотившееся под руководством уважаемой личности. Нет чилийской Кори»³⁷. В Польше дела обстояли иначе. Польской Кори был Лех Валенса, а «Солидарность» почти десятилетие стояла

во главе оппозиции. В Чехословакии замещение произошло так быстро, что различия между оппозиционными политическими группами не успели материализоваться.

При замещении умеренные демократы в оппозиции должны быть достаточно сильны, чтобы внушать правительству доверие как партнеры по переговорам. Почти всегда некоторые группы в лагере оппозиции отказываются от переговоров с правительством. Они боятся, что переговоры приведут к нежелательным компромиссам, и надеются, что продолжение нажима со стороны оппозиции вызовет падение или свержение правительства. В Польше в 1988—1989 гг. правые оппозиционные группы требовали бойкотировать Круглый стол. В Чили левые группы осуществляли террористические акты, сводившие на нет все усилия умеренной оппозиции завязать с правительством переговоры. Так же и в Южной Корее радикалы отвергли заключенное правительством и ведущими оппозиционными группами соглашение о выборах. В Уругвае в оппозиции доминировали лидеры умеренных политических партий, и экстремисты представляли меньшую проблему.

Чтобы переговоры состоялись, каждая сторона должна была допустить в какой-то мере легитимность другой. Оппозиция — признать правительство достойным партнером и если не прямо, то косвенно согласиться с тем, что в настоящий момент оно имеет право на власть. Правительство, в свою очередь, — принять оппозиционные группы как законных представителей значительной части общества. Правительству это легче было сделать, если данные группы не участвовали в насильственных действиях. Переговоры облегчались также, если оппозиционные группы, например политические партии при военном режиме, были раньше полноправными участниками политического процесса. Оппозиции легче было вести переговоры, если правительство применяло против нее насилие в ограниченном масштабе и если в правительстве были демократические реформаторы, о которых имелись основания думать, что они разделяют ее цели.

В случае замещения, в отличие от трансформации и замены, правительственные лидеры нередко договаривались об основных условиях смены режима с лидерами оппозиции, находившимися прежде под арестом: Лехом Валенсой, Вацлавом Гавелом, Хорхе Батле Ибаньесом, Ким Дэ Джуном и Ким Янг Самом, Уолтером Сисулу и Нельсоном Манделой. Для этого были веские причины. Лидеры оппозиции, сидевшие в тюрьме, не сражались с правительством ни насильственными, ни ненасильственными методами; они просто жили с ним. Они также ощутили на себе реальность его власти. Правительственные лидеры, выпустившие этих узников, обычно были заинтересованы в реформе, а выпущенные — достаточно умеренны, чтобы желать переговоров со своими бывшими тюремщиками. Тюремное заключение также повышало моральный авторитет бывших узников. Это помогало им объединить оппозиционные группы, по крайней мере на время, и дать правительству надежду на то, что они смогут добиться согласия своих последователей с достигнутыми договоренностями.

Как-то во время бразильского перехода к демократии генерал Гольбери, по слухам, сказал одному лидеру оппозиции: «Держите под контролем своих радикалов, а мы будем держать своих»³⁸. Чтобы держать радикалов под контролем, часто нужно сотрудничество другой стороны. При переговорах о замещении каждая из сторон заинтересована в усилении другой, чтобы та успешнее могла справляться с экстремистами в своем лагере. Например, в июне 1990 г. Нельсон Мандела, комментируя проблемы, возникающие у Ф.В. де Клерка с «твердолобыми» белыми, сказал, что АНК призвал «белых помогать де Клерку. Мы пытаемся также привлечь его внимание к проблемам белой оппозиции. Уже начаты дискуссии с влиятельными кругами правых». В то же время Мандела рассказывал, как на его собственное желание встретиться с вождем Менгосуту Бутелези наложили вето воинствующие элементы АНК и ему, как «лояльному и дисциплинированному члену АНК», пришлось подчиниться их решению³⁹. Де Клерк был очевидно заинтересован в усилении Ман-

делу и в том, чтобы помочь ему справиться с воинствующей левой оппозицией.

Порой переговорам о смене режима предшествовали некие «предварительные переговоры» об условиях вступления в основной переговорный процесс. В Южной Африке правительство поставило условием отказ АНК от насилия. АНК требовал, чтобы правительство признало городские оппозиционные группы и освободило политических заключенных. В некоторых случаях предварительные переговоры велись относительно того, какие именно деятели и группы от оппозиции будут участвовать в основных переговорах.

Иногда переговоры бывали долгими, иногда — короткими. Нередко та или иная сторона прерывала их. Однако по мере того как они продолжались, политическое будущее каждой из сторон все больше начинало зависеть от их успеха. В случае провала переговоров консерваторы в правящей коалиции и радикалы в оппозиции были тут же готовы сделать себе на нем капитал и свалить лидеров, участвовавших в переговорах. Так возникал общий интерес и ощущение общей судьбы. «Сейчас, — замечал Мандела в августе 1990 г., — некоторым образом сложился альянс» между АНК и Националистической партией. «Мы в одной лодке, на одном корабле, — вторил ему лидер Националистической партии Р.Ф.Бота. — Ни акулы слева, ни акулы справа не станут делать между нами разницы, если мы свалимся за борт»⁴⁰. В результате по мере продолжения переговоров стороны становились более склонны к компромиссу ради достижения соглашения.

Закрываемые соглашения часто вызывали и в правительстве, и в оппозиции нападки со стороны тех, кто считал, что его сторона слишком много уступила. Конечно, каждое конкретное соглашение отражало проблемы, характерные для данной страны. Но центральное место почти во всех переговорах занимал обмен гарантиями. При трансформации бывших должностных лиц авторитарного режима почти никогда не наступала кара; при замене наступала почти всегда. При замещении это часто служило главной темой

переговоров; например, военные лидеры Уругвая и Южной Кореи требовали гарантий, что их не будут преследовать и наказывать за какие-либо нарушения прав человека. В других ситуациях обговариваемые гарантии включали соглашения о разделе власти или изменениях во власти путем выборов. В Польше каждой стороне гарантировалось определенное число мест в законодательном органе. В Чехословакии между двумя сторонами были поделены портфели в кабинете. В обеих этих странах коалиционные правительства внушали и коммунистам, и оппозиции уверенность, что их интересы при переходе к демократии будут защищены. В Южной Корее правящая партия согласилась на прямые, открытые выборы президента, рассчитывая — и, возможно, поставив условием, — что от оппозиции будут выдвинуты по меньшей мере два основных кандидата, а это сделает победу кандидата правящей партии весьма вероятной.

Таким образом, опасность конфронтации и проигрыша побуждают правительство и оппозицию вести переговоры друг с другом, а гарантии, что никто из них не потеряет всего, создают базис для соглашения. Обе стороны получают возможность участвовать во власти или соревноваться за нее. Лидеры оппозиции знают, что их не отправят обратно в тюрьму; лидеры правительства знают, что им не придется бежать из страны. Такое взаимное снижение риска служит реформаторам и умеренным хорошим стимулом для сотрудничества в установлении демократии.

Советы демократизаторам

3. Как вести переговоры о смене режима

Демократическим реформаторам в правительстве:

(1) Согласно руководству по трансформации авторитарных систем (см. выше, с. 155—156), сначала изолируйте и ослабьте своих консервативных противников и консолидируйте свою опору в правительственном и политическом аппарате.

(2) Также согласно вышеуказанному руководству, захватите инициативу, изумите и оппозицию, и консерваторов тем, на какие уступки вы готовы пойти, но

никогда не делайте уступок под откровенным давлением оппозиции.

(3) Заручитесь одобрением идеи переговоров со стороны представителей высшего генералитета или других высокопоставленных должностных лиц, принадлежащих к верхушке сил безопасности.

(4) Делайте все возможное для укрепления репутации, авторитета и сохранения умеренности в требованиях вашего основного партнера по переговорам от оппозиции.

(5) Создайте конфиденциальные и надежные каналы обратной связи для обсуждения ключевых вопросов с лидерами оппозиции.

(6) Если переговоры завершатся успехом, вы скорее всего окажетесь в оппозиции. Следовательно, ваша первоочередная задача — добиться гарантий и защиты прав оппозиции и групп, которые были связаны с вашим правительством (напр., военных). Все остальное может служить предметом переговоров.

Умеренным демократам в оппозиции:

(1) Будьте готовы мобилизовать своих сторонников на демонстрации, когда последние смогут ослабить консерваторов в правительстве. Однако чрезмерное количество маршей и акций протеста может лишь усилить их, ослабив вашего потенциального партнера по переговорам, и пробудить у среднего класса стремление к закону и порядку.

(2) Будьте умеренны; проявите государственное мышление.

(3) Будьте готовы к переговорам и, при необходимости, к уступкам по всем пунктам, за исключением пункта о проведении свободных и честных выборов.

(4) Осознайте, как велика вероятность вашей победы на этих выборах, и не делайте того, что серьезно осложнит вам управление страной.

Демократизаторам как в правительстве, так и в оппозиции:

(1) Политические условия, благоприятные для перехода к демократии в результате переговоров, не будут существовать бесконечно долго. Не упускайте

возможность, пока они есть, и как можно быстрее приступайте к решению центральных вопросов.

(2) Поймите, что политическое будущее ваше и вашего партнера зависит от успеха в достижении соглашения о переходе к демократии.

(3) Сопровитвляйтесь любым требованиям лидеров и групп вашего лагеря, которые либо затягивают переговорный процесс, либо угрожают коренным интересам вашего партнера по переговорам.

(4) Осознайте, что соглашение, которого вы достигнете, — единственная альтернатива; радикалы и консерваторы, возможно, будут это отрицать, но не смогут предложить другой альтернативы, которая нашла бы широкую поддержку.

(5) Если сомневаетесь — идите на компромисс.

КАК? ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

СИНДРОМ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Разные страны приходили к демократии разными путями. Но при всех различиях трансформации, замены и замещения третьей волны имели важные общие характеристики. Из более чем двадцати пяти случаев демократизации, произошедшей или, по всей видимости, еще идущей к 1990 г., лишь в двух — в Панаме и Гренаде — причинами демократизации стали иностранная интервенция и внешнее принуждение. Большинство других примеров транзита схожи тем, что в них отсутствует. Если отчасти исключить Никарагуа (что еще весьма спорный вопрос), ни один авторитарный режим не был сокрушен в результате длительной партизанской или гражданской войны. В двух странах — Португалии и Румынии — произошло то, что можно назвать революционным переворотом, но португальская революция потребовала очень мало насилия, а румынская представляла собой городское восстание, поддержанное вооруженными силами, и продолжалась очень недолго. Значительные столкновения между вооруженными армейскими частями происходили только в Румынии, на Филиппинах, в Боливии и Никарагуа. Разъяренные толпы граждан не штурмовали президентские дворцы, за исключением Филиппин, Румынии и Восточной Германии.

Как создавалась демократия? Демократическими методами; другого способа не существовало. Она создавалась путем переговоров, компромиссов и соглашений, с помощью демонстраций, кампаний и выборов, путем ненасильственного разрешения противоречий. Ее создавали политические лидеры правительств и оппозиции, имевшие мужество нарушить status quo и подчинить сиюминутные интересы своих сторонников более рассчитанным на перспективу нуждам демокра-

тии; лидеры, не поддававшиеся провокациям с целью развязать насилие со стороны радикалов от оппозиции и консерваторов из правительства; лидеры, обладавшие достаточной мудростью, чтобы признать, что в политике никто не имеет монополии на истину или добродетель. Компромисс, выборы, ненасилие — вот синдром третьей волны демократизации. В различной степени он был свойствен большинству случаев трансформации, замены и замещения, происходивших в эту волну.

КОМПРОМИСС И ПОЛИТИКА ВЗАИМНЫХ УСТУПОК ПО ВОПРОСУ УЧАСТИЯ/УМЕРЕННОСТИ

Переговоры и компромисс между политическими элитами лежали в основе процессов демократизации. Лидеры ключевых политических сил и социальных групп в обществе явно или тайно торговались друг с другом, вырабатывая если не полностью удовлетворительные, то хотя бы приемлемые соглашения по переходу к демократии. Разумеется, переговоры, компромисс, соглашение между реформаторами и умеренными являлись центральными элементами замещения. При трансформации этот процесс часто протекал неявно, по мере того как реформаторы в правительстве делали открытым политический процесс, а оппозиционные группы модифицировали свои требования и переходили к умеренной тактике, чтобы в нем участвовать. Порой заключались и прямые соглашения между реформаторами, возглавляющими переход к демократии, и умеренными оппозиционерами, которых они хотели кооптировать. В случаях замены и замещения демократические оппозиционные группы вели переговоры и заключали соглашения между собой. Оказавшись у власти в результате замены, бывшие умеренные оппозиционеры обычно избирали средний курс, делая при необходимости уступки и реформаторам, и консерваторам, и радикалам. Исходила ли инициатива демократизации от правительства, от оппозиции или от них обоих вместе, в какой-то момент ключевые игроки достигали соглашения по важнейшим аспектам процесса демократизации и создаваемой новой системы.

Соглашения об установлении демократии принимали разнообразные формы. Для транзита в Бразилии, Перу, Эквадоре и Боливии, как правило, были характерны «расплывчатые соглашения между оппозицией и официальной временно правящей до выборов коалицией, пытающейся управлять процессом перехода от авторитарного режима». Обычно такие соглашения представляли собой «молчаливое согласие относительно некоторых основных процедурных — в первую очередь электоральных — правил перехода». В других случаях смена режима напоминала транзит второй волны в Колумбии и Венесуэле 1957 и 1958 гг., когда между заинтересованными сторонами в результате переговоров заключались очень точно сформулированные пакты¹. В Испании правительство при Хуане Карлосе и Суаресе возглавляло переход к демократии, но при этом правительство и оппозиция придерживались «политики компромисса», добиваясь в учредительном собрании соглашений по вопросам конституционного оформления новой демократии и заключив в октябре 1977 г. так называемый пакт Монклоа. Этим пактом все значимые политические партии, в том числе социалисты и коммунисты, одобрили исчерпывающую экономическую программу, включая ограничение роста заработной платы, девальвацию валюты, финансовую политику, увеличение общественных инвестиций, сокращение социального обеспечения, налоговую реформу, вопросы деятельности профсоюзов, контроль над национализированными отраслями промышленности и пр.² В Польше «Солидарность» и коммунистическая партия заключили соглашения в ходе переговоров за Круглым столом в марте и апреле 1989 г. В Венгрии переговоры правительства и лидеров оппозиции летом 1989 г. привели к заключению «трехстороннего» соглашения. Осенью того же года достигли соглашения о переходе к демократии лидеры правительства и оппозиции в Чехословакии. В Уругвае соглашение между военными и партийными лидерами было оформлено в августе 1984 г. Пактом Военно-морского клуба. Почти во всех случаях главными участниками были лидеры правительства и оппозиционных политических партий. Во многих случаях также достигались официальные или негласные соглашения с лидерами

ключевых социальных и институциональных сил общества, включая, помимо военных, деловые круги, профсоюзы и (там, где это было необходимо) церковь.

Завершались ли переговоры формальным заключением пакта или нет, соглашения — все равно, негласного или официального — легче было достичь при отсутствии у сторон большой разницы во властных ресурсах и при способности лидеров осуществлять реальный контроль над своими сподвижниками. Соглашение также давалось легче, если переговоры проходили втайне, между сравнительно небольшим числом лидеров. В Испании даже в учредительном собрании ключевые договоренности достигались, по словам одного испанца, «за кулисами»³. В Польше переговоры за Круглым столом проходили сравнительно публично, но самые важные вопросы обсуждались на «секретных, параллельных переговорах... изолированных от средств массовой информации», на вилле в Магдаленке, за пределами Варшавы. «В секретных переговорах участвовало гораздо меньше людей, чем в открытых». Главные участники — генерал Чеслав Кишак и Лех Валенса — порой показывались на открытых переговорах «только для того, чтобы вскоре уехать в Магдаленку, где дискуссии продолжались в приватной обстановке». Относительно этих частных бесед «выходили туманные и чрезвычайно дипломатичные коммюнике, словно составленные послами двух стран, до последнего времени воевавших друг с другом»⁴. Именно на тех встречах были заключены базовые соглашения между компартией и «Солидарностью».

Достиженные в ходе переговоров компромиссы порой создавали проблемы политическим лидерам, оказываясь, как, например, в Испании, «неприемлемыми для их сторонников». В Испании, подчеркивал Суарес, необходимо было порвать с прежней традицией «навязывания несколькими испанцами своей воли всем остальным», добываясь вместо этого самого широкого консенсуса. Однако, как указывал другой правительственный лидер, соглашение между политическими партиями положило начало «процессу разочарования испанского общества в политических партиях, поскольку политические партии в Испании в то время не исполняли адекватно своей функции пред-

ставления интересов»⁵. Журнал компартии отмечал «разочарование внутри и вне наших рядов», постигшее партию, потому что «все партии говорят одно и то же» и «у ПКЭ нет ясного коммунистического лица». В Боливии в 1980 г. рядовые члены союза «много критиковали» пакт, подписанный их лидерами с военным и политическим руководством относительно переходных выборов; в Никарагуа в 1990 г. члены профсоюза — антисандинисты тоже почувствовали себя «преданными» избранным президентом Виолетой Чаморро, когда та согласилась назначить Умберто Ортегу главнокомандующим вооруженными силами⁶. В Польше компромиссы, заключенные лидерами «Солидарности» и компартии, оттолкнули от обеих этих организаций их давних сторонников. Консерваторы из компартии нападали на генерала Ярузельского за то, что тот «отдал слишком много власти оппозиции» и отступил от «главных заветов коммунизма». С другой стороны, и Лех Валенса подвергался нападкам на собраниях союза за то, что вступил в переговоры с правительством, и служил мишенью обличений радикалов, которым «внушило отвращение его стремление к компромиссу с коммунистическими властями». Особенное неприятие у сторонников «Солидарности» вызвала поддержка руководством союза кандидатуры Ярузельского на пост президента Польши. Один ведущий журналист «Солидарности» отмечал, что после переговоров 1989 г. по поводу формирования правительства «обе стороны станут бояться своего электората... и сама логика событий заставит коммунистическую партию и "Солидарность" заключать закулисные соглашения втайне от общественности»⁷. В Венгрии самые главные элементы соглашения, достигнутого компартией и оппозицией Круглого стола в сентябре 1989 г., были раскритикованы инакомыслящими оппозиционными группами и провалились на референдуме два месяца спустя.

Гибель авторитарных режимов почти всегда вызывала всеобщее ликование; создание демократических — часто разочаровывало. Немногие политические лидеры, шедшие на компромиссы ради их создания, избежали обвинений в том, что «продали» интересы своих избирателей. Степень такого рода недовольства была в каком-то смысле мерилом их успеха. «Как

же, — спрашивал польский ученый Войтек Ламентович, — двум искусственно объединенным и олигархически управляемым структурам политических сил сделать государство демократическим?» Но это, по-видимому, самый эффективный способ. В третью волну демократию часто устанавливали лидеры, готовые предать интересы своих последователей ради достижения этой цели⁸.

Главный компромисс в большинстве случаев демократизации можно окрестить «демократической сделкой», договором об участии в обмен на умеренность. В ходе переговорных процессов, ведущих к демократизации, явно или неявно расширялись рамки участия, все больше политических деятелей и групп получали возможность вступить в состязание за власть и выиграть власть при официальном или негласном условии, что будут придерживаться умеренной тактики и политики. В этом смысле третья волна повторяла опыт первой волны в Европе, когда всеобщее избирательное право было распространено на рабочий класс и социалистические партии смягчили свою политику, отказавшись от идеи насильственной революции. В Италии конца XIX в. Джованни Джолитти открыто проводил политику «дерадикализации путем инкорпорации». В Испании, Португалии и Греции конца XX в. умеренность была «ценой власти», и социалистические партии этих стран «одерживали свои победы и добивались терпимости от своих некогда непримиримых врагов посредством дерадикализации»⁹.

Авторитарные режимы по определению резко ограничивают политическое участие. Правящие группы в авторитарной системе зачастую предавали анафеме конкретных лидеров оппозиции и политические партии. Демократизация требовала признать эти группы законно участвующими в политике. Военный истеблишмент Перу и Аргентины десятилетиями силой не допускал к власти апристов и перонистов. В ходе процессов демократизации в 1980-х гг. военные в этих странах не только смирились с участием своих старых противников в политике, но и в конечном итоге дали им обрести власть. Через несколько месяцев после вступления в должность во время перехода Греции к демократии Караманлис легализовал греческую ком-

партию. Суарес в гораздо более трудной ситуации и перед лицом серьезной угрозы правого переворота также легализовал испанскую компартию в апреле 1977 г.; Хуан Карлос сыграл ключевую роль в обеспечении «неохотного согласия» на это вооруженных сил. В Уругвае соглашение Военно-морского клуба легализовало левый Широкий фронт. При переходе к демократии Бразилии в 1979 г. был отменен запрет на деятельность старых, появившихся до 1964 г. политических лидеров, а в 1985 г. законодательный орган легализовал бывшие раньше вне закона марксистские партии и дал право голоса неграмотным. В 1989 г. чилийские избиратели проголосовали за поправки к конституции, легализующие компартию¹⁰. В 1987 г. в Турции сначала парламент, а затем избиратели аннулировали вынесенные военными приговоры, не допускавшие к участию в политической жизни сотню политиков. В Южной Африке в 1990 г. был снят запрет на деятельность Африканского национального конгресса, освобождены заключенные в тюрьму политические лидеры, а изгнанникам разрешили вернуться на родину.

Другой стороной демократической сделки являлась умеренность тактики и политики участвующих в ней лидеров и групп. Это часто означало их согласие отказаться от насилия, не стремиться к революции, примириться с существующими основными социальными, экономическими и политическими институтами (напр., частной собственностью и рыночной системой, автономией армии, привилегиями католической церкви), добиваться власти и проводить свою политику с помощью выборов и парламентских процедур¹¹. В Испании при переходе к демократии армия признала социалистов и коммунистов участниками испанской политической жизни, социалисты признали капитализм, а коммунисты отказались от своего республиканизма и признали монархию, а также особое положение католической церкви. Убедив в 1979 г. своих соратников-социалистов отказаться от приверженности к марксизму, Фелипе Гонсалес тем самым подготовил почву для их победы на выборах, последовавшей через три года. В Португалии Мариу Соареш точно так же привел социалистов в центр. Вернувшись в 1983 г. к власти в качестве главы коалиции, включавшей и консервативные

партии, он смирился с необходимостью «отказаться от марксистских, коллективистских и — в меньшей степени — *этатистских* наклонностей, которые были свойственны значительной части их [социалистов] партии», и заставил принять довольно жесткую программу чрезвычайных мер. В Греции Папандреу дистанцировался от «более крайних и полемических позиций», которые занимал в прошлом, и на своем посту действовал достаточно сдержанно¹². В Перу АПРА передвинулась в центр; в Аргентине перонисты сдвинулись вправо; «Солидарность» в Польше — сначала в центр, затем вправо. В Бразилии оппозиционная партия — МДБ — «сотрудничала с правительством в его политической игре... оппозиция была чрезвычайно умеренной. Несмотря на появляющихся один за другим cassacoes, МДБ весьма эффективно вынуждала к умеренности наиболее радикальных своих членов». Во время кампании референдума по вопросу о Пиночете 1988 г. в Чили оппозиционная коалиция точно так же сознательно и открыто придерживалась умеренного курса¹³.

Таким образом, переходу к демократии помогала дерадикализация новых участников процесса и бывших левых. Облегчался он и в том случае, если те, кто первыми приходил к власти при новом режиме, политически были не слишком далеки от прежних авторитарных правителей. Караманлис был умеренным консервативным, приемлемым для антикоммунистически настроенных греческих военных, а Соариш — умеренным социалистом, приемлемым по крайней мере для некоторых элементов радикализировавшейся португальской армии. Хуан Карлос и Суарес имели неоспоримые консервативно-франкистские верительные грамоты. Христианский демократ Эйлвин был достаточно консервативен, чтобы удовлетворить чилийских военных. В общем и целом первоначальный приход к власти консервативных и центристских лидеров облегчал переход к демократии от некоммунистических авторитарных режимов¹⁴. Примерно таким же образом последующий приход к власти социалистических лидеров часто облегчал проведение экономических реформ и осуществление программ чрезвычайных мер.

На готовности и способности лидеров к компромиссу сказывалось отношение к компромиссу, царив-

шее в их обществе. Некоторые культуры представляются более благоприятствующими компромиссу, чем другие, кроме того, степень легитимности компромисса и придаваемое ему значение в одном и том же обществе могут со временем изменяться. Так, например, исторически испанцы, поляки и корейцы больше прославились тем, что ценили принципиальность и честь, нежели компромисс. Можно по крайней мере в виде гипотезы предположить, что трагические последствия таких приоритетов вкупе с социально-экономическим развитием в 1970—1980-е гг. произвели перемены в их национальных ценностях. Во всех трех странах политические лидеры проявили понимание необходимости компромисса для того, чтобы привести свои страны к демократии. Когда, например, правящая и оппозиционная партии в Южной Корее достигли соглашения по поводу новой конституции, газеты писали: «Комитет переговорщиков от двух партий сделал сегодня то, что сами корейцы признают редкостью в своей политике: они пришли к компромиссу»¹⁵. Демократизация происходит в обществе, когда эта редкость становится реальностью, а демократия консолидируется, когда эта реальность получает общее признание.

Как показывает история, первые попытки установить в стране демократию нередко проваливаются; вторые попытки часто удаются. Правдоподобной причиной такой закономерности могут быть извлекаемые из прошлого уроки, и в некоторых случаях, по всей видимости, так оно и есть. Венесуэла во вторую волну продемонстрировала яркий пример вышесказанного. Первая серьезная попытка установить демократию в венесуэльской истории была сделана во время так называемого *trienio* (трехлетия) 1945—1948 гг. В 1945 г. военный переворот низверг диктатора и положил начало демократической политике, которой в следующие три года руководило реформистское Демократическое действие (АД, *Accion Democratica*). Правительство АД придерживалось радикального курса, который привел к отчуждению многих групп и крайней поляризации. «Демократии *trienio* сильно повредило отсутствие чувства доверия и взаимных гарантий между главными социальными и политическими группами... Уверенные в своем большинстве, лидеры АД не приняли в расчет

необходимость компромисса с активным меньшинством, каким бы малочисленным оно ни было»

Эта первая попытка демократизации закончилась переворотом 1948 г. Десять лет спустя, когда военная диктатура генерала Маркоса Переса Хименеса стала разлагаться, лидеры АД и других демократических групп открыто стали стараться «уменьшить межпартийную напряженность и насилие, делать акцент на интересы и процедуры и, насколько возможно, убрать с политической сцены темы пережитков и легитимности». Лидеры успешной демократизации 1958 г. по большей части были теми же, кто неудачно проводил демократизацию в 1945 г. Опыт прошлого помог им; их действия в 1958 г. свидетельствовали, что они «усвоили уроки провала демократии во время *trienio* (1945–1948)»¹⁶.

Транзит третьей волны также демонстрирует, что урок о необходимости компромисса и умеренности был усвоен. В Испании, например, Хуана Карлоса, по словам одного политического лидера, занимал вопрос, «почему рухнула монархия в 1932 г.». Он не хотел «делать те же ошибки, что и его дед». Лидеры компартии тоже были убеждены, что следует избегать ошибок 1930-х гг. «Память прошлого обязывает нас, — сказал один из них, — учитывать обстоятельства, то есть придерживаться политики умеренности... Мы не можем позволить себе роскошь высказывать мнения, которые могут быть превратно поняты, которые могут оказаться (или показаться) экстремистскими»¹⁷. Мирный переход к демократии в Аргентине в 1983 г. точно так же показывает, что там «худобедно научились чему-то по сравнению с переходом 1971—1973 гг., когда многие стороны политического спектра прибегали к насилию»¹⁸. Чему-то научились и военные и АПРА в Перу. В Польше «Солидарность» в 1981 г. избрала радикальное направление, угрожая прямым свержением марксистско-ленинистской системы; правительство отреагировало чрезвычайщиной военного положения, объявив этот союз вне закона и посадив в тюрьму его лидеров. Семь лет спустя обе стороны извлекли из этого каждая свои уроки: радикализм ведет к репрессиям, а репрессии не действуют. Ведя Польшу к демократии в

1988 и 1989 гг., они следовали курсом умеренности и компромисса.

Позднейшие демократизаторы не только в силу эффекта «снежного кома» получали импульс от тех, кто осуществил смену режима раньше, они вдобавок извлекали для себя уроки из опыта чужого прошлого. Латиноамериканцы и восточные европейцы убедились в пользе умеренности на примере Испании. В случае замещения доминирующие группы как в правительстве, так и в оппозиции должны стремиться к компромиссу и умеренности, а замещение чаще происходило не в первые, а в последующие годы третьей волны, и это, по всей видимости, свидетельствует о том, что участвующие в процессе группы по первым опытам в других странах научились тому, сколь желателен компромисс. Южнокорейская оппозиция получила от Филиппин урок мирного осуществления народовластия, а южнокорейское правительство на примере судьбы Маркоса убедилось в преимуществах компромисса. Чехословацкое замещение в известной мере, как выразился Тимоти Гартон Эш, представляло собой «бенефициарий, а все случившееся там — кульминацию шедшего в Центральной Европе десять лет процесса наглядного обучения, начало которому положила Польша, заплатив при этом самую высокую цену. Студенческая забастовка? Конечно, как в Польше! Насилие? Первая заповедь оппозиции во всех центральноевропейских государствах. Появляются марионеточные партии? Как в Восточной Германии. Собирается "круглый стол" для переговоров о переходе к демократии? Как в Польше и Венгрии. И так далее. Чехословакия в политическом плане воспользовалась, как сказал бы историк-экономист, "выгодами отсталости". Она могла учиться на примерах других — и на их ошибках»¹⁹.

ВЫБОРЫ: КАК ОШЕЛОМЛЯЮЩИЕ, ТАК И ИНЫЕ

Выборы — способ функционирования демократии. В третью волну они также были способом ослабить авторитарные режимы и покончить с ними. Они являлись и средством и целью демократизации. Демократизация осуществлялась авторитарными правителями,

по тем или иным причинам решавшимися провести выборы, и оппозиционными группами, добивавшимися выборов и участвовавшими в них. Урок третьей волны состоит в том, что выборы — это не только жизнь демократии; это еще и смерть диктатуры.

Начиная утрачивать функциональную легитимность, авторитарные правители оказывались во все более затруднительном положении и все сильнее чувствовали искушение попытаться вернуть себе легитимность с помощью выборов. Они организовывали выборы, будучи уверены, что продлят существование своего режима либо срок правления своего или своих сподвижников. Почти всегда правителей ждало разочарование. За очень немногими исключениями, партии или кандидаты, связанные с авторитарными режимами, с треском проваливались или выглядели крайне жалко на организованных режимом выборах. Результаты таких выборов зачастую поражали и лидеров оппозиции, и лидеров правительства. В первые пятнадцать лет третьей волны «ошеломляющие выборы» стали всеобщей закономерностью. Они происходили при всех трех типах процессов транзита. Посмотрим следующие примеры:

(1) В русле своей политики декомпрессии генерал Гейзел разрешил провести в ноябре 1974 г. в Бразилии соревновательные выборы в конгресс. Правительственная партия Союз национального возрождения (АРЕНА, *Alianca Nacional Renovadora*) рассчитывала легко победить оппозиционную МДБ, и еще в октябре очень «немногие проницательные политические наблюдатели поставили бы против нее». Однако результаты выборов «ошеломили всех, включая самых оптимистически настроенных стратегов из МДБ»²⁰. МДБ получила вдвое больше мест в нижней палате конгресса и почти втрое больше — в сенате, увеличив свои возможности контролировать законодательные органы в шесть раз.

(2) В январе 1977 г. Индира Ганди, осуществлявшая в Индии чрезвычайные полномочия, внезапно назначила на март парламентские выборы. Ганди пользовалась большим весом в индийской политике, но, тем не менее, оппозиционная коалиция «Джаната» одержала убедительную победу. Впервые в истории

партия конгресса утратила контроль над национальным правительством, получив лишь 34% голосов (она также впервые набрала их меньше 40%).

(3) На переходных выборах в мае 1980 г. в Перу военное правительство поддержало партию АПРА и приняло соответствующий закон о выборах, рассчитанный на то, чтобы повысить ее представительство. Однако выборы принесли «неожиданные результаты»: «АПРА потерпела сокрушительное поражение, получив 27% голосов». Народное действие (*Action Popular*) — наиболее далекая от военных оппозиционная партия — одержала «удивительную победу», получив 45,5% голосов, выиграв президентский пост, большинство в законодательном собрании и относительное большинство в сенате²¹.

(4) В ноябре 1980 г. военное правительство Уругвая провело референдум по предложенному проекту новой конституции, которая дала бы военным институционализованное перманентное право вето в отношении политики правительства. «К изумлению армии», общенность отвергла ее 57% голосов против 43%. Этот результат «ошеломил военных так же, как и оппозицию»²². Два года спустя военное правительство санкционировало выборы делегатов на съезды основных партий. Поле битвы осталось за противниками военных, а тесно связанный с военными бывший президент Хорхе Пачеко Ареко получил в своей партии лишь 27,8% голосов.

(5) Переходное военное правительство в Аргентине организовало общенациональные выборы в октябре 1983 г. Радикальная партия под предводительством Рауля Альфонсина, давнего критика военных, одержала «ошеломляющую» победу, набрав беспрецедентное количество голосов — 52%. Кандидат от другой крупной партии — перонистов — пользовался «открытой или негласной поддержкой различных кругов среди военных» и получил 40% голосов²³. Впервые в истории Аргентины перонисты проиграли на свободных выборах.

(6) В ноябре 1983 г. военное правительство Турции назначило выборы, чтобы вернуться к гражданскому правлению, лидеров организованной и открыто поддерживаемой правительством Национально-демократической партии возглавил отставной генерал. Однако,

«к удивлению военных правителей Турции, победил не тот человек»²⁴-. Национал-демократы пришли к концу гонки едва-едва третьими, получив лишь 23% голосов, тогда как оппозиционная партия «Родина» прорвалась во власть, набрав 45%.

(7) На выборах в Национальное собрание Южной Кореи в феврале 1985 г. недавно образованная оппозиционная партия — Новая корейская демократическая партия — добилась «неожиданно хорошего» результата, завоевав в законодательном органе 102 из 276 мест²⁵. И это после предвыборной кампании, которая «жестко контролировалась правительством», когда «оппозиционные партии заявляли, что честное голосование невозможно».

(8) В 1985 г. военный правитель Пакистана генерал Зия уль-Хак организовал парламентские выборы, но первым делом запретил выдвигать кандидатов от политических партий. Партии формально бойкотировали выборы. Несмотря на это, «большое число кандидатов, занимавших высокие посты при военном режиме или слывших сторонниками Зия, потерпели поражение»²⁶.

(9) В Чили в октябре 1988 г. генерал Пиночет вынес вопрос о продлении своего правления на референдум по принципу «да — нет». За год до референдума среди знатоков существовало мнение, что его ждет «обвальная победа»²⁷. Ободренный экономическим взлетом, генерал и сам был уверен в успехе. Однако в ходе предвыборной кампании оппозиция мобилизовала против него общественное мнение. Электорат отказался оставить генерала Пиночета у власти еще на восемь лет 55% голосов против 43%.

(10) В марте 1989 г., впервые за семьдесят лет, у советских избирателей появился шанс свободно проголосовать за состав своего национального законодательного органа. В результате «сильные мира сего» потерпели самый неожиданный и «обидный афронт», включая поражение главы ленинградской партийной организации и членов Политбюро, глав партийных организаций Москвы, Киева, Львова, Минска, нескольких региональных партийных боссов, по меньшей мере двух представителей высшего генералитета, а также других ключевых фигур коммунистического истеблишмента²⁸.

(11) В июне 1989 г. на выборах в Польше «Солидарность» одержала совершенно непредвиденную полную победу, получив 99 из 100 мест в сенате и 160 из 161 места, за которые она боролась в нижней палате. Тридцать три из тридцати пяти высокопоставленных правительственных кандидатов, шедших вне конкуренции, не набрали необходимых для избрания 50% голосов. Эти результаты были названы «ошеломляющими» и, как сообщалось, «с недоверием» встречены и сторонниками правительства, и сторонниками «Солидарности», которые оказались к ним «не готовы»²⁹.

(12) Победа в феврале 1990 г. в Никарагуа Национального союза оппозиции (НСО) во главе с Виолетой Чаморро ошеломила всех сильнее, чем все, происходившее до тех пор в других странах. Самые разные издания и авторы писали об «ошеломляющем поражении на выборах», «ошеломляюще неожиданном проигрыше», «ошеломляющем выражении воли народа Никарагуа», которое «ошеломило многих политических аналитиков», об «ошеломленных сандинистах»³⁰. Несмотря на предсказания, что сандинисты легко выиграют, пользуясь своим контролем над правительством и доступом к его ресурсам, Чаморро победила в восьми из девяти административных округов и получила 55,2% голосов против 40,8% за Даниеля Ортегу.

(13) В мае 1990 г. в Мьянме (бывшей Бирме) военный Государственный совет по восстановлению закона и порядка организовал первые многопартийные выборы за тридцать лет. Результат был «поражительным» и «неожиданным». Оппозиционная Национальная лига за демократию (НЛД) одержала «ошеломляющую обвальную победу» и получила 392 из 485 оспаривавшихся мест в Национальном собрании; поддерживаемая военными Партия национального единства завоевала 10 мест. Во время предвыборной кампании лидер НЛД и четыре сотни ее активистов были под арестом, партия подвергалась различным притеснениям и преследованиям³¹.

(14) В июне 1990 г. на первых многопартийных выборах за двадцать восемь лет независимости Алжира оппозиционный Фронт исламского спасения «имел ошеломляющий успех», который официальные лица в Северной Африке и в Европе встретили «ошеломлен-

⁷ Третья волна.
Демократизация в конце XX века

ным молчанием»³². Исламский фронт получил контроль над тридцатью двумя провинциями и 853 муниципальными советами. Единственная господствовавшая прежде партия — Фронт национального освобождения — завоевала четырнадцать провинций и 487 муниципальных советов.

Во всех этих случаях авторитарные правители организовывали выборы и проигрывали или получали результат гораздо хуже, чем ожидали и они сами, и все остальные. Бывали ли исключения из этого правила, когда авторитарные правители организовывали честные выборы, на которых они или их друзья честно побеждали? Неоднозначный случай представляет собой сентябрьский референдум 1980 г. в Чили, на котором 68% голосовавших одобрили конституцию, предложенную генералом Пиночетом. Правда, на оппозицию были наложены суровые ограничения, не было ни регистрации голосовавших, ни каких-либо серьезных попыток отследить возможную фальсификацию³³. В Южной Корее в 1987 г. поддерживаемый военным правительством кандидат — Ро Дэ У — был избран президентом относительным большинством против трех других кандидатов с 36% голосов. Два кандидата от оппозиции, давно боровшиеся против военного режима, вместе набрали 54% голосов. Если бы они объединили свои силы, то, вероятно, победили бы на выборах.

Более значительные отклонения от модели ошеломляющих выборов продемонстрировали выборы в Румынии, Болгарии и Монголии в мае, июне и июле 1990 г. В Румынии Фронт национального спасения взял бразды правления после падения Чаушеску, а через пять месяцев одержал значительную победу на выборах в мае 1990 г. В Болгарии коммунистическая партия, десятилетиями правившая страной, переименовала себя в социалистическую и завоевала контроль над Большим национальным собранием. В Монголии были смещены генсек и другие высшие руководители компартии, образованы оппозиционные партии и проведены соревновательные выборы, на которых коммунисты завоевали 60—70% мест в парламенте. Во всех указанных случаях ключевые фигуры победившей сто-

роны занимали официальные посты при коммунистических режимах.

Как объяснить столь явные нарушения закономерности «ошеломляющих выборов»? Тут, возможно, действовали три фактора. Во-первых, новые лидеры дистанцировались от бывших авторитарных правителей. Разумеется, ни Чаушеску, ни Тодор Живков не победили бы на честных выборах в своих странах в 1990 г. Ион Илиеску, лидер Фронта национального спасения, занимал официальный пост при режиме Чаушеску, но был исключен из ЦК компартии. Петр Младенов и его соратники в Болгарии сами сбросили старого диктатора Живкова; они были реформаторами, изгонявшими консерваторов в ходе болгарского процесса преобразования. Менее драматические перемены в руководстве произошли и в Монголии.

Во-вторых, могли сыграть свою роль принуждение и махинации в ходе предвыборных кампаний и самих выборов. В Румынии и Болгарии международные наблюдатели разделились в вопросе о том, в какой степени правительственные группировки пытались нечестным путем повлиять на исход выборов; в Румынии таких попыток было, по-видимому, больше, чем в Болгарии. В обоих случаях иностранные наблюдатели выявили определенные элементы принуждения и нечестной игры, но все же среди них господствовало мнение, что решительного влияния на результаты выборов это не оказало.

Третьим и наиболее важным фактором была природа самих обществ. Как указывалось выше, главными силами, толкающими страны третьей волны на путь демократизации, являлись группы городского среднего класса. В 1980 г. лишь 17% населения Румынии жило в городах, насчитывающих свыше 500 000 жителей, тогда как в Венгрии, например, — 37%. И Болгария, и Румыния еще в значительной мере представляли собой крестьянские общества и находились на более низком уровне экономического развития, чем другие восточноевропейские и южноевропейские (а также некоторые восточноазиатские и латиноамериканские) страны третьей волны. Монголия еще была в значительной мере обществом пастухов-кочевников, где три четверти населения жило вне единственного крупного горо-

да, а дорог с покрытием было проложено менее 600 миль. Во всех трех странах оппозиционные партии были сильны в городах; партии-преемницы коммунистических режимов побеждали в деревне, дававшей им достаточно голосов для возвращения к власти. Давали или нет устроенные авторитарной властью в стране выборы ошеломляющие результаты — это, возможно, был один из тестов, показывавших, достигла ли данная страна уровня социально-экономического развития, благоприятного для демократического режима.

Столь частое явление ошеломляющих выборов при переходе от авторитаризма к демократии ставит три главных вопроса.

Во-первых, почему авторитарные правители и группы, тесно с ними связанные, с таким постоянством проигрывали на этих выборах? Наиболее очевидный и, возможно, наиболее верный ответ — по тем же причинам, почему лидеры и партии, стоявшие у власти значительный период времени, проигрывают на выборах в демократических государствах. Все лидеры в конечном итоге теряют первоначальную поддержку и легитимность. Общество ищет альтернативу. Во время самых ошеломляющих выборов избиратели явно голосовали против бывших у них тогда авторитарных правителей. Вероятно, они голосовали и против существовавшей авторитарной системы. Они могли отдавать или не отдавать свой голос в поддержку демократии, но они не могли голосовать против действующего правителя, не голосуя против системы. Поражение руководителей во многих индустриализированных демократических государствах в 1970-х — начале 1980-х гг. не уничтожало демократии, а обновляло ее. Поражение на выборах авторитарных правителей, напротив, обычно означало решительный конец авторитарного режима.

Протестный характер голосования на ошеломляющих выборах отражается в зыбком единстве оппозиции. Лица и группы с самыми разными претензиями к режиму, представлявшие самые разные политические идеологии, вместе шли голосовать против режима. Оппозиция часто представляла собой весьма разношерстную коалицию большого числа партий, имевших между собой мало общего кроме противостояния на-

ходящимся в тот момент у власти правителям. И в Никарагуа, и в Чили, например, оппозиционные коалиции состояли из четырнадцати партий с амплитудой взглядов от крайне правых до крайне левых. В Болгарии, где партия правительства победила, в оппозиционную коалицию входили шестнадцать партий и движений. На многих выборах ведущей оппозиционной партией была новая, недавно образованная партия, которая, вне зависимости от своей идеологии, могла служить новым, не дискредитировавшим себя средством выражения общего возмущения и недовольства избирателей режимом. Так, например, представляется в высшей степени невероятным, чтобы большинство алжирцев в 1990 г. были так уж ревностно привержены к исламскому фундаментализму. Но голосовать за Фронт исламского спасения было наиболее эффективным способом выразить свою неприязнь к партии, правившей Алжиром три десятилетия. Кроме того, существовал феномен вдов и дочерей. Гетерогенные оппозиционные группы объединялись вокруг оставшихся в живых родственниц национальных героев-мучеников: Корасон Акино, Беназир Бхутто, Виолеты Чаморро, Аун Сан Суу Ки. Эти лидеры женского пола драматизировали тему борьбы добра против зла существующего режима, представляли собой притягательный символ, личность, вокруг которой могли сплотиться всевозможные диссидентские группировки. Говоря в целом, общественность редко упускала возможность протестного голосования против давно находящихся у власти авторитарных правителей.

Во-вторых, учитывая закономерность ошеломляющих поражений, почему авторитарные правители организовывали выборы, на которых с такой вероятностью могли проиграть? По всей видимости, их толкал на это целый ряд факторов, включая ощущение необходимости вернуть свою исчезающую легитимность в собственной стране, господство демократических норм во всем мире и в их обществе, желание приобрести международное признание и легитимность (символизируемые официальным приветствием президента на лужайке Белого дома). Кроме того, в большинстве случаев им несомненно казалось, что в выборах нет большого риска. Обычно у авторитарных режимов

мало механизмов обратной связи, и диктаторы, естественно, склонны были верить, будто между ними и общественностью существует достаточное взаимопонимание, чтобы обеспечить им поддержку последней. К тому же, какие бы политические организации ни были разрешены, авторитарные лидеры, конечно, контролировали правительство и значительные финансовые ресурсы; поэтому они резонно могли предполагать, что одержат верх над оппозицией, которая обычно казалась слабой, дезорганизованной, разобщенной, опирающейся на узкую социальную базу. Авторитарный правитель естественным образом приходил к выводу: «Как я могу проиграть?» Демократизация третьей волны в значительной мере шла вперед за счет ложной уверенности диктаторов.

Уверенность авторитарных правителей в победе на организуемых ими выборах, несомненно, была тем сильнее, чем больше они чувствовали себя способными манипулировать избирательными процедурами. Чаше всего использовались три приема. Некоторые лидеры пытались воздействовать на исход выборов, назначая как можно более раннюю дату их проведения. И они, и их противники, как правило, считали, что ранняя дата выборов выгодна правительству, поскольку оно организовано и владеет вниманием общественности, а более поздняя — оппозиции, поскольку дает ей время сорганизоваться, привлечь к себе внимание и мобилизовать своих сторонников. Маркое назначил «внеочередные» выборы в надежде, что оппозиция будет дезорганизована и не готова к ним. В Бразилии оппозиция поддержала перенос даты муниципальных выборов, планировавшихся на май 1980 г., потому что боялась, что не успеет к ним подготовиться³⁴. В Польше во время переговоров за Крульмьм столм правительство настаивало на ранней дате проведения выборов, и считалось, что «Солидарность» сделала большую уступку, когда согласилась на это. В Венгрии правительство хотело как можно раньше провести всенародные выборы президента, полагая, что его вероятный кандидат Имре Пожгаи достаточно примелькался и имеет очень хорошие шансы на победу. Оппозиция этого боялась и протолкнула предложение провести по данному вопросу референдум, в ходе которого общест-

во высказалось за то, чтобы первого президента выбирал парламент. В Чехословакии тоже выражалось беспокойство по поводу преимуществ, которые рано проведенные выборы дадут коммунистам, а в Румынии лидеры оппозиции говорили в феврале 1990 г., что хотя перенести назначенные на май выборы, потому что не имеют нужных ресурсов и времени на подготовку.

Логика позиций, занимаемых правительством и оппозицией в отношении даты выборов, представляется очевидной: оппозиционным группам выгодно получить больше времени, чтобы подготовиться к выборам. Однако эмпирического материала, свидетельствующего в пользу этого умозаключения, мало. Если, например, вернуться к демократизации Турции во вторую волну — там правительство перенесло выборы на более ранний срок, на июль 1946 г., чтобы «заставить врасплох новую [оппозиционную] партию, прежде чем она сумеет полностью организаться»³⁵, но партия, о которой идет речь, получила на тех выборах необычайно хороший результат. На южнокорейских выборах в феврале 1985 г. оппозиционная Новая корейская демократическая партия, образованная за несколько недель до выборов, получила 29% голосов и 67 из 184 выборных мест в Национальном собрании³⁶. По любым непредвзятым оценкам, Фердинанд Маркое проиграл на своих внеочередных выборах, а «Солидарность» одержала полную победу, несмотря на раннюю дату выборов, на которую она так неохотно согласилась. Если этого материала и недостаточно для окончательных выводов, то он все же не свидетельствует в пользу предположения, что правительство всегда выигрывало, назначая раннюю дату выборов, а оппозиция всегда страдала, участвуя в них.

Во-вторых, авторитарные правители часто подстраивали результаты выборов, устанавливая крайне благоприятную для себя избирательную систему, преследуя и загугивая оппозицию, используя правительственные ресурсы в предвыборной кампании. Доведенная до предела, такая тактика, конечно, обеспечивала правительству победу, но делала из выборов посмешище. Однако в большинстве перечисленных выше случаев ошеломляющих выборов стоящие у власти группы де-

лали усилия, порой весьма немалые, чтобы обернуть выборы в свою пользу, и все же не преуспели в этом. В течение десятилетия, с 1974 по 1984 г., бразильское правительство неоднократно пересматривало законы о выборах, партиях, ведении предвыборной кампании в надежде остановить неуклонный рост влияния оппозиции. Это ему так и не удалось. Имеющиеся данные опять-таки фрагментарны, но, так или иначе, свидетельствуют, что тактика предвыборных махинаций, если не доводить ее до крайности, была неспособна обеспечить правительству победу.

Если манипуляций с датой и процедурами проведения выборов оказывалось недостаточно, авторитарным правителям оставалась единственная альтернатива — прямое мошенничество и фальсификация. Они могут фальсифицировать результаты выборов, если захотят. В прошлом они часто могли делать это потихоньку, неявным образом, так что все об этом знали, но никто не мог доказать. Например, на выборах в июле 1978 г. в Боливии генерал Бансер участвовал в «массовом обмане», устроив, чтобы его кандидат генерал Переда Асбун получил точно требуемые 50% голосов³⁷. Однако по мере того как шла третья волна, демократизация становилась признанным феноменом глобальной политики, средства массовой информации уделяли ей больше внимания, и выборы все чаще делались объектом международного контроля.

К концу 1980-х г. присутствие иностранных наблюдателей стало привычной и обязательной чертой почти всех переходных выборов. В одних случаях эту миссию брали на себя ООН, Организация американских государств или другие межправительственные органы. В других — предоставляли свои услуги частные организации. В 1990 г. Национальный демократический институт международных дел организовал миссии международных наблюдателей для выборов третьей волны в тринадцать странах. В некоторых случаях присутствовали также делегации от Конгресса США и других законодательных органов. Бывший президент Джимми Картер играл в этом деле активную роль и некоторым из миссий придавал вес собственным авторитетом.

Присутствие иностранных наблюдателей делало для правительств трудной, если не вообще невозможной скрытую, тайную фальсификацию результатов выборов. Откровенная же подтасовка, как на Филиппинах и в Панаме, срывала выполнение самой задачи выборов — укрепить легитимность правителей внутри страны и на международной арене. С другой стороны, отказ правительства допустить «независимых» внешних наблюдателей следить за ходом голосования сам по себе стал доказательством того, что с выборами дело нечисто. Возникновение и широкое распространение феномена иностранных наблюдателей было главным событием 1980-х гг., значительно повысившим роль выборов в процессе демократизации.

Авторитарные правители, устраивавшие выборы ради поддержания ускользающей легитимности, оказывались в патовой ситуации. Если они играли честно, то терпели «ошеломляющее» поражение. Если манипулировали с датой и процедурами выборов, не доходя до крайностей, то все равно вполне могли проиграть. Если фальсифицировали результаты, то теряли легитимность, вместо того чтобы обрести ее. Те же причины, которые заставляли их проводить выборы, — утрата легитимности и давление оппозиции — были одновременно причинами их поражения на этих выборах. Стоявшую перед ними неразрешимую дилемму очень точно сформулировал генерал Фернандо Маттеи, командующий чилийскими военно-воздушными силами, незадолго до выборов 1988 г.: «Если кандидат правительства победит, все скажут, что это было подстроено. Если проиграет, все скажут, что выборы были честные. Так что мы больше, чем кто бы то ни было еще, заинтересованы в том, чтобы показать, что выборы были абсолютно честными»³⁸. В 1990 г. сандинисты, так же уверенные в победе, ощутили необходимость провести выборы честно и пригласили толпы иностранных наблюдателей, которые могли бы засвидетельствовать и их честность, и их победу. Результаты выборов и в том и в другом случае подчеркнули сказанное Маттеи. Авторитарные правители могут легитимировать свой режим путем выборов, лишь уничтожив его в результате тех же выборов.

В-третьих, выборы, организуемые авторитарными режимами, задавали задачу и оппозиционным группам. Следует ли им участвовать в этих выборах или бойкотировать их? Учитывая закономерность ошеломляющих поражений авторитарных правителей, какая могла бы быть у оппозиции причина не воспользоваться возможностью, предоставляемой организованными авторитарной властью выборами? Эти вопросы, как правило, не возникали, когда уже явно осуществлялся переход к демократии: если демократические реформаторы были у власти и решительно продвигались вперед в процессе трансформации, если лидеры военного правительства открыто говорили о своем возвращении в казармы, если лидеры правительства и оппозиции пришли к соглашению относительно процесса замещения. При таких обстоятельствах основным оппозиционным группам обычно не было резона не участвовать в выборах.

С другой стороны, оппозиционеры-демократы мало что выигрывали, принимая назначения на посты в авторитарных правительствах и тем самым придавая этим правительствам легитимность. Они в таком случае отъединялись от своего электората и ставили себя в зависимость от авторитарных правителей. И правительство Ярузельского в Польше, и правительство Боты в Южной Африке, например, пытались соблазнить лидеров оппозиции постами в назначаемых сверху консультативных советах. С точки зрения прогресса демократии, лидеры польской и южноафриканской оппозиции правильно поступили, отказавшись от участия в них. Оппозиционеры-демократы также, как правило, не участвовали в выборах в законодательные органы, не обладавшие властью и служившие правительству простым орудием. В 1973 г., к примеру, Пападопулос попытался удержать на плаву идущий ко дну режим обещанием парламентских выборов. Лидеры греческих политических партий отказались участвовать в них. Георгий Маврос, возглавлявший объявленный вне закона Союз центра, хорошо сказал: обещанные «выборы имеют единственную цель: легитимировать диктатуру, прикрыв ее кастрированным парламентом, у которого не будет власти даже обсуждать

какие-либо жизненно важные для нации вопросы, не говоря уже о том, чтобы принимать решения»³⁹.

В промежуточной между этими двумя крайними точками ситуации тема бойкота чаще всего возникала, когда выборы назначал откровенно реакционный режим или либерализующийся режим, окончательные намерения которого относительно демократизации оставались неясны. Так, например, лидеры филиппинской оппозиции горячо спорили и так и не пришли к согласию по вопросу о бойкоте организованных Маркосом выборов 1978 и 1984 гг. в Национальное собрание и президентских выборов 1986 г. Большинство, но не все политические лидеры чернокожего населения ЮАР настаивали на бойкоте муниципальных выборов 1983 и 1988 гг.; лидеры цветного и азиатского населения разошлись во мнениях относительно участия в парламентских выборах 1984 и 1989 гг. Три из четырех оппозиционных партий Доминиканской Республики настаивали на бойкоте президентских выборов 1974 г., когда казалось, что правительство Балагера весьма мало расположено (если вообще расположено) поступиться властью. По требованию правительства США оппозиционные группы в Никарагуа бойкотировали выборы 1984 г. Пакистанские партийные лидеры призывали бойкотировать выборы 1985 г. в Национальное собрание, организованные режимом Зия, когда он начал либерализоваться. Две основные оппозиционные партии Алжира (Движение за демократию в Алжире и Фронт социалистических сил) — но не Фронт исламского спасения — требовали воздержаться от участия в местных и окружных выборах 1990 г.

Реакционные или либерализующиеся правительства устраивали выборы, чтобы укрепить легитимность своего режима и/или продлить срок собственного пребывания у власти. Таким образом, участие в выборах хотя бы некоторых оппозиционных групп имело для них существенное значение. Маркое, к примеру, приветствовал решение Бениньо Акино, находившегося в тюрьме и уже приговоренного к смерти, выставить свою кандидатуру на выборах в собрание в 1978 г., «потому что это легитимировало их». Потому-то правительства часто старались сорвать попытки бойкота. Во время выборов 1985 г. в пакистанское Национальное

собрание «пропаганда против них и призывы к бойкоту были объявлены подсудным делом», «газетам в феврале, 1985 г. было приказано не публиковать никаких заявлений в пользу кампании бойкота». Южноафриканское правительство во время муниципальных выборов 1988 г. также «прижало оппозиционные группы, выступавшие за бойкот, а требования бойкота со стороны отдельных лиц объявило противозаконными»⁴⁰.

Кампании бойкота изменяли основной вопрос выборов: вместо «за кого голосовать?» он звучал как «идти ли голосовать?». Успешность подобных попыток зависела от единства оппозиционных групп, выступавших за бойкот, от того, каковы в восприятии общества были намерения правительства, и от наличия у общества прошлого опыта голосования. Большинство южноафриканских чернокожих никогда раньше не голосовали, поэтому неудивительно, что лишь 20% потенциальных чернокожих избирателей участвовали в муниципальных выборах в 1983 г. и около 30% — в 1988 г. В парламентских выборах 1984 г. в Южной Африке принимали участие 30% цветных избирателей и 20% избирателей-индусов, в 1989 г. число проголосовавших также оставалось сравнительно небольшим. В Доминиканской Республике в 1974 г. показатель неучастия избирателей в голосовании снова составил около 70%.

Некоторые попытки бойкота были менее успешны. Основные оппозиционные группы в декабре 1976 г. призывали испанских избирателей бойкотировать референдум по вопросу о политической реформе, но 77% избирателей пришли на избирательные участки. Правда, эти выборы были организованы правительством, четко ориентированным на демократическую реформу. На филиппинских выборах в Национальное собрание в мае 1984 г. проголосовало 80% электората, несмотря на призывы левых оппозиционных группировок не делать этого. На выборах в Национальное собрание Пакистана в 1985 г., бойкотировавших политических партиями, были избраны многие кандидаты от оппозиции, и партии впоследствии признавали, что сделали ошибку, настаивая на своем неучастии. От участия в алжирских местных и окружных выборах

1990 г. воздержались около 40% потенциальных избирателей⁴¹.

В чем же тогда заключалась действенность и мудрость бойкота как стратегии демократической оппозиции? Успешный бойкот не уничтожал авторитарного режима и не отстранял от власти правительство. Он уменьшал его легитимность, что и было одной из причин столь жесткой реакции правительства на попытки бойкота. Безуспешный же бойкот свидетельствовал о слабости оппозиции. А главное — бойкот зачастую означал упущенные возможности, выбор в пользу непродуктивного «ухода» вместо всякого «голоса». Само участие в предвыборной кампании нередко предоставляло, в зависимости от налагаемых правительством ограничений, возможность критиковать правительство, мобилизовать и организовать сторонников оппозиции, обратиться к общественности. Это был стимул для политической активности, а только она одна изменяет и сокрушает авторитарные режимы. Если выборы проводились хотя бы с минимальной честностью, оппозиция часто добивалась исключительно хороших результатов. В самом лучшем случае она одерживала «ошеломляющую» победу и сваливала правительство. Но и без этого кандидаты от оппозиции проводили во время организуемых авторитарной властью выборов эффективные кампании в Бразилии, на Тайване, в Мексике, на Филиппинах, в Пакистане и СССР.

Даже скромные электоральные успехи оппозиции могли принести пользу, ослабляя правительство. Пепин Кожуанко утверждал, что филиппинская оппозиция должна была принять участие в выборах в Национальное собрание 1984 г., хотя явно не могла рассчитывать на большинство: «Если вы на этот раз получите тридцать [мест в Национальном собрании], люди поверят, что это возможно, и на следующих выборах эти тридцать умножатся». В Бразилии в 1970-е гг. правительство всячески ограничивало предвыборные кампании оппозиции и изменяло правила проведения выборов так, чтобы помешать ей. Тем не менее, оппозиционная партия МДБ по мере своих сил участвовала в каждых выборах, постепенно увеличивая свое присутствие в законодательных органах и степень своего

контроля над ними, используя полученные посты для давления на правительство, с тем чтобы заставить его, двигаясь в сторону демократизации, и в результате все больше приобретала репутацию ответственного альтернативного правительства⁴². В то же время ее деятельность придавала сил демократическим реформаторам в правительстве, помогая им справиться с сильнейшим сопротивлением консервативных военных кругов.

В Южной Африке адепты бойкота в 1984 г. сильно сократили участие в выборах в палаты парламента, представляющие цветное население и выходцев из Индии. Но по крайней мере некоторые из тех, кто были избраны, весьма эффективно воспользовались своим положением в борьбе против апартеида. Парламентская сессия 1985 г. отменила законы, запрещающие межрасовые браки и половые связи, а также препятствовавшие образованию мультирасовых политических партий. Она также смягчила ограничения на проживание и работу чернокожих в городах. «Импульс» ко всем этим переменам дали члены парламента — представители цветного населения и индусов. Аллан Хендрикс, лидер лейбористской партии цветного населения, «вынудил г-на Боту поддержать его в борьбе против закона, препятствовавшего образованию мультирасовых партий, выдвигая цветные кандидатуры в индийские палаты. Лейбористская партия, возможно, помогла также смягчить "пропускную систему", контролировавшую передвижения цветных, и вдохновила одну черную общину на сопротивление штанам правительства переселить ее из родных мест»⁴³. Впоследствии Хендрикс воспользовался своим контролем над цветной палатой парламента, потребовав от президента Боты отменить Акт о местах группового проживания в обмен на свое согласие внести в конституцию поправку, позволяющую перенести парламентские выборы с 1989 на 1992 г. Бота не пошел на сделку, и выборы состоялись в 1989 г. И в Южной Африке, и в других странах выборные представители находили способы создавать лобби в правительстве и заключать с ним сделки в интересах демократических реформ.

Наиболее рьяными приверженцами бойкота выборов были радикальные оппозиционные группы, выступавшие против демократии. Повстанцы на Филиппинах и в Сальвадоре — марксисты-ленинцы — относились к выборам с презрением. Такие оппозиционные группы, как Организация освобождения Палестины (ООП) и АНК в 1980-е гг., отказывавшиеся участвовать в выборах, пусть даже они действительно были ограниченными и нечестными, чаще всего возглавлялись лидерами, которые были не прочь заменить один недемократический режим другим. Во время филиппинских выборов 1984 г. Национально-Демократический Фронт, где заправляли коммунисты, развернул кампанию бойкота против Корасон Акино и других демократических кандидатов, принявших участие в избирательной борьбе против режима Маркоса. Причем в ходе кампании он стал активнее применять насилие. «Оппозиция, участвующая в этих выборах, — сказал один из лидеров компартии, — это все сплошь оппортунисты. Настоящая оппозиция — те, кто бойкотировал их»⁴⁴. Он был прав. Его «настоящая оппозиция» была и против режима Маркоса, и против демократии. «Политические оппортунисты» пользовались вместо пуль избирательными бюллетенями, чтобы возродить филиппинскую демократию.

Урок третьей волны, кажется, ясен: авторитарным лидерам, желавшим остаться у власти, не следовало проводить выборы; оппозиционным группам, желавшим демократии, не следовало проводимые авторитарными лидерами выборы бойкотировать.

Во время перехода к демократии выборы также, по всей видимости, способствовали политической умеренности. Они стимулировали тяготение к центру как оппозиционных партий, стремившихся получить власть, так и правительственных партий, стремившихся ее сохранить. Португальские избиратели на своих первых выборах в апреле 1975 г. решительно отвергли радикальные марксистские альтернативы и отдали свой голос в поддержку умеренных центристских партий. Два года спустя испанские избиратели так же действовали на своих первых выборах, по праву названных «триумфом умеренности и стремления к перемене»⁴⁵. И в Греции, и в Сальвадоре, и в Перу, и на

Филиппинах, и в других местах избиратели тоже оказывали левым революционерам самую незначительную поддержку, а в Никарагуа вообще отстранили левых от власти. За очень немногими исключениями, общественность неизменно отвергала старые авторитарные режимы и тех, кто был с ними связан, а вместе с тем — и экстремистские альтернативы этим режимам. «Ни диктаторов, ни революционеров» — таков по сути был девиз избирателей на переходных выборах третьей волны.

Выборы представляли собой один путь ухода от авторитаризма. Революция — другой. Революционеры от выборов отказывались. «Мы не позволим марионеточным организациям выставлять кандидатов, — говорил руководитель военного крыла АНК в связи с муниципальными выборами 1988 г. в Южной Африке. — Мы используем революционное насилие, чтобы не допустить коллаборационизма среди черных». Разницу между двумя путями хорошо сформулировал в 1976 г. глава португальской компартии Алвару Куньял:

«В Португальской революции смешались два процесса, две динамики, с совершенно различными характеристиками. С одной стороны — динамика революционная, создаваемая вмешательством материальной силы — народной и военной, — прямо преобразующая ситуацию, завоевывающая и реализующая свободы, побеждающая и свергающая фашистов, противостоящая контрреволюционным поползновениям, осуществляющая глубокие социально-экономические преобразования, пытающаяся создать государство, служащее Революции, и органы власти (в том числе военные), которые будут гарантировать демократический процесс и соответствовать революционным преобразованиям.

С другой стороны — электоральный процесс, понимаемый как выбор, с помощью всеобщего избирательного права, органов власти, склонных любое социальное преобразование в первую голову подчинять конституционной законности и не признающих вмешательства военных в политическую жизнь или творческого, преобладающего надо всем вмешательства масс в революционный процесс»⁴⁶.

В третью волну «электоральная динамика» вела от авторитаризма к демократии; «революционная динамика» — от одной формы авторитаризма к другой.

НИЗКИЙ УРОВЕНЬ НАСИЛИЯ

Крупные политические перемены почти всегда рождают насилие. Третья волна не представляла исключения. Практически каждый раз процесс демократизации в 1974—1990 гг. сопровождался определенной долей насилия, но в целом уровень его был невысок. Демократизация третьей волны, осуществляясь путем компромисса и выборов, в большинстве случаев протекала довольно мирно по сравнению с другими примерами транзита режимов.

Политическое насилие означает причинение людьми физического ущерба другим людям или их имуществу с целью повлиять на состав или поведение правительства. Несовременным, но довольно широко используемым мерилем политического насилия служит число смертей по политическим причинам за конкретный отрезок времени или в связи с конкретным событием. Установить, даже с весьма приблизительной точностью, количество политических смертей в третью волну чрезвычайно трудно. В концептуальном плане насилие как часть процесса демократизации следует отличать от насилия, которое вообще может иметь место во время демократизации, например, от обычной традиции устранения правительством предполагаемых противников (что является неотъемлемой чертой многих авторитарных режимов), и от этнических конфликтов, которые могут быть порождены либерализацией и демократизацией.

Стран, где попытки демократизации сопровождались большим насилием, — меньшинство. Наибольший размах насилие принимало там, где длительный период времени существовал непрерывный вооруженный конфликт между правительством и оппозиционными партизанскими движениями. В Гватемале, Сальвадоре, на Филиппинах и в Перу марксисты-ленинцы вели партизанские войны против авторитарных правительств; эти режимы заменялись демократически избранными правительствами; тем не менее, повстанчес-

кое движение продолжалось. По крайней мере в Гватемале и Сальвадоре количество политических смертей, последовавших в результате мятежей против авторитарных режимов, было весьма значительно. По разным оценкам, убитых в Гватемале за период с 1978 г. и до избрания Винисио Сересо в 1985 г. насчитывалось от 40 до 100 тыс. чел. Число жертв политических убийств в Сальвадоре, начиная с реформистского переворота 1978 г. и до прихода к власти Дуарте в 1984 г., оценивается в 30—45 тыс. чел. Эти убийства стали результатом насилия, применявшегося, зачастую безжалостно и без разбору, силами безопасности, защищавшими авторитарные режимы, в войне с повстанческими движениями, пытавшимися свергнуть правительство и установить марксистско-ленинистский режим. К убийствам приводили не попытки демократизации со стороны правительства или оппозиции, а война между двумя недемократическими группировками. В Никарагуа за время гражданской войны 1981—1990 гг., как считается, было убито 23 тыс. чел. Привела ли военная победа «контрас» к созданию демократического правительства в Никарагуа или нет, неизвестно. Но мятеж «контрас» был одним из многих факторов, заставивших сандинистский режим провести выборы. После того как демократический режим вступил в свои права, «контрас», в отличие от марксистов-ленинцев в Гватемале и Сальвадоре, сложили оружие и разошлись. Таким образом, жертвы гражданской войны в Никарагуа, в отличие от погибших в Сальвадоре, Гватемале, Перу и на Филиппинах, по праву можно отнести к издержкам демократизации.

По числу людей, убитых в борьбе за демократизацию, Никарагуа стоит особняком среди стран третьей волны. Южная Африка в период 1974—1990 гг., пожалуй, вышла на второе место. Там 575 чел. погибли во время бойни в Соуэто в 1976 г.; еще 207 были убиты правительственными войсками, АНК и другими с 1977 по 1984 г.; около 3 500 убитых насчитывалось в результате восстаний в черных районах в 1984—1988 гг., и еще от 3 500 до 5 000 чел. пали в боях между черными группировками в 1985—1990 гг. В целом с 1976 по 1990 г. от политического насилия погибли, вероятно, от 9 500 до 10 000 южноафриканцев.

В некоторых других странах отдельные инциденты или акции также влекли за собой значительное число жертв. В результате вторжений США в Гренаде было убито 120—150 чел., в Панаме — минимум 550, а возможно, и до 800 чел. Южнокорейская армия во время инцидента в Кванджу в мае 1980 г. убила по меньшей мере 200, а может быть, до 1 000 чел. По всей вероятности, от 1 до 3 тыс. чел. были убиты бирманскими военными, когда те подавляли демократическое движение в августе и сентябре 1980 г. 400—1 000 чел. погибли в Пекине в результате жестких действий китайского правительства в июне 1989 г. По меньшей мере 746 чел. пали жертвами политического насилия в Бухаресте в декабре 1989 г., и, по-видимому, еще несколько сотен были убиты в Тимишоаре и других местах. При переворотах в Боливии в 1979 и 1980 гг., по всей видимости, было убито более 200 чел.⁴⁷

Однако значительное большинство стран третьей волны отличал в целом довольно низкий уровень насилия. Совершенно определенно это можно сказать о первых случаях транзита в Южной Европе. Во время положившего начало третьей волне португальского переворота, например, было убито пять человек и ранено пятнадцать. До конца того года от политического насилия погибло менее дюжины человек. Еще несколько человек, по всей видимости, были убиты в ходе крестьянских антикоммунистических выступлений на севере Португалии летом 1975 г., один солдат — во время неудачной попытки правого переворота 11 марта 1975 г., и еще трое — во время переворота и контрпереворота 25 ноября 1975 г.⁴⁸ За полтора года революционной ломки в Португалии всего насчитывалось, вероятно, менее 100 политических смертей. Испанский транзит также носил сравнительно ненасильственный характер. За четыре года, с 1975-го по 1978-й, сообщалось о 205 политических смертях: о 13 заявляли крайне правые группы, о 23 — марксистско-ленинистские группы, о 62 — полиция и Гражданская гвардия и о 107 — баскские левые сепаратисты из ЭТА⁴⁹. За исключением убийства армией 34 человек во время инцидента в Политехникуме, и греческий транзит был относительно свободен от насилия.

Переход к демократии от военных режимов в южноамериканских странах, отчасти исключая Чили, также в целом протекал мирно. Практически не пролилось крови при смене режима в Польше, Восточной Германии, Венгрии и Чехословакии. Там переход к демократии был, по словам Тимоти Гартон Эша, «замечателен почти полным отсутствием насилия... Не штурмовались бастилии, не сооружались гильотины. Фонари использовались только для уличного освещения»⁵⁰. На Тайване самым драматическим событием в борьбе за демократизацию стал так называемый «инцидент в Каосюне», во время которого никого не убили, но пострадали 183 безоружных полицейских. На Филиппинах, в стране, где, как обычно считается, в самой культуре заложена склонность к насилию, и режим Маркоса, и повстанцы-марксисты убивали людей, но все же в ограниченном количестве, а основные оппозиционные группы насилие не применяли. В Южной Корее после инцидента в Кванджу насилие было ограничено, и политических смертей случилось очень немного. Возвращение к демократии в Индии и Турции после краткого опыта авторитарного правления также происходило с минимумом насилия, как и транзит в Нигерии.

Насилие, разумеется, имело место во время третьей волны, но в общем и целом в довольно ограниченных масштабах. Общее число политических смертей с 1974 по 1990 г., в ходе более чем тридцати попыток демократизации, за исключением Никарагуа, составляло около 20 000, и наибольшая их доля пришлась на Южную Африку и материковую Азию. Конечно, то, что эти люди были убиты, — трагедия. Но в сравнении с сотнями тысяч убитых в локальных конфликтах, гражданских и международных войнах, учитывая позитивные результаты политических перемен, третья волна стоила чрезвычайно мало человеческих жизней. Демократизация в ответе за бесконечно малую долю от всех политических смертей, случившихся в мире в период 1974—1990 гг. Третья волна, от «революции гвоздик» в Лиссабоне до «бархатной революции» в Праге, по преимуществу была мирной волной.

Чем же объясняется низкий уровень насилия при этих сменах режима?

Во-первых, опыт некоторых стран, столкнувшихся со значительным гражданским насилием еще до начала или в самом начале процесса демократизации, побуждал и их правительство, и оппозицию от насилия отказаться. Кровавые гражданские войны раздирали до и после Второй мировой войны Испанию и Грецию. Военные правительства Бразилии, Уругвая и Аргентины в 1960—1970-х гг. вели безжалостные «грязные войны» против террористических групп. Одним из последствий их стало резкое сокращение или уничтожение экстремистской радикальной оппозиции в духе Маригеллы, с исключительной приверженностью к насилию⁵¹. Второе следствие — вызванная ими во всех слоях общества реакция «*nunca mas*» («никогда больше»). В декабре 1982 г., например, аргентинский транзит был омрачен атакой некоторых участников санкционированной акции протеста на полицейское оцепление перед президентским дворцом; полиция применила слезоточивый газ, одного человека застрелил агент правительственной службы безопасности. Президент Биньоне и лидеры оппозиционной партии отреагировали немедленно, не допустив дальнейшего насилия, а церковь объявила «День национального примирения». После этого переход к демократии в Аргентине продолжался «относительно мирно по сравнению со многими другими странами»⁵². Примерно так же во время акций протеста 1986 и 1987 гг. в Южной Корее полиция старалась не применять огнестрельное оружие, чтобы не повторять бойню Кванджу. На Тайване на тактику правительства и оппозиции одинаково сильно повлияла память об инциденте в Каосюне. В декабре 1986 г., к примеру, главные лидеры тайваньской оппозиции осудили толпу, швырявшую камни в полицейские машины в аэропорту, заявили, что «безопасность должна быть на первом месте, а свобода на втором», и отменили двадцать запланированных митингов. В Восточной Германии, в Лейпциге, в октябре 1989 г. и коммунистические власти, и лидеры оппозиции признавали необходимость избежать «второго Пекина»⁵³.

Во-вторых, с разными процессами транзита в известной степени был связан разный уровень насилия. Около половины случаев транзита в 1974—1990 гг.

представляли собой трансформации, когда демократические реформаторы в правительстве были достаточно сильны, чтобы инициировать и в значительной мере контролировать процесс смены режима. Поэтому у правительства было мало желаний, а у оппозиции — мало возможностей прибегать к насилию. Примечательным исключением являлась Чили, где правительство придерживалось жесткой рхемы преобразования режима, а оппозиция использовала массовые демонстрации в попытке ускорить перемены и вынудить правительство к переговорам. При замещениях демократические реформаторы, доминирующие в правительстве, и умеренные демократы, доминирующие в оппозиции, стремясь согласовать условия перехода к демократии, были сообща заинтересованы в том, чтобы минимизировать насилие. В случаях замены могли быть разные истории, а в двух маленьких странах военная интервенция вызвала значительное кровопролитие. Тем не менее, преобладание случаев трансформации и, в несколько меньшей степени, замещения свело насилие во время третьей волны к минимуму.

В-третьих, реакционные правительства значительно различались по степени готовности отдать приказ о применении насилия против оппозиционных групп, как и силы безопасности — по степени готовности выполнять такие приказы. В Китае, Бирме, Южной Африке и Чили непреклонные лидеры стояли за силовые методы, а полиция и военные части безжалостно применяли насилие, разгоняя мирные и не очень мирные демонстрации оппозиции. Но в других случаях лидеры правительства действовали не столь решительно и не проявляли большой охоты бросать войска против собственных граждан. Подобно шаху Ирана, Маркое, пока протесты оппозиции после февральских выборов 1986 г. нарастали, без конца отдавал военным самые противоречивые распоряжения. В Польше, Восточной Германии и Чехословакии коммунистические правительства много лет, не колеблясь, использовали силу для подавления оппозиции, но в решающие моменты транзита режима в 1988 и 1989 гг. удержались от этого. В Лейпциге 9 октября 1989 г. все явно висело на волоске: планировалась массовая демон-

страция оппозиции, и «силы правопорядка, госбезопасности, члены военизированных заводских "боевых отрядов" стояли наготове, чтобы очистить восточно-германскую "площадь Тяньаньмэнь", с дубинками и, как сообщалось впоследствии, с боевым оружием»⁵⁴. Но приказ применить силу против 70 000 демонстрантов так и не поступил. Очевидно, это был результат действий местных гражданских и партийных лидеров, с запозданием одобренных коммунистическим лидером страны Эгоном Кренцем. Повсюду в Восточной Европе, кроме Румынии, наблюдалось, как отмечал Гартон Эш, поразительное отсутствие «большого контрреволюционного насилия»⁵⁵. И на Филиппинах, и в Восточной Европе главной причиной нежелания правительственных лидеров применять силу в кризисные моменты процесса демократизации было ясно выраженное негативное отношение к этому соответствующих сверхдержав. И напротив, сдерживающее влияние сверхдержав полностью отсутствовало в Китае, Бирме, Румынии и ЮАР, а в Чили было очень слабым.

Правительство может санкционировать применение насилия, но реальностью оно становится лишь в том случае, если этому приказу повинуются. *Ultima ratio regum** — не пушки, а готовность тех, в чьих руках пушки находятся, пустить их в ход для защиты режима. Степень такой готовности также была весьма различной. Армия, как правило, не любит обращать оружие против граждан, которых обязана защищать. Полиция и внутренние силы безопасности обычно с большей охотой, чем регулярные войска, применяли насилие при подавлении беспорядков и протеста. Авторитарные правители часто создавали специальные службы безопасности — «Секуритате» в Румынии, «батальоны достойных» в Панаме, войска министерства внутренних дел во многих странах, — набравшиеся и обучавшиеся именно для того, чтобы служить опорой режиму.

Солдаты и полиция были менее расположены повиноваться приказам о применении насилия, если могли отождествить себя с людьми, в которых им

приказывали стрелять. Поэтому авторитарные режимы старались добиться, чтобы между исполнителями и мишенями насилия со стороны режима существовали социальные, этнические или расовые различия. Южноафриканское правительство регулярно назначало чернокожих полисменов на службу в районы проживания не их собственных, а других племен. Советское правительство пыталось проводить такую же политику в отношении различных национальностей своей страны. Китайское правительство использовало против студентов на площади Тяньаньмэнь армейские части, укомплектованные крестьянами из отдаленных провинций. Чем более гомогенно общество, тем труднее было режиму применять насилие для подавления оппозиции. Вероятно, тот же принцип отчасти объясняет большое число жертв при вторжении войск США в Гренаду и Панаму.

Точно так же, чем более широкой по своему составу была массовая демонстрация, чем лучше она представляла основной спектр общества, тем менее охотно военные и полицейские части применяли против нее насилие. В сентябре 1984 г. манильская полиция использовала «огнестрельное оружие, дубинки и слезоточивый газ» для разгона антиправительственной демонстрации в количестве 3 000 чел., главным образом студентов и левых, в результате чего были госпитализированы 34 человека (из них 12 с огнестрельными ранениями)⁵⁶. В следующем месяце полиция не стала препятствовать демонстрации из 30 000 чел., организованной деловыми кругами и кардиналом Сином. Во время столкновения при Кемп-Крем в феврале 1986 г. филиппинские войска открыто отказывались стрелять в толпу религиозных служителей, врачей, юристов, учителей и домохозяек. Южнокорейские силы безопасности также с гораздо большей охотой применяли силу против радикальных студенческих демонстраций, чем против среднего класса: церковных деятелей, инженеров, бизнесменов. В Чехословакии министр обороны заверил лидеров Гражданского форума, что чешская армия не станет стрелять в чешских граждан. В Румынии армейские части отказались открыть огонь по демонстрантам в Тимишоаре, а затем армия обратилась против режима и

сыграла решающую роль в разгроме «Секуритате», оставшейся верной Чаушеску. Даже в Китае некоторые части, по всей видимости, отказались стрелять в гражданское население, и впоследствии их офицеры пошли под трибунал⁵⁷.

Таким образом, применение силы против оппозиции оказывалось более эффективным в том случае, если общество (1) было социально или этнически неоднородно либо (2) находилось на сравнительно низком уровне социально-экономического развития. Авторитарные режимы в обществах, где экономическое развитие породило средний класс значительных размеров, симпатизирующий демократизации, менее охотно отдавали приказ о применении силы против недовольных, а их силы безопасности менее охотно такие приказы выполняли.

В-четвертых, оппозиционные группы тоже сильно различались в зависимости от того, насколько они сами применяли, допускали или не допускали насилие. Эта тема наиболее остро и драматически ставила некоторые из вопросов, возникавших в ходе дебатов о том, бойкотировать или нет организуемые режимом выборы. Во многих случаях полиция и силы безопасности данного режима бросали сотни и тысячи людей в тюрьмы, пытали их и убивали. К действиям официальных силовых подразделений часто добавляли свою лепту полуофициальные военизированные «эскадроны смерти». В таких обстоятельствах велико было искушение драматизировать дело оппозиции и способствовать его прогрессу, взрывая правительственные здания, швыряя бутылки с «коктейлем Молотова» в правительственные машины, стреляя в солдат и полицейских, похищая и казня прославившихся своей жестокостью официальных лиц. Следует ли (и в какой степени) демократической оппозиции прибегать к такой тактике в борьбе против репрессивного режима, применяющего насилие? Ответы оппозиционных групп варьировали по всему спектру от «никогда» до «иногда» или «всегда». Они в значительной мере коррелировали с общей приверженностью группы идее демократии. Умеренные демократы отвергали насилие; радикальные группировки выступали за него.

В большинстве стран третьей волны основные, дававшие тон оппозиционные группы стремились к установлению демократии ненасильственными методами. Католическая церковь, как мы видели, во многих странах была главной силой, содействовавшей демократизации, и папа, местные епископы, большинство духовенства со всей настойчивостью проповедовали ненасилие⁵⁸. Горожане-бизнесмены, принадлежащие к среднему классу, представители гуманитарных профессий, служители церкви, часто доминировавшие в демократической оппозиции, обычно отвергали насилие и пытались минимизировать его. Лидеры политических партий делали ставку на методы, в которых, по всей видимости, были более искушены, — переговоры, компромиссы, выборы, — избегая тактики терроризма и партизанщины, в которой их превосходили бы другие. Таким образом, социальные источники умеренно-оппозиционных движений формировали у них не только стремление к демократии, но и стремление к осуществлению демократизации ненасильственными методами.

В разных странах оппозиция в разной степени придерживалась идеи ненасилия. «В революции, — сказал Бениньо Акино в речи, подготовленной для выступления в манильском аэропорту, — не бывает победителей, только жертвы. Мы не должны разрушать, чтобы строить»⁵⁹. В годы, последовавшие за его убийством, Корасон Акино твердо держалась ненасильственного курса, и кульминацией его, конечно, стала массовая демонстрация сторонников народо-властия — бизнесменов, студентов и монахинь, свалившая режим Маркоса в феврале 1986 г. В Восточной Европе «Солидарность» с самого начала выступала против революционной тактики, за ненасильственные меры. Как сказал один из лидеров «Солидарности» в период ее подпольного существования, когда искушение прибегнуть к насилию, наверное, было наиболее велико, «Солидарность» «против любых актов насилия, уличных боев, летучих отрядов, террористических актов, вооруженной организации — и мы не принимаем на себя ответственности за какие бы то ни было акты насилия». «Мы знаем множество революций, великих революций и замечательных

людей, — сказал Валенса, — которые, взяв в свои руки власть, производили на свет системы куда хуже тех, что были ими уничтожены». Те, кто начинает со штурма бастилий, предостерегал и Адам Михник, в конце концов строят свои собственные бастилии⁶⁰. «Солидарность» послужила образцом для ненасильственных оппозиционных движений, осуществлявших переход к демократии в Восточной Германии и Чехословакии.

В Южной Африке Африканский национальный конгресс придерживался политики ненасилия почти полвека, до Шарпвильской резни в 1960 г., после которой АНК изменил курс, начал выступать за применение насилия и создал собственную военную организацию «Умконто ве Сизве». Другие чернокожие лидеры, например архиепископ Десмонд Туту и вождь Менгосуту Бутелези, остались приверженцами ненасилия. «Совершаемые против страшного гнета кровавые революции, — предупреждал Бутелези, — вовсе не приносят автоматически больших улучшений»⁶¹. В Южной Корее основные оппозиционные группы также отвергали применение насилия, хотя их демонстрации в середине 1980-х гг. часто сопровождались насилием по вине студентов-радикалов.

Конечно, во многих странах некоторые оппозиционные группировки твердо стояли на том, что против недемократических режимов, с которыми они борются, необходимо применять насилие. К ним относились марксистско-ленинистские и маоистские группировки в Сальвадоре, Перу, Гватемале и на Филиппинах, боровшиеся и против авторитарных режимов, и против их демократических преемников. Чилийская компартия и связанные с ней левые революционные организации долго использовала насильственные меры в борьбе против режима Пиночета, а с 1960 по 1990 г. и Африканский национальный конгресс применял насилие против режима ЮАР.

Три типа мишеней становились объектами насилия со стороны оппозиционных групп: 1) правительственные чиновники и служащие (политические лидеры, офицеры полиции, солдаты), сооружения (полицейские участки, линии электропередачи, склады, коммуникации); 2) «коллорационисты», т.е. лица,

которые якобы для виду поддерживали оппозицию или входили в социальные или радикальные группы, поддерживавшие оппозицию, но на самом деле были информаторами, агентами или официально работали на недемократический режим; 3) произвольно избираемые гражданские объекты, например магазины, торговые центры, театры, нападения на которые совершались, по-видимому, с целью продемонстрировать силу оппозиции и неспособность правительства обеспечить безопасность. Внутри оппозиционных групп было много споров о сравнительных достоинствах разных типов мишеней, и особенно о нравственности и эффективности произвольных терактов против гражданского населения. Кроме того, группировки, придерживавшиеся насильственной тактики, спорили о сравнительных достоинствах партизанской войны в сельской местности и в городе, о желательности и сроках крупных наступлений и народных восстаний.

В 1970-е и 1980-е гг. руководители АНК неоднократно подтверждали роль насилия как тактики их борьбы против апартеида. «Насилие, — сказал лидер АНК Табо Мбеки в 1987 г., — очень важный элемент достижения перемен»⁶². Вначале АНК сосредоточил свое внимание на правительственных сооружениях: полицейских участках, линиях электропередачи, электростанциях и пр. С октября 1976 г. по декабрь 1984 г. он, как сообщалось, произвел 262 вооруженных налета главным образом на подобные объекты. В течение трех лет, с тех пор как в сентябре 1984 г. начались непрерывные волнения в черных районах, число налетов, по словам газет, выросло вчетверо, и мишенями их все чаще начали становиться чернокожие, связанные с режимом. После того как полиция в сентябре 1984 г. открыла огонь по демонстрантам в Шарпевилле, толпа растерзала шестерых чернокожих членов муниципального совета, в том числе заместителя мэра Шарпевилля. В последующие годы черные сотнями убивали других черных, заподозренных в коллаборационизме. За девять месяцев, прошедших после сентября 1984 г., черные радикалы напали на 120 черных членов муниципальных советов, пятерых убили, у семидесяти пяти подожгли дома. В июле

1985 г., говорят, по-прежнему работали только два из тридцати восьми советов. И наконец, в конце 1985 и в 1986 г. намного возросло число атак на объекты третьего типа, причем за первые шесть месяцев 1986 г. покушений на «легкие» гражданские мишени произошло больше, чем за все три предыдущих года. Заявления лидеров АНК свидетельствовали о наличии среди них серьезных разногласий по поводу разумности таких акций⁶³.

В Чили радикальные оппозиционные группы сосредоточили свои усилия в первую очередь на правительственных объектах и должностных лицах. Так, например, за первые три месяца 1984 г. сообщалось о восьмидесяти случаях подрыва железнодорожных линий, коммунальных сооружений, радиостанций, в результате чего центральный район страны трижды погружался во тьму. 29 октября 1984 г. двенадцать взрывов повредили здания правительственных учреждений, банков и телефонные узлы в пяти городах. В общем и целом в Чили за 1984 г. было совершено около 400 террористических актов и примерно 1 000 — за двенадцать месяцев в 1985—1986 гг.⁶⁴. Кульминацией насильственных акций чилийской оппозиции стала попытка Патриотического фронта им. Мануэля Родригеса (МРПФ) убить Пиночета, при которой сам генерал серьезно не пострадал, хотя пять его телохранителей были убиты.

Практически во всех странах основной тактикой оппозиции были массовые митинги, марши или демонстрации, направленные против режима. Такие демонстрации мобилизуют и фокусируют общественное недовольство, позволяют оппозиции проверить, насколько широко ее поддерживают и насколько эффективна ее организация, получают огласку, зачастую международного масштаба, усиливают внутри режима раскол по вопросу о том, как надлежит на них реагировать, а если реакция режима носит насильственный характер, рождают мучеников и новые поводы для возмущения. Для организации оппозицией массовых акций протеста, как правило, были четыре типа поводов:

(1) Иногда оппозиционные группы проводили демонстрации на регулярной основе. Например, в Чили

в 1983—1984 г. оппозиция ежемесячно устраивала демонстрации протеста, в значительных масштабах сопровождавшиеся насилием как со стороны полиции,¹ так и со стороны протестующих. В Лейпциге в 1989 г. каждый понедельник вечером проходили мирные демонстрации против существующего режима.

(2) Оппозиционные группы устраивали демонстрации в годовщины заметных событий, например, бойни в Шарпевилле и Соуэто в ЮАР, бойни в Кванджу в Южной Корее, переворота против правительства Сальвадора Альенде в Чили, убийства Бениньо Акино на Филиппинах.

(3) Демонстрации организовывались в ходе кампаний, призванных склонить или заставить правительство принять требования оппозиции. И в Бразилии, и в Южной Корее, к примеру, прошла серия массовых демонстраций в поддержку выдвинутого оппозицией требования прямых всенародных выборов президента.

(4) Наконец, оппозиционные группы организовывали демонстрации в ответ на какие-либо возмутительные выходы правительства, например, убийство мирных демонстрантов, или политических заключенных, или еще какие-нибудь особенно постыдные акты полицейского произвола. В некоторых случаях, чаще всего в Южной Африке, акт произвола приводил к демонстрации, зачастую под видом похорон жертвы этого акта, а та, в свою очередь, провоцировала новые акты произвола, вызывавшие необходимость все новых и новых похорон-демонстраций. В ЮАР такая последовательность событий в конечном счете вынудила правительство запретить похоронные процессии в августе 1985 г.

Вне зависимости от повода, массовые демонстрации почти неизбежно создавали обстановку, благоприятную для насилия. Даже если умеренные главные организаторы твердо придерживались принципа ненасилия, некоторые участники демонстраций легко поддавались тяге к насильственным действиям. Радикалы под прикрытием демонстрации швыряли камни и бутылки с зажигательной смесью в полицейские и правительственные машины. Часто склонные к насилию

группы откалывались от основного шествия, нападая на правительственные объекты. С другой стороны, даже мирная демонстрация могла служить и нередко служила полиции оправданием для применения насилия. Короче говоря, массовые акции протеста порой 1) непреднамеренно порождали насилие; 2) давали возможность прибегнуть к насилию радикалам; 3) давали возможность прибегнуть к насилию консервативным представителям режима; 4) давали возможность агентам консерваторов атаковать полицию и тем самым оправдать применение правительством в массовых масштабах насилия против оппозиции.

Насильственные действия представляли собой главный пункт расхождения между радикальными и умеренными оппозиционными группами. Выступавшие за насилие были моложе тех, кто придерживался ненасильственной тактики, и среди них было больше студентов. Они обычно критиковали сторонников ненасилия как «оппортунистов», фактически сотрудничающих с режимом. В Южной Корее, например, существовала глубокая пропасть между Ким Дэ Джуном, Ким Янг Самом и другими лидерами главных оппозиционных партий с одной стороны и радикальной студенческой молодежью и связанными с ней экстремистскими элементами, вливавшимися в ряды маршей протеста и пользовавшимися ими как удобным случаем для нападения на полицию, — с другой. Время от времени демонстранты-студенты поносили лидеров умеренной оппозиции не меньше, чем лидеров правительства. Их обличения, по словам Ким Дэ Джун, «изумляли» умеренных лидеров⁶⁵. Они ставили последних в трудное положение, ибо те желали отмежеваться от тактики, применяемой студентами, но в то же время стремились мобилизовать студентов на массовые мирные демонстрации, с помощью которых надеялись свалить существующий режим. Когда правительство в 1987 г. согласилось на проведение всенародных свободных выборов, студенты остались недовольны, отвернулись от них и принялись с помощью акций протеста и насильственных методов бороться за социалистические реформы и за то, чтобы покончить с американским влиянием в Южной Корее.

В Чили политические лидеры главных сил оппозиции тоже пытались дистанцироваться от коммунистической партии, МРПФ и других групп, борющихся против режима насильственными мерами. На Филиппинах сторонники Акино отказались от применения насилия и от сотрудничества с теми, кто его применяет. В ЮАР, напротив, лидерам и группам, исповедующим ненасилие, таким как Туту и другие религиозные лидеры, Бутелези и либеральная коалиция — Единый демократический фронт, не оставалось ничего другого, как сотрудничать с АНК.

Радикалы от оппозиции и разгневанные толпы неизбежно чувствовали искушение прибегнуть к насилию, а лидерам главных сил оппозиции нередко приходилось туго при попытках обуздать их. И Адам Микник, и Десмонд Туту в свое время сидели в тюрьме, брошенные туда недемократическими режимами своих стран. И оба они впоследствии рисковали жизнью, защищая агентов правительства от самосуда разъяренной толпы.

Итак, целый ряд факторов ограничивал уровень насилия во время третьей волны демократизации. Эти же факторы в значительной степени способствовали успеху попыток демократизации. В ряде случаев во вторую волну, а в третью волну — в Гренаде и Панаме, демократию установила насильственная внешняя интервенция. Однако насильственные действия отдельных групп внутри самого общества такого результата не имели. Лидеры авторитарных режимов могут успешно применять насилие, чтобы удержаться у власти; их радикальные противники могут успешно применять насилие для свержения этих режимов. Действия первых не дают демократии появиться на свет; действия последних убивают ее в момент рождения. На протяжении всей истории вооруженные восстания почти никогда не приводили к созданию демократических режимов. В девяти из одиннадцати случаев неудачных попыток демократизации, имевших место с 1860 по 1960 г., двадцать лет, предшествовавшие таким попыткам, были отмечены гражданским насилием в значительных масштабах. И лишь двум из восьми успешных попыток демократизации, совершенным за тот же период, предшествовало такое насилие⁶⁵. Точно

так же за период 1974-1990 г. насильственные перестройки уничтожили авторитарные режимы в Никарагуа, Йемене, Эфиопии, Иране, Румынии, на Гаити и пр., и ни разу (возможно, за исключением Румынии, (но и это еще под большим вопросом) в результате не восторжествовала демократия. Обращение к насилию давало больше власти специалистам по насилию как в правительстве, так и в оппозиции. Правительства, создаваемые благодаря умеренности и компромиссу и плавившие с помощью умеренности и компромисса. Правительства, рожденные насилием, правили с помощью насилия.

⁶⁵ Третья волна.
Демократизация в конце XX века

Глава 5 НАДОЛГО ЛИ?

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

Демократические реформаторы в стране А пришли к власти и начали трансформацию политической системы страны. Консервативный диктатор в стране В бежал за границу на самолете ВВС США, что вызвало бурную эйфорию в народе, а умеренных демократов из бывшей оппозиции поставило перед проблемой управления. В стране С демократизаторы от правительства и оппозиции, пожертвовав сиюминутными интересами своих сторонников, договорились об основных принципах новой демократической системы. Во всех трех странах впервые за многие годы путем свободных и честных выборов было сформировано всенародно избранное правительство.

Что же потом? С какими проблемами столкнутся новые демократические системы? Будет ли демократия долговечна? Упрочатся новые системы или развалятся? И в первый, и во второй откаты двадцать стран с демократическими политическими системами перешли к авторитарным формам правления. Сколько стран из тех тридцати, что перешли к демократии в 1970—1980-х гг., могут скатиться к той или иной форме авторитаризма? Два таких случая имели место в 1980-е гг. в Африке: в Нигерии в 1984 г. и в Судане в 1989 г. Объясняются ли они местной спецификой, или это первые проявления гораздо более общего феномена будущего распада новых демократических правительств?

Спекуляции на тему будущего редко бывают плодотворны; предсказания часто ставят в тупик. В предыдущих главах рассматривались «что?», «почему?» и «как?» третьей волны переходов к демократии. В данной главе сделана попытка продолжить такой эмпирический подход, анализируя: 1) две главные проблемы транзита, встающие перед новыми демократиями; 2) меры, необходимые для развития демократических политических институтов и демократической

политической культуры; 3) факторы, которые скорее всего обуславливают вероятность демократической консолидации.

Пытаясь развить и упрочить свои новые демократические политические системы, страны сталкивались с проблемами трех типов. *Проблемы транзита* вытекали непосредственно из феномена смены режима, перехода от авторитаризма к демократии. К ним относились проблемы введения новых конституционных и электоральных систем, устранения проавторитарно настроенных должностных лиц и замены их демократами, отмены или модификации не подходящих для демократии законов, упразднения или коренного изменения авторитарных учреждений, таких, например, как тайная полиция, а в бывших однопартийных системах — раздела партийного и государственного имущества, функций, кадров. Две ключевые проблемы транзита для многих стран заключались в том, 1) что делать с авторитарными должностными лицами, открыто нарушавшими права человека («проблема палачей») и 2) как ограничить участие военных в политике и установить профессиональную модель взаимоотношений между гражданскими лицами и армией («проблема преторианцев»),

Вторую категорию можно окрестить *контекстуальными проблемами*. Они коренились в природе самого общества, его экономике, культуре и истории и в какой-то степени были изначально присущи стране, независимо от формы правления. Авторитарные правители этих проблем не решили и, по всей вероятности, не решат и демократические. Поскольку они характерны для конкретной страны, а не для общего феномена транзита, то, естественно, являются очень разными и в каждой стране своими. Однако среди них можно назвать те, что преобладали в демократиях третьей волны: повстанческие движения, этнические конфликты, региональные противоречия, социально-экономическое неравенство, инфляция, внешний долг, низкие темпы экономического роста. Комментаторы часто подчеркивали, какую угрозу эти проблемы представляют для консолидации новых демократий. Однако в действительности, как кажется, количество

и острота контекстуальных проблем страны, за исключением низкого уровня экономического развития, имели весьма скромное отношение к ее успехам или неудачам в деле демократической консолидации.

Наконец, по мере того как новые демократии консолидировались и добивались определенной стабильности, перед ними вставали *системные проблемы*, порождаемые самим функционированием демократической системы. Авторитарные системы страдают от некоторых проблем, вытекающих из самой их природы: чрезмерно концентрированного принятия решений, недостаточной обратной связи, зависимости от функциональной легитимности. Но есть и другие проблемы, по всей видимости, характерные как раз для демократических систем: создание патовых ситуаций, неспособность принимать решения, тяготение к демагогии, господство своекорыстных экономических интересов. Эти проблемы коснулись долго существующих демократий, и новые демократии третьей волны, скорее всего, без них не обойдутся. Расположение трех типов проблем на временной шкале представлено схемой 5.1.

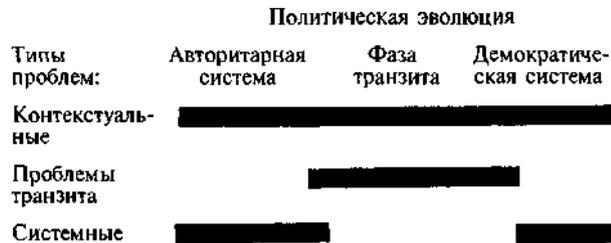

Схема 5.1. Проблемы, встающие перед странами третьей волны

Следующие разделы этой главы посвящены проблемам, связанным с палачами и солдатами, а затем рассмотрению роли контекстуальных проблем в процессе демократической консолидации. Я не делаю попыток анализировать системные проблемы, возникающие в

результате функционирования демократии, поскольку они в известном смысле представляют собой феномен периода, следующего уже после ее консолидации.

ПРОБЛЕМА ПАЛАЧЕЙ: СУДИТЬ И КАРАТЬ ИЛИ ПРОСТИТЬ И ЗАБЫТЬ?

Новым демократическим режимам, среди всего прочего, приходилось решать, что делать с символами, доктринами, организациями, законами, служащими и лидерами авторитарной системы. За этими вопросами часто скрывались фундаментальные вопросы национальной идентичности и политической легитимности. Общую проблему представляли преступления, совершавшиеся должностными лицами предшествующего режима². Демократические правительства, сменяющие друг друга, хватаются за возможность разоблачать и преследовать некомпетентность, коррумпированность и махинации должностных лиц предшествующего правительства. Демократические правительства, приходящие на смену авторитарным, сталкиваются с гораздо более серьезной, эмоционально нагруженной и политически деликатной проблемой. Как должно демократическое правительство реагировать на обвинения в грубых нарушениях прав человека — убийствах, похищениях людей, пытках, изнасилованиях, арестах без суда, — совершенных должностными лицами авторитарного режима? Следует ли их судить и карать или нужно простить и забыть?

Авторитарные режимы 1970-х и 1980-х гг. давали массу оснований для возникновения такой проблемы. За годы военного правления исчезли почти 9 000 аргентинцев, предположительно убитых спецслужбами, многих других похищали и пытали. В Уругвае за годы военного правления, по некоторым оценкам, была самая высокая в мире доля политических заключенных. Каждый пятидесятый уругваец в то или иное время побывал в тюрьме, многих пытали. Около 200 человек исчезли или были убиты в заключении. В Греции жертвы пыток или какого-либо иного произвола, очевидно, насчитывались сотнями. В Чили примерно 800 гражданских лиц были убиты во время или сразу после переворота 1973 г., и еще 1 200 чел. — в после-

дующие годы. После объявления амнистии в 1979 г. из тюрьмы вышли около 7 000 политических заключенных. Режим Чаушеску нарушал основные права тысяч румын. Центральноамериканские диктатуры, как правые, так и левые, обращались со своим населением, особенно с расовыми меньшинствами, с неменьшей жестокостью. Даже в Бразилии среди гражданского населения примерно 81 человек был убит, а 45 исчезли во время войны с городскими партизанами-подпольщиками в 1966—1975 гг.³ К преступлениям против отдельных лиц порой добавлялись случаи массового насилия против демонстрантов, как в южнокорейском Кванджу и греческом Политехникуме.

Подобные действия авторитарных правительств конца XX в. не слишком отличались от того, что совершали прежние авторитарные режимы. Их поведение стало притчей во языцех в их обществах главным образом из-за возникшего в 1970-е гг. во всем мире беспокойства о правах человека. Проявлениями этого беспокойства стали законодательство Конгресса США по правам человека, образование правозащитных организаций, таких как «Эмнести Интернешнл», «Фридом-Хауз», «Америкас Уотч» и организации, связанные с СБСЕ, более активная роль межправительственных организаций по защите прав человека, успехи картеровской администрации, поставившей вопрос о правах человека на повестку дня во всем мире. В результате демократические правительства, придя к власти, не могли обойти проблему нарушения прав человека режимом-предшественником, даже если, как это обычно и бывало, попытки покарать такие нарушения не имели прецедента в их обществе.

Центральное значение прав человека отражается в характере обвинений, выдвигавшихся против авторитарных должностных лиц. Лидеров греческого военного режима обвиняли в осуществлении государственного переворота и осудили за государственную измену. Но практически во всех других странах в обвинениях и приговорах речь шла об убийствах, похищениях и пытках отдельных людей. Во многих странах создание авторитарной системы в свое время встречало широкую народную поддержку, поэтому было бы политически неловко и затруднительно преследовать людей

именно за то, что они ее создали. Всемирная забота о правах человека фокусировала внимание и недовольство не на незаконности самого режима, а на незаконных действиях его агентов. Авторитарные должностные лица представляли перед судом не за то, что убили конституционную демократию, а за то, что убивали отдельных людей.

В тех странах, где совершались вопиющие нарушения прав человека, основные дебаты разворачивались по поводу того, какие меры должен предпринять демократический режим. Заявлялось, что повинных в этих преступлениях следует судить и карать, потому что:

(1) Этого требуют истина и справедливость; покарать злостные преступления против человечности — моральный долг режима-преемника. •

(2) Суд над ними — моральная обязанность по отношению к жертвам и их семьям.

(3) Демократия зиждется на законе, и необходимо показать, что ни высокопоставленные чиновники, ни военные или полицейские офицеры не могут быть выше закона. Как сказал один уругвайский судья, критикуя предложение демократического правительства об амнистии: «Демократия — это не только свобода слова, право участвовать в выборах и т.п. Это власть закона. Без равенства перед законом демократия мертва. Правительство ведет себя как муж, которого обманывает жена. Он это знает, и все знают, но он продолжает делать вид, что все прекрасно, и каждый день молится только о том, чтобы его не заставили взглянуть правде в глаза, потому что тогда он должен будет что-то предпринять»⁴.

(4) Судебное преследование необходимо, чтобы удержать сотрудников спецслужб от нарушений прав человека в будущем.

(5) Судебное преследование имеет важнейшее значение для жизнеспособности демократической системы. Если военный и полицейский истеблишмент в состоянии помешать суду своим политическим влиянием или угрозой переворота, значит, демократия не может реально существовать в этой стране, и нужно продолжать борьбу за установление демократии.

(6) Судебное преследование необходимо, чтобы утвердить превосходство демократических ценностей и

норм и пробудить веру в них у общественности. «Пока тяжкие преступления не будут расследоваться и караться, не может быть реального роста доверия, "имплантации" демократических норм в широкие слои общества, а потому не может быть и подлинной "консолидации" демократии»⁵.

(7) Даже если оставить без судебного преследования большинство авторитарных преступлений, как минимум необходимо показать масштаб этих преступлений и назвать тех, кто несет за них ответственность, установив тем самым полную и безоговорочную гласность. Принцип ответственности лежит в основе демократии, а ответственность требует «раскрывать истину» и настаивать, «чтобы людей не приносили в жертву соображениям высшего блага, чтобы об их страданиях и о виновности в этих страданиях государства и его агентов становилось известно»⁶.

Противники судебного преследования приводили следующие контраргументы:

(1) Демократия должна базироваться на примирении, основные группы в обществе должны уладить свои прошлые разногласия.

(2) Процесс демократизации включает открытое или негласное соглашение между различными группами о том, что не будет никакого возмездия за прошлые обиды.

(3) Во многих случаях и оппозиционные группы, и силы правительства грубо нарушали права человека. Всеобщая амнистия заложит гораздо более прочный фундамент для демократии, чем попытки преследовать ту или другую сторону или обе вместе.

(4) Преступления авторитарных должностных лиц в свое время оправдывались насущной необходимостью справиться с терроризмом, разгромить партизан — марксистов-ленинцев, восстановить в обществе закон и порядок, и их действия в то время пользовались широкой поддержкой общественности.

(5) Многие люди и группы в обществе тоже повинны в преступлениях, совершавшихся авторитарным режимом. «Мы все привыкли к тоталитарной системе, — заявлял Вацлав Гавел, — и воспринимали ее как непреложный факт, тем самым помогая увековечить

ее. Иными словами, мы все — хотя, конечно, в разной степени — в ответе за создание тоталитарной машины. Никто из нас не является только ее жертвой; мы все несем за нее ответственность»⁷.

(6) Амнистия необходима, чтобы поставить новую демократию на прочный фундамент. Даже если можно привести правовые и нравственные аргументы в пользу судебного преследования, они должны склониться перед моральным императивом создания стабильной демократии. Демократическая консолидация должна пользоваться приоритетом по сравнению с необходимостью покарать отдельных людей. Или, говоря словами уругвайского президента Сангинетти: «Что важнее — упорочить мир в стране, где сегодня гарантированы права человека, или добиваться справедливости задним числом, которая может поставить этот мир под угрозу?»⁸

Таковы в общем и целом были аргументы за и против судебного преследования авторитарных преступлений в странах третьей волны. Впрочем, на то, что там происходило в действительности, весьма мало влияли правовые и нравственные соображения. Все обуславливалось почти исключительно политикой, характером процесса демократизации и распределением политической власти во время и после перехода к демократии. В конечном итоге политика в странах третьей волны срывала попытки преследования и наказания авторитарных преступников. В очень немногих из них несколько отдельных человек были подвергнуты скорому суду; почти во всех об эффективном судебном преследовании и наказании не было и речи. Из стран, демократизировавшихся до 1990 г., только в Греции значительное число авторитарных должностных лиц предстали перед судом и понесли серьезное наказание.

Как можно объяснить такой результат, учитывая жаркие дебаты и эмоциональный накал вокруг этого вопроса?

Во-первых, почти в половине случаев демократизация до 1990 г. представляла собой трансформацию, начатую лидерами существующих авторитарных режимов и проведенную под их руководством. Эти лидеры обычно были демократическими реформаторами, по большей части заменившими прежних консервативных лидеров. Последние, естественно, не желали подвер-

гаться преследованию за преступления, которые, возможно, совершили в прошлом. Реформаторы хотели, чтобы консерваторы примирились с процессом демократизации, а для этого важнее всего было уверить их в том, что демократический режим-преемник не станет их карать. Кроме того, авторитарные режимы, где реформаторы оказывались способны сместить стоящих у власти консерваторов, скорее всего, были повинны в менее отвратительных нарушениях прав человека и в меньшем их количестве, чем режимы, где консерваторы оставались у власти до самого конца. Поэтому практически каждый авторитарный режим, инициировавший свою трансформацию в демократический, в ходе этого процесса объявлял амнистию. Как правило, такие амнистии касались любых преступлений, совершенных за конкретный период времени как агентами режима, так и представителями оппозиции. Бразильский и чилийский режимы объявили подобные амнистии в 1979 г., Гватемала — в 1986 г. Турецкие генералы гарантировали себе иммунитет против судебного преследования, прежде чем позволили в 1983 г. избрать демократическое правительство.

В этих и других случаях трансформации авторитарные режимы не только, действуя в своих интересах, издавали указы об амнистиях, но и обладали достаточной силой, чтобы добиться их выполнения. Можно сказать, и говорили, что в результате демократические режимы-преемники не были подлинно демократическими, поскольку не имели власти отдать под суд представителей авторитарного режима, совершавших преступления. В Гватемале, например, военные объявили амнистию самим себе в январе 1986 г. за четыре дня до того, как передать бразды правления демократически избранному гражданскому президенту Винисио Сересо. Сересо согласился с амнистией и еще расширил ее, с готовностью признавая, что недолго оставался бы президентом, если бы попытался преследовать гватемальских солдат за безусловно многочисленные нарушения прав человека, совершавшиеся при военном режиме. Поэтому были заявления, что правительство Сересо не являлось «демократическим правительством или хотя бы правительством, осуществляющим переход к демократии».

Такие же обвинения могли быть предъявлены, и предъявлялись, постпиночетовскому режиму в Чили. Многопартийная коалиция, выдвинувшая кандидатуру Патрисио Эйлвина на пост президента на выборах 1989 г., приняла программу с требованием аннулировать закон об амнистии 1979 г. и на год отменить десятилетний срок давности на уголовные дела об убийстве и других тяжких преступлениях. Чилийские военные лидеры предупредили о последствиях попыток такого рода. В октябре 1989 г., еще будучи президентом, генерал Пиночет заявил: «День, когда тронут кого-либо из моих людей, станет концом законности в государстве». Командующий чилийскими военно-воздушными силами генерал Фернандо Маттеи десять лет боролся с Пиночетом, настаивая на скорейшей демократизации. Но попытки отменить закон об амнистии, предостерегал он в 1989 г., поставили бы под угрозу этот процесс. Вооруженные силы «не смирятся» с преследованиями: «Если нас попытаются выставить к позорному столбу, как в Аргентине, это будет иметь самые тяжелые последствия». Левые оппозиционные лидеры продолжали настаивать на преследовании; умеренные демократы говорили о желательности хотя бы расследования. «За несколько дней до того, как стать президентом, Эйлвин изо всех сил успокаивал военных: «У меня и мысли нет о судебном преследовании, — говорил он. — У меня нет намерения развязывать процессы... [Я не собираюсь] ни преследовать генерала Пиночета или кого-либо еще, ни враждовать с ними»¹⁰. В соответствии с курсом на национальное примирение Эйлвин сразу по вступлении в должность освободил политических заключенных, попавших в тюрьму при режиме Пиночета, если те не совершали актов насилия.

Создание демократической системы всегда включает компромиссы между политически властными группами по вопросу о том, что может и что не может делать правительство. Например, установление демократии в Венесуэле в конце 1950-х гг. потребовало обязательств уважать привилегии церкви, частную собственность и провести земельную реформу. Неужели получившаяся в итоге политическая система стала недемократической из-за этих обязательств? Неужели система

не является демократической, если у правительства нет сил или желания преследовать преступников, связанных с бывшим авторитарным режимом? Если так, то ни одна система, установленная путем трансформации, не будет демократической, поскольку ни один авторитарный лидер, разумеется, не станет демократизировать свою систему, если в результате его самого и его сподвижников будут ожидать преследование и наказание. Правительства, достаточно сильные, чтобы осуществить трансформацию, достаточно сильны и для того, чтобы назначить за нее свою цену. Если бы это было не так, вероятно, половины переходов к демократии третьей волны до 1990 г. не произошло бы. Отвергать амнистию в таких случаях значит отказаться от самой распространенной формы демократизации.

Совсем другой была ситуация с авторитарными режимами, которые не уходили со сцены, будучи еще в силе, а были заменены из-за своей слабости. Такие режимы обычно не предвидели своего конца и потому не пытались защитить своих представителей объявлением амнистии. Наиболее заметное исключение представляла собой Аргентина, где генерал Биньоне возглавил временный военный режим на шестнадцать месяцев после падения хунты и до выборов демократического правительства. Его правительство сделало ряд попыток защитить от преследований военных и полицию, и все они провалились. Сначала оно пыталось договориться с гражданскими лидерами. Над этими усилиями «все только посмеялись». Потом организовало показ телерепортажа о своей войне с левыми террористами в надежде оправдать свои действия. Это «дало совершенно обратный результат». Затем еще раз попыталось добиться секретного соглашения с консервативными профсоюзными лидерами в перонистском движении, но другие лидеры оппозиции эти попытки разоблачили, и от них пришлось отказаться¹¹. Наконец, за несколько недель до выборов правительство Биньоне издало «Закон о национальном умиротворении», дававший всем военным и полицейским офицерам иммунитет против уголовного преследования и расследования практически любых действий, включая «обычные и военные преступления», совершенных ими в ходе войны с террористами. Амнистия распро-

странялась также на небольшое число (вероятно, с дюжину) террористов, которые не были уже арестованы и осуждены и не находились в изгнании. Все оппозиционные политические лидеры немедленно осудили этот закон. Демократическое правительство отменило его через две недели после вступления в должность в декабре 1983 г.

Должностных лиц развалившихся или свергнутых авторитарных правителей ждала кара. Бернард Коард и тринадцать других лидеров коммунистического режима Гренады, отстраненные от власти войсками США, были осуждены за убийства и другие преступления и приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Если бы Норьегу не судили в США за торговлю наркотиками, ему был бы предъявлен целый ряд обвинений в собственной стране. Довольно скорый суд свершился над супругами Чаушеску. Корасон Акино до своего избрания угрожала Маркосу судебным преследованием, от которого тот бежал за границу. Хонеккер и его соратники, как люди старые и больные, поначалу избежали какой-либо серьезной кары, но в конце 1990 г. против Хонеккера выдвинули обвинение в том, что он распорядился убивать восточных немцев, пытавшихся перебраться через Берлинскую стену.

Наиболее масштабные и серьезные попытки судить и карать авторитарных преступников были предприняты в Греции и Аргентине. Ситуация в обеих странах внешне представляется довольно схожей. Оба военных правительства были явно повинны в значительных нарушениях прав человека. Оба рухнули, потерпев военное поражение во внешних конфликтах. В обоих случаях пришедшие им на смену демократические правительства полностью контролировались одной партией и возглавлялись весьма уважаемыми и популярными лидерами. Так же в обоих случаях при избрании демократического правительства общественное мнение в подавляющем большинстве было настроено в пользу преследования и наказания виновных в нарушениях прав человека. В Греции, как выразился один аналитик, это было «самым щекотливым и взрывоопасным из требований народа»¹². То же можно сказать и об Аргентине. Оба новых правительства, пытаясь соответствовать требованиям народа и моральному императи-

ву, разрабатывали целые программы, посвященные нарушениям прав человека.

Оба они также столкнулись с одинаковыми проблемами, проводя свою политику. Им нужно было определить, кого, за какие преступления, каким образом, когда и каким судом судить. При свержении личных диктатур в Колумбии, Венесуэле, на Филиппинах, в Румынии круг судимых и караемых ограничивался в основном диктатором, его семьей и ближайшими соратниками. Замена военного режима ставила гораздо более трудную проблему. И в Аргентине, и в Греции, совершенно очевидно, необходимо было судить верховных руководителей военного правительства. Но до каких более низких ступеней военной и полицейской иерархии следовало довести преследование? Правительство Альфонсина пыталось решить этот вопрос, разделяя потенциальных обвиняемых на три категории:

- (1) те, кто отдавал приказы о нарушении прав человека;
- (2) те, кто выполнял такие приказы;
- (3) те, кто совершал нарушения прав человека сверх того, что было приказано.

В соответствии с политикой правительства военным и полицейским офицерам, попадавшим в 1 и 3 категории, нужно было предъявлять обвинения и отдавать их под суд; тех, кто относился ко 2 категории, следовало судить лишь в том случае, если они знали, что отданные им приказы абсолютно незаконны.

Итак, условия, с которыми столкнулись правительства Альфонсина и Караманлиса, были довольно похожи. А результатов они добились совершенно разных. В августе 1975 г., через девять месяцев после избрания Караманлиса премьер-министром, восемнадцати высшим руководителям военного правительства были предъявлены обвинения, их судили и признали виновными в государственной измене. На первом процессе по делам о пытках, следовавшем тут же, обвиняемыми были тридцать два сотрудника военной полиции (четырнадцать офицеров и восемнадцать рядовых), шестнадцать из них были осуждены. Еще три процесса («военный», «военно-морской» и «полицейский») в 1975 г., два в конце 1976 г., процесс высших руко-

дителей военного правительства, ответственных за бойню в Политехникуме, рождали все новые обвинительные акты и приговоры к тюремному заключению. В общем и целом по всей Греции прошло где-то от 100 до 400 процессов по делам о пытках, и на них за нарушения прав человека было осуждено большое количество людей¹³. К концу 1976 г., через два года после прихода к власти демократического правительства, правосудие в основном свершилось, и тема суда и кары ушла из греческой политики.

В Аргентине нарушений прав человека было значительно больше (как абсолютно, так и относительно), чем в Греции. Назначенная Альфонсином комиссия по расследованию пришла к выводу, что по вине сил безопасности «исчезли не по своей воле» как минимум 8 960 человек, что эти силы создали целую сеть из 340 тайных пунктов, где содержали и пытали арестованных, что около 200 офицеров, названных поименно, как установлено, непосредственно участвовали в подобных операциях, а многие другие также принимали участие в репрессиях¹⁴. В течение семи лет после прихода к власти Альфонсина вопрос о том, как быть с нарушениями прав человека, будоражил аргентинскую политическую жизнь, порой доводя ее до конвульсий, и вызвал по меньшей мере три попытки военного переворота. Когда все уже было сказано и сделано, перед судом предстали в общей сложности шестнадцать офицеров (включая членов правившей военной хунты), десять из них были осуждены за нарушения прав человека. В отличие от Греции, попытки судить и карать в Аргентине не сослужили хорошей службы ни правосудию, ни демократии, породив вместо этого нравственную и политическую неразбериху. В 1990 г. эта тема все еще являлась фактором, вносящим серьезный раскол в аргентинскую политику. Память о травме, нанесенной обществу попытками преследовать преступников авторитарного режима, уравновешивала в Аргентине память об общественных и личных травмах, ставших следствием отвратительных преступлений, которые они совершали.

Как объяснить столь различный исход событий в Аргентине и в Греции? Отчасти так получилось потому, что в Аргентине существовала серьезная угроза

внутренней безопасности, что перонистское правительство, предшествовавшее военной хунте, поручило военным «уничтожить» террористов, а основные слои аргентинского общества спокойно смирились с безжалостной тактикой, применяемой военными для успешного выполнения этой миссии, и в известной мере одобряли ее. Менее значительные нарушения прав человека греческими военными имели под собой и меньше оправдания. Кроме того, греческий военный режим был «режимом полковников», и некоторые офицеры более высокого ранга выступали против него. Поэтому определенные элементы греческой армии поддерживали предпринимавшиеся правительством попытки преследования, тогда как аргентинская армия, при всех своих разногласиях, единодушно сопротивлялась таким попыткам. Однако эти факторы лишь отчасти объясняют успех Греции и неудачу Аргентины в решении данной проблемы. Гораздо важнее были политика и стратегия двух правительств.

Караманлис сделал две вещи. Во-первых, он поспешил приступить к действиям, пока имел наибольшую поддержку в народе. Он проводил «политику скорого, решительного, уверенного, но притом сдержанного и ограниченного возмездия»¹⁵. Будучи утвержден на своем посту выборами 1974 г., Караманлис стал готовить планы преследования нарушителей прав человека. Число сторонников таких мер значительно возросло в результате серьезной попытки военного переворота в феврале 1975 г. Воспользовавшись реакцией на нее народных масс, Караманлис тут же организовал предъявление обвинений и слушание дел в обычных гражданских судах, и в результате весь этот процесс в основном завершился в течение восемнадцати месяцев. Во-вторых, он постарался убедить офицерский корпус, что ничего не имеет против него как института. Его «политика защиты офицерского корпуса от критики, чуткое отношение к его профессиональным нуждам и требованиям предупредили возмущенную отрицательную реакцию офицеров, находящихся на действительной службе. Политика ограниченной чистки главных руководителей хунты, проводимой в соответствии с нормальными законными процедурами и после того, как страсти в народе улеглись, также во

многом развеяла тревогу офицерского корпуса». Затем тема палачей практически исчезла из греческой политики на четырнадцать лет и вновь ненадолго возникла лишь в декабре 1990 г., когда консервативное правительство объявило о намерении помиловать семерых из восьми находящихся в заключении членов хунты. Впрочем, правительство тут же пошло на попятный в результате взрыва народного возмущения и, как говорят, отказа президента Караманлиса подписать указ¹⁶.

Провал попыток судебного преследования в Аргентине и вызванные ими серьезные кризисы аргентинской демократии главным образом явились следствием политики правительства Альфонсина, надолго отложившего осуждение и наказание нарушителей прав человека и тем самым вдохновившего военных на сопротивление этому процессу. По прошествии времени общественное негодование и поддержка идеи судебного преследования сменились равнодушием, а военные вновь приобрели влияние и высокий статус, оправившись от унижения 1982—1983 гг.

Сразу по вступлении в должность Альфонсин отменил амнистию, объявленную правительством Биньоне, назначил гражданскую комиссию по расследованию преступлений военных во главе с романистом Эрнесто Сабато, возбудил судебное преследование против девяти представителей армейской верхушки и добился принятия законодательства, обеспечивающего правовой базис для преследования нарушителей прав человека во всей военной и полицейской иерархии сверху донизу. Эти шаги вызвали страх, озабоченность и протест у военного истеблишмента. В то же время Альфонсин провел закон, по которому военных офицеров, обвиняемых в нарушениях прав человека, сначала следовало судить военным судом. Тем самым он дал военным сначала стимул, а потом и средство помешать преследованию.

Дело девяти генералов и адмиралов поступило в Верховный совет вооруженных сил в начале 1984 г. Восемь месяцев спустя, в сентябре, Совет рапортовал, что не нашел в действиях членов хунты «ничего предосудительного». Тогда дело было передано в гражданский Федеральный апелляционный суд. Там процесс длился еще год и в декабре 1985 г. закончился осужде-

нием пяти и оправданием четырех членов хунты. В 1986 г. обвинения были предъявлены еще семи высокопоставленным офицерам, и пятеро из них в конечном итоге были осуждены за нарушения прав человека. Тем временем проводились расследования и выдвигались обвинения против многих других офицеров.

Опросы общественного мнения в 1984 и 1985 гг. показали, что судебные преследования, в особенности представителей верховного командования, пользуются широкой поддержкой. Однако в то же время внимание к этой теме начало ослабевать. Через год после прихода Альфонсина к власти сообщалось, что «многие аргентинцы, по-видимому, уже теряют интерес к *desaparecidos*». Демонстрации в поддержку преследований стали малочисленнее. «У нас всегда одна и та же компания», — жаловался один активист¹⁷. Общественное мнение менялось, сопротивление военных возрастало, и в декабре 1986 г. Альфонсин предложил законопроект о *punto final* («последней точке»), запрещающий возбуждать новые дела. Правозащитные группы осудили законопроект, но большинство аргентинцев остались равнодушны, и попытка мобилизовать массы на 24-часовую акцию протеста провалилась. Конгресс

принял новый закон, и, чтобы подвести черту, были заведены последние дела примерно на 200 офицеров, многие из которых состояли на действительной службе. Военные выразили решительный протест. В то же время раскололась самая заметная группа, выступавшая за преследования, — «Матери с Пласа-де-Майо», и ее еженедельные марши начали ходить на «сборища престарелых кумушек или старых подруг, многие приходили с мужьями, детьми и внуками»¹⁸.

В апреле 1987 г. попытка принудительно доставить в суд одного офицера привела к так называемому Пасхальному мятежу: армейские части на двух базах взбунтовались и выставили ряд требований правительству. Альфонсину удалось уговорить мятежников сдать, но с основными их требованиями он согласился. Он уволил начальника генштаба и, несмотря на возражения правозащитных групп, провел закон о «надлежащем повиновении», эффективно защищающий от преследования всех кроме горстки отставных

офицеров. Новые военные мятежи в январе и декабре 1988 г. были подавлены, но, тем не менее, еще больше склонили правительство к мысли отказаться от преследований. В 1989 г. президентом был избран кандидат перонистов Карлос Менем. Партия перонистов к тому времени завязала тесные отношения с военными, и Менем назначил сторонника амнистии министром обороны, а любимца военных мятежников — начальником генштаба. В октябре 1989 г. он помиловал шестьдесят партизан и всех военных и полицейских офицеров, которые обвинялись или могли обвиняться в нарушениях прав человека, за исключением пятерых членов хунты, еще находившихся в заключении. 29 декабря 1990 г. Менем помиловал этих пятерых, еще одного генерала, экстрадированного из США в 1988 г. и ожидающего суда по обвинению в тридцати восьми убийствах, и лидера партизанского движения Монте-неро. Его действия вызвали сильнейшее чувство горечи, возмущения и негодования. В Буэнос-Айресе выступили с протестом почти 50 000 человек. «Это самый печальный день в истории Аргентины», — сказал бывший президент Альфонсин¹⁹.

В Греции конфронтация между демократическим правительством и военными достигла своего пика в попытке переворота три месяца спустя после избрания правительства. В Аргентине этот пик пришелся на попытку переворота через три с половиной года после того, как было избрано правительство. Попытка переворота в Греции обеспечила преследованиям преступников прошлого режима легитимность и широкую поддержку. Такая же попытка в Аргентине заставила правительство отказаться от преследований. Из-за того, что Альфонсин не сумел действовать быстро и решительно в 1984 г., когда общественное мнение было на его стороне, идея преследования нарушителей прав человека пала жертвой изменения соотношения сил и настроений общественности. Результат был тот, что, как выразился Эрнесто Сабата, «человека, укравшего книжку карманного формата, бросают в тюрьму, а тот, кто пытал других людей, гуляет на свободе»²⁰.

В отличие от происходящего в ходе трансформации или замены, при замещении условия амнистии служат предметом официальных или негласных переговоров

между правительством и оппозицией. В Никарагуа, например, сандинисты выдвинули сначала одно предложение по амнистии, потом модифицировали его с учетом возражений демократической оппозиции. В Южной Корее президент Чон Ду Хван несомненно, выдвигая кандидатуру своего коллеги Ро Дэ У на пост президента, предполагал и негласно ставил условием, что он и его сподвижники не будут подвергаться преследованиям за их действия в течение семи лет авторитарного правления. Однако, как только Ро был избран, зазвучали требования призвать к ответу должностных лиц правительства Чона, виновных в преступлениях. Имелась в виду главным образом бойня в Кванджу, но в придачу было и «много хорошо документированных заявлений о пытках, издевательствах и случаях необъяснимой смерти в заключении»²¹. Члены Национального собрания от оппозиции потребовали покарать Чона и пять других лиц, несущих ответственность за массовое избиение. На протяжении 1988 и 1989 гг. этот вопрос интенсивно обсуждался в Южной Корее. В ноябре 1988 г. Чон принес публичное покаяние и удалился в уединенный буддийский монастырь. Тем временем между правительством Ро и оппозицией продолжались столь же интенсивные переговоры по поводу уголовного преследования, слушания дел и возможной компенсации жертвам Кванджу. В конце концов была заключена «закулисная сделка», согласно которой Чон дал показания на транслировавшемся по телевидению заседании Национального собрания. Такой несколько сомнительный результат не удовлетворил оппозицию, но помог Ро с его правительством отмежеваться от предшественника.

В Никарагуа и Южной Корее переговоры между правительством и оппозицией происходили после того, как правительство было демократически избрано. В других случаях авторитарные и оппозиционные лидеры заключали соглашение до того, как избиралось новое правительство. Например, в Уругвае военные и некоторые политические лидеры вели в Военно-морском клубе переговоры о том, как будет организован переход к демократии, летом 1984 г. Существует полемика по вопросу о том, в какой мере военные получили гарантии относительно возможного преследования.

Впоследствии и генерал Медина, и президент Сангинетти говорили, что этот вопрос никогда не обсуждался. По словам некоторых гражданских деятелей, военным сказали, что правительство не будет их преследовать, но не станет препятствовать подаче исков частными лицами. По словам других, военных заверили, что и эти последние будут блокированы, и Вильсон Феррейра, лидер оппозиционной партии Бланко, впоследствии, когда отказался выступать против амнистии, оправдывал это тем, что военные получили гарантии невозбуждения преследования в ходе переговоров в Военно-морском клубе (в которых он не участвовал, поскольку был в тюрьме)²².

Уругвайские генералы ощущали значительное давление как изнутри, так и извне (влияние Соединенных Штатов, демократизации в Аргентине и Бразилии), заставляющее их закончить свое пребывание у власти. Однако их никто не отстранял. Они провели переговоры по поводу своей отставки, один уругвайский политический обозреватель при этом заметил: «Генералы считают, что уходят со своих постов с высоко поднятой головой и развернутыми знаменами»²³. Разумеется, многие в то время полагали, что какое-то соглашение относительно возможного преследования было достигнуто в Военно-морском клубе. Учитывая масштабы и тяжесть имевших место нарушений прав человека, представляется вероятным, что генералы добровольно уступили власть либо потому, что получили некие заверения, либо потому, что, по мнению обеих сторон, о каком-либо серьезном преследовании не могло быть и речи.

За полтора года, после того как избранное правительство в марте 1985 г. вступило в свои права, уругвайские граждане возбудили против 150 должностных лиц 38 дел по обвинению в убийстве, пытках, похищении, изнасиловании и других преступлениях. Военные заявили, что не допустят, чтобы кто-то из них предстал перед судом. Желая избежать крупного столкновения, которое означало бы конец его режима, Сангинетти предложил объявить всеобщую амнистию военным, отчасти оправданную тем фактом, что он уже помиловал террористов и других политических узников, посаженных в тюрьму военными. Оппозицион-

ные партии в законодательном собрании провалили его предложение и представили план частичной амнистии, который также не прошел. Первый процесс, во время которого перед судом должны были предстать военные офицеры, был назначен на 23 декабря. В последний момент политическое руководство оппозиции изменило свою позицию, законодательное собрание работало всю ночь с 22 на 23 декабря, законопроект о всеобщей амнистии был принят, процесс отменен, и никаких новых процессов больше не состоялось.

Однако политическая битва в Уругвае только началась. Когда обсуждался билль об амнистии, опросы общественного мнения показали, что 72% опрошенных выступают за наказание тех, кто виновен в нарушениях прав человека²⁴. Через два месяца после принятия закона широкая коалиция политиков-оппозиционеров, активистов-правозащитников, жертв и их родственников, духовенства, журналистов, юристов и др. начала кампанию за то, чтобы вынести закон об амнистии на референдум. Для этого нужно было собрать подписи четверти избирателей, принимавших участие в последних выборах, или 555 701 подпись при общей численности населения чуть больше 3 000 000 чел. Кампания по сбору подписей два года занимала главное место в уругвайской политике. Правительство, Электоральный суд, армия, некоторые политические лидеры от оппозиции всеми правдами и неправдами старались помешать сбору и регистрации подписей. В конце концов в декабре 1988 г. Электоральный суд признал, что сторонники референдума собрали даже на 187 действительных подписей больше, чем требовалось, и Конгресс назначил референдум на 16 апреля 1989 г. После ожесточенной кампании, в ходе которой со стороны военных раздавались не слишком завуалированные угрозы, что они не смирятся с отменой закона, уругвайская общественность 53% голосов против 40% высказалась в пользу амнистии. Такой результат решил дело, но никого не удовлетворил. Противники амнистии проиграли, но и у другой стороны, как сказал президент Сангинетти, «не было ощущения триумфа»²⁵. Прошло девять лет с того момента, как начался процесс демократизации, и почти пять лет с тех пор,

как пришло к власти демократически избранное правительство.

В Восточной Европе, за исключением Румынии и Восточной Германии, первоначально преобладала общая тенденция простить и забыть. В Венгрии тема наказания никогда реально не возникала; и Гавел в Чехословакии, и Мазовецкий в Польше, и Яковлев в СССР — все выступали против уголовного преследования. Однако в некоторых странах все-таки звучали требования провести расследование наиболее одиозных преступлений и судить тех, кто в них повинен. В Праге бывший коммунистический руководитель попал под суд и был приговорен к четырем годам тюремного заключения за применение насилия против демонстрантов. Два генерала польских спецслужб были арестованы по обвинению в том, что «по их наущению и приказу» в 1984 г. был убит отец Ежи Попелюшко. Тодор Живков в Болгарии шесть месяцев содержался под стражей, затем в июле 1990 г. его выпустили, хотя обвинения против него еще находились в стадии расследования.

История попыток демократических правительств отдать под суд представителей авторитарного режима, виновных в преступлениях, приводит нас к нескольким бесспорным выводам. Правосудие являлось производной политической власти. Представителей сильных авторитарных режимов, добровольно окончивших свое существование, никто не преследовал; представители слабых, рухнувших авторитарных режимов подвергались каре, если новое демократическое правительство судило их сразу и быстро. «Уж так устроено правосудие, — как-то заметил Эрнесто Сабата. — Оно медлительно. Суд вершится быстро только в тоталитарных и деспотических странах»²⁶. Он был не прав. Демократическое правосудие не может представлять собой скорый суд вроде того, что был свершен над четой Чаушеску, но оно не может и позволить себе медлить. Народная поддержка и возмущение, необходимые для того, чтобы правосудие стало политической реальностью, со временем ослабевают; дискредитировавшие себя группы, связанные с авторитарным режимом, вновь обретают легитимность и влияние. При

новых демократических режимах правосудие вершится быстро либо не вершится вообще.

Когда авторитарные режимы переставали существовать, начинали раздаваться требования истины и справедливости. В Аргентине ответом на это требование стал в сентябре 1984 г. отчет комиссии Сабато, сформированной президентом Альфонсином в декабре предыдущего года. Комиссия заслушала множество показаний жертв, их родственников, должностных лиц и пр., посетила пункты, где держали и пытали арестованных. К ее 400-страничному итоговому отчету были приложены 50 000 страниц документов. После откровений и свидетельств очевидцев, которые вошли в этот отчет, вероятность того, что вынесенное в его заголовке обещание «*Nunca mas*» («никогда больше») будет исполнено, стала больше. На Филиппинах президент Акино назначила Президентскую комиссию по правам человека в первую очередь для расследования актов произвола полиции, а не армии, которая, в конце концов, помогла ей прийти к власти. Председатель комиссии умер вскоре после своего назначения на этот пост, и меньше чем через год комиссия была распущена, не оставив сколько-нибудь заметных следов своей деятельности. В Бразилии шел процесс трансформации, и уровень криминального насилия был гораздо ниже, это удержало демократическое правительство-преемника от проведения расследования, подобного аргентинскому. Однако епархия архиепископа Сан-Паулу выпустила отчет, основанный на официальных данных, который был довольно похож на отчет комиссии Сабато и даже носил такое же название: «*Nunca mais*». В Чили Эйлвин был против преследования, но решил, что правду нужно знать. Правительство назначило Комиссию правды и примирения, которая должна была стать «нравственной совестью нации», расследовать и сообщать все подробности о политических убийствах и исчезновениях людей во время военного правления. Предполагалось, что виновные в этих преступлениях преследоваться не будут, но жертвы и их семьи получают компенсацию²⁷.

В Уругвае желательность «истины», так же как и «справедливости», стала предметом споров. Сторонники амнистии выступали также против расследования и

разоблачения преступлений авторитарного режима. Забвению придавалось не меньшее значение, чем прощению. «Амнистия не означает, что преступления не имели места; она означает их забвение», — заявил сенатор Хорхе Батлье. «Суть в том, — сказал Сангинетти, — хотим ли мы смотреть в будущее или в прошлое... Если бы французы до сих пор думали о Варфоломеевской ночи, они бы до сегодняшнего дня резали друг друга»²⁸. Другие, и в Уругвае и в иных местах, утверждали, что истина, если угодно, важнее справедливости; главное — вскрыть все факты, чтобы дать какое-то утешение жертвам и их семьям, разоблачить и заклеймить позором палачей, а также воспитывать общественную совесть и решимость не допустить повторения подобного в будущем. Арье Нейер в сжатом виде сформулировал это так: «Зная о том, что происходило, нация может честно рассудить, почему и как дело дошло до таких ужасных преступлений. Выявить виновных и показать, что они делали, — значит публично заклеймить их, что само по себе наказание, а выявить жертв и вспомнить, как их пытали и убивали, — есть способ признания их чести и достоинства»²⁹.

В бывших коммунистических странах главное препятствие как для преследования, так и для разоблачения представлял всеохватный характер коммунистического режима, огромное количество людей, смирившихся и сотрудничавших с ним, боязнь того, что может открыться в ходе расследования и на суде. Запланированное выступление Живкова для дачи показаний в болгарском парламенте неоднократно откладывалось из-за тех, чьи имена он мог назвать. Самую острую проблему представляли огромные архивы спецслужб. Что с ними делать — полностью передать гласности, или сделать доступными только для прокуроров, или спрятать, или уничтожить? Говорят, восточногерманские досье содержали имена 6 миллионов человек, и в 1990 г. несколько парламентариев и министров при режиме-преемнике были разоблачены как сотрудничавшие с полицией. Многие боялись, что огласка всех подобных сведений без разбору отравит общественную жизнь новых демократий, а полная огласка досье в Восточной Германии могла затронуть и За-

падную Германию. В Румынии обширные досье Секуритате сложили на хранение в засекреченном месте с военной охраной. «Если бы мы опубликовали эти досье, как предлагали некоторые люди, — заметил один правительственный чиновник, — могло бы начаться нечто в буквальном смысле слова похуже гражданской войны, друг пошел бы против друга, едва они узнали бы, что там содержится»³¹. В некоторых отношениях истина, как и справедливость, представляла угрозу для демократии.

Советы демократизаторам

4. Как быть с преступлениями авторитарного режима

(1) Если произошли трансформация или замещение, не пытайтесь преследовать представителей авторитарного режима за нарушения прав человека. Политические издержки таких попыток перевесят любые моральные приобретения.

(2) Если произошла замена и вы считаете это желательным в моральном и политическом плане, судите лидеров авторитарного режима сразу (в течение года с момента вашего прихода к власти), давая при этом понять, что не будете преследовать должностных лиц среднего и низшего ранга.

(3) Найдите способ представить публике полный и беспристрастный отчет о том, как и почему совершались преступления.

(4) Осознайте, что при решении вопроса «судить и карать или простить и забыть?» выбор любой из этих двух альтернатив сулит тяжелые проблемы, так что, возможно, наименее неудовлетворительный курс — не судить, не карать, не прощать и, прежде всего, не забывать.

ПРОБЛЕМА ПРЕТОРИАНЦЕВ: АРМИЯ МЯТЕЖНАЯ И МОГУЩЕСТВЕННАЯ

С проблемой отношения к преступным деяниям представителей авторитарного режима переплеталась более широкая, более живучая и политически более серьезная проблема, встающая перед многими новыми демократиями: необходимость ограничить политическую власть военного истеблишмента и превратить во-

оружейные силы в профессиональную организацию, призванную обеспечивать внешнюю безопасность страны. Проблемы взаимоотношений между гражданскими лицами и военными принимали в новых демократиях три формы, в зависимости от типа авторитарного режима, силы военного истеблишмента и характера процесса транзита.

Вооруженные силы однопартийных диктатур, как правило, находились под твердым контролем партии (разительное исключение представляла Никарагуа, частичное исключение — Польша). Они не пытались совершать перевороты и не играли большой роли в политике режима. В коммунистических государствах (в меньшей степени — в Китайской Народной Республике) большинство военных офицеров состояли в правящей партии, партийные ячейки и организации пронызывали военную иерархию, а высшие партийные органы формировали военную политику так же, как и всякую другую. Перед демократическими государствами-преемниками стояла проблема отделить партию от армии и сделать так, чтобы армия подчинялась не одной партии, а демократической многопартийной системе. В восточноевропейских странах разделение партии и армии прошло сравнительно гладко. В СССР развернулись интенсивные дебаты по поводу «департизации» армии; принятый в 1990 г. закон изменил функции Главного политуправления, но не коснулся структуры партийных организаций, несмотря на все возражения, что «в армиях демократических стран нет органов, насаждающих идеологию одной-единственной партии»³¹. В целом, однако, демократические преемники однопартийных диктатур испытывали меньше трудностей при установлении гражданского контроля, чем демократии, пришедшие на смену военным режимам и личным диктатурам.

Самые разные и более серьезные проблемы создавал военный истеблишмент, который был заменен (т.е. свергнут) в результате процесса транзита или чрезвычайно политизировался при личной диктатуре. Офицеры среднего и низшего ранга в таких случаях часто обладали развитыми политическими взглядами или идеологией, были сильно недовольны потерей власти и статуса и чувствовали угрозу со стороны сил,

активно участвующих и доминирующих в новой демократической политике. Поэтому они часто занимались различного рода политической деятельностью, направленной на то, чтобы свалить новый демократический режим либо добиться перемен в его руководстве или политике. Разумеется, наиболее драматической формой их политических акций являлись военные мятежи или попытки государственного переворота.

Попытки переворотов совершались или всерьез планировались по меньшей мере в десяти странах, демократизировавшихся за период с середины 1970-х до конца 1980-х гг. В Нигерии и Судане перевороты удались, и военные режимы вновь воцарились там, где были уничтожены несколько лет назад. Следует, однако, различать перевороты как реакцию на очевидные неудачи демократической системы и перевороты как реакцию на ожидаемый успех демократизации. И нигерийский, и суданский перевороты скорее относятся к первым, чем к последним. В Нигерии переворот произошел после весьма спорных выборов, вернувших к власти президента, который в глазах широких масс считался коррумпированным и неумелым; в Судане — после трех лет бездарного гражданского правления, во время которого резко обострились экономические трудности страны и проблемы, связанные с повстанческими движениями. Попытки переворотов происходили также в Гватемале и Эквадоре, где военные добровольно ушли от власти. Они, по всей видимости, были связаны с борьбой внутри самой армии. В Гватемале выборное гражданское правительство явно находилось у власти с молчаливого согласия вооруженных сил, попытки переворотов в мае 1988 г. и в мае 1989 г. были быстро подавлены и правительством и военным командованием, и многие задавались вопросом, какие, собственно, мотивы двигали их организаторами. «Единственное объяснение — что это совершенно обособленная группа. Армия — та сила, которая и задумала этот процесс [демократизации]. Они не сошли с ума — у них все под контролем», — заметил один ведущий гватемальский политик³².

Наиболее часто случались попытки переворотов в странах, представляющих собой прямую противоположность Гватемале, — в странах, где вооруженные

силы потерпели унизительное поражение или были политизированы диктаторами. В Греции, как говорят, было семь попыток переворота или заговоров; семь раз предпринимались попытки военного мятежа на Филиппинах; пять раз — в Аргентине; три — в Испании. Тем не менее, за весь период 1974—1990 гг. ни одно демократизирующее правительство, не считая неоднозначных примеров Нигерии и Судана, не было свергнуто в результате военного переворота.

Почему это так, — несмотря на явную хрупкость новых демократий? Чтобы свергнуть правительство с помощью переворота, обычно нужна поддержка либо высшего военного командования, либо играющих важную роль гражданских групп, либо влиятельного иностранного актора, либо каких-то из указанных факторов в сочетании друг с другом. Организаторами антидемократических переворотов чаще всего бывали офицеры среднего ранга. Одни и те же офицеры нередко возглавляли целый ряд попыток переворота: подполковник Альдо Рико и М охам мед Али Сейнельдин в Аргентине, полковник Григорио Онасан на Филиппинах, подполковник Антонио Техеро Молина и генерал-лейтенант Хайме Милане дель Боек в Испании. Практически во всех случаях высшее военное руководство поддерживало правительство или по крайней мере не поддерживало попытку переворота. Организаторы переворота, как правило, были неспособны мобилизовать в свою поддержку значительные гражданские группы или влиятельные иностранные правительства. В этом отношении попытки переворота во время перехода к демократии в третью волну демократизации существенно отличаются от удачных переворотов периода второго отката. Одна из самых серьезных попыток антидемократического переворота, например, произошла на Филиппинах в декабре 1989 г., она повлекла за собой длительные бои и немалые жертвы. Некоторые политические лидеры втайне поддерживали переворот, но активных действий не предпринимали; ключевые гражданские группы были против него, так же как и министр обороны генерал Фидель Рамос и высшее военное командование. А в критический момент решительно вмешались Соединенные Штаты:

американские истребители поднялись в воздух для устрашения сил мятежников.

Вообще выборные правительства были в разной степени подвержены опасности быть свергнутыми в результате переворота, в зависимости от уровня социально-экономического развития общества. В обществах аграрных и бедных склонные к переворотам военные офицеры часто могли заручиться активной поддержкой и сотрудничеством гражданских элит. По мере того как уменьшалась власть землевладельцев и эксплуататоров первичных ресурсов и росла власть буржуазии и среднего класса, сокращалась социальная база военных переворотов. В Перу аграрные реформы военного режима Веласко уничтожили землевладельческую элиту и тем самым значительно снизили угрозу переворота для последующего демократического режима. В Испании лидеры деловых кругов и других гражданских элит выступали против военных переворотов в поддержку демократии. Альфонсин заявлял, что перевороты в Аргентине «всегда носили полувойенный, полутражданский характер» и, чтобы не допускать их, главное — порвать связь между военными и гражданскими группами³³. Однако по-настоящему главным было изменить баланс сил между гражданскими группами в аргентинском обществе и добиться численного превосходства среднего класса, чтобы ему больше не нужно было опираться на армию для защиты от организованной силы перонистских профсоюзов. В результате этого при угрозе переворота в мае 1985 г. и во время Пасхального кризиса в апреле 1987 г. Альфонсин сумел мобилизовать сотни и тысячи сторонников, вышедших на улицы Буэнос-Айреса с демонстрацией в его поддержку. Мощь народных масс встала против огневой мощи военных. В августе 1974 г., на первом этапе греческого транзита, военные лидеры поначалу проигнорировали требование Караманлиса вывести определенные танковые части из Афин. Караманлис заявил: «Или вы уберете танки из Афин, или народ решит этот вопрос на площади Конституции»³⁴. Танки ушли. Если бы политически доминантной гражданской группой в Греции оставались помещики, а численно преобладающей группой — крестьяне, исход скорее всего был бы иным.

Попытки свергнуть новые демократические правительства проваливались, потому что организаторы переворотов не могли привлечь на свою сторону средний класс и другие группы, входящие в политическую коалицию, которая обеспечила возможность демократизации. По сути попытки переворота представляли собой отчаянные арьергардные акции меньшинства консервативных элементов в армии. Подобно наступлению в Арденнах в декабре 1944 г., это были попытки переломить ход событий, когда война уже проиграна. Попытка переворота против нового демократического режима есть признак того, что демократизация идет. Ее провал — признак того, что демократизация идет успешно.

Хотя ни одно правительство не было свергнуто переворотом во время транзита 1974—1990 гг., попытки переворота и военные мятежи порой оказывали влияние на действия правительства. Целью гватемальской попытки переворота в мае 1988 г. и аргентинских в апреле 1987 г. и декабре 1988 г., среди прочего, было добиться смены высшего военного руководства. В двух последних случаях эта цель была достигнута. Аргентинский Пасхальный мятеж в апреле 1987 г., кроме того, заставил правительство издать закон о «надлежащем повиновении», препятствующий практически всякому преследованию офицеров действительной службы за нарушения прав человека. Таким образом, попытки переворота служили офицерам-диссидентам одним из способов добиться, чтобы правительство поменяло руководящие кадры или политику. Правительство, со своей стороны, обычно проявляло снисходительность к организаторам переворотов. Правда, в Испании Техеро и Милане дель Бокк были приговорены к тридцати годам тюрьмы, но это случай исключительный. Обычно лидеры попыток переворота, если попали под суд, получали минимальные сроки, а рядовых участников не наказывали вообще.

Попытки переворота представляли собой самую крайнюю форму политических акций недовольных офицеров. Иногда же такие офицеры занимались и другими, более общепринятыми формами политической деятельности. В Испании, например, между февральской попыткой переворота 1981 г. и октябрьской

1982 г. выражением недовольства среди офицеров среднего и низшего ранга стал подписанный 100 младшими офицерами и унтер-офицерами публичный манифест, в котором они протестовали против отношения прессы к армии и заявляли, что армию, «дабы она лучше выполняла свою задачу, не нужно ни профессионализировать, ни демократизировать, ни чистить». По слухам, только энергичные действия высшего командования не дали подписать эту декларацию нескольким сотням других офицеров⁹. В Гватемале за несколько недель до майской попытки переворота 1988 г. анонимная группа военных выпустила коммюнике за подписью «офицеры с гор».

Португальские и филиппинские вооруженные силы глубоко политизировались за период авторитарного правления. В обеих странах офицеры среднего ранга создавали ассоциации для борьбы за реформы и демократию — Движение вооруженных сил (МФА) в Португалии, Движение за реформу вооруженных сил (РАМ) на Филиппинах. МФА сыграло ключевую роль в уничтожении режима Каэтану; РАМ сыграло бы такую же и свергло режим Маркоса, если бы его не упредила победа Акино на выборах. Как только в обеих странах произошла смена режима, многие офицеры, бывшие в первых рядах оппозиции диктатуре, встали в оппозицию и по отношению к демократическому правительству-преемнику. На Филиппинах эту непрерывность военной оппозиции воплощала фигура полковника Грегорио Онасана, одного из руководителей РАМ, возглавлявшего два переворота против правительства Акино, а в Португалии — фигура полковника Отелу Сарайва-ди-Карвалью, интеллектуального лидера МФА, который после 1980 г. был связан с «Народными силами 25 апреля» (ПФ-25) — подпольной группой, развязавшей террористическую кампанию против португальской демократии. Другие офицеры в 1983 г. создали параллельную ненасильственную организацию — Ассоциацию 25 апреля, — призванную сохранить первоначальные радикальные и революционные цели МФА. Эта организация, по слухам, пользовалась значительной поддержкой среди офицеров, как находящихся на действительной службе, так и отставных.

Со временем попытки переворотов против новых демократических режимов становились реже. Одна из важнейших мер по демократической консолидации (см. ниже, с. 275 и сл.) — поочередный переход контроля над правительством от одной партии к другой в результате выборов. В Греции и Испании ожидаемая победа левых партий, соответственно Всегреческого социалистического движения (ПАСОК) и социалистов, породила слухи о перевороте и, по-видимому, заговоры с целью организации переворота. Приход к власти в Португалии консервативной социал-демократической партии вызвала такого же рода толки из-за преобладания в португальской армии марксистских и левых идеологий. Но к середине 1980-х гг. все три страны уже миновали тот этап, когда попытки переворота были возможны. Это отнюдь не означало, что перевороты в них стали невозможны навсегда. Если демократическая система не производила на свет хотя бы минимально эффективное правительство или если играющие важную роль группы покидали продемократическую коалицию, попытки совершить переворот могли возобновиться. Но речь шла бы уже не о перевороте периода транзита, поскольку его мишенью стала бы демократия, а не демократизация.

Перед демократическими режимами, пришедшими на смену военным режимам, добровольно отказавшимся от власти, вставали иные проблемы. Они сталкивались не с возможностью переворотов, организуемых враждебно настроенными, недовольными офицерами, противящимися демократизации, а с сохраняющимися властью и влиянием военных лидеров, допустивших демократизацию. Как отмечалось выше, такие военные лидеры фактически покидали свои посты на собственных условиях. Задачей выборных лидеров новой демократии было сократить власть и привилегии военного истеблишмента до уровня, совместимого с функционированием конституционной демократии. В странах с более низким уровнем экономического и социального развития, как, например, Гватемала и Сальвадор, это было трудновыполнимо, если вообще возможно. Сальвадор некоторым снижением влияния военных в значительной мере обязан власти правительства США, а не гражданских президентов Дуарте

⁹ Третья волна.
Демократизация в конце XX века

и Альфредо Кристиани. В других странах, где военные выступали застрельщиками демократизации, новые правительства со временем сократили их привилегии,¹ так же как новые правительства стран, где военные стали жертвами демократизации, со временем сократили возможность попыток военных переворотов.

В Турции, Бразилии, Чили, Португалии, Никарагуа и других странах могущественный военный истеблишмент пытался сохранить и в посттранзитный период власть и привилегии, которые для конституционной демократии скорее всего могли считаться «ненормальными». Во-первых, они настаивали на включении в конституции специальных статей, возлагавших на армию задачу обеспечения правопорядка и национальной безопасности, «гарантирования институционального строя республики» (Чили) или «защиты завоеваний революции» (Португалия). Такие статьи подразумевали возможность для военных лидеров по собственной инициативе вмешиваться в политику и принимать различные меры (включая, по-видимому, смещение выборного правительства) для обеспечения выполнения этой задачи.

Во-вторых, меры, осуществлявшиеся военным режимом, в некоторых случаях закреплялись как необратимые. В Турции, к примеру, военные постановили, что законы, изданные за время их правления с 1980 по 1983 г. (631 закон), не могут подвергаться изменениям или критике. Полномочия по отмене военного положения были даны главнокомандующему вооруженными силами. В Чили военное правительство приняло законы, наделяющие военный истеблишмент полномочиями покупать и продавать технику и имущество без санкции правительства.

В-третьих, иногда создавались новые правительственные органы под управлением военных. Португальская конституция, например, предусматривала образование Революционного совета, состоящего из представителей вооруженных сил, который должен был консультировать правительство и оценивать конституционность законов. В Турции Совет национальной безопасности, являвшийся центром власти при военном режиме, был воссоздан как консультативный совет при президенте, состоящий из отставных офицеров³⁶.

В-четвертых, представители офицерской верхушки иногда сами занимали ключевые посты в новых демократических правительствах. В странах с президентской системой американского образца военные офицеры могли входить в кабинет при гражданском президенте; в Бразилии шесть из двадцати двух — двадцати шести членов кабинета были военными. При парламентских или полупарламентских режимах военные офицеры, подобно Эанешу в Португалии и Эврену в Турции (оба руководили переходом к демократии), становились президентами и вели с гражданскими премьер-министрами борьбу за полномочия. В Чили генерал Пиночет, бывший президентом при авторитарном правлении, остался в демократическом правительстве в качестве главнокомандующего армией. В Никарагуа министр обороны авторитарного правительства Умберто Ортега остался главнокомандующим при демократическом правительстве, и сандинисты сохранили свое превосходство в офицерском корпусе и контроль над ним.

В-пятых, военные часто пытались гарантировать будущую автономность вооруженных сил, особенно их кадровую и финансовую независимость от контроля со стороны выборного гражданского правительства. В Бразилии военные обеспечили себе полный контроль над повышениями по службе и присвоением званий. Чилийские военные постановили, что командующие вооруженными силами и полицией не могут быть уволены с постов в течение семи лет, что вновь избранное правительство не может сокращать размеры армии и что вооруженные силы могут составлять собственный бюджет. Чилийский пример вдохновил и никарагуанских военных. «Обсуждая модели установления послевыборного баланса между их военными силами и вновь избранным правительством, сандинистские лидеры открыто говорили о таких странах, как Чили, — примеряя на себя роль военного диктатора этой страны Аугусто Пиночета». Впрочем, сандинисты превзошли Пиночета, издав закон (датированный временем до передачи ими власти, но, возможно, написанный позже), который увековечивал и усиливал власть сандинистской армии. Этот закон предоставлял главнокомандующему вооруженными силами, а не президенту

полномочия назначать нового командующего; среди прочего, главнокомандующий получал также полномочия назначать всех офицеров, приобретать оружие, технику и другие материальные ценности, организовывать и разворачивать вооруженные силы, приобретать и конструировать техническое оборудование, учреждать деловые предприятия, работающие на нужды вооруженных сил, и готовить военный бюджет³⁷.

Подобные условия представляли собой значительные посягательства на обычные полномочия выборных правительств. В целом, по-видимому, новым демократическим режимам легче было поставить под свой контроль мятежных слабых военных, чем сотрудничать с ними сильных. Но, хотя военные, принимавшие участие в осуществлении демократизации, и пытались всячески продлить свою власть, история свидетельствует, что в странах со средним уровнем экономического развития власть эта все равно имела тенденцию со временем ослабевать. В Португалии, например, военные по собственной инициативе свергли диктатуру, в течение двух лет после этого доминировали в правительстве и пользовались большим престижем в глазах португальской общественности. Тем не менее, в 1982 г. институциональное проявление власти военных — Революционный совет был упразднен, был принят Закон о национальной обороне, подчиняющий армию кабинету, ответственному перед парламентом, полномочия президента были ограничены, и Мариу Соариш, великий противник полковника Эанеша, сменил его на посту президента. Через десять лет после революции армейско-гражданские взаимоотношения в Португалии стали «приближаться к желательной модели объективного гражданского контроля»³⁸.

В Бразилии военные сложили с себя контроль над правительством с развернутыми знаменами, сохранив власть и престиж. Однако первый же всенародно избранный президент Фернанду Коллор арестовал одного из лидеров генералитета за то, что тот делал политические заявления, сделал выговор другому — брату бывшего военного президента — за то, что защищал этого генерала, и уменьшил представительство военных в кабинете с шести человек до четырех. Вдобавок он сократил размеры главной разведывательной служ-

бы — Национальной службы информации (СНИ, *Servicio Nacional de Informaces*), которую всегда возглавлял генерал, и назначил руководить ею штатского. Штатские сменили военных в администрации президента, были поставлены на ключевые посты, связанные с атомной энергией и Амазонкой — эти две темы представляли большой интерес для бразильской армии. Президент Коллор также сильно урезал военный бюджет, отказался дать военным надбавки до прожиточного минимума, чем вызвал значительное недовольство и протесты среди рядового и сержантского состава. Возмущенные офицеры угрожали правительству, но не переворотом, а судебным иском. В Перу военные также исторически представляли собой крупную политическую силу; однако президент Альберто Фухимори, придя к власти в июле 1990 г., внезапно уволил командующих военно-морскими и военно-воздушными силами. В Чили грозный генерал Пиночет менее чем через год после того, как сложил с себя президентские полномочия, страдал от обвинений в коррупции членов его семьи и, по слухам, подумывал уйти в отставку с поста главнокомандующего. «Пиночет — кот, а не тигр», — заметил один ведущий чилийский политик³⁹.

В Турции армию неизменно рассматривали как почитаемый национальный институт, отождествляя ее с ценностями кемалистской секулярной республики. Тем не менее, в 1987 г., через четыре года после того, как военные ушли с политических постов, референдум восстановил в политических правах тех гражданских политических лидеров (включая двух бывших премьер-министров), которым военные запретили заниматься политикой. Начальник штаба при гражданском правительстве в июле 1987 г. отменил военное положение. Одновременно премьер-министр Тургут Озал снял только что назначенного нового начальника штаба вооруженных сил и заменил его другим офицером, который был ему больше по нраву. «Три года назад, когда гражданские власти только-только вернулись, высказывать сомнения по поводу армии было немыслимо, — отмечал один турецкий обозреватель. — Теперь люди проявляют больше отваги, больше уверенности в себе». В 1989 г. Турция совершила тот же поворот, что и Португалия: гражданский премьер-министр Озал сменил генерала

Эврена на посту президента республики. В прошлом в случае конфликтов по поводу той или иной политики, между военным командованием и гражданскими лидерами в Турции последние всегда уступали. Однако в 1990 г. произошел беспрецедентный случай — начальник Генштаба подал в отставку в знак протеста против политики президента Озала относительно кризиса в Персидском заливе и исламского фундаментализма. «Традиционные prerogatives солдат» спустя шесть лет после того, как они сложили себя власть, начал «смывать» постоянный поток критики и враждебных акций»⁴⁰.

В странах со слабой и политизированной армией функционирующая демократия со временем уменьшала число попыток переворота. В странах с сильным и сотрудничающим с правительством военным истеблишментом функционирующая демократия со временем уменьшала власть и привилегии, унаследованные военными от авторитарного правления. И в той и в другой ситуации политика и меры, предпринимаемые новым демократическим правительством в отношении своих вооруженных сил, оказывали значительное влияние на развитие «нормальной» модели армейско-гражданских взаимоотношений. В некоторых странах первое или второе демократическое правительство приступало к разработке весьма широких программ по установлению гражданского контроля над вооруженными силами, профессионализации этих сил, переориентации их на выполнение задач по защите внешней, а не внутренней безопасности, сокращению раздутых штатов, снятию с армии невоенных обязанностей и обеспечению военным статуса и уважения, которых заслуживает их профессионализм. Караманлис и Папандреу, Гонсалес и его министр обороны Нарсис Серра, Альфонсин, Гарсия и Акино — все они выдвигали обширные программы модернизации и профессионализации армии. Обычно в этих программах сочетались методы кнута и пряника, которые должны были воздействовать по меньшей мере на пять аспектов существования военного истеблишмента⁴¹.

(1) *Профессионализм.* Как и в других институтах, в армии формируется своя система ценностей, идей и убеждений. У профессионализированного военного истеблишмента они, как правило, близки к консерватив-

ному армейскому мировоззрению, признающему ограниченность функций армии и совместимому с гражданским контролем. Однако во многих авторитарных системах военные имели гораздо более политизированные взгляды. При Франко в испанской армии интенсивно развивалась чрезвычайно правая идеология, отличная от «нормального консерватизма» большинства армий, делающая упор на patria*, централизм, антилиберализм, антикоммунизм, римское католичество и традиционные социальные ценности. Испанские офицеры мало поддерживали демократию: на выборах 1979 г. более 50% военных голосовали за правые партии, набравшие 7% голосов всех избирателей. В 1981 г., по некоторым подсчетам, приблизительно 10% испанских офицеров были убежденными демократами⁴². В Португалии доминирующие группы в офицерском корпусе придерживались левой, революционной и марксистско-ленинской идеологии. Филиппинские офицеры в РАМ желали коренных реформ своего общества, правительства и вооруженных сил, имея весьма разные взгляды относительно того, осуществимо ли это демократическими методами. В Аргентине и других странах Латинской Америки военный истеблишмент был проникнут сильнейшими антикоммунистическими настроениями, что обычно означало также антисоциализм и антилиберализм. В Южной Африке армия четыре десятилетия охотно защищала институты и идеологию государства апартеида. Турецкие военные ревностнее всех в турецком обществе исповедовали кемалистскую секулярную, национальную и этатистскую идеологию, а никарагуанские, разумеется, были полностью преданы сандинистской революционной догме. Восточноевропейские армии были полны офицеров, которые по меньшей мере изображали убежденных коммунистов.

Замена этих в высшей степени политических мировоззрений неполитической профессиональной этикой была для новых демократических правительств главным приоритетом. Достижение этой цели требовало огромных усилий, много времени и некоторого риска. Новые правительства пытались прививать армии про-

* Родину (исп.). — *Прим. пер.*

фессиональные ценности и осознание того, как важно военным держаться вдали от политики, с помощью проповедей и идеологической обработки, обучения, изменения программ в военных училищах, пересмотра систем продвижения. В Греции и Караманлис, и Папандреу говорили о необходимости строгого профессионализма, а Евангелос Аверофф, министр обороны при Караманлисе, как-то заметил: «Я промывал им [военным] мозги, много толкуя о достоинствах демократии. Думаю, нет ни одного офицера, с которым я не поговорил лично по крайней мере трижды». И Папандреу постоянно рассуждал на тему, как важно деполитизировать армию. «Правительство, — сказал он однажды, — решительно не намерено позволять мешать работе вооруженных сил какой-либо политической деятельностью в их рядах, и это — предупреждение для всех без исключения». В первые месяцы пребывания на своем посту чилийский президент Эйльвин довольно неожиданно велел генералу Пиночету «держаться армии подальше от политики». В соглашении между сандинистами и только что сформированным правительством НСО оговаривалось, что «вооруженные силы будут иметь профессиональный характер и не будут принадлежать ни к какой политической партии»⁴³. Хуан Карлос, Альфонсин и Ахино также неоднократно подчеркивали необходимость того, чтобы армия полностью воздерживалась от политики.

В подкрепление этой мысли новые демократические лидеры пытались изменить системы военного обучения и образования. Папандреу принялся перестраивать учебные программы в военных училищах, так чтобы в них делался акцент на профессионализм и содержалось предупреждение об опасностях тоталитаризма. Альфонсин постарался внести изменения в доктрину, преподаваемую в аргентинских военных школах, и ввел в военных колледжах читаемые штатскими преподавателями курсы, посвященные роли вооруженных сил в демократическом обществе. Правительство Акино создало новый национальный центр обучения для повышения профессионализма и боевых навыков филиппинской армии. Гонсалес занимался образованием испанских офицеров, стремясь довести их до профессионального уровня их союзников по НАТО. И

в Испании, и в Греции, и в других странах демократические лидеры поощряли пожилых офицеров уходить в отставку, дабы ускорить продвижение молодых, более профессионально ориентированных, и подчеркивали, что главным критерием для продвижения являются заслуги, а не возраст.

(2) *Задачи.* Чтобы деполитизировать армию, необходимо ориентировать ее на выполнение чисто военных задач. Во многих странах вооруженные силы имели целый ряд самых разнообразных функций, не имевших отношения к военной безопасности. Все новые демократические правительства, почти без исключений, пытались снять с вооруженных сил невоенные и связанные с внутренней безопасностью задачи и направить их внимание на защиту внешней безопасности страны. В Аргентине Альфонсин делал все возможное, чтобы контроль над «Фабрикасьонес Милитарес» — громадным промышленным комплексом, крупнейшим предприятием страны, заведующим внутренними авиалиниями и производящим наряду с военным снаряжением множество гражданской продукции, — принадлежал не вооруженным силам, а гражданским лицам. Его преемник Карлос Менем в 1990 г. планировал продать долю военных в восьми компаниях, включая чугуно- и сталелитейный заводы, судостроительную и несколько нефтехимических компаний. В Греции правительство постаралось вывести из-под контроля военных радиостанцию и банк. А вот в Бразилии осуществить такие же меры помешало влияние, сохраняемое военными и после демократизации.

Разумеется, переориентировать армию удавалось легче при наличии правдоподобной угрозы внешней безопасности. Скорость, с какой турецкая армия, захватив власть в 1960, 1971 и 1980 гг., затем отказывалась от нее, в значительной степени была связана с тем, что армию превыше всего занимала предполагаемая советская военная угроза. Греческие военные, уйдя от власти в 1974 г., могли всецело посвятить себя не только своим обязательствам в НАТО, но, главное, — угрозе, исходящей от их союзника по НАТО Турции. И Караманлис, и Папандреу занимали крайне националистическую позицию в расчете снискать одобрение армии. Они подчеркивали самостоятельную

роль Греции в НАТО и пытались добиться, чтобы их армия меньше равнялась на США и меньше зависела от них. Папандреу придавал большое значение турецкой угрозе и вытекающей из нее необходимости для греческих военных совершенствовать свою профессиональную подготовку. Его политика была направлена на «создание климата, который заставил бы армию заниматься в первую очередь вопросами, связанными с ее готовностью к возможной войне с вечным "врагом" на востоке»⁴⁴.

Для испанских военных НАТО представлял функциональный эквивалент Турции для греческих военных. Это было основание для постановки задачи обеспечения внешней безопасности, источник обширного круга новых требований к испанским вооруженным силам и новой деятельности для них, повышающий боевой дух и престиж армии. Как выразился один аналитик по вопросам обороны в Мадриде, НАТО «служил для вооруженных сил способом трудотерапии. При Франко они десятилетиями подвергались остракизму со стороны цивилизованных стран. Потом им внезапно позволили сидеть рядом с высшими военными чинами других стран — членов НАТО, их стали приглашать на совместные военные учения, дали поиграть новым оружием. Они стали респектабельными»⁴⁵. Филиппинским, перуанским и сальвадорским военным, разумеется, хватало дел с партизанскими движениями внутри страны, хотя опыт показывает, что досадный и преимущественно политический характер войны против местных инсургентов часто рождает у офицерского корпуса политические идеологии и стремление играть политическую роль.

В русле переориентации армии на отражение угрозы безопасности страны новые демократические правительства пытались передислоцировать вооруженные силы так, чтобы им удобнее было защищать государство, а не свергать правительство. Альфонсин расформировал аргентинскую Первую армию, стоявшую в Буэнос-Айресе, и перевел отдельные ее части на другие базы по всей стране. Нарсис Серра, министр обороны при Фелипе Гонсалесе, принял решение сократить число военных округов в Испании с девяти до шести, создать несколько мобильных бригад и убрать военные

части от крупных городов. Мощное сопротивление офицерского корпуса заставило отложить осуществление этих планов. Правительство Акино к концу 1987 г. перевело многие дивизионные и бригадные штаб-квартиры из городов в сельскую местность, чтобы эффективнее бороться с инсургентами-коммунистами. Правда, в Португалии и через десять лет после революции армия не имела сколько-нибудь значительной задачи по защите безопасности страны и все еще дислоцировалась на «базах в окрестностях Лиссабона и крупнейших городов»⁴⁶.

Мы уже отмечали, что демократические правительства не обязательно отличались более мирным характером, чем авторитарные. Но демократии почти никогда не воевали с другими демократиями, а новые демократические правительства зачастую пытались решить застарелые международные конфликты. При Альфонсине и Менеме улучшились отношения Аргентины с Великобританией и Чили. С приходом демократии в Испанию Гибралтар перестал быть главной загвоздкой в англо-испанских отношениях. Однако по мере разрешения международных споров демократические правительства рисковали лишиться свои вооруженные силы внешней задачи, уменьшавшей вероятность их вмешательства во внутреннюю политику. С точки зрения гражданского контроля, счастлива та страна, у которой есть традиционный враг.

(3) *Руководство и организация.* Первоначальные и последующие демократические правительства обычно заменяли высшее руководство в вооруженных силах. Наиболее важное значение это имело при слабой и политизированной армии, поскольку новым демократическим лидерам было жизненно необходимо иметь возможность опереться на лояльность высшего военного командования. Такая необходимость была меньше там, где высшие военные лидеры добровольно слагали с себя власть, потому что они предположительно и сами были заинтересованы в успехе последующего демократического режима. Однако демократические лидеры, как правило, в обоих случаях старались тут же сместить командующих армией и заменить их теми, на чью верность могли полагаться. Так случилось в Греции, Испании, Португалии, Аргентине, на Филиппи-

нах, в Пакистане, Турции и Польше. Правда, в Аргентине Альфонсин под давлением военных (включая попытки переворота) был вынужден заменить некоторые свои креатуры более угодными военному истеблишменту офицерами.

Демократические лидеры также усиливали свой контроль над вооруженными силами, изменяя структуру оборонных ведомств. В Испании первое демократическое правительство для этой цели создало в феврале 1977 г. объединенный комитет начальников штабов. С этой же целью его преемники учредили посты министра обороны и начальника штаба обороны и четко зафиксировали, что премьер-министр имеет полномочия «регулировать, направлять и координировать» работу военных ведомств. Правительство Гарсии в Перу создало пост министра обороны, президент Коллор обещал сделать то же в Бразилии. В Португалии был упразднен аномальный Революционный совет, состоящий из военных. В Никарагуа уходящие сандинисты и приходившее им на смену правительство Чаморро договорились, что армия «поступит под начало президента республики, как записано в Конституции и законе», и президент Чаморро сама заняла пост министра обороны⁴⁷. В Греции Папандреу также стал одновременно премьер-министром и министром обороны. Зато в Чили генерал Пиночет настоял на том, что как главнокомандующий вооруженными силами он будет подотчетен президенту, а не гражданскому министру обороны.

Учреждая пост министра обороны, новые демократические правительства создавали место, куда им легче было назначить гражданское лицо, чем на посты глав отдельных военных ведомств, всегда, по крайней мере в Латинской Америке, занимавшиеся военными офицерами. Должность начальника центрального штаба обороны давала новым правительствам больше возможности проявить гибкость при ее замещении, чем пост начальника штаба того или иного вида вооруженных сил, и назначить на нее офицера, явно поддерживающего демократию. В Греции и Испании демократические правительства назначали на эту должность адмиралов — как противовес преобладающему влиянию сухопутной армии и представителей менее склонного к переворотам вида вооруженных сил.

(4) *Размеры и вооружение.* Вооруженные силы авторитарных государств чаще всего имели чрезмерные размеры и недостаточное вооружение. Новые демократические лидеры (заметное исключение — Греция), как правило, приступали к сокращению финансов и личного состава армии. В Испании, Аргентине, Никарагуа, Перу, Уругвае и Португалии были значительно снижены размеры военного истеблишмента. В Испании, Аргентине и Греции отправили в отставку множество старших офицеров, тем самым существенно сократив численность довольно раздутого офицерского корпуса. Во многих странах были урезаны военные бюджеты; аргентинский, например, уменьшился с более чем 6% ВВП примерно до 2% ВВП. В Греции, однако, первые два демократических правительства сохраняли бюджет и численность армии на прежнем уровне из-за непрекращавшейся конфронтации по поводу Кипра. В Чили сокращать вооруженные силы не позволяли условия, на которых проводилась демократизация. А вот в Никарагуа лидеры правительства Чаморро, включая главнокомандующего Умберто Ортегу, оставшегося от сандинистских времен, взяли на себя обязательство сократить личный состав армии с 70 до 35—40 тыс. чел.

Правительство Гарсии в Перу урезало несколько крупных программ по закупке вооружений, в том числе отменило заказ на двадцать шесть истребителей «Мираж-2000». Однако для большинства новых демократических правительств модернизация их вооруженных сил была приоритетной задачей, так что они продолжали и даже увеличивали закупки новой техники. Это должно было способствовать ориентации армии на внешние задачи и в то же время завоевать новому режиму одобрение и поддержку военных. Так, например, в Испании при Франко вооружение армии было плохим и устаревшим, и демократические правительства принимали крупные программы по ее финансированию и модернизации. В Греции Папандреу «пытался разнообразить и совершенствовать качество вооружения, снаряжения, организации и системы коммуникаций» вооруженных сил. В Аргентине Альфонсин осуществил большие закупки новой техники, заказанной еще военной хунтой⁴⁸.

(5) *Статус*. Во всех странах военные офицеры глубоко озабочены своим материальным положением — жалованием, жильем, медицинским обслуживанием и другими льготами — и своим предполагаемым статусом и репутацией в глазах общественности. Новые демократические правительства, как правило, относились к этим заботам с пониманием. Впрочем, какой-то единообразной политики в отношении материальных льгот не существовало. Правительство Гарсии снизило жалование офицером, и это, наряду с другими претензиями военных, породило в начале 1989 г. толки о перевороте. В Аргентине жалование военных реально понизилось на 50% за первые четыре года демократического правления, что не могло не способствовать росту недовольства и склонности к переворотам среди аргентинских офицеров. Гонсалес в Испании и Акино на Филиппинах повысили жалование своим военным. Караманлис и Папандреу увеличили жалование и льготы греческой армии по предоставлению жилья, медицинского обслуживания и пенсионного обеспечения⁴⁹.

Демократические лидеры также прилагали все усилия, чтобы повысить престиж и боевой дух армии и убедить офицеров, что правительство и нация ценят их службу. В Греции Караманлис и его министр обороны неоднократно «восхваляли патриотизм вооруженных сил, их приверженность законности и конституционному процессу», а Папандреу не только назначил самого себя министром обороны, но и «почти ежедневно наносил визиты в штаб-квартиру вооруженных сил, где у него тоже есть кабинет». Он также просил Караманлиса как президента «играть более заметную роль в военных делах»⁵⁰. Правительство Альфонсина после первых месяцев пребывания у власти признало, что необходимо скорректировать общее мнение об армии, на которую и новое демократическое правительство, и гражданское общество смотрели с презрением и неприязнью. Хуан Карлос, Акино, Альфонсин, Коллор и другие лидеры новых демократий пользовались любой возможностью символически отождествить себя с армией — подчеркивали военные аспекты своих обязанностей, осматривали военные установки, участвовали в армейских торжественных со-

бытиях, а Хуан Карлос еще и носил военную форму. Коллор за первые девять месяцев пребывания у власти присутствовал примерно на пятидесяти военных церемониях⁵¹.

В целом правительства третьей волны в 1975—1990 гг. с успехом подавляли перевороты, уменьшали число попыток таких переворотов, постепенно сокращали политическое влияние военных и отбирали у них невоенные роли, повышали профессионализм армии и устанавливали модели армейско-гражданских взаимоотношений, подобные тем, которые существовали в индустриализированных западных демократических государствах.

Советы демократизаторам

*5. Как ограничить власть военных и повысить их профессионализм**

(1) Быстро вычистите или отправьте в отставку всех потенциально нелояльных офицеров, включая и ведущих сторонников авторитарного режима, и военных реформаторов, которые, возможно, помогли вам установить демократический режим. Последние скорее утратят вкус к демократии, чем охоту вмешиваться в политику.

(2) Безжалостно карайте лидеров попыток переворота против вашего нового правительства, *pour decourager les autres*".

(3) Четко определите и укрепите цепочку командования вооруженными силами. Устраните двусмысленности и аномалии, ясно дав понять, что командует армией гражданский глава правительства.

«Экономист» дал лидерам новых демократий примерно такие же советы, как справиться с армией:

«Забудьте старые грехи — или по крайней мере не старайтесь покарать за них...

Будьте решительны, но тактичны...

Будьте с ними щедры...

Займите их делом...

Научите их уважать демократию...

Привлекайте людей на свою сторону — но берегитесь пообещать больше, чем сможете выполнить...

Если все окажется бесполезно, упраздните армию»

(Economist. 1987. August 29. P. 36).

Чтобы другим неповадно было (фр.). — Прим. пер.

(4) Произведите значительное сокращение численности ваших вооруженных сил. Армия, которая правила страной, наверняка окажется чересчур велика и, по всей вероятности, в ней будет слишком много офицеров.

(5) Ваши военные думают, что им плохо платят, предоставляют плохое жилье и плохое социальное обеспечение — и, вероятно, они правы. Используйте деньги, сэкономленные на сокращении армии, для повышения окладов, пенсий и льгот и улучшения жилищных условий. Это окупится.

(6) Переориентируйте ваши вооруженные силы на военные задачи. У вас могут быть все основания желать урегулировать конфликты с другими странами. Но отсутствие иностранной угрозы может оставить вашу армию без легитимной военной задачи и усилить в ней склонность думать о политике. Хорошенько взвесьте выгоды от устранения внешних угроз и потенциальные издержки в виде нестабильности внутри страны.

(7) В соответствии с перенацеливанием армии на выполнение военных задач резко сократите число войск, размещенных в вашей столице или ее окрестностях. Перенесите их к границам или в другие сравнительно отдаленные, малонаселенные места.

(8) Дайте им игрушки. То есть снабдите их фантастическими новыми танками, самолетами, бронемашинами, артиллерией и хитроумным электрическим оборудованием (корабли не так важны; флот переворотом не устраивает). Новые вооружения сделают их счастливыми и дадут им занятие, пока они будут пытаться научиться с ними управляться. Если вы правильно разыграете свои карты и произведете хорошее впечатление в Вашингтоне, то сможете даже переложить большую часть затрат на плечи американских налогоплательщиков. Тогда у вас будет дополнительное преимущество, ибо вы сможете предупредить военных, что те получают новые игрушки, только если будут хорошо себя вести, потому что гадкие законодатели США косо смотрят на вмешательство военных в политику.

(9) Поскольку солдаты, как и все остальные люди, любят быть любимыми, используйте любую возможность отождествить себя с вооруженными силами. По-

сещайте военные церемонии; раздавайте медали; восхваляйте солдат как воплощение высших ценностей нации; ходите в военной форме, если это не противоречит конституции.

(10) Создайте и поддерживайте политическую организацию, способную мобилизовать ваших сторонников и вывести их на улицы столицы при попытке военного переворота.

Следуя этим десяти правилам, вы, может быть, и не предотвратите любые попытки переворота, но будете в силах подавить их. По крайней мере до конца 1990 г. Суарес и Гонсалес, Караманлис и Папандреу, Гарсия и Фухимори, Альфонсин, Менем, Коллор, Озал и Акино в общем следовали этим рекомендациям и остались у власти. В их обществах это немалое достижение.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, УТРАТА ИЛЛЮЗИЙ И НОСТАЛЬГИЯ ПО АВТОРИТАРИЗМУ

В процессе своей консолидации все демократические режимы так или иначе имеют дело с проблемами транзита: как справиться с наследием авторитаризма, как установить эффективный контроль над армией. Но есть еще и более «вечные» контекстуальные проблемы, присущие отдельным странам. В одних странах они были немногочисленны и не слишком серьезны; в других — совсем наоборот. Вот весьма приблизительный список главных контекстуальных проблем, с которыми сталкивались демократии третьей волны в 1970—1980-х гг., и стран, где эти проблемы стояли наиболее остро:

(1) широкие повстанческие движения: Сальвадор, Гватемала, Перу, Филиппины;

(2) этнические/религиозные конфликты (помимо повстанческих движений): Индия, Нигерия, Пакистан, Румыния, Судан, Турция;

(3) крайняя бедность (низкий процент ВВП на душу населения): Боливия, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Индия, Монголия, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Судан;

(4) глубокое социально-экономическое неравенство: Бразилия, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Индия, Пакистан, Перу, Филиппины;

(5) хроническая инфляция: Аргентина, Боливия, Бразилия, Никарагуа, Перу;

(6) значительный внешний долг: Аргентина, Бразилия, Венгрия, Нигерия, Перу, Филиппины, Польша, Уругвай;

(7) терроризм (помимо повстанческих движений): Испания, Турция;

(8) большая роль государства в экономике: Аргентина, Бразилия, Болгария, Чехословакия, Восточная Германия, Венгрия, Индия, Монголия, Никарагуа, Перу, Филиппины, Польша, Румыния, Испания, Турция.

Восемь вышеперечисленных проблем по праву можно считать главными контекстуальными проблемами, с которыми сталкивались новые демократии третьей волны. Суждения о том, в каких странах те или иные проблемы наиболее остры, могут быть произвольны и пристрастны. Но если они хоть чего-то стоят, то двадцать девять стран третьей волны можно разделить на три категории в зависимости от числа стоящих перед ними острых контекстуальных проблем:

(1) четыре и более крупных контекстуальных проблем: Бразилия, Индия, Филиппины, Перу;

(2) две или три крупные контекстуальные проблемы: Аргентина, Боливия, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Венгрия, Монголия, Никарагуа, Нигерия, Пакистан, Польша, Румыния, Испания, Судан, Турция;

(3) менее двух крупных контекстуальных проблем: Болгария, Чили, Чехословакия, Восточная Германия, Эквадор, Греция, Гренада, Южная Корея, Португалия, Уругвай.

Многие утверждали, что, сталкиваясь с острыми контекстуальными проблемами, новые демократии должны успешно с ними справиться, чтобы приобрести легитимность, жизненно необходимую для упрочения демократического строя. Этот общий тезис дополнялся заявлениями, что неудача в решении наиболее серьезной проблемы страны — будь то долг, бедность,

инфляция или инсургенты — будет означать конец демократии в этой стране. Если так, то ключевым вопросом становится следующий: сумеют ли новые демократии третьей волны, столкнувшись с серьезными контекстуальными проблемами (терзавшими также их авторитарных предшественников), успешно решить их? В некоторых случаях новые демократические режимы могут удачно справляться с отдельными проблемами, но в подавляющем большинстве демократические режимы третьей волны, скорее всего, не найдут к подобным задачам эффективного подхода и добьются успеха не больше и не меньше, чем их авторитарные предшественники. Повстанческие движения, инфляция, бедность, долги, неравенство и/или раздутый бюрократический аппарат останутся более или менее такими же, как в прежние десятилетия. Но означает ли это неизбежно мрачное будущее для демократий третьей волны?

Для некоторых, возможно, да. Конечно, в таких странах, как Филиппины, Перу и Гватемала, демократия оказалась в очень затруднительной ситуации. Проблемы там многочисленны и серьезны; они никуда не денутся и решены не будут. Да и другие страны встретились с целыми комплексами ненамного менее острых проблем.

Нерешенные и, по-видимому, нерешаемые контекстуальные проблемы способствовали процессу утраты иллюзий в новых демократических обществах. В большинстве стран борьба за установление демократии считалась нравственным, опасным и важным делом. Крах авторитаризма рождал энтузиазм и эйфорию. Политическую же борьбу при демократии, напротив, очень скоро начинали считать аморальной, рутинной и мелочной. Обычное функционирование демократии и неспособность новых демократических правительств решить характерные для данного общества проблемы вели к равнодушию, фрустрации и разочарованию.

Очень скоро после инаугурации демократического правительства разочарование в его деятельности стало широко распространенным явлением в Испании, Португалии, Аргентине, Уругвае, Бразилии, Перу, Турции, Пакистане, на Филиппинах и в большинстве восточноевропейских стран. Впервые этот феномен был за-

мечен в 1979 и 1980 гг. в Испании и получил там название «el desencanto» (разочарование) — термин, привившийся затем во всей Латинской Америке. В 1984 г., через десять лет после свержения португальской диктатуры, исчезли «вдохновение и творческий энтузиазм, сопровождавшие переход к демократии», и «преобладающим политическим настроением» стало «настроение апатии и разочарования». В Латинской Америке к 1987 г. эйфория по поводу демократизации «по всему этому беспокойному континенту уступила место фрустрации и разочарованию в достигнутых до сих пор результатах». В 1989 г., как сообщалось, «растущее разочарование общества в бразильском политическом руководстве и близкое к взрыву настроение социального недовольства сменили большие надежды 1985-го года, когда миллионы бразильцев праздновали восстановление демократического строя после двух десятков лет военного правления». В Пакистане меньше чем через год после перехода к демократии «раздражение и печаль... сменили эйфорию, с которой страна приветствовала возвращение к демократии». Не прошло и года с момента крушения диктатур в Восточной Европе, как наблюдатели заговорили о «посттоталитарной депрессии» и охвативших регион настроениях «досады и разочарования»⁵².

Политически годы после прихода к власти первого демократического правительства обычно характеризовались дроблением демократической коалиции, осуществившей транзит, снижением эффективности действий первоначальных лидеров демократического правительства и растущим осознанием того факта, что пришествие демократии само по себе не означает решения главных экономических и социальных проблем страны. Не поддающиеся решению проблемы, трудности демократического процесса, недостаток политических лидеров — вот что выходило теперь на первый план. Лидеров новых демократий часто начинали обвинять в самонадеянности, некомпетентности, коррумпированности, а то во всех этих трех грехах вместе.

Соответственно реакцией на демократию становилась «ностальгия по авторитаризму». Она не была особенно значительной в странах, где авторитарные режимы отличались крайней суровостью, некомпетентное -

тью или коррумпированностью, либо там, где они в свое время не желали уступать власть. Гораздо сильнее она ощущалась там, где диктатура была мягкой, где был достигнут некоторый экономический успех и где режимы были более или менее добровольно преобразованы их лидерами в демократические. В таких странах воспоминания о репрессиях тускнели, их в какой-то степени заменяли образы порядка, процветания и экономического роста, якобы имевших место во время авторитарного периода. В Испании, например, рейтинг правления Франко в плане всеобщего удовлетворения, уровня жизни, правопорядка и социального равенства значительно повысился с 1978 по 1984 г.: «Воспоминания о Франко стали тем более розовыми, чем дальше образ диктатора отходит в прошлое». Эффект «чувств, крепнувших в разлуке», проявил себя и в Бразилии. В 1989 г., как говорили, процесс переоценки правления генерала Гейзела шел «полным ходом»: «Сегодня о его правлении вспоминают с нежностью как о времени, когда ежегодный уровень инфляции был куда ниже 100%, а не выражался четырехзначными числами, и по улицам Рио-де-Жанейро безопасно было гулять вечером». В 1978 г. в ответ на вопрос, какое правительство или какой режим управлял Португалией лучше всего, диктатуру Каэтану назвали втрое больше португальских граждан, чем демократический режим Мариу Соариша. В 1987 г., через семь лет после наступления демократии в Перу, жители Лимы назвали генерала Хуана Веласко, военного диктатора Перу с 1968 по 1975 г., лучшим президентом страны начиная с 1950 г. В Пакистане к 1990 г. шла в гору репутация как генерала Зия, так и генерала Аюб Хана⁵³.

Нерешаемые проблемы и разочарование обществности были характерными чертами практичности всех новых демократий. Они ставили вопрос о жизнеспособности новых режимов ребром: упрочатся эти режимы или рухнут? Сущность демократии заключается в избрании правителей путем регулярных, честных, открытых, состязательных выборов, в которых может принимать участие основная масса населения. Одним из критериев прочности демократии можно считать то, насколько твердо политические элиты и общественность уверены, что правителей следует выбирать имен-

но так, т.е. результаты аттитудинального теста на уровень развития демократической политической культуры в стране. Вторым критерием может быть то, насколько политические элиты и общественность действительно избирают своих лидеров путем выборов, т.е. результаты бихевиорального теста на институционализацию демократической практики в политике страны.

РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тема демократической культуры ставит в центр внимания взаимосвязь между функциональностью или эффективностью новых демократических правительств и их легитимностью — иными словами, степенью веры элит и общественности в ценность демократической системы. Даймонд, Линц и Липсет, обсуждавшие эту взаимосвязь в довольно пессимистическом ключе, считали, что первопричиной нестабильности как демократических, так и иных режимов в третьем мире было «сочетание и взаимодействие низкой легитимности и низкой эффективности». Режимы начинают свое существование, обладая низкой степенью легитимности, и поэтому им трудно быть эффективными, а режимы, «которые не показывают эффективности, особенно в плане экономического роста, как правило, остаются легитимными в весьма низкой степени»⁵⁴. Новые демократии, по сути, попадают в заколдованный круг: без легитимности они не могут стать эффективными; без эффективности не могут обрести легитимность.

Насколько оправдана столь пессимистическая гипотеза?

Неспособность новых демократических режимов решить давние и тяжкие контекстуальные проблемы не обязательно означает крах этих режимов. Легитимность авторитарных режимов (включая, в конце концов, и коммунистические) рано или поздно начинала основываться почти исключительно на их функциональности. Легитимность демократических — конечно, отчасти тоже опирается на функциональность, но кроме того — еще и на процессы и процедуры. Легитимность отдельных правителей или правительств может зависеть от того, что они в состоянии сделать;

легитимность режиму придают электоральные процессы, в результате которых формируются правительства. Функциональная легитимность играет некоторую роль при демократических режимах, но нигде она даже в половину не бывает так важна, как при режимах авторитарных, и по сравнению с процедурной легитимностью имеет второстепенное значение. Будет новая демократия жить или нет, в первую очередь определяется не остротой проблем, с которыми она сталкивается, и не ее способностью решить эти проблемы. Это зависит от способа, каким политические лидеры реагируют на свою неспособность решить проблемы, стоящие перед страной.

В прошлом демократические режимы, имевшие дело с чрезвычайно тяжелыми контекстуальными проблемами, выживали. Как подчеркивали Линц и Степан, утверждение, что экономический кризис непременно губелен для демократических режимов, опровергнуто европейским опытом 1930-х гг. Демократические системы пережили Великую депрессию во всех странах кроме Германии и Австрии, в том числе в странах, испытавших гораздо большие экономические трудности, чем эти последние. Они выжили, по словам Эккарта Зиммермана, благодаря «способности лидеров различных групп объединяться, создавать новые коалиции, иногда на базе переформлирования старых (как в Бельгии), и затем вместе приходить к решению, как управлять экономикой». Точно так же новые демократические режимы в Колумбии и Венесуэле в 1960-е гг. выдержали испытания, ничуть не менее тяжкие, чем те, с которыми позднее столкнулись демократии третьей волны. Урок, который можно извлечь из данных случаев, как точно сформулировал Роберт Дике, заключается в том, что «политическая инженерия в значительной степени может восполнить недостаток более детерминистских экономических и социологических условий демократии в государствах третьего мира»⁵⁵.

Стабильность демократических режимов зависит, во-первых, от способности основных политических элит — партийных, военных, деловых лидеров — вместе работать, чтобы справиться с проблемами, стоящими перед их обществом, и не использовать их для получения собственной сиюминутной материальной или

политической выгоды. Новые демократические режимы не могли избавиться и не избавили свои страны от давно развернувшегося там терроризма и повстанческих движений. Решающее значение для стабильности имело то, как политические элиты и общественность реагировали на эту ситуацию. В 1960-е гг. элиты Колумбии и Венесуэлы сотрудничали в попытке справиться с ней. Похожее развитие событий имело место и в демократических государствах третьей волны. Испания, например, столкнулась с давней проблемой терроризма баскских экстремистов. Но ни одна политическая партия не попыталась воспользоваться этой темой, чтобы «делегитимировать демократический режим... ни одна партия не обвиняла власти в том, что они сами создали эту проблему. Ни одна партия не заявляла, что с ней было бы легче справиться не при демократическом режиме». И в Перу опыт показал, что «партизанское движение может объединить ключевых политических акторов вокруг демократии как единственной альтернативы гражданской войне»⁵⁶.

Во-вторых, стабильность демократии зависит от способности общественности видеть разницу между режимом и правительством или правителями. Так, например, в 1983 г., через двадцать пять лет после установления в Венесуэле демократического режима второй волны, общественное мнение там было довольно сильно разочаровано в эффективности выборных правителей Венесуэлы, но не в системе их избрания. Несмотря на недовольство правительством, сообщалось в одном исследовании, «ничто не указывает на такое же недовольство методом избрания правительства». Хотя значительная часть венесуэльцев (34,2%) полагала, что при такой ситуации в стране переворот был бы оправдан, лишь около 15% выступали за какую-то конкретную альтернативу демократическому режиму. Меньшее число людей, чем в 1973 г., считало, что правительству было бы лучше без политиков и что политики равнодушны к проблемам страны. В 1983 г. «венесуэльцы были по-прежнему весьма расположены в пользу способа, каким их правительства приходили к власти, сильнее недовольны тем, что они делали, получив власть, и убеждены, что всеобщее избирательное право — единственное средство исправить положение»⁵⁷.

В целом, невзирая на неизменную неспособность выборных правительств эффективно справляться со стоящими перед страной проблемами, венесуэльцы в 1983 г. были сильнее привержены демократии, чем в 1973-м.

После 1983 г. экономические проблемы Венесуэлы в течение шести лет обострялись, главным образом из-за снижения цен на нефть. В 1989 г. экономический кризис создал ситуацию, «когда ожидания остались теми же, а способность правительства отвечать им понизилась». И все-таки это не представляло угрозы демократии:

«Высокий уровень фрустрации канализируется не в нелегальный, сопряженный с насилием политический активизм, а, скорее, в легальные, мирные системосохраняющие механизмы и процессы. Мы видим, что средний и низший классы Венесуэлы преимущественно избирают четыре способа психологически справиться с кризисом, с которым они столкнулись: легальный протест, адаптация, смирение или эмиграция»⁵⁸.

Разница между поддержкой демократии и поддержкой правительств, формирующихся в результате демократических выборов, была заметна и в Испании. С 1978 по 1984 г. там «поддержка демократического режима постепенно перестала быть связана с удовлетворением от того, что считается практической эффективностью демократии»⁵⁹. В последние годы режима Франко уровень безработицы в Испании был одним из самых низких в Европе (в среднем 3%), а показатель экономического роста — одним из самых высоких в мире (в среднем около 7%). В первые годы демократии (конец 1970-х — начало 1980-х гг.) безработица выросла до 20%, а экономический рост стал меньше 2%. Степень уверенности в способности демократии решить эти проблемы бывала различной. В 1978 г. 68% общества считало, что демократия позволит решить проблемы, стоящие перед страной. В 1980 и 1981 гг. относительное большинство считало, что она их решить не может. Однако в конце 1982 и в 1983 гг. значительное большинство общества (55% и 60%) вновь обрело уверенность в способности демократии справиться с проблемами Испании. И несмот-

ря на все эти колебания общественного мнения, степень поддержки демократии оставалась неизменно высокой и даже возросла. В 1978 г. 77% испанского общества полагало, что демократия — наилучшая политическая система для Испании. В 1980 г. эта цифра несколько снизилась до 69%, но в 1981 г. выросла до 81%, а в 1983 г. — до 85%⁶⁰.

Как согласовать такую неизменно широкую поддержку демократии как политической системы со столь сильно меняющейся степенью уверенности в способности демократических правительств справляться с проблемами? Ответ дает, конечно, электоральный цикл. В 1978 г. избиратели еще верили в новое правительство Суареса. В 1980 и 1981 гг., в обстановке обостряющихся экономических трудностей, они потеряли веру в это правительство, а в 1982 г. привели к власти Фелипе Гонсалеса и социалистов. В результате уверенность в способности демократии решить проблемы Испании резко возросла. Таким образом, испанские избиратели, так же как и венесуэльские, отдавали поддержку демократии как политической системы от оценки эффективности действий партии, стоящей у власти. Подобное разграничение имеет решающее значение для функционирования демократии.

При некоторых обстоятельствах ностальгия по авторитаризму, по всей видимости, могла подготовить почву для «медленной смерти» демократического режима и перехода власти снова к военным или другим авторитарным силам⁶¹. Однако ностальгия — это все-таки чувство, а не движение. Чаще она являлась лишним свидетельством существующей в обществе тенденции проводить различие между правителями и режимами. Граждане Испании, Португалии, Бразилии и Перу видели во Франко, Кастану, Гейзеле и Веласко эффективных правителей, но при этом в подавляющем большинстве поддерживали демократию как лучшую систему правления.

Разочарование в демократических правителях и ностальгия по авторитарным по сути представляли собой первый шаг в процессе консолидации демократического строя и были признаком того, что элиты и общество спускаются с головокружительных и эфемерных «высот» демократизации в грязные и трудно-

проходимые «низины» демократии. Они начинали понимать, что демократия основывается на исходной посылке, что правительство может оказаться неудачным и потому должны существовать институционализованные способы заменить его. Демократия не означает неперемногого решения проблем; она означает возможность смещения правителей; суть демократического поведения в том, чтобы делать второе, поскольку невозможно сделать первое. Разочарование и следующее в итоге понижение планки ожиданий — основа демократической стабильности. Демократии консолидируются, когда люди усваивают, что демократия есть решение проблемы тирании, но вовсе не обязательно каких-либо еще проблем.

Яркая черта первых пятнадцати лет третьей волны — фактическое отсутствие крупных антидемократических движений в новых демократических государствах. Группы, представляющие собой пережитки авторитаризма (как консервативные, так и экстремистские), существовали во многих странах. В некоторых появилась ностальгия по авторитаризму. Энтузиазм в отношении демократии, участие в электоральной политике, популярность демократических лидеров — все это значительно ослабло. И тем не менее, в первые пятнадцать лет третьей волны ни в одной стране не возникло крупномасштабного, массового политического движения, оспаривающего легитимность нового демократического режима и предлагающего откровенно авторитарную альтернативу ему. По крайней мере в тех странах, которые перешли к демократии в самом начале третьей волны, очевидно, господствовал консенсус относительно желательности демократической системы. В Испании, как указывалось выше, во время пяти опросов общественного мнения, проводившихся с 1977 по 1983 г., значительное большинство общества признало, что демократия является наилучшей политической системой для такой страны, как у них. «База поддержки у демократического режима, — делался вывод в одном исследовании, — гораздо более разнородная — шире и неопределеннее, — чем у эксклюзивного режима, предшествовавшего ему. Демократический режим менее тесно связан с особыми интересами; в этом отношении он обладает сравнительной автоно-

мией». Демократия пользовалась широкой поддержкой не только в Испании. В Перу, например, граждане Лимы в ходе четырех опросов, проведенных за период 1982—1988 гг., высказывались в пользу демократии большинством от 66% до 88%, а во время всенародного опроса общественного мнения в 1988 г. 75% опрошенных назвали демократию наиболее желательной системой для их страны⁶². Есть более отрывочные данные, свидетельствующие о такой же степени поддержки демократии и в других странах третьей волны.

Столь широкий консенсус в пользу демократии в странах третьей волны непосредственно после смены режима довольно заметно контрастирует со сравнительно медленным ростом поддержки демократии, связанных с демократией ценностей и настроений в Германии и Японии после Второй мировой войны. В начале 1950-х гг. свыше трети западных немцев заявляли, что поддержали бы попытку новой нацистской партии захватить власть или отнеслись бы к ней равнодушно, и чуть меньше трети высказывались за реставрацию монархии. Когда их попросили определить, в какой период Германия жила лучше всего, 45% назвали эпоху империи до 1914 г., 42% — третий рейх, 7% — Веймарскую республику и 2% — новую Федеративную Республику. Количество сторонников Федеративной Республики выросло до 42% в 1959 г. и до 81% в 1970 г. В 1953 г. 50% западногерманского общества считало демократию наилучшей формой правления для Германии; в 1972 г. — 90%. Таким образом, процесс роста поддержки демократии и сопутствующих ей настроений доверия и гражданской компетентности протекал там медленно, в течение двух десятилетий⁶³. Приблизительно такой же переход общественного мнения на более продемократическую позицию совершался в 1950—1960-е гг. в Японии еще медленнее и менее полно.

Почему же в Испании и Перу консенсус в пользу демократии возник почти мгновенно после гибели диктатур, а создание такого же консенсуса после краха авторитаризма в Германии и Японии заняло два десятилетия? В последних двух странах речь в какой-то степени шла об изменении мнений, но в гораздо большей степени — о смене поколений. Те, кто был моложе,

лучше образован, были и более продемократически настроены. Поддержка демократии в Германии стала почти единодушной, когда западногерманское общество стало состоять из людей, получивших образование и живших всю свою сознательную жизнь в Федеративной Республике⁶⁴. В Испании же и Перу широкая поддержка, которой пользовалась демократия вскоре после установления демократического режима, означала либо то, что такая же широкая поддержка ее существовала и при авторитарном режиме, либо то, что люди, до перехода к демократии поддерживавшие авторитаризм или по крайней мере смирившиеся с ним, после такого перехода очень быстро изменили свое мнение. Ни то ни другое ничего хорошего для демократии в себе не заключает. Если верно первое, значит, авторитарные режимы существовали в этих обществах и при том, что подавляющее большинство выступало за демократию. Если верно второе, то люди, так быстро вставшие на продемократическую позицию после перехода к демократии, при соответствующих обстоятельствах могут с той же быстротой повернуть и в антидемократическом направлении. В Германии и Японии процесс создания широкой базы демократии был результатом *смены поколений* и потому, по всей вероятности, не мог в ближайшем будущем обратиться вспять. В Испании и Перу это, очевидно, результат *перемены мнений*, и потому там скорее возможен быстрый поворот в обратную сторону.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

В поведенческом плане возникавшее в новых демократических системах разочарование проявлялось четырьмя способами. Во-первых, оно часто вело к смирению, цинизму и уходу из политики. В большинстве новых демократических государств во время перехода к демократии уровень участия в голосовании был весьма высок, а на последующих выборах снижался, причем иногда довольно резко. Снижение политического участия, с точки зрения демократической теории, может быть, и было нежелательно, но само по себе не угрожало стабильности новых демократий.

Во-вторых, разочарование выражалось в отрицательной реакции на действующее руководство. Как в Испании, избиратели могли прогнать правящую партию с вершины власти и заменить ее альтернативной группой правителей. Это, разумеется, обычная демократическая мера, и в новых демократиях третьей волны она применялась довольно часто. Правящие лидеры и партии, пытавшиеся добиться своего переизбрания, чаще терпели поражение, чем побеждали. Таким образом, партии, приходившие к власти в результате первой и второй ротации руководства после установления демократии, обычно проводили умеренную политику в русле господствующего в их стране общественного мнения. Особенно те партии, которые считались левыми, — социалисты в Португалии и Испании, ПАСОК в Греции, перонисты в Аргентине — как правило, будучи у власти, брали на вооружение крайне консервативную и ортодоксальную экономическую и финансовую политику (главное исключение представляет правление АПРА во главе с Гарсией в Перу).

В-третьих, разочарование в демократии порой порождало отрицательную реакцию в адрес истеблишмента. В этом случае избиратели отвергали не только правящую в настоящий момент партию; они отвергали также основную альтернативную партию или группу политического истеблишмента и бросались поддерживать политического аутсайдера. Такая реакция чаще наблюдалась в президентских системах, где на высшие посты выдвигались больше независимые, а не партийные кандидаты, поэтому она превалировала в Латинской Америке, получив там название популизма. Яркие примеры проявления популистской реакции против истеблишмента — успех кандидатур Фернанду Коллора в Бразилии и Альберто Фухимори в Перу. Выдвижение Карлоса Менема в Аргентине тоже носило отчасти популистский характер, хотя он был кандидатом от сильнейшей, как считалось, официально признанной партии в стране. Удачливые популистские кандидаты побеждали в результате наличия направленного против истеблишмента политического призыва к «аутсайдерам», практически не имея поддержки со стороны официальных политических партий, но зато

пользуясь широкой поддержкой самых разных классов общества. Однако, оказавшись у власти, удачливые популистские кандидаты, вместо того чтобы проводить популистскую экономическую политику, как правило, разрабатывали жесткие программы чрезвычайных мер, призванных сократить государственные расходы, стимулировать конкуренцию и сдерживать рост заработной платы.

Реакция против руководства и против истеблишмента — классические демократические реакции на провалы той или иной политики и разочарование в ней. С помощью выборов отстраняется от власти один состав правителей и ставится у власти другой, что ведет если не к улучшениям, то хотя бы к переменам в политике правительства. Демократия консолидируется в той степени, в какой институционализируются эти внутрисистемные реакции.

Один из критериев такой консолидации — тест двух ротаций. В соответствии с ним демократию можно считать упрочившейся, если партия или группа, получившая власть в результате первоначальных выборов во время перехода к демократии, проигрывает на следующих выборах и передает власть победителям, а те, в свою очередь, мирно передают власть победившим на очередных выборах. Избрание правителей путем выборов — суть демократии, и демократия является подлинной только в том случае, если правители готовы уйти от власти в результате выборов. Первая электоральная смена руководства часто имеет символическое значение. Выборы 1989 г. в Аргентине были первым случаем перехода власти от выборного президента, представляющего одну партию, к выборному президенту от другой партии начиная с 1916 г. Перуанские выборы 1985 и 1990 гг. представляли собой всего второй и третий раз в XX в., когда один выборный президент в Перу передавал власть другому.

Вторая ротация свидетельствует о двух вещах. Во-первых, две большие группы политических лидеров в обществе достаточно привержены принципам демократии, чтобы уступить власть и полномочия, проиграв на выборах. Во-вторых, и элиты, и общество действуют внутри демократической системы; когда дела идут плохо, они меняют правителей, а не режим. Две

ротации — это трудный тест на демократию. Соединенные Штаты не прошли его полностью, пока демократы-джексонианцы не передали свои полномочия вигам в 1840 г. Японию после Второй мировой войны все достаточно справедливо считают демократическим государством, но она этот тест не прошла, там по сути так и не было даже одной настоящей электоральной ротации. В Турции с 1950 по 1990 г. произошло три военных переворота и было несколько первых ротаций, но ни разу еще не бывало второй.

В трех странах (Судан, Нигерия, Пакистан) из двадцати девяти, где в 1974—1990 гг. состоялись транзитные выборы, правительства, сформированные в результате этих выборов, были сброшены переворотами, осуществленными военными или представителями исполнительной власти. В десяти других странах, где транзитные выборы *СОСТОЯЛИСЬ в 1986 г. ИЛИ позже, до конца 1990 г.* еще не проводилось новых всенародных выборов. В пятнадцати из шестнадцати оставшихся стран, где выборы после транзита прошли один или более раз, первая ротация произошла, исключение составляет Турция. В шести из восьми стран, проводивших всенародные выборы еще два или более раз после транзита, состоялась и вторая ротация, исключение составляют Испания и Гондурас. В двадцати двух из двадцати восьми избирательных кампаний в шестнадцати странах правящие на текущий момент кандидаты или партии потерпели поражение, и к власти пришла оппозиция. Короче говоря, демократический процесс функционировал: избиратели регулярно смещали тех, кто стоял у власти, и последние всегда при этом уступали свои полномочия новым избранникам. Если не считать три случая свержения демократических правительств в результате переворотов, с точки зрения институционализации электорального процесса, демократия в странах третьей волны в 1990 г. была жива и прекрасно себя чувствовала.

Четвертым и самым крайним политическим выражением недовольства могла быть реакция, направленная не против групп, стоящих у власти, или истеблишмента вообще, а против самой демократической системы. К конкретным политическим силам, высту-

пующим против демократии, относились как сохранившиеся от прежнего авторитарного режима консервативные группы, так и продолжающие свою деятельность экстремистские группы из антиавторитарной оппозиции прежнему режиму. Консервативные группы в некоторых случаях включали какие-то элементы армии, но, как указывалось выше, обычно это были недовольные офицеры среднего ранга, не пользующиеся покровительством военного руководства и не способные мобилизовать значительную поддержку со стороны гражданских групп. В бывших коммунистических странах арьергардные бои против демократизации вели также элементы партийно-государственной бюрократии, включая спецслужбы. В Никарагуа реакционные профсоюзы, > находящиеся под контролем сандинистов, открыто выступали против выборного демократического правительства, угрожая «правлением снизу».

Экстремистские оппозиционные группы тоже пытались бросить вызов новым демократическим режимам. Но по самой своей природе радикальные группы, применяющие насилие, такие как перуанский «Светлый путь», филиппинская НПА или сальвадорский ФМЛН (Фронт национального освобождения им. Фарабундо Марти), были неспособны мобилизовать достаточно широкую поддержку среди общественности новых демократических государств. Экстремистские группы, использующие более мирную тактику, также не добивались большого успеха. Например, в Южной Корее в мае 1990 г. студенты-радикалы организовали демонстрации и уличные беспорядки в десятую годовщину бойни в Кванджу. Одна демонстрация насчитывала почти 100 тысяч человек, другие — от 2 до 10 тысяч. Это были самые крупные уличные шествия после тех, которые в 1987 г. вынудили правящую партию согласиться на выборы. Однако демонстрации 1990 г. против выборного правительства, в отличие от демонстраций 1987 г. против авторитарного режима, не привлекли в свою поддержку широких масс. Лишь «ничтожная часть» многочисленного южнокорейского студенчества присоединилась к демонстрантам в 1990 г., а средний класс от участия в этих акциях воз-

держался, поскольку «не имел большой уверенности в способности оппозиции сформировать альтернативное правительство». Средний класс, писали газеты, «предпочитает ворчать дома, сидя перед телевизором»⁶⁵. В общем и целом, сохранившиеся консервативные и экстремистские группы в новых демократических государствах, как правило, были в 1970—1980-е гг. отгеснены на обочину политической жизни.

Преобладание демократической политической практики в демократиях третьей волны отражало отсутствие авторитарных альтернатив. Военные хунты, диктаторы и марксистско-ленинские партии пытались стать таковыми и потерпели неудачу. В результате демократия представляла собой единственную альтернативу. Главный вопрос, разумеется, заключался в том, останется ли в силе такое положение вещей или появятся новые движения, пропагандирующие новые формы авторитаризма. Насколько подобные движения становились реальностью и насколько значительную поддержку они завоевывали, по всей видимости, зависело от того, в какой степени институционализировалось демократическое поведение, включая электоральную ротацию.

Помимо всего вышесказанного, существовала возможность, что со временем внутрисистемные демократические альтернативы исчерпают себя. На сколько раз хватит у общества охоты заменять одну партию или коалицию другой в надежде, что какая-то из них решит проблемы, стоящие перед страной? Как часто у избирателей будет желание голосовать за харизматических популистских аутсайдеров в уверенности, что они сотворят экономическое и социальное чудо? В один прекрасный момент общество могли разочаровать не только неудачи демократических правительств, но и неудачность демократических процессов, и от реакции против действующего руководства и против изблещимента оно могло с готовностью перейти к реакции против системы. А раз демократические возможности выбора показались бы исчерпанными, у политических лидеров появился бы мощный стимул для создания новых авторитарных альтернатив.

УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ КОНСОЛИДАЦИИ НОВЫХ ДЕМОКРАТИЙ

Какие условия помогают консолидации демократических политических институтов и демократической политической культуры в странах третьей волны? К 1990 г. третьей волне исполнилось всего пятнадцать лет, к этой теме еще никто особенно не обращался, и потому дать определенный ответ было невозможно. Однако два источника потенциально релевантного материала все же имелись. Во-первых, опыт консолидации демократий первой и второй волн мог послужить уроком и для третьей. Во-вторых, как указывалось выше, факторы, способствующие установлению демократических режимов, не обязательно способствуют их упрочению, но о некоторых это все же можно сказать. Кроме того, есть основания считать, что одни процессы более благоприятны для демократической консолидации, чем другие. Было бы глупо пытаться предсказать, в каких странах демократия консолидируется, а в каких нет, и здесь не делается подобных попыток. Но, наверное, будет полезно попытаться хотя бы умозрительно определить переменные, которые могут повлиять на демократическую консолидацию, и степень наличия или отсутствия этих переменных в отдельных странах третьей волны. Успех в деле демократической консолидации может зависеть от нескольких факторов.

Во-первых, как указывалось выше, в XX в. очень немногие страны создавали стабильные демократические системы с первой попытки. Есть основания думать, что наличие прежнего демократического опыта более благоприятно для стабилизации демократий третьей волны, чем его отсутствие. Развивая эту мысль, разумно будет высказать гипотезу, что более долгий и более свежий опыт демократии благоприятнее, чем более краткий и давний. Как показывает таблица 5.1, пять стран — Уругвай, Филиппины, Индия, Чили и Турция — после Второй мировой войны и до своей демократизации в третью волну имели демократический опыт в течение 20 и более лет, хотя в Турции его ненадолго прерывали военные перевороты в 1960 и 1971 гг. С другой стороны, у десяти стран не было демократического опыта после Второй мировой войны, а

шесть из них — Сальвадор, Никарагуа, Румыния, Болгария, Монголия и Судан — вообще до третьей волны никакого демократического опыта не имели.

Таблица 5.1

Наличие демократического опыта после Второй мировой войны у стран третьей волны

Годы демократии после Второй мировой войны и до третьей волны	Страны
20 и более	Уругвай*, Филиппины, Индия, Турция, Чили*
10-19	Греция*, Эквадор, Перу, Боливия, Южная Корея, Пакистан, Бразилия
1-9	Аргентина*, Гондурас, Гватемала, Венгрия*, Чехословакия*, Гренада, Нигерия
Менее 1	Испания*, Португалия*, Сальвадор, Польша*, Восточная Германия*, Румыния, Болгария, Никарагуа, Судан, Монголия

* Страны, имевшие некоторый демократический опыт до Второй мировой войны.

Во-вторых, что также подчеркивалось в гл. 2, есть сильная корреляция между уровнем экономического развития и существованием демократических режимов. Более индустриализованная, современная экономика и, как следствие, более сложное общество и образованное население благоприятнее для установления демократических режимов, чем их противоположность. Представляется правдоподобной гипотеза, что и для демократической консолидации они благоприятнее, чем неиндустриализованные общества. Если взять ВВП на душу населения (по состоянию на 1987 г.) за приблизительный показатель социально-экономического развития, страны третьей волны разбиваются на сравнительно четкие категории (см. табл. 5.2). Высшую группу составляли Испания (ВВП на душу населения 6 010 долларов), Восточная Германия и, по-видимому, Венгрия, Чехословакия и Болгария, непосредственно за ними следовала Греция (ВВП на душу населения 4 020 долларов). Несколько других

стран, включая Португалию, Уругвай, Южную Корею, Бразилию и, вероятно, три другие восточноевропейские страны, также располагались выше отметки в 2 000 долларов. В самом низу находились четыре страны третьей волны, где ВВП на душу населения был менее 500 долларов. К концу 1990 г. две из них (Нигерия и Судан) вернулись к военному правлению, а в третьей (Пакистан) демократически избранный правитель был в конце концов смещен со своего поста главой государства, по слухам, по приказанию армии. В итоге в 1990 г. Индия осталась единственной крайне бедной страной третьей волны, где демократия не понесла никакого явного урона.

Таблица 5.2

Уровень экономического развития стран третьей волны

ВВП на душу населения в 1987 г. (в долларах)	Страны
5 000 и более	Испания, Восточная Германия, Чехословакия, Венгрия, Болгария
2 000-4 999	Греция, Португалия, Аргентина, Уругвай, Бразилия, Польша, Румыния, Южная Корея
1 000-1 999	Перу, Эквадор, Турция, Гренада, Чили
500-999	Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Боливия, Филиппины
Менее 500	Индия, Пакистан, Нигерия, Судан

Источники: World Bank. World Development Report 1989. New York: Oxford University Press, 1989. P. 164—165; Eastern Europe: Long Road Ahead to Economic Well-Being: Paper presented to the Subcommittee on Technology and National Security, Joint Economic Committee, United States Congress / Estimated from Central Intelligence Agency. May 16, 1990. P. 1—6.

! Примечание: Монголия не указана по причине отсутствия данных.

В-третьих, в создании демократий третьей волны значительную роль играли международная обстановка

Таблица 5.3

Внешняя, среда и демократическая консолидация
в странах третьей волны

Внешняя среда	Страны
Исключительно благоприятная	Восточная Германия, Испания, Португалия, Греция
Весьма благоприятная	Чехословакия, Венгрия, Польша, Турция, Филиппины, Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Гренада, Боливия
Благоприятная	Перу, Эквадор, Уругвай, Южная Корея, Чили
Индиферентная/неблагоприятная	Аргентина, Бразилия, Индия, Нигерия, Судан, Румыния, Болгария, Монголия

Примечание: Классификация внешней среды основана на субъективных выводах автора. Автор исходит из предположения, что и Европейское Сообщество, и Соединенные Штаты будут по-прежнему заботиться о прогрессе демократии.

и зарубежные акторы. Предположительно внешняя среда, благоприятная для демократии, будет благоприятна и для ее консолидации (см. табл. 5.3). «Внешняя среда» здесь означает иностранные правительства и других акторов, которые, сами будучи демократическими, одобряют существование демократических режимов в других странах, имеют тесные отношения с той или иной недавно демократизировавшейся страной и способны оказывать на нее влияние. Объединение Германии сделало будущее демократии в бывшей Восточной Германии идентичным будущему стабильной демократической среды в бывшей Западной Германии. Членство в Европейском Сообществе чрезвычайно желательно по экономическим соображениям, а демократическая форма правления является условием приема; поэтому у стран третьей волны — членов ЕС (Испания, Португалия и Греция) есть сильный стимул сохранять свои демократические институты. Другие страны, например Турция, Венгрия, Чехословакия и Польша, стремятся стать членами Сообщества, и такая возможность дает им стимул поддерживать свою демократию. Некоторые страны находились в чрезвычайно тесных отношениях с Соединенными Штатами и под сильным их влиянием. Сюда относятся центральноамериканские страны, Гренада, Боливия и Филиппины. В круг стран, где влияние США присутствовало, но было, вероятно, менее сильным, входили Перу, Эквадор, Уругвай, Южная Корея, Турция, Польша и Чили. Сравнительно слабо ощущалось влияние главных демократических держав в Аргентине, Бразилии, Индии, Нигерии, Судане, Румынии, Болгарии и Монголии*.

Анализируя причины, почему маленькие карибские страны, в основном бывшие британские колонии, сохранили у себя демократию, Хорхе Домингес подчеркивает роль международной подсистемы и других карибских государств, а также Соединенных Штатов, в подавлении переворотов и предотвращении других угроз демократическому строю. Карибская международная система отдала приоритет «демократии перед невмешательством (в противоположность тому, что было довольно общей нормой в Латинской Америке)» (The Caribbean Question: Why Has Liberal Democracy (Surprisingly) Flourished? A Rapporteur's Report: Unpublished paper. Harvard University, Center for International Affairs, January 1991. P. 31).

В-четвертых, само время перехода страны к демократии в рамках третьей волны может указывать на факторы, влияющие на демократическую консолидацию в данной стране (см. табл. 5.4). Страны, которые начали переход к демократии раньше, в основном имели на то свои внутренние причины. Внешние влияния и эффект «снежного кома» как причины демократизации имели большее значение для стран, осуществивших этот переход позднее. Представляется справедливой гипотеза, что превалирование внутренних причин, характерное главным образом для раннего транзита, могло быть более благоприятно для демократической консолидации, чем внешние влияния, игравшие большую роль при позднейшем транзите. Этот фактор в той мере, в какой он существовал, помог демократической консолидации в южноамериканских странах, Индии, Эквадоре и Перу. Должно быть, помогал он и в Нигерии, но явно не смог помешать скорому возврату к авторитаризму. Предположительно силы, ответственные за поздний транзит, сделают более трудной демократическую консолидацию в восточноевропейских странах, Южной Корее, Пакистане и Никарагуа, а

также в тех странах, которые к 1990 г. еще находились в процессе либерализации (как Тайвань, ЮАР, Советский Союз и Мексика).

Таблица 5.4

Установление демократии в странах третьей волны

Дата учредительных выборов	Страны
До 1980	Испания, Португалия, Греция, Эквадор, Индия, Нигерия
1980-1983	Перу, Аргентина, Боливия, Гондурас, Турция
1984-1987	Уругвай, Бразилия, Филиппины, Сальвадор, Гватемала, Южная Корея, Гренада, Судан
1988-1990	Пакистан, Польша, Венгрия, Восточная Германия, Чехословакия, Румыния, Болгария, Никарагуа, Чили, Монголия
Возможно, после 1990	Мексика, Советский Союз, ЮАР, Тайвань, Непал, Панама

В-пятых, один из важнейших вопросов, естественно, касается взаимосвязи между процессами транзита и демократической консолидацией. Есть ли для последнего разница в том, каким именно способом страна переходит к демократии — путем трансформации, замены, замещения или в результате интервенции? Можно привести веские аргументы как за, так и против каждого из этих процессов в плане его благотворности для демократической консолидации. С этим связан также вопрос о роли насилия при переходе к демократии, который ставит те же проблемы. С одной стороны, можно утверждать, что мирный, консенсуальный транзит способствует демократической консолидации. С другой стороны, можно утверждать и то, что транзит с применением насилия способен вызвать у большинства групп населения глубокое отвращение к кровопролитию и, следовательно, более ревностную приверженность демократическим институтам и ценностям. В общем и целом, более справедливой представляется гипотеза, что консенсуальный, меньше сопровождающийся насилием транзит обеспечивает луч-

ший базис для демократической консолидации, чем конфликт и насилие. Если так, возможно, замещение, совершающееся путем переговоров, наиболее благоприятно с этой точки зрения, второе место принадлежит трансформации, а замена и интервенция менее всего полезны для последующего упрочения нового строя (см. выше табл. 3.1). Можно предположить также, что, какой бы характер ни носил процесс транзита, чем меньше он сопровождается насилием, тем лучше условия для демократической консолидации. В этой связи могут возникнуть проблемы с консолидацией демократии в Сальвадоре, Гватемале, Никарагуа, Гренаде, Панаме, Румынии и ЮАР.

В-шестых, выше уже было сказано, что упрочение демократических государств не было простой производной от количества и остроты стоящих перед ними контекстуальных проблем. Суть в том, как политические элиты и общество реагировали на эти проблемы и на неспособность новых демократических правительств их решить. Это не значит, однако, что проблемы, с которыми сталкивалась та или иная новая демократия, совершенно не имели отношения к вопросу об ее консолидации. Число и характер острых контекстуальных проблем, возможно, являются одной из переменных, наряду с другими оказывающей влияние на процесс демократической консолидации (см. выше, с. 272–274).

Успех или неудача в этом деле, бесспорно, зависит и от других факторов, кроме шести перечисленных. Однако степень и направление их влияния не всегда легко оценить. Кто-то, например, может предположить, что характер и успехи авторитарного режима влияют на перспективы упрочения его демократического преемника. Как эти перспективы зависят от того, что представлял собой предшествующий авторитарный режим: военный режим, однопартийную систему, личную диктатуру или расовую олигархию? Тут возможны самые разнообразные и противоречивые гипотезы и аргументы вплоть до того, что характер предшествующей авторитарной системы не имеет *никакого* значения для упрочения ее демократического преемника. В каком случае консолидация демократии более вероятна — если она приходит на смену относительно удач-

ному авторитарному режиму (как, напр., в Испании, Бразилии, Южной Корее, Чили, на Тайване) или относительно неудачному (как в Аргентине, Португалии, Боливии, Румынии, на Филиппинах)? Это различие явно имеет связь с различиями между процессами транзита, однако может действовать и само по себе, как самостоятельная переменная. Но в каком направлении? Можно утверждать, что реакция элит и общества на очевидные неудачи авторитарного режима должна служить позитивной силой в процессе демократической консолидации. Но в то же время можно утверждать, что разные нации различаются по своим политическим способностям и что народ, добившийся успеха при авторитаризме (напр., испанцы), добьется его и при демократии, тогда как народ, неспособный создать удачную авторитарную систему (напр., аргентинцы), не больше преуспеет и в упрочении демократической.

На демократическую консолидацию может влиять и характер учреждаемых демократических институтов. Так, например, приводились резонные доводы в пользу того, что парламентская система больше, чем президентская, в состоянии способствовать успеху новых демократий, поскольку при ней в политике меньше выражен аспект «все — или ничего», для формирования правительства обычно требуется коалиция партий, и есть возможность баланса между главой государства и главой правительства⁶⁶. Эти аргументы звучат убедительно, и некоторые латиноамериканцы, в том числе Рауль Альфонсин, заговаривали о желательности перехода к парламентской системе. Однако свидетельства благотворности парламентского режима для демократической консолидации пока еще весьма скудны. Такой же вопрос возникает относительно характера партийных систем в новых демократиях. Что лучше служит делу демократии: наличие множества партий, каждая из которых представляет особые экономические, социальные, региональные, конфессиональные или идеологические интересы, или наличие двух партий широкой ориентации, каждая из которых способна сформировать внушающее доверие, ответственное альтернативное правительство и лидерам которых легче сотрудничать друг с другом в попытках спра-

виться с острым экономическим кризисом, наркомафией или угрозой инсургентов? Снова не хватает данных, чтобы вынести окончательное суждение в пользу того или иного варианта.

Если вышеуказанные факторы действительно имеют значение для демократической консолидации и если допустить, с известной долей сомнения, что они значимы в равной степени, появляется возможность сделать некоторые общие выводы относительно того, где существовали наиболее благоприятные и наименее благоприятные условия для демократической консолидации. В выводах этих нет ничего неожиданного. В общем и целом, самые благоприятные условия для демократической консолидации сложились в южноевропейских странах, Восточной Германии, Уругвае и Турции. Для сравнительно большой группы стран были характерны условия не такие благоприятные, но все же неплохие; сюда относятся Чехословакия, Чили, Эквадор, Боливия, Перу, Гондурас, Аргентина, Бразилия, Филиппины, Индия, Польша и Венгрия. С гораздо менее благоприятными условиями для демократической консолидации столкнулись Гватемала, Гренада, Нигерия, Сальвадор, Пакистан, Никарагуа, Болгария и Монголия. И наконец, в Судане и Румынии, по-видимому, особенно недоставало условий, которые способствовали бы сохранению демократии.

Многие факторы будут оказывать влияние на процессы демократической консолидации в странах третьей волны, и их относительная роль пока совершенно не ясна. Тем не менее, представляется наиболее вероятным, что, споткнется демократия или устоит — будет зависеть в первую очередь от того, насколько политические лидеры стремятся ее сохранить и готовы заплатить за это, вместо того чтобы выбрать иные приоритеты.

Глава 6 ДО КАКОЙ СТЕПЕНИ?

Демократизация почти в тридцати странах, произошедшая за 1974—1990 гг., и либерализация еще в нескольких ставят в центр внимания главный вопрос: не являлась ли она частью непрерывной, распространяющейся все шире и шире «глобальной демократической революции», которая в конце концов охватит практически все страны мира? Или это был отдельный случай ограниченного распространения демократии, по большей части сводящегося к восстановлению ее в странах, уже имевших подобный опыт в прошлом? Если третья волна подошла к концу, не последует ли за ней столь же значительный третий откат, который уничтожит многие завоевания демократии, достигнутые в 1970—1980-е гг.? Не вернемся ли мы к ситуации, сопоставимой с предшествовавшими наиболее низкими уровнями демократизации, когда всего лишь пятая часть независимых стран мира, если не меньше, имела демократические правительства?

Социальная наука в целом, как и любой отдельный специалист в области этой науки, не в состоянии дать определенных ответов на эти вопросы. Тем не менее, можно вычлечь некоторые факторы, от которых будет зависеть будущее распространение или сокращение демократии в мире и поставить вопросы, представляющиеся наиболее важными для будущего демократизации. К решающим факторам относятся следующие: 1) в какой мере будут продолжать действовать причины, вызвавшие третью волну, наберут ли они силу, ослабнут или будут дополнены либо заменены новыми силами, содействующими демократизации; 2) сложатся ли обстоятельства, могущие вызвать значительный откат, и какие формы этот откат может принять; 3) наличие препятствий и благоприятных условий для возможной демократизации в странах, еще не демократизировавшихся к 1990 г. Ниже предпринята попытка проанализировать перечисленные факторы; однако при обсуждении любой из тем последнее предложение почти всегда заканчивается вопросительным знаком.

ПРИЧИНЫ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ: ОСТАНУТСЯ, ПОТЕРЯЮТ СИЛУ ИЛИ ИЗМЕНЯТСЯ?

Сохранится ли в 1990-е гг. тенденция к демократизации 1970-х и 1980-х гг.? В главе 2 рассматривались пять наиболее общих причин третьей волны. Две из них — проблема легитимности авторитарных режимов и экономическое развитие — будут обсуждаться ниже в связи с потенциальными препятствиями для дальнейшей демократизации. Данный же раздел посвящен трем другим факторам, выделенным в качестве игравших значительную роль во время третьей волны.

Один из них — распространение христианства, а главное — большие перемены в доктрине, проповеди и социально-политической ориентации католической церкви, произошедшие в 1960—1970-е гг. Распространение христианства наиболее заметное влияние оказало на Южную Корею. Есть ли еще области, где сейчас распространяется христианство и, следовательно, демократизация может стать более вероятной? Самый очевидный ответ — Африка. Число христиан в Африке оценивается в 236 млн чел. и, по прогнозам, к началу XXI в. должно достичь 400 млн чел. К 1990 г. Экваториальная Африка была единственным регионом в мире, где значительное количество католиков и протестантов жили при авторитарных режимах в большом числе стран. Христианские лидеры активно выступали против репрессий в Кении и других африканских странах в 1989 и 1990 гг.¹ С увеличением числа христиан деятельность церковных лидеров по поддержке демократии, по-видимому, не пойдет на убыль, а политическая сила их возрастет. В 1989 г., как сообщалось, христиане также «активизировались в Китае, особенно среди молодежи», хотя и остались там пока весьма немногочисленными. В Сингапуре в 1989 г. христианами были, вероятно, 5% населения, но правительство, с которым из-за его репрессивных мер вступили в борьбу католический архиепископ Сингапура и исполнительный секретарь Католической епархиальной комиссии правосудия и мира, все сильнее тревожилось по поводу распространения христианства². Очевидная отмена запрета религии и гонений на церковь в Советском Союзе, наверное, вызовет рост

числа и активности верующих, что скажется и на будущем демократии в этой стране.

К 1990 г. католический импульс демократизации в основном исчерпал себя. Большинство католических стран демократизировались или, как Мексика, либерализовались. Способность католичества стимулировать дальнейшее распространение демократии без распространения его самого на новые области теперь была ограничена Парагваем, Кубой, Гаити и немногими африканскими странами, например Сенегалом и Берегом Слоновой Кости. Кроме того, могла ли католическая церковь еще оставаться столь же могучей силой демократизации, какой была в 1970-е гг.? Папа Иоанн Павел II последовательно исповедовал теологический консерватизм. Разве отношение Ватикана к контролю над рождаемостью, абортам, женщинам-священникам и другим проблемам согласовалось с содействием развитию демократии в обществе и политике?

Роль других внешних агентов демократизации также, по всей видимости, менялась. В апреле 1987 г. Турция подала заявление о приеме в полные члены Европейского Сообщества. Одним из стимулов к этому послужило стремление турецких лидеров усилить модернизаторские и демократические тенденции в Турции, сдерживая и изолируя силы, выступающие в поддержку исламского фундаментализма. Однако в ЕС перспектива увидеть среди членом Турцию вызвала мало энтузиазма и даже некоторую враждебность (со стороны Греции). Освобождение Восточной Европы в 1990 г. подняло вопрос о возможности вступления в члены ЕС Венгрии, Чехословакии и Польши. Перед Сообществом встали две проблемы. Во-первых, что должно стать для него приоритетным — расширение состава членов или «углубление» уже существующего сообщества с помощью дальнейшего экономического и политического объединения? Во-вторых, если будет принято решение расширять состав членов Сообщества, кому отдать предпочтение — членам Европейской ассоциации свободной торговли (например, Австрии, Норвегии и Швеции), восточноевропейским странам или Турции? Сообщество, по-видимому, в состоянии абсорбировать за определенный период времени лишь ограниченное число стран.

Ответы на эти вопросы будут иметь значение для стабильности демократии в Турции и восточноевропейских странах. В Турции, как говорят, игнорирование ее заявления уже оживило в 1990 г. «исламскую реакцию»³. Учитывая периферийное положение Турции, ее исламское наследие, прошлые военные перевороты и весьма сомнительную ситуацию с правами человека, турецкая демократия, вероятно, нуждалась в якоря ЕС по крайней мере не меньше, чем демократия в Испании, Португалии и Греции в 1970-е гг. И если она этого якоря себе не обеспечит, турецкую демократию ждет менее определенное будущее. Перспектива членства в Сообществе могла бы также укрепить новые демократии в Восточной и Центральной Европе. А вот стран с авторитарным правительством, которым эта перспектива послужила бы стимулом для демократизации, уже не стало.

Выход из-под власти СССР позволил Восточной Европе демократизироваться. Если бы Советский Союз перестал оказывать поддержку режиму Кастро или резко сократил ее, движение к демократии могло бы начаться и на Кубе. Но помимо этого Советский Союз мало что мог и может сделать для успеха демократии вне его границ. Ключевой вопрос состоял в том, что будет происходить внутри него. С ослаблением советского контроля возникла вероятность восстановления демократии в прибалтийских государствах. Стремление к демократии существовало и в других республиках. Но, конечно, наиболее важное значение имела сама Россия. Установление и упрочение демократии в Российской Республике, если бы это осуществилось, стало бы особым, самым эффективным завоеванием демократии за весь послевоенный период, не считая самых первых лет после окончания Второй мировой войны. Однако в конце 1990 г. консервативные силы и в России, и в Советском Союзе вновь заявили о себе, подчеркивая необходимость восстановления закона и порядка и заставляя задуматься о возможности советского термидора.

Соединенные Штаты были главным застрельщиком демократизации в 1970—1980-е гг. Продолжат ли они играть эту роль, зависит от их желания, способности и привлекательности их примера. До середины 1970-х гг.

содействие демократии не всегда было приоритетной целью американской внешней политики и может снова утратить первостепенное значение. Конец холодной войны и идеологического соревнования с Советским Союзом, возможно, устранил причину для того, чтобы пестовать диктаторов-антикоммунистов, но мог также ослабить стимул для сколько-нибудь значительного американского участия в делах третьего мира. К началу 1980-х гг. американские политические консультанты усвоили, что демократии представляют собой лучший бастион против коммунизма, чем опирающиеся на узкую базу авторитарные режимы. С уменьшением коммунистической угрозы уменьшилась и необходимость способствовать распространению демократии как самой мощной альтернативы этой угрозе. Кроме того, и Картер, и Рейган трактовали внешнюю политику моралистически и потому отводили теме прав человека и демократии центральную роль как в своей риторике, так и, в значительной мере, в действительности, среди целей своей внешней политики. Президент Буш, напротив, в сравнении с двумя своими предшественниками представляется больше прагматиком, чем моралистом. В апреле 1990 г. госсекретарь Джеймс Бейкер заявил: «Демократия лежит за рамками сдерживания. Время уничтожения старых диктаторов быстро проходит; пришло время строить новые демократии. Поэтому президент Буш поставил перед нами новую задачу содействия установлению и консолидации демократии». Однако часто, кажется, получали приоритет другие цели. С наибольшей очевидностью это проявилось в политике администрации относительно Китая в 1989 и 1990 гг. После площади Тяньаньмэнь бывший президент Рейган в цветистом вильсоновском стиле заявил: «Вы не можете убить идею.. Вы не можете задавить танками надежду»⁴. Президент Буш послал своего советника по национальной безопасности на секретную встречу с китайскими лидерами.

Таким образом, желание бороться за демократию у американцев могло сохраниться, а могло не сохраниться. С другой стороны, и способности делать это у них, скорее всего, стало меньше. Слухи об упадке США в конце 1980-х гг. зачастую были преувеличены, однако

отрицательное сальдо внешней торговли и дефицит бюджета действительно привели к новым ограничениям ресурсов, которые Соединенные Штаты могли использовать для оказания влияния на зарубежные страны. Кроме того, так же как способность католической церкви содействовать прогрессу демократии в будущем сильно уменьшилась, поскольку большинство католических стран перестали быть авторитарными, способность США делать то же самое в известной мере иссякла, поскольку была реализована там, где ее легче всего было реализовать. Страны Латинской Америки, Карибского бассейна, Европы и Восточной Азии, наиболее подвластные американскому влиянию, за немногими исключениями, демократизировались. В 1990 г. единственной крупной страной, где США еще могли использовать свое немалое влияние на пользу демократизации, оставалась Мексика.

Недемократические страны в Африке, континентальной Азии и на Среднем Востоке американскому влиянию поддавались меньше. Так, например, в 1988 г. демонстранты — сторонники демократии в Бирме приветствовали осуждение Соединенными Штатами правительственных репрессий в их стране, «хватались за любую искорку надежды на вмешательство США» и однажды преисполнились энтузиазма, когда прошел слух, что американский флот идет в бирманские воды⁵. Военно-морской флот США иногда в знак поддержки демократии действительно заходил в воды Доминиканской Республики, Гаити, Панамы и Гренады, а один раз, возможно, показывался с той же целью и в кубинских водах. Но Бирма находилась на самой дальней периферии американских интересов и американской власти. Там Соединенные Штаты только заявляли дипломатические протесты и прекратили экономическую помощь. Точно так же была ограничена их способность содействовать прогрессу демократии среди африканцев и китайцев.

Помимо Центральной Америки и Карибского бассейна, главной областью третьего мира, где Соединенные Штаты по-прежнему имели жизненно важные интересы, оставался Персидский залив. Война в Персидском заливе и отправка в этот регион свыше 500 тыс. американских солдат послужили стимулом для выдвиг-

¹¹ Третья волна, Яемокпатичания в конце XX века

жения требований демократизации в Кувейте и Саудовской Аравии и делегитимировали режим Саддама Хусейна в Ираке. Крупные американские военные силы в Персидском заливе, задержись они там подольше, стали бы мощным внешним импульсом для либерализации, если не для демократизации, а задержаться они могли бы, по всей вероятности, только в том случае, если бы началось движение в сторону демократии.

Роль США в демократизации заключается не только в сознательном и прямом применении силы. В 1980-е гг. движения за демократию по всему миру вдохновлялись американским примером и подражали ему. В Рангуне сторонники демократии носили американский флаг; в Йоханнесбурге перепечатаывали «Федералиста»; в Праге пели «We Shall Overcome»; в Варшаве читали Линкольна и цитировали Джефферсона; в Пекине воздвигали статую Богини Демократии; в Москве Джон Сунуну давал Михаилу Горбачеву советы, как организовать президентскую власть*. Американская демократическая модель была привлекательна отчасти потому, что символизировала свободу, но отчасти также, нужно учесть, потому что ассоциировалась с образом силы и успеха. Как и во вторую волну после Второй мировой войны, люди стремились подражать победившей модели.

Ярким свидетельством отождествления США с демократией стали демонстрации против военного режима в Рангуне в сентябре 1988 г.:

«Полмиллиона охваченных эйфорией бирманцев шагали по улицам Рангунa мимо опустевших зданий правительственных учреждений. Конечным пунктом демонстраций было американское посольство. Когда посол Бартон Левин проезжал на своем служебном автомобиле с развевающимися по бокам американскими флажками, толпы аплодировали; бирманцы знали, что Соединенные Штаты были первым государством, осудившим жестокие убийства, совершенные по приказу Сейна Лвина в начале августа. Каждый день перед посольством произносились речи. Темой этих речей была демократия, а Америка стала символом всего, чего хотели бирманцы и чего у них не было. Некоторые демонстранты носили американский флаг, а однажды группа студентов пришла к парадному входу в посольство и слово в слово на английском языке прочитала наизусть "Геттисбергское обращение"» (Stesser S. A Rich Country Gone Wrong // *New Yorker*. 1989. October 9. P. 80—81).

Что же произойдет, если американская модель больше не будет воплощением силы и успеха, не будет казаться победившей моделью? В конце 1980-х гг. многие утверждали, что «упадок Америки» — подлинная реальность. Другие утверждали обратное. Но практически никто не отрицал, что Соединенные Штаты столкнулись с большими проблемами: преступность, наркотики, отрицательное сальдо внешней торговли, дефицит бюджета, низкий уровень сбережений и инвестиций, снижение роста производительности, плохое государственное образование, разлагающиеся городские трущобы. Люди по всему миру могут начать смотреть на США как на приходящую в упадок державу, для которой характерны политическая стагнация, экономическая неэффективность и социальный хаос. Если это произойдет, зримые неудачи Соединенных Штатов неизбежно будут рассматриваться как неудачи демократии. В глазах всего мира привлекательность демократии значительно потускнеет.

Действие эффекта «снежного кома» на демократизацию со всей очевидностью проявилось в 1990 г. в Болгарии, Румынии, Югославии, Монголии, Непале и Албании. Этот эффект также вызвал движение в сторону либерализации в некоторых арабских и африканских странах. В 1990 г., например, сообщалось, что «сдвиги в Восточной Европе... пробудили потребность в переменмах в арабском мире» и заставили лидеров Египта, Иордании, Туниса и Алжира предоставить для выражения недовольства больше политического пространства. В результате событий в Восточной Европе, заметил один египетский журналист, «от демократии сегодня никуда не деться. Всем этим арабским режимам не остается ничего другого, кроме как завоевать доверие своего народа и стать объектом народного выбора»¹.

Пример Восточной Европы прежде всего повлиял на лидеров других авторитарных режимов, а не на народы, которыми они правили. Марксистско-ленинские правители Южного Йемена, например, как говорили, «с трепетом наблюдали крушение восточноевропейских режимов, боясь такой же судьбы», и потому поспешно завершили слияние с Северным Йеменом, дабы избежать подобного. Президент Мобуту с ужасом

увидел на экране телевизора окровавленный труп своего друга Николае Чаушеску. Несколько месяцев спустя со словами: «Вы знаете, что творится в мире», — он объявил, что позволит еще двум партиям, кроме его собственной, участвовать в выборах в 1993 г. Джулиус Ньерере в Танзании заметил: «Если перемены происходят в Восточной Европе, то будут затронуты и другие страны с однопартийной системой, исповедующие социализм». Танзания может взять «один-два урока» у Восточной Европы. В Непале правительство объявило в апреле 1990 г., что король Бирендра снимает запрет на политические партии вследствие «международной обстановки» и «растущих ожиданий народа».

Однако при отсутствии благоприятных условий в стране один эффект «снежного кома» — слабая причина для демократизации. Демократизация стран А и В сама по себе не основание, чтобы демократизировалась страна С, если только условия, способствовавшие тому в странах А и В, не существуют и в стране С. В 1980-е гг. легитимность демократии как системы правления признал весь мир. Однако благоприятные для ее существования экономические и социальные условия были не во всем мире. Для любой отдельной страны «всемирная демократическая революция» может создать внешнюю среду, способствующую демократизации, но не может создать необходимых для этого условий внутри страны.

В Восточной Европе главным препятствием для демократизации был советский контроль. Как только оно было устранено, с легкостью пошло движение к демократии. Маловероятно, чтобы на Среднем Востоке, в Африке и Азии главным препятствием для демократизации было отсутствие восточноевропейского примера. Непонятно также, почему, если правители могли выбрать авторитаризм до декабря 1989 г., они не могут при желании выбрать его и после декабря 1989 г. Эффект «снежного кома» будет реален настолько, насколько он реально подействует на их сознание и заставит их уверовать в желательность и/или необходимость демократизации. Восточноевропейские события 1989 г. несомненно вдохновили демократические оппозиционные группы и напугали авторитарных лидеров в других местах. Однако, учитывая былую сла-

бость первых и длительные репрессии со стороны вторых, представляется оправданным некоторый скептицизм при мысли о том, насколько значительный прогресс демократии восточноевропейский импульс способен в действительности вызвать в большинстве оставшихся авторитарных стран.

К 1990 г. многие первоначальные причины третьей волны действовали значительно слабее или исчерпали себя. Ни Белый Дом, ни Кремль, ни Ватикан, ни Европейское Сообщество не были в силах содействовать установлению демократии в тех странах Азии, Африки и Среднего Востока, где ее не существовало. Однако вполне могли появиться новые силы, способствующие демократизации. Кто в 1985 г. думал, что Михаил Горбачев через пять лет сделает возможной демократизацию в Восточной Европе? Может быть, в 1990-е гг. МВФ и Всемирный банк станут решительнее, чем прежде, требовать политической демократизации наряду с экономической либерализацией в качестве условия экономической помощи. Может быть, Франция станет активнее содействовать установлению демократии в своих бывших африканских колониях, где она по-прежнему пользуется значительным влиянием. Может быть, православная церковь превратится в мощную, влиятельную силу, выступающую за демократию, на Балканах и в Советском Союзе. Может быть, в Пекине придет к власти похожий на Горбачева сторонник китайской версии «гласности». Может быть, новый Насер-джефферсонинец распространит демократический вариант панарабизма на Среднем Востоке. Может быть, даже Япония сумеет использовать свой растущий вес в мировой экономике для защиты прав человека и демократии в бедных странах, которым она дает займы и субсидии. В 1990 г. ни одна из этих возможностей не казалась особенно реальной, но после событий 1989 г. было бы опрометчиво полностью исключить какую-либо из них.

ТРЕТИЙ ОТКАТ?

К 1990 г. по крайней мере две из демократий третьей волны вернулись к авторитарному правлению. В главе 5 высказывалось предположение, что проблемы

упрочения демократического строя могут привести к дальнейшим переменам такого рода в странах, где мало условий для сохранения демократии. Однако после первой и второй волн демократизации следовали большие волны откатов, далеко не объясняющихся только проблемами демократической консолидации, во время которых большинство смен режимов во всем мире происходили в направлении от демократии к авторитаризму. Если третья волна демократии начнет замедляться или остановится, какие факторы могут вызвать третий откат и обусловить его свойства? Здесь опыт первого и второго откатов может быть весьма полезен. Пристальное их изучение выходит за рамки данного исследования, но представляются справедливыми следующие обобщения.

Во-первых, причины переходов от демократических к авторитарным политическим системам различались по крайней мере не меньше, чем причины переходов от авторитаризма к демократии, и отчасти переплетались с ними. Среди факторов, способствовавших транзиту во время первого и второго откатов, можно назвать следующие:

- (1) недостаточная укорененность демократических ценностей среди ключевых групп элиты и широкой общественности;
- (2) экономический кризис или крах, обостривший социальный конфликт и повысивший популярность лекарства, которое могло быть применено только авторитарным правительством;
- (3) социальная и политическая поляризация, зачастую вызванная действиями левых правительств, которые пытались проводить или как будто проводили слишком много крупных социально-экономических реформ слишком быстро;
- (4) решимость консервативных групп среднего и высшего класса убрать популистские и левые движения, а также низший класс от политической власти;
- (5) исчезновение закона и порядка в результате терроризма и повстанческих движений;
- (6) интервенция или завоевание недемократическим иностранным государством;

Глава 6. До какой степени?

(7) эффект «снежного кома» в виде действия примера крушения или свержения демократических систем в других странах.

Во-вторых, переходы от демократии к авторитаризму, кроме тех, что были вызваны действиями иностранных акторов, почти всегда осуществлялись теми, кто стоял у власти или близко к власти в демократической системе. За одним или двумя возможными исключениями, не было случая, чтобы конец демократической системе положило всенародное голосование или всенародное восстание. В Германии и Италии во время первого отката к власти пришли антидемократические движения, пользовавшиеся значительной народной поддержкой, и установили фашистскую диктатуру. Затем завоевание нацистами уничтожило демократию в семи других странах Европы. В Испании во время первого отката и в Ливане во время второго с демократией покончила гражданская война.

Однако подавляющее большинство переходов от демократии к авторитаризму принимало форму либо военных переворотов, когда военные офицеры (обычно представители верховного командования вооруженных сил) смещали демократически избранных лидеров и устанавливали некую форму военной диктатуры, либо переворотов, осуществляемых исполнительной властью, когда демократически избранный глава исполнительной власти решительно порывал с демократией и сосредоточивал всю власть в своих руках, обычно путем объявления чрезвычайного или военного положения. Во время первого отката военные перевороты уничтожили демократические системы в новых странах Восточной Европы, Греции, Португалии, Аргентине и Японии. Во время второго — во многих латиноамериканских странах, Индонезии, Пакистане, Греции, Нигерии и Турции. Исполнительной властью перевороты были осуществлены во время второго отката в Южной Корее, Индии и на Филиппинах. В Уругвае гражданские и военные лидеры покончили с демократией совместно, произведя «смешанный» переворот, в котором участвовали и военные, и исполнительная власть.

В-третьих, во многих случаях как первого, так и второго откатов демократические системы заменялись

исторически новыми формами авторитарного правления. Фашизм отличался от прежних форм авторитаризма своей массовой базой, идеологией, партийной организацией и стремлением охватывать и контролировать большую часть общества. Бюрократический авторитаризм отличался от прежних форм военного правления в Латинской Америке своим институциональным характером, предполагаемой бессрочностью правления и экономической политикой. Италия и Германия в 1920-е гг., Бразилия и Аргентина в 1960-е и 1970-е шли в авангарде, устанавливая у себя эти новые формы недемократического правления и подавая пример, которому пытались подражать антидемократические группы в других странах. По сути, обе новые формы авторитаризма представляли собой реакцию на социальное и экономическое развитие: расширение социальной мобилизации и политического участия в Европе, конец полностью исчерпавшей себя фазы популистского отказа от импорта в экономическом развитии Латинской Америки.

Основываясь на причинах и формах двух первых откатов, нельзя точно предсказать причины и формы возможного третьего отката. Однако некоторые предположения относительно потенциальных причин третьего отката предыдущий опыт позволяет сделать.

(1) Систематическая неспособность демократических режимов действовать эффективно может повредить их легитимности. В конце XX в. главные недемократические идеологические источники легитимности, и в первую очередь марксизм-ленинизм, дискредитировали себя. Общее признание, которое получили демократические нормы, означало, что демократические правительства зависели от функциональной легитимности даже меньше, чем в прошлом. Но постоянная неспособность обеспечить благосостояние, процветание, равенство, справедливость, внутренний порядок или внешнюю безопасность со временем может лишить легитимности даже демократическое правительство. По мере того как будут тускнеть воспоминания о неудачах авторитарного режима, по всей вероятности, будет расти раздражение из-за неудач режима демократического.

(2) Если говорить конкретнее, общий международный экономический кризис вроде того, какой случился в 1929—1930 гг., может во многих странах лишить демократию легитимности. Великую депрессию 1930-х гг. большинство демократических государств пережили. Но некоторые все же пали ее жертвой, и вполне может статься, что некоторые демократические государства так же падут жертвой какой-либо похожей экономической катастрофы в будущем.

(3) Переход к авторитаризму какой-либо демократической или демократизирующейся великой державы может привести в действие эффект «снежного кома» и вызвать такие же процессы в других странах. Уж конечно, поворот в сторону авторитаризма в России или Советском Союзе оказал бы самое разрушительное влияние на демократизацию в других советских республиках, Болгарии, Румынии, Югославии и Монголии, а может быть, и в Польше, Венгрии и Чехословакии. Это было бы послание к потенциальным деспотам в других странах: «И вы тоже можете вернуться к делам». А установление авторитарного режима в Индии произвело бы значительный эффект в других странах третьего мира.

(4) Даже если не случится возвращения к авторитаризму какой-нибудь великой державы, переход нескольких недавно демократизировавшихся стран к диктатуре из-за отсутствия многих необходимых для демократии условий может повредить демократии в других странах, где эти условия достаточно сильны. «Снежный ком» покатится в обратную сторону.

(5) Если какое-либо недемократическое государство наберет силу и начнет экспансию за пределы своих границ, это тоже может стимулировать движение в сторону авторитаризма в других странах. Стимул будет особенно силен, если в ходе экспансии авторитарное государство нанесет военное поражение одной или нескольким демократическим странам. В прошлом все крупные державы, достигнув высокого экономического развития, стремились также расширить свою территорию. Если Китай, сохраняя авторитарную систему правления, экономически разовьется в грядущие десятилетия и станет расширять свое влияние и контроль

в Восточной Азии, демократические режимы в этом регионе могут значительно ослабнуть.

(б) Так же как в 1920-е и 1960-е гг., могут возникнуть различные формы авторитаризма, отвечающие, как будет казаться, нуждам своего времени. Здесь есть несколько возможностей:

(а) Обычным явлением в странах третьего мира и в Восточной Европе может стать авторитарный национализм. Какими были восточноевропейские революции 1989 — 1990 гг. в первую очередь — антикоммунистически-демократическими или антисоветски-националистическими? Если второе, в некоторых странах Восточной Европы могут вернуться к власти авторитарные националистические режимы.

(б) Религиозный фундаментализм одержал наиболее решительную победу в Иране, но шиитские и суннитские фундаменталистские движения могут прийти к власти и в других странах. Окрепили также иудаистские, индуистские и христианские фундаменталистские движения. Почти все они антидемократичны, поскольку ограничивают политические участие кругом тех, кто принадлежит к какой-то одной вере.

(с) И в богатых, и в бедных странах в ответ на уравнилельные тенденции демократии может развиваться олигархический авторитаризм. Каков предел социально-экономической поляризации, после которого демократия станет невозможна?

(д) Популистские диктатуры могут возникнуть в будущем, так же как возникали в прошлом, в ответ на защиту при демократии права частной собственности и других форм привилегий. В тех странах, где все еще стоит вопрос о собственности на землю, неспособность демократического правительства провести земельную реформу может стимулировать обращение к авторитаризму.

(е) В демократических странах, где в политике участвуют две или более различные этнические, расовые или религиозные группы, могут возникнуть групповые диктатуры: одна из таких групп может попытаться, как в Северной Ирландии, Южной Африке, Шри-Ланке и других местах, поставить под свой контроль все общество.

Все эти формы авторитаризма существовали и в прошлом. Но человеку вполне по силам в будущем придумать новые. Может, например, появиться технологическая электронная диктатура, при которой авторитарное правление будет возможно и легитимировано благодаря способности манипулировать информацией, средствами массовой информации и высокоразвитыми средствами коммуникации. Ни об одной из всех этих старых и новых форм авторитаризма нельзя сказать, что она в высшей степени вероятна, но ни об одной также нельзя сказать, что она полностью невозможна.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ: ПРЕПЯТСТВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

В 1990 г. приблизительно две трети стран в мире не имели демократических режимов. Эти страны в целом можно разделить на четыре геокультурные категории:

(1) доморожденные марксистско-ленинистские режимы, в том числе Советский Союз, где в 1980-е гг. произошла либерализация и во многих республиках существовали демократические движения, но консервативные силы оставались сильны;

(2) страны Экваториальной Африки, где, за немногими исключениями, остались личные диктатуры, военные режимы, однопартийные системы или разные сочетания трех вышеназванных типов режима;

(3) исламские страны, простирающиеся от Марокко до Индонезии, где, за исключением Турции и, может быть (но не наверняка), Пакистана, были недемократические режимы (хотя в 1990 г. некоторые из них, по всей видимости, начали либерализоваться);

(4) страны Восточной Азии, начиная от Бирмы, включая Юго-Восточную Азию и до Китая и Северной Кореи, среди которых были коммунистические системы, военные режимы, личные диктатуры и две полудемократии (Таиланд и Малайзия).

Существующие в этих странах препятствия для демократизации и силы, способствующие ей, можно подразделить на три широкие категории: политические, культурные и экономические.

Политика

Одним из потенциально значительных политических препятствий для дальнейшей демократизации было практически полное отсутствие опыта демократии у большинства стран, оставшихся авторитарными в 1990-е гг. Двадцать три из двадцати девяти стран, демократизировавшихся с 1974 по 1990 г., имели некоторый демократический опыт в прошлом, и лишь малое число стран, которые не были демократическими в 1990 г., могли претендовать на подобный опыт. К ним относились несколько государств, отступившихся от демократии в период третьей волны (Судан, Нигерия, Суринам и, возможно, Пакистан), четыре таких же отступника эпохи второй волны, которые не демократизировались снова в третью волну (Ливан, Шри-Ланка, Бирма, Фиджи), и три государства, которые демократизировались еще в первую волну и которым советская оккупация не дала редемократизироваться в конце Второй мировой войны (Эстония, Латвия, Литва). Практически у всех 90 или более других недемократических стран в 1990 г. отсутствовал сколько-нибудь значительный опыт демократического правления. Разумеется, это не является непреодолимым препятствием для демократизации, иначе ни одна страна не стала бы демократической. Однако, если не считать бывшие колонии, почти все страны, демократизировавшиеся после 1940 г., имели определенный опыт демократии в прошлом. Смогут ли страны, не имеющие такого опыта, демократизироваться в будущем?

Одна из помех демократизации в некоторых странах в 1990-е гг. могла исчезнуть. Как указывалось в главе 3, лидеры, создающие авторитарные режимы или долго пребывающие у власти при таких режимах, обычно становятся упорными консерваторами и противятся демократизации. Движению к демократии должна предшествовать, в той или иной форме, смена руководства в авторитарной системе. В 1990-е гг. в некоторых авторитарных режимах такую смену может обеспечить естественная человеческая смертность. Давно стоящим у кормила власти лидерам Китая, Берега Слоновой Кости и Малави в 1990 г. было за семьдесят; правителям Бирмы, Индонезии, Северной

Кореи, Лесото и Вьетнама — за семьдесят; Кубы, Марокко, Сингапура, Сомали, Сирии, Танзании, Заира и Замбии — шестьдесят или за шестьдесят. Смерть или уход в отставку этих лидеров устранили бы одно из препятствий для демократизации в их странах, но не сделали бы последнюю обязательной.

С 1974 по 1990 г. демократизация прошла в странах с личными диктатурами, военными режимами и однопартийными системами. Однако в коммунистических однопартийных государствах, возникших в результате внутренней революции в данной стране, полномасштабной демократизации не произошло. В Советском Союзе развернулся процесс либерализации, и, весьма возможно, это приведет к полномасштабной демократизации в России. В Югославии движение к демократии началось в Словении и Хорватии. Правда, югославская коммунистическая революция была главным образом сербской революцией, а в Сербии перспективы у демократии, мягко говоря, сомнительные. В Камбодже необычайно жестокий революционный коммунистический режим был заменен менее жестоким коммунистическим режимом, установленным внешней силой. Албания в 1990 г., кажется, начала становиться более открытой страной, но в Китае, Вьетнаме, Лаосе, на Кубе и в Эфиопии марксистско-ленинистские режимы, рожденные революциями, по-видимому, твердо решили таковыми и остаться. Революции в этих странах были не только коммунистическими, но и национально-освободительными, поэтому коммунизм и национальная идентичность в них тесно связаны, чего, разумеется, не было в оккупированной Советами Восточной Европе. Что же являлось препятствием для либерализации названных стран — происхождение и характер режима, долгое (в некоторых случаях) пребывание у власти их лидеров или бедность и экономическая отсталость?

Серьезной помехой демократизации служило отсутствие подлинной приверженности или слабая приверженность демократическим ценностям среди лидеров Азии, Африки и Среднего Востока. У политических лидеров, не стоящих у власти, есть свои причины выступать за демократию. Испытание их демократических убеждений происходит, когда они получают

власть. В Латинской Америке демократические режимы обычно свергались в результате военных переворотов. Конечно, такое бывало и в Азии, и на Среднем Востоке. Но в этих регионах, бывало, и выборные руководители несли ответственность за гибель демократии: Ли Сын Ман и Пак Чжон Хи в Южной Корее; Аднан Мендерес в Турции; Фердинанд Маркое на Филиппинах; Ли Куан Ю в Сингапуре; Индира Ганди в Индии; Сукарно в Индонезии. Эти лидеры завоевали власть с помощью избирательной системы и затем воспользовались своей властью, чтобы разрушить эту систему. Они были мало привержены демократическим ценностям и демократической практике.

Вообще говоря, лидеры Азии, Африки и Среднего Востока, даже если более или менее придерживались правил демократии, зачастую, казалось, делали это с величайшей неохотой. Во второй половине XX в. многие европейские, североамериканские и латиноамериканские политические лидеры ревностно и недвусмысленно выступали за демократию и осуществляли демократическую практику, будучи у власти. Азиатские же и африканские страны произвели на свет немного глав правительств, которые были бы апостолами демократии. Если взять для сравнения восемь глав правительств из восьми разных стран Латинской Америки в эпоху после Второй мировой войны, то кого можно было бы назвать азиатскими, арабскими или африканскими Ромуло Бетанкуром, Альберто Льерасом Камарго, Хосе Фигересом, Эдуардо Фреем, Фернандо Беланде Терри, Хуаном Бошем, Хосе Наполеоном Дуарте и Раулем Альфонсином? Были Джавахарлал Неру и Корасон Акино, возможно, были и другие, но очень мало. Ни один арабский лидер на ум не приходит, и вряд ли можно назвать какого-нибудь исламского лидера, который, находясь у власти, завоевал бы репутацию защитника и приверженца демократии. Почему так? Этот вопрос неизбежно заставляет нас обратиться к культуре и экономике.

Культура

Утверждают, что великие мировые культурно-исторические традиции значительно различаются между собой в зависимости от того, насколько свойственные

им воззрения, ценности, верования и соответствующие поведенческие образцы благоприятствуют развитию демократии. Глубоко антидемократическая культура препятствует распространению демократических норм в обществе, отрицает легитимность демократических институтов и тем самым способна сильно затруднить их построение и эффективное функционирование, а то и вовсе не допустить его. Культурный тезис выдвигается в двух формах. Его рестриктивная версия гласит, что только западная культура обеспечивает соответствующую базу для развития демократических институтов и, следовательно, для западных обществ демократия в основном не подходит. В первые годы третьей волны этот аргумент был четко сформулирован Джорджем Кеннаном. Демократия, сказал он, это форма правления, «которая развилась в XVIII—XIX вв. в северо-западной Европе, преимущественно в странах по ту сторону Ла-Манша и Северного моря (получив, правда, известное распространение и в Центральной Европе), и которая затем была принесена в другие части света, в том числе в Северную Америку, где люди из этой северо-западной области Европы появились в качестве первопоселенцев и колонизаторов, установив господствующие образцы гражданского правления». В результате у демократии «сравнительно узкая база как во времени, так и в пространстве; и нужно еще посмотреть, является ли она естественной формой правления для народов, находящихся вне этого узкого периметра». Поэтому «нет причин полагать, будто попытки создания и применения демократических институтов — наилучший курс для многих из этих народов»⁸. Короче говоря, демократия годится только для стран северо-западной и, может быть, центральной Европы и колоний, созданных переселенцами оттуда.

Свидетельства в пользу тезиса о связи демократии с западной культурой тезиса внушительны, хотя и не абсолютно убедительны:

- (1) Современная демократия родилась на Западе.
- (2) С начала XIX в. большинство демократических стран были западными странами.
- (3) За пределами североатлантического ареала демократия восторжествовала в основном в бывших бри-

танских колониях, странах, находящихся под сильным американским влиянием и, в более недавнее время, в бывших испанских колониях в Латинской Америке.

(4) Среди двадцати девяти стран, оставшихся демократическими на исходе второго отката в 1973 г., были двадцать западноевропейских, населенных выходцами из Европы и латиноамериканских стран, восемь бывших британских колоний и Япония.

(5) Среди пятидесяти восьми демократических стран в 1990 г. были тридцать семь западноевропейских, населенных выходцами из Европы и латиноамериканских стран, шесть восточноевропейских, девять бывших британских, американских и австралийских колоний и шесть других стран (Япония, Турция, Южная Корея, Монголия, Намибия и Сенегал). Из тридцати стран, демократизировавшихся в третью волну, двадцать были либо западными, либо находящимися под значительным влиянием Запада.

Тезис о связи демократии с западной культурой имеет непосредственное значение для демократизации на Балканах и в Советском Союзе. Исторически эти места входили в Российскую и Оттоманскую империи; господствующими религиями там были православие и ислам, а не западное христианство. Западная культура не проникла в эти районы в сколько-нибудь значительной мере: они не имели западного опыта феодализма, Возрождения, Реформации, Просвещения, Французской революции и либерализма. По предположению Уильяма Уоллеса, конец холодной войны и падение железного занавеса, возможно, передвинули главную политическую разделительную линию восточнее, к пределу, до которого дошло западное христианство в 1500 г. Эта линия идет с севера на юг примерно вдоль российско-финской границы, по восточным границам Прибалтийских республик, через Белоруссию и Украину, отделяя католическую Западную Украину от православной Восточной, к югу и затем к западу в Румынии, отрезая Трансильванию от остальной части страны, и далее в Югославию примерно вдоль границы, отделяющей Словению и Хорватию от других республик. Теперь эта линия, вероятно, отграничивает районы, где демократия укоренится, от тех, где этого не произойдет.

Менее рестриктивная версия тезиса о культурном препятствии, говорит не о том, что лишь одна культура изначально благоприятна для демократии, а о том, что одна или несколько культур изначально враждебны ей. Чаще всего называются конфуцианство и ислам. Чтобы определить, будут ли эти культуры ставить препятствия демократизации в конце XX в., нужно ответить на три вопроса. Во-первых, насколько традиционные конфуцианские и исламские ценности и верования враждебны демократии? Во-вторых, если враждебны, то насколько эти культуры действительно мешали прогрессу демократии? В-третьих, если мешали, то насколько будут способны продолжать мешать в будущем?

Конфуцианство. Между учеными почти нет разногласий по поводу того, что традиционное конфуцианство было либо недемократично, либо антидемократично. Единственный смягчающий этот факт элемент — что экзаменационная система в классической китайской политике в какой-то степени предоставляла возможность карьеры талантливым людям независимо от их социального происхождения. Но даже если и так, система продвижения по заслугам еще не означает демократии. Никто не назовет современную армию демократичной только потому, что офицеры, бывает, получают повышение в звании за свои умения и способности. Классическое китайское конфуцианство и его производные в Корее, Вьетнаме, Сингапуре, на Тайване и, в несколько выхолащенной форме, в Японии ставило группу выше индивида, авторитет выше свободы, ответственность выше прав. В конфуцианских обществах не было традиции прав, которые человек имеет вопреки государству; если права индивида там и существовали, то они создавались именно государством. Гармонии и сотрудничеству отдавалось предпочтение перед несогласием и конкуренцией. Главными ценностями были поддержание порядка и уважение к иерархии. Конфликт идей, групп и партий считался вещью опасной и незаконной. А главное — конфуцианство сливало воедино общество и государство и не придавало легитимности автономным социальным институтам, которые уравнивали бы государство на общенациональном уровне. В «традицион-

ном Китае не было разделения на священное и мирское, духовное и светское. Политическая легитимность в конфуцианском Китае основывалась на Мандате Небес, что определяло политику в терминах морали. Не существовало законных оснований для ограничения власти, раз власть и мораль идентичны. «Мысль, что власть может быть коррумпированной и нуждается в институциональном контроле и противовесе, заключает в себе очевидное противоречие»¹⁰.

На практике конфуцианские и находящиеся под конфуцианским влиянием общества не встречали демократию с распростертыми объятиями. В Восточной Азии только две страны — Япония и Филиппины — имели до 1990 г. длительный опыт демократического правления. В обоих случаях демократия была плодом американского присутствия. Кроме того, Филиппины — преимущественно католическая страна, и конфуцианства там практически нет. В Японии конфуцианские ценности были интерпретированы по-своему и слиты с автохтонной культурной традицией.

Материковый Китай не имел опыта демократического правления, и за демократию западного толка многие годы выступали лишь сравнительно маленькие группы диссидентов-радикалов. Критически настроенные демократы-«центристы» не порвали с ключевыми элементами конфуцианской традиции¹¹. Модернизаторами Китая, по выражению Луисана Пая, были конфуцианцы-ленинцы из националистической и коммунистической партий. В конце 1980-х гг., когда быстрый экономический рост породил в Китае новый ряд требований политической реформы и демократии со стороны студентов, интеллектуалов и групп городского среднего класса, коммунистическое руководство отреагировало двояко. Во-первых, оно обнародовало теорию «нового авторитаризма», базирующуюся на опыте Тайваня, Сингапура и Южной Кореи, приводя в свое оправдание довод, что в стране, находящейся на том уровне экономического развития, на каком находится Китай, авторитаризм необходим, чтобы добиться сбалансированного экономического роста и сдерживать деструктивные последствия развития. Во-вторых, летом 1989 г. оно силой подавило демократическое движение в Пекине и других местах.

В Китае экономика усиливала культурную оппозицию демократии. В Сингапуре, Южной Корее и на Тайване впечатляющий экономический рост создал в конце 1980-х гг. экономический базис для демократии. В этих странах политическое развитие определял конфликт экономики с культурой. В 1990 г. Сингапур был единственной не экспортирующей нефть страной «с высоким доходом» (по определению Всемирного банка), не установившей у себя демократическую политическую систему, а сингапурский лидер являлся стойким приверженцем конфуцианских ценностей, противопоставляя их ценностям западной демократии. Американцы, заявлял Ли Куан Ю, верят в «многопартийность, инакомыслие, дискуссию, здоровый дискурс, конфликт — из конфликта, дескать, рождается просвещение». В действительности же «рынок идей, вместо того чтобы порождать гармоничное просвещение, время от времени приводил к мятежам и кровопролитию». Политическая конкуренция — «не тот путь, которым должны идти японская, китайская или другие азиатские культуры. Он ведет к распрям и беспорядкам». Политика соперничества особенно не подходит для такого многорасового общества, как сингапурское, и потому в Сингапуре, сказал Ли, «никто не имеет права свергнуть меня». В 1980-е гг. Ли сделал изучение и пропаганду конфуцианских ценностей приоритетной задачей в своем городе-государстве¹². Принимались также решительные меры для того, чтобы ограничить и подавить инакомыслие, не допускать критику правительства и его политики в средствах массовой информации. Таким образом, Сингапур представлял собой авторитарную конфуцианскую аномалию среди богатых стран мира. Останется ли он ею и после того, как Ли, создатель этого государства, уйдет с политической сцены?

В конце 1980-х гг. и Тайвань, и Южная Корея начали движение в демократическом направлении. Тайвань исторически всегда был периферийной частью Китая. Пятьдесят лет его оккупировали японцы, а в 1947 г. коренные жители Тайваня взбунтовались против китайской власти. К 1949 г. националистическое правительство потерпело сокрушительное поражение от коммунистов. Это поражение лишило «большинст-

во лидеров националистов» возможности «держаться с чувством собственного превосходства, как того требует традиционное конфуцианское понятие о власти». Быстрый экономический и социальный рост еще больше ослабил влияние традиционного конфуцианства. Возникновение довольно многочисленного класса предпринимателей, состоявшего поначалу в основном из коренных тайваньцев, обусловило, совершенно не в конфуцианском духе, существование источника власти и богатства, независимого от государства, которым вначале управляли выходцы с материка. Это произвело на Тайване «фундаментальный переворот в китайской политической культуре, какого не произошло ни в самом Китае, ни в Корее или Вьетнаме — и никогда по-настоящему не было в Японии»¹³. Таким образом, на Тайване мощный экономический рост взял верх над сравнительно слабым конфуцианским наследием, и в конце 1980-х гг. Цзян Цзинго и Ли Дэньхуэй, реагируя на давление экономических и социальных перемен, начали делать политику в своем обществе более открытой.

В Корее классическая культура включала элементы мобильности и эгалитаризма. Но в ней содержались также конфуцианские компоненты, неблагоприятные для демократии, в том числе традиция авторитаризма и власти «твердой руки». Как сказал один корейский ученый: «люди не считали себя гражданами, которые имеют право делать что-то и отвечают за сделанное; чтобы выжить, они предпочитали ждать указаний и милостей сверху». В конфуцианской традиции было мало места терпимости к инакомыслию, и неортодоксальность равнялась предательству. «Корейская религиозная традиция, — заметил один южнокорейский религиозный лидер, — рассматривает переговоры и компромисс не как социальную норму, а как признак продажности. Ученые-конфуцианцы никогда не употребляли слова "компромисс". Они считали необходимым сохранить чистую совесть, и эта культурная черта никуда не делась. Как же мы сможем создать демократию, для которой компромисс — образ жизни?»¹⁴ В конце 1980-х гг. урбанизация, повышение уровня образования, возникновение достаточно большого среднего класса и значительное распространение христианства

ослабили конфуцианство как препятствие для демократии в Южной Корее. Тем не менее, осталось по-прежнему неясно, окончится ли борьба между старой культурой и новым процветанием победой последнего.

Взаимодействие экономического прогресса и азиатской культуры, очевидно, породило ряд демократических институтов, характерных ли борьба между Восточной Азией. К 1990 г. ни в одной восточноазиатской стране (кроме Филиппин, которые во многих отношениях — скорее латиноамериканская страна, чем восточноазиатская) не произошло смены всенародно избранного правительства одной партии всенародно избранным правительством другой партии. Пример подавала Япония — государство бесспорно демократическое, но притом так и не прошедшее по-настоящему тест первой ротации, не говоря уже о второй. Японская модель демократии при господстве одной партии, как указывал Пай, проявляла тенденцию распространяться и на другие страны Восточной Азии. В 1990 г. две из трех южнокорейских оппозиционных партий слились с правящей партией, образуя политический блок, который способен эффективно воспрепятствовать оставшейся оппозиционной партии, возглавляемой Ким Дэ Джунгом и опирающейся в основном на район Чолла, когда-нибудь прийти к власти в стране. Южнокорейский президент Ро Дэ У объяснял это слияние необходимостью «добиться политической стабильности» и предотвратить «взрыв долго подавлявшегося антагонизма между различными классами, поколениями и регионами». Мы должны покончить, сказал он, «с конфронтацией и расколом из-за узкопартийных интересов»¹⁵. Демократическое развитие Тайваня в конце 1980-х гг., кажется, шло в сторону создания такой избирательной системы, при которой Гоминьдан останется господствующей партией, а Демократическая прогрессивная партия, образованная в 1986 г., ограничит роль перманентной оппозиции. В Малайзии коалиция трех ведущих партий, представляющих малайскую, китайскую и индийскую общины, сначала в виде Партии альянса, затем — Национального фронта, недостижимая для всех соперников, сохраняла контроль над государственной властью с 1950-х вплоть до конца 1980-х гг. Помощник и преемник Ли Куан Ю

высказался в пользу создания партийной системы такого же типа в Сингапуре:

«Стабильной системой я считаю такую, при которой одна главная политическая партия представляет широкие слои населения. При этом у вас может быть несколько других партий на периферии, очень серьезно настроенных партий. Они не способны к более широким взглядам, но, тем не менее, представляют групповые интересы. А избирается все время главная партия. Я думаю, это хорошо. И я бы не слишком огорчился, если бы в конце концов мы пришли к этому и в Сингапуре»¹⁶.

Первый критерий демократии — справедливое и открытое соревнование политических партий за голоса избирателей при отсутствии или минимальном уровне преследований и ограничений деятельности оппозиционных групп со стороны правительства. Япония, где уже десятки лет существовали свобода слова, печати, собраний и достаточно справедливые условия для электорального соревнования, явно прошла этот тест. В других азиатских системах с одной господствующей партией преимущество на игровом поле, и зачастую очень серьезное, принадлежало правительству. Однако в конце 1980-х гг. в некоторых странах условия стали более равными. В Южной Корее в 1989 г. партия правительства не смогла получить контроль над законодательным органом. Предположительно именно эта неудача сыграла главную роль в ее последующем слиянии с двумя из ее противников. На Тайване постепенно были отменены ограничения, наложенные на деятельность оппозиции. Может быть, и другие страны Восточной Азии смогут сравняться с Японией в умении создавать одинаковые условия на поле в той игре, которую всегда раньше выигрывало правительство. В 1990 г. восточноазиатские системы с одной господствующей партией представляли собой широкий спектр вариантов от демократии до авторитаризма, с Японией на одном конце, Индонезией на другом, Южной Кореей, Тайванем, Малайзией и Сингапуром (более или менее именно в таком порядке) между ними.

Подобная система может соответствовать формальным требованиям демократии, но при этом будет значительно отличаться от демократических систем, пре-

валирующих на Западе. Последние предполагают, что политические партии и коалиции могут не только свободно и на равных бороться за власть, но и сменять друг друга у власти. Конечно, в некоторых западных обществах, например в Швеции, одна партия тоже оставалась у власти на протяжении многих электоральных циклов. Но это было исключением из правила. Системы с одной господствующей партией, возникающие в Восточной Азии, по-видимому, позволяют бороться за власть, но не чередоваться у власти и предусматривают участие в выборах для всех, но участие во власти только для тех, кто принадлежит к «главной» партии. Это демократия без ротации. Центральная проблема в такой системе — как провести границу между «суверенной территорией господствующей партии и пределами, до которых можно терпеть оппозицию»¹⁷. Такой тип политической системы представляет собой адаптацию западной демократической практики к азиатским или конфуцианским политическим ценностям. Демократические институты служат в ней утверждению не западных соревнования и изменения, а конфуцианских консенсуса и стабильности.

Западные демократические системы, как уже указывалось, меньше, чем авторитарные системы, зависят от функциональной легитимности, поскольку в неэффективности обвиняется руководитель, а не система, а отстранение и замена руководителей ведут к обновлению системы. Восточноазиатские общества, уже принявшие или, по всей видимости, принимающие на вооружение модель демократии с одной господствующей партией, с 1960-х по 1980-е гг. добились непревзойденных экономических успехов. Но что произойдет, если и когда не будет 8%-ного ежегодного роста ВВП, начнут стремительно возрастать безработица, инфляция и другие виды экономических неурядиц, обострятся социальные и экономические конфликты? В западном демократическом государстве сменилось бы руководство. Для демократии с одной господствующей партией это может означать революционные перемены в политической системе, основанной на том принципе, что одна партия всегда находится у власти, а другие всегда вне ее. Если же структура политического соревнования этого не позволит, недовольство неэф-

фективностью правительства может привести к демонстрациям, акциям протеста, беспорядкам и попыткам мобилизовать народную поддержку для свержения правительства. Правительство в таком случае почувствует искушение силой подавить недовольство и установить авторитарный контроль. Вопрос, следовательно, стоит так: насколько восточноазиатская комбинация западных процедур и конфуцианских ценностей обусловлена длительным и значительным экономическим ростом? Может ли эта система выдержать продолжительный экономический спад или стагнацию?

Ислам. «Конфуцианская демократия» включает в себе противоречие по определению. Неясно, относится ли это к «исламской демократии». Эгалитаризм и вольонтаризм являются центральными темами ислама. «Ислам в своей высшей культурной форме, — утверждал Эрнест Геллнер, — наделен рядом черт — унитаризмом, этикой власти, индивидуализмом, скриптурализмом, пуританством, эгалитарной антипатией к созерцательности и иерархичности, довольно небольшой магической составляющей, — которые, можно сказать, конгруэнтны требованиям модерна или модернизации»¹⁸. Они также в основном конгруэнтны требованиям демократии. Однако ислам при этом не признает никакого различия между религиозной общиной и политическим сообществом. Следовательно, нет отдельно Кесарева и Божова, и политическое участие связано с религиозной принадлежностью. Фундаменталистский ислам требует, чтобы в исламской стране политическими правителями были верующие мусульмане, основным законом — шариат, а улемам принадлежал «решающий голос при выработке или, по крайней мере, рассмотрении и ратификации всей государственной политики». Обуславливая легитимность и политику правительства религиозной доктриной и религиозной экспертизой, исламские концепции политики тем самым отличаются от принципов демократической политики и противоречат им.

Таким образом, исламская доктрина содержит элементы, как благоприятные, так и неблагоприятные для демократии. На практике ни в одной исламской стране, за единственным исключением, полностью демократическая система не продержалась в течение сколь-

ко-нибудь долгого времени. Исключение составляет Турция, где Мустафа Кемаль Атаюрк прямо отверг исламские концепции общества и политики и упорно пытался создать светское, современное нацию-государство западного типа. И турецкий опыт демократии нельзя назвать абсолютным успехом. Среди других стран исламского мира Пакистан пытался установить демократию трижды, и каждый раз это получалось ненадолго. В Турции существование демократии несколько раз прерывалось военными путчами; в Пакистане бюрократическое и военное правление несколько раз прерывалось выборами. Единственной арабской страной, где значительный период времени существовала некая форма демократии, хотя и в ее консоциативной разновидности, был Ливан. Но его демократия в действительности сводилась к консоциативной олигархии, и 40—50% его населения были христианами. Как только мусульман в Ливане стало большинство и они начали отстаивать свои права, ливанская демократия рухнула. За 1981 — 1990 гг. лишь две из тридцати семи стран мира с преимущественно мусульманским населением назывались «свободными» в ежегодных обзорах Фридом-Хауса: Гамбия в течение двух лет и Турецкая Республика Северного Кипра в течение четырех лет. Как бы ни были ислам и демократия совместимы в теории, на практике они не уживались.

Оппозиционные авторитарным режимам движения в Южной и Восточной Европе, Латинской Америке и Восточной Азии почти всегда заявляли о своей приверженности западным демократическим ценностям и желании приобщиться к демократическим процессам своего общества. Это не значит, что они обязательно ввели бы демократические институты, если бы имели такую возможность. Но по крайней мере, они использовали демократическую риторику. И напротив, в авторитарных исламских обществах в 1980-е гг. движения, открыто боровшиеся за демократическую политику, были сравнительно слабыми, а самую мощную оппозицию обычно составляли исламские фундаменталисты.

В конце 1980-х гг. внутренние экономические проблемы в сочетании с эффектом «снежного кома», произведенным демократизацией в других местах, заставили правительства некоторых исламских стран осла-

бить узду на оппозиции и попытаться возродить свою легитимность с помощью выборов. Первыми выиграли от этого в основном группы исламских фундаменталистов. В Алжире Фронт исламского спасения одержал решительную победу на местных выборах в июне 1990 г. — первых свободных выборах с того момента, когда страна стала независимой в 1962 г., — набрав 65% голосов и получив контроль над столицей Алжиром, тридцатью двумя из сорока восьми провинций, а также 55% от 15 000 муниципальных постов. На выборах в Иордании в ноябре 1989 г. исламские фундаменталисты получили тридцать шесть из восьмидесяти мест в парламенте. В Египте в парламент прошло много кандидатов, связанных с «братьями-мусульманами». В некоторых странах исламские фундаменталисты, по слухам, готовили восстание против существующего режима¹⁹. Успех исламистов на выборах отчасти объяснялся отсутствием других оппозиционных партий, которые либо были задавлены правительством, либо бойкотировали выборы. Но, так или иначе, фундаментализм, по-видимому, стал набирать силу в странах Среднего Востока. Кажется, больше всего ему симпатизировали торговцы и молодежь. Эти тенденции настолько усилились, что светские главы правительств в Турции, Тунисе и других странах вынуждены были принять политический курс, который отстаивали фундаменталисты, и делать различные жесты, демонстрирующие их верность исламу.

Таким образом, либерализация в исламских странах увеличила силу важных социальных и политических движений, приверженность которых демократии вызывала большие сомнения. Положение фундаменталистских партий в исламских обществах в 1990 г. в некоторых отношениях напоминало положение коммунистических партий в западноевропейских странах в 1940-е и затем в 1970-е гг. И в связи с ними возникали такие же вопросы. Будут ли существующие правительства по-прежнему стремиться к открытой политике и проводить выборы, во время которых исламистские группы смогут участвовать в соревновании свободно и на равных? Получат ли исламисты большинство на таких выборах? Если они победят, позволит ли им армия, носящая во многих исламских обществах

(напр., в Алжире, Турции, Пакистане и Индонезии) решительно светский характер, сформировать правительство? А если они сформируют правительство, не будет ли оно проводить радикальную исламскую политику, которая повредит демократии и оттолкнет современные, имеющие прозападную ориентацию элементы общества?

Ограниченность культурных препятствий. Можно предположить, что исламская и конфуцианская культуры ставят демократическому развитию непреодолимые препятствия. Есть, однако, некоторые основания подвергнуть сомнению прочность этих препятствий.

Во-первых, похожие культурные аргументы, выдвигавшиеся в прошлом, не подтверждались. Как уже отмечалось, многие ученые когда-то утверждали, что католичество препятствует демократии. Другие, следуя традиции Вебера, заявляли, что в католических странах невозможно такое же экономическое развитие, как в протестантских. Тем не менее, в 1960-е и 1970-е гг. католические страны стали демократическими, и темпы экономического роста были в них в среднем выше, чем в протестантских странах. Точно так же когда-то Вебер и другие утверждали, что в странах с конфуцианскими культурами не произойдет успешного капиталистического развития. Однако в 1980-е гг. новое поколение ученых видело в конфуцианстве главную причину впечатляющего экономического роста в восточноазиатских обществах. Окажется ли в будущем тезис о том, что конфуцианство мешает демократическому развитию, жизнеспособнее, чем тезис о том, что оно мешает развитию экономическому? К заявлениям, что какие-то культуры являются перманентными препятствиями для развития в том или ином направлении, следует относиться с известной долей скепсиса.

Во-вторых, великие культурно-исторические традиции, такие как ислам и конфуцианство, представляют собой крайне сложные системы идей, верований, доктрин, представлений, текстов и поведенческих моделей. Любая великая культура, даже конфуцианство, несет в себе какие-то элементы, совместимые с демократией, так же как в протестантизме и католицизме есть откровенно недемократичные элементы²⁰. Воз-

можно, выражение «конфуцианская демократия» и включает в себе противоречие, но в демократии в конфуцианском обществе ничего противоречивого нет. Вопрос в том, какие элементы ислама и конфуцианства благоприятны для демократии, как и при каких обстоятельствах они могут вытеснить недемократические элементы в этих культурных традициях?

В-третьих, даже если культура той или иной страны в какой-то момент препятствует демократии, исторически культуры динамичны, а не пассивны. Доминирующие в обществе верования и убеждения меняются. Сохраняя элементы преемственности, господствующая в обществе культура может сильно отличаться от той, какой она была одно-два поколения назад. В 1950-е гг. испанскую культуру обычно характеризовали как традиционную, авторитарную, иерархичную, глубоко религиозную и ориентированную на честь и статус. В 1970—1980-е гг. этим словам практически не было места при характеристике убеждений и ценностей испанцев. Культуры эволюционируют, и важнейшей причиной перемен в культуре, вероятно, является, как в Испании, само экономическое развитие.

Экономика

Немногие взаимосвязи между социальными, экономическими и политическими явлениями сильнее, чем взаимосвязь между уровнем экономического развития и существованием демократической политики. Как мы видели, случаи перехода от авторитаризма к демократии в период 1974—1990 гг. в основном сосредоточились в «зоне транзита», в группе стран с уровнем экономического развития выше среднего. Кажется, вывод ясен. Бедность — одно из главных, а может быть, самое главное препятствие для демократического развития. Будущее демократии зависит от будущего экономического развития. То, что препятствует экономическому развитию, является препятствием и для распространения демократии.

Третью волну демократизации привел в движение экстраординарный глобальный экономический рост 1950—1960-х гг. Эта эпоха закончилась нефтяными кризисами 1973 и 1974 гг. С 1974 по 1990 г. демократизация по всему миру набирала скорость, а экономи-

ческий рост замедлялся. В среднем ежегодные темпы роста (выраженные в приросте ВВП на душу населения) в странах с низким и средним доходом с 1965 по 1989 г. были таковы:

1965-1973	4,0%
1973-1980	2,6%
1980-1989	1,8%

Значительные различия в темпах роста существовали между регионами. В Восточной Азии они оставались высокими на протяжении всего периода 1970—1980-х гг., и в Южной Азии темпы роста в целом повысились. С другой стороны, на Среднем Востоке, в Северной Африке, Латинской Америке и Карибском бассейне показатели роста в 1980-х гг. резко упали по сравнению с 1970-ми гг. В Экваториальной Африке они просто пошли ко дну. ВВП на душу населения в Африке стагнировал в конце 1970-х гг., а в 1980-е гг. ежегодно снижался на 2,2%. Таким образом, экономические препятствия для демократизации там явно увеличились. Перспективы на 1990-е гг. тоже были не слишком радужными. Даже в случае проведения экономических реформ, списания внешнего долга и получения экономической помощи Всемирный банк предсказывал Африке на остаток столетия ежегодный прирост валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения не больше 0,5%²¹. Если это предсказание верно, экономические препятствия для демократизации в Экваториальной Африке останутся непреодолимыми вплоть до XXI в.

Всемирный банк был более оптимистичен в своих предсказаниях относительно экономического роста в Китае и недемократических странах Южной Азии. Однако низкий уровень экономического развития этих стран, как правило, означал, что даже при ежегодном приросте в 3—5% экономические условия, благоприятные для демократизации, еще долго останутся там делом будущего.

В 1990 г. несколько стран, не экспортирующих нефть, — Сингапур, Алжир, ЮАР, Югославия — достигли уровня экономического развития, позволившего им войти в зону, где находятся страны с доходом выше среднего и где можно ожидать перехода к демо-

кратии. Иран и Ирак, два экспортера нефти со значительным населением и определенным уровнем индустриального развития, также были в этой зоне. В этих странах в известной мере существовали экономические предпосылки для демократизации, но самой демократизации пока не произошло. Восемнадцать других стран с недемократическими правительствами находились на чуть более низком уровне экономического развития — попадая, по определению Всемирного банка, в категорию стран с доходом ниже среднего, куда относились страны, имевшие в 1988 г. ВВП на душу населения от 500 до 2 200 долларов²². О доходе двух из них — Ливана и Анголы — данных не имеется. В девяти из оставшихся шестнадцати стран в 1988 г. доход на душу населения был от 1 000 до 2 000 долларов. К ним относились три арабских государства (Сирия, Иордания и Тунис), две страны Юго-Восточной Азии (Малайзия и Таиланд), три латиноамериканские (Панама, Мексика и Парагвай) и одна африканская страна (Камерун). Эти страны уже стояли на пороге политической транзитной зоны стран с доходом выше среднего. В пяти из них (Малайзии, Иордании, Тунисе, Камеруне и Таиланде) ежегодные темпы роста ВВП в 1980—1988 гг. в среднем составляли 3,4% и более. Если эти темпы сохраняются, где-то в 1990-е гг. там могут возникнуть экономические условия, благоприятные для демократизации. Если Сирия, Парагвай, Панама и Мексика сумеют значительно повысить темпы роста по сравнению с теми, что были у них в 1980—1988 гг., они тоже вплотную подойдут к уровню экономического развития, способствующему демократизации.

Семь недемократических стран, которые имели в 1988 г. ВВП на душу населения от 500 до 1 000 долларов, — Конго, Марокко, Берег Слоновой Кости, Египет, Сенегал, Зимбабве и Йемен. В большинстве из них темпы экономического роста в 1980-е гг. были значительны. Если они смогут их сохранить, то попадут в экономическую зону, благоприятную для демократизации, в начале XXI в.

Подавляющее большинство стран, где в 1990-е гг. появились экономические условия, способствующие демократизации, находились на Среднем Востоке и в Северной Африке. Экономическое благосостояние

многих из них (в табл. 6.1 такие страны указаны в скобках) зависело от экспорта нефти, каковое положение вещей усиливало контроль со стороны государственной бюрократии и потому создавало менее благоприятный для демократизации климат. Это, однако, не означало, что демократизация совершенно невозможна. В конце концов, в Восточной Европе государственная бюрократия осуществляла контроль, еще более полный, чем в странах — экспортерах нефти. Может быть, когда-нибудь в последних он рухнет не менее драматически, чем в первой. Среди других государств Среднего Востока и Северной Африки Алжир уже достиг благоприятного для демократизации уровня; Сирия приближалась к нему; Иордания, Тунис, Марокко, Египет и Северный Йемен находились ниже зоны транзита, но в 1980-е гг. быстро поднимались. Экономике и общества Среднего Востока все ближе и ближе подходили к тому моменту, когда они станут слишком богатыми и слишком сложно устроенными для существующих в них разнообразных традиционных, военных и однопартийных систем авторитарного правления. Волна демократизации, которая в 1970-е и 1980-е гг. катилась по миру от региона к региону, может в 1990-е гг. стать доминантной чертой средневосточной и североафриканской политики. Тогда тема экономики объединится с темой культуры: какие формы политики появятся в этих странах в результате взаимодействия экономического процветания с исламскими ценностями и традициями?

Таблица 6.1

ВВП на душу населения в 1988 г.:
недемократические страны с уровнем дохода
средним и выше среднего

Уровень дохода (в долларах)	Арабские страны / Средний Восток	Юго-Восточная Азия	Африка	Прочие
Высокий (6 000)	(Объединенные Арабские Эмираты) ³ (Кувейт) (Саудовская Аравия)	Сингапур		

Уровень дохода (в долларах)	Арабские страны / Средний Восток	Юго-Восточная Азия	Африка	Прочие
Выше среднего (2 200-5 500)	(Ирак) (Иран) (Ливия) (Оман), Алжир*		(Габон) ЮАР	Югославия
Ниже среднего (1 000—2 200)	Сирия (Иордания) Тунис*	Малайзия* Таиланд*	Камерун*	Панама Мексика Парагвай
(500-1 000)	Марокко* Египет* Йемен* Ливан		Конго* Берег Слоновой Кости Зимбабве Сенегал* Ангола	

Источник: World Bank. World Development Report 1990. New York: Oxford University Press, 1990. P. 178-181.

* В скобках указаны страны, являющиеся крупными экспортерами нефти.

* Звездочкой отмечены страны, где средний ежегодный прирост ВВП в 1980—1988 гг. составил более 3%.

В Китае в 1990 г. были и политические, и экономические, и культурные препятствия для демократизации; в Африке — преимущественно экономические; в быстро развивающихся странах Восточной Азии и многих исламских странах — в первую очередь культурные.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

История не раз доказывала неправоту как оптимистов, так и пессимистов относительно демократии, и будущие события, возможно, также сделают это. Внутренние препятствия для распространения демократии существуют во многих обществах. Третья волна, «глобальная демократическая революция» конца XX столетия, не будет длиться вечно. За ней может последовать новый взлет авторитаризма, который выльется в третий откат. Но это не помешает

когда-нибудь в XXI веке возникнуть четвертой волне демократизации. Если судить по опыту прошлого, двумя ключевыми факторами, от которых в будущем будет зависеть стабильность и распространение демократии, являются экономическое развитие и политическое руководство.

Большинство бедных обществ останутся недемократическими до тех пор, пока будут оставаться бедными. Однако бедность преодолена. В прошлом государства вроде Южной Кореи считались безнадежно погрязшими в трясине экономической отсталости, а потом вдруг изумляли мир своей способностью быстро добиться процветания. В 1980-е гг. специалисты по экономике развития пришли к новому консенсусу по вопросу о способах стимулирования экономического роста. Консенсус восьмидесятых может быть, а может и не быть более длительным и более продуктивным, чем совершенно иной консенсус, существовавший среди экономистов в 1950-е и 1960-е гг. Однако новая ортодоксальность нео-ортодоксов уже дала значительные результаты во многих странах. Здесь, впрочем, необходимы две оговорки. Во-первых, очень поздно развивающимся странам, в основном африканским, экономическое развитие может даваться труднее, чем тем, кто их опередил, потому что существование и расширение исторически беспрецедентной пропасти между богатыми и бедными странами перевешивает «преимущества отсталости». Во-вторых, могут появляться новые формы авторитаризма, подходящие для богатых, информационных, технологичных обществ. Если такая возможность не станет реальностью, экономическое развитие должно создать условия для прогрессивной замены авторитарных политических систем демократическими. Время на стороне демократии.

Экономическое развитие делает демократию возможной; политическое руководство делает ее реальной. Чтобы демократия появилась на свет, будущие политические элиты как минимум должны будут верить, что это наименее худшая форма правления для их обществ и для них самих. Они также должны будут обладать достаточным мастерством, чтобы осуществить переход к демократии вопреки как радикалам, так и консерваторам, которые неизбежно будут суще-

ствовать и постоянно будут пытаться вставлять им палки в колеса. Демократия распространится в мире настолько, насколько те, кто пользуется властью во всем мире и в отдельных странах, захотят ее распространить. В течение полутора столетий после того, как Токвиль наблюдал зарождение современной демократии в Америке, череда волн демократизации набегала на берег диктатуры. Подталкиваемая поднимающимся приливом экономического прогресса, каждая волна доплескивала дальше и откатывалась назад меньше, чем ее предшественница. Можно использовать и другую метафору: история не движется вперед по прямой, но, если ее толкают искусные и решительные лидеры, она все же движется вперед.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

1. Как планировался и осуществлялся переворот 25 апреля, см.: Harvey R. Portugal: Birth of a Democracy. London: Macmillan, 1978. P. 14-20; Porch D. The Portuguese Armed Forces and Revolution. London: Croom Helm; Stanford: Hoover Institution Press, 1977. P. 83-87, 90-94.

2. Цит. по: Szulc T. Lisbon and Washington: Behind the Portuguese Revolution // Foreign Policy. Winter 1975—1976. Vol. 21. P. 3.

3. Подробнее об этих трудностях см.: Huntington S.P. The Modest Meaning of Democracy // Democracy in the Americas: Stopping the Pendulum / Ed. by R.A.Pastor. New York: Holmes and Meier, 1989. P. 11 — 18; Kirkpatrick J.J. Democratic Elections, Democratic Government, and Democratic Theory // Democracy and the Polls / Ed. by D.Butler, H.R.Penniman, A.Ranney. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1981. P. 325-348.

4. Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism, and Democracy. 2nd ed. New York: Harper, 1947. Chap. 21, p. 269.

5. См.: Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971. P. 1 — 10; Sartori G. Democratic Theory. Detroit: Wayne State University Press, 1962. P. 228ff; Kirkpatrick J. Democratic Elections... P. 325ff; English R. Constitutional Democracy vs. Utopian Democracy. Washington: Ethics and Public Policy Center, 1983; Bingham Powell G., Jr. Contemporary Democracies. Cambridge: Harvard University Press, 1982. P. 2—7; Linz J.J. Crisis, Breakdown, and Reequilibration // The Breakdown of Democratic Regimes / Ed. by J.J.Linz, A.Stepan. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. P. 5—6; O'Donnell G., Schmitter P.C. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 6—14; Inkeles A. Introduction: On Measuring Democracy // Studies in Comparative International Development. Spring 1990. Vol. 25. P. 4—5; Vanhanen T. The Emergence of Democracy: A Comparative Study of 119 States, 1850 — 1979. Helsinki: Finnish Society of Sciences and Letters, 1984. P. 24-33.

6. О проблемах при объединении понятий стабильности и демократии см.: Bollen K.A. Political Democracy: Conceptual and Measurement Traps // Studies in Comparative International Development. Spring 1990. Vol. 25. P. 15-17.

7. Inkeles A. On Measuring Democracy. P. 5. Боллен ратует за непрерывные величины и непрерывные измерения, заявляя, что демократия варьирует в той же степени, что и индустриализация. Однако это совершенно очевидно не так, и страны могут, как показала события 1989—1990 гг. в Восточной Европе, быстро превратиться из недемократических в демократические. Быстро стать из неиндустриальных индустриальными они не могут, и даже в случае индустриализации экономисты, как правило, согласны в том, какие страны индустриализируются, а какие нет. В таблице, составленной самим Болленом по шести показателям демократии по состоянию на 1965 г., двадцать семь стран, набравшие 90 и более очков, группируются на одном конце шкалы от 0 до 100. К ним относятся все страны, которые классифицировались как демократические в 1965 г., за исключением Западной Германии, набравшей 88,6 очков. См.: Bollen K.A. Political Democracy. P. 13—14, 18, 20—23. Краткое изложение оснований для дихотомичного подхода в данном вопросе см.: Sunshine J. Economic Causes and Consequences of Democracy: A Study in Historical Statistics of the European and European-Populated English-Speaking Countries: Ph. D. diss. Columbia University, 1972. P. 43—48.

8. Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes // *Macropolitical Theory* / Ed. by F.I.Greenstein, N.W.Polsby. (Handbook of Political Science. Vol. 3). Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. P. 175ff. См. также: Friedrich C.J., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. New York: Praeger, 1965. Passim.

9. Gooch G.P. English Democratic Ideas in the Seventeenth Century. 2nd ed. New York: Harper, 1959. P. 71.

10. Похожие, хотя и не полностью идентичные схемы кривой возникновения демократических политий см.: Dahl R.A. Democracy and Its Critics. New Haven: Yale University Press, 1989. Chaps. 1, 2, 17; Gurr T.R., Jagers K., Moore W.H. The Transformation of the Western State: The Growth of Democracy, Autocracy, and State Power Since 1800 // *Studies in Comparative Development*. Spring 1990. Vol. 25. P. 88—95; Vanhanen T. Emergence of Democracy. Passim; Rustow D.A. Democracy: A Global Revolution? // *Foreign Affairs*. Fall 1990. Vol. 69. P. 75—76; Bingham Powell G. Contemporary Democracies. P. 238; Huntington S.P. Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. Summer 1984. Vol. 99. P. 195—198.

11. Sunshine J. Economic Causes and Consequences of Democracy. P. 48—58. По Саншайну, Соединенные Штаты соответствовали первому критерию (право голоса) в 1840 г. Однако данные Уолтера Дина Бэрнхема в подавляющем большинстве свидетельствуют в пользу 1828-го г. См.: Cham-

bers W.N. Party Development and the American Mainstream // *The American Party Systems: Stages of Political Development* / Ed. by W.N.Chambers, W.D.Burnham. New York: Oxford University Press, 1967. P. 12—13.

12. Bryce J. Modern Democracies. Vol. 1, New York: Macmillan, 1921. P. 24.

13. Emerson R. The Erosion of Democracy // *Journal of Asian Studies*. November 1960. Vol. 20. P. 1—8. Эмерсон называет 1958-й годом «падения демократического конституционализма в новых странах».

14. См.: O'Donnell G.A. Modernization and Bureaucratic-Authoritarianism: Studies in South American Politics. Berkeley: University of California, Institute of International Studies, 1973; *The New Authoritarianism in Latin America* / Ed. by D.Collier. Princeton: Princeton University Press, 1979.

15. Tun-Jen Cheng. Democratizing the Quasi-Leninist Regime in Taiwan // *World Politics*. July 1989. Vol. 41. P. 479—480.

16. Finer S.E. The Man on Horseback: The Role of the Military in Politics. 2nd ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1976. P. 223; Verba S. Problems of Democracy in the Developing Countries: Remarks. Harvard-MIT Joint Seminar on Political Development. October 6, 1976. P. 6.

17. Перенесение основного внимания в литературе о политическом развитии с темы демократии на тему стабильности и освещение в ней противоречий и кризисов развития кратко охарактеризованы в: Huntington S.P. The Goals of Development // *Understanding Political Development* / Ed. by M.Weiner, S.P.Huntington. Boston: Little, Brown, 1987. P. 3ff. Озабоченность проблемами западной демократии отражена в: Crazier M., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. New York: New York University Press, 1975; Rose R., Peters B.G. Can Government Go Bankrupt? New York: Basic Books, 1978.

11 февраля 1976 г. по просьбе руководителей ЦРУ я сделал для аналитиков управления доклад на тему «Глобальный упадок демократии». Нужно сказать, что у меня имелись весьма убедительные теории, объясняющие всю глубину и серьезность данного явления. Третьей волне демократизации был тогда 21 месяц от роду.

18. Основные коллективные исследования на эти темы: The Breakdown of Democratic Regimes / Ed. by J.J.Linz, A.Stepan. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978; *Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy*: 4 vols. / Ed. by G.O'Donnell, P.C.Schmitter, L.Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986; *Democracy in Developing Countries*: 4 vols. / Ed. by L.Diamond, J.J.Linz,

S.M.Lipset. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1988-1989. Сборник под редакцией Линца и Степана отражает момент перехода от второго отката к третьей волне демократизации, ибо включает работы, посвященные как зарождению, так и упадку демократии.

19. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. Summer 1989. Vol. 16. P. 3; Krauthammer C Democracy Has Won // Washington Post National Weekly Edition. 1989. April 3-9. P. 24; Planner M.C. Democracy Outwits the Pessimists // Wall Street Journal. 1988. October 12. P. A20. Ср.: Brzezinski Z. The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. New York: Charles Scribner's Sons, 1989. Passim.

20. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 1.

21. Che Guevara. Guerrilla Warfare. New York: Vintage Books, 1961. P. 2.

22. Существует обширная литература, посвященная природе, масштабам и возможным причинам данного феномена. См.: Babst D.V. A Force for Peace // Industrial Research. April 1972. Vol. 14. P. 55-58; Rummel R.J. Libertarianism and International Violence // Journal of Conflict Resolution. March 1983. Vol. 27. P. 27-71; Doyle M.W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. Summer/Fall 1983. Vol. 12. P. 205-235, 323-353; Idem. Liberalism and World Politics // American Political Science Review. December 1986. Vol. 80. P. 1151-1169; Maoz Z., Abdolali N. Regime Types and International Conflict, 1816 — 1976 // Journal of Conflict Resolution. March 1989. Vol. 33. P. 3-35; Russett B. Politics and Alternative Security: Toward a More Democratic, Therefore More Peaceful, World // Alternative Security: Living Without Nuclear Deterrence / Ed. by B.H.Weston. Boulder, Colo.: Westview Press, 1990. P. 107-136.

Глава 2

1. Rustow D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. April 1970. Vol. 2. P. 337ff.

2. Almond G.A. Approaches to Developmental Causation // Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development / Ed. by G.A.Almond, S.C.Flanagan, R.J.Mundt. Boston: Little, Brown, 1973. P. 28.

3. Rustow D.A. Transitions to Democracy. P. 337.

4. Weiner M. Empirical Democratic Theory // PS. Fall 1987. Vol. 20. P. 863.

5. Замечания о влиянии успеха союзников на демократизацию в некоторых латиноамериканских странах см.: McClintock C. Peru: Precarious Regimes, Authoritarian and Democratic // Democracy in Developing Countries: Latin America / Ed. by L.Diamond, J.J.Linz, S.M.Lipset. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1989. P. 344; Whitehead L. Bolivia's Failed Democratization, 1977-1980 // Transitions from Authoritarian Rule: Latin America / Ed. by G.O'Donnell, P.C.Schmitter, L.Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 52-53; Abugattas L.A. Populism and After: The Peruvian Experience // Authoritarians and Democrats: Regime Transition in Latin America / Ed. by J.M.Malloy, M.A.Seligson. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1987. P. 122; Vacs A.C. Authoritarian Breakdown and Redemocratization in Argentina // Authoritarians and Democrats. P. 16.

6. Weiner M. Empirical Democratic Theory. P. 862.

7. Democracy in a World of Tensions: A Symposium Prepared by UNESCO / Ed. by R.McKeon. Chicago: University of Chicago Press, 1951. P. 522. Цит. по: Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, N.J.: Chatham House Publishers, 1987. P. 3.

8. Psomiades H. Greece: From the Colonels' Rule to Democracy // From Dictatorship to Democracy: Coping with the Legacies of Authoritarianism and Totalitarianism / Ed. by J.H.Herz. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982. P. 251; Mainwaring S., Viola E.J. Brazil and Argentina in the 1980s // Journal of International Affairs. Winter 1985. Vol. 38. P. 203.

9. Almond G., Mundt R.J. Crisis, Choice, and Change: Some Tentative Conclusions // Crisis, Choice, and Change. P. 628.

10. Zich A. The Marcos Era // Wilson Quarterly. Summer 1986. Vol. 10. P. 126.

11. Schumacher E. Argentina and Democracy // Foreign Affairs. Summer 1984. Vol. 62. P. 1077.

12. Bruneau T.C. Discovering Democracy // Wilson Quarterly. New Year's 1985. Vol. 9. P. 68-69; Boston Globe. 1984. December 3. P. 2.

13. Clogg R. A Short History of Modern Greece. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 198. Подтверждение того, что экономическая эффективность греческого военного режима в целом была неудовлетворительной, см.: Danopoulos C.P. Military Professionalism and Regime Legitimacy in Greece, 1967-1974 // Political Science Quarterly. Fall 1983. Vol. 98. P. 495-498.

14. Jaquette J.S., Lowenthal A.F. The Peruvian Experiment in Retrospect // World Politics. January 1987. Vol. 39. P. 284; Rochon T.R., Mitchell M.J. Social Bases of the Transition to

Democracy in Brazil // Comparative Politics. April 1989. Vol. 21. P. 309.

15. Beltran V.R. Political Transition in Argentina: 1982 to 1985 // Armed Forces and Society. Winter 1987. Vol. 13/ P. 214—216; Mainwaring S., Viola E.J. Brazil and Argentina in the 1980s. P. 203.

16. Linz J., Stepan A. Political Crafting of Democratic Consolidation or Destruction: European and South American Comparisons // Democracy in the Americas. P. 47; New York Times, 1988. July 27. P. A2 (цит. по: Weigel G. Catholicism and Democracy: The Other Twentieth-Century Revolution // The New Democracies: Global Change and U.S. Policy / Ed. by B.Roberts. Cambridge: MIT Press, 1990. P. 33).

17. Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics! New York: Doubleday, 1960. P. 45—76; rev. ed. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981. P. 469—476; Dahl R.A. Polyarchy. P. 62—80; Lipset S.M., Kyoung-Ryung Seong, Torres J.C. D. Comparative Analysis of the Social Requisites of Democracy. Unpublished paper. Stanford University, 1990.

18. Bollen K.A., Jackman R.W. Economic and Noneconomic Determinants of Political Democracy in the 1960s // Research in Political Sociology. 1985. P. 38—39. Большой работе Зехри. Арат, посвященной данной взаимосвязи, серьезно вредит?.. методология, сводящая в единую зависимость переменную из-1 менения внутри режима и смену одного режима на другой. См.: Арат Z.F. Democracy and Economic Development: Modernization Theory Revisited // Comparative Politics. October 1988. Vol. 21. P. 21—37.

19. Sunshine J.H. Economic Causes and Consequences of Democracy. P. 109—110, 134—140.

20. Morawetz D. Twenty-five Years of Economic Development 1950 to 1975. Washington: World Bank, 1977. P. 12.

21. В идеале лучше было бы экономически классифицировать страны по их ВВП на душу населения в 1974 г., когда третья волна началась. Однако за тот год имеется лишь весьма ограниченное количество данных. Первый ежегодный отчет Всемирного банка о развитии, выпущенный в 1978 г., содержит среднедушевые показатели на 1976 г. по 125 политическим образованиям, включая страны с централизован-ным планированием экономики. Цифры, относящиеся к последним, не следует принимать слишком всерьез, и в последующие годы банк отказался от попыток предоставлять данные о странах с плановыми экономикami, не являющихся его членами. Впрочем, эти цифры можно считать достаточно верными для того, чтобы разбить все страны на четыре большие группы в целях настоящего анализа. См.: World

Development Report, 1978. Washington: World Bank, 1978. P. 76—77.

22. Cutright P. National Political Development: Measurement and Analysis // American Sociological Review. April 1963. Vol. 28. P. 253—264.

23. Seligson M.A. Democratization in Latin America: The Current Cycle; Idem. Development, Democratization, and Decay: Central America at the Crossroads // Authoritarians and Democrats. P. 6—11, 173—177; Baloyra E.A. Conclusion: Toward a Framework for the Study of Democratic Consolidation // Comparing New Democracies: Transition and Consolidation in Mediterranean Europe and the Southern Cone / Ed. by E.A.Baloyra. Boulder, Colo.: Westview Press, 1987. P. 297.

24. Глубокий и подробный анализ различных влияний нефтяного дохода и привлечения иностранного труда на экономическое и политическое развитие Саудовской Аравии и Северного Йемена см.: Chaudhry K.A. The Price of Wealth: Business and State in Labor Remittance and Oil Economies. Ph. D. diss. Harvard University, 1990.

25. Inkeles A., Diamond L.J. Personal Development and National Development: A Cross-National Perspective // The Quality of Life: Comparative Studies / Ed. by A.Szalai, F.M.Andrews. London: Sage Publications, 1980. P. 83; Lipset S.M., Seong K.-R, Torres J.C. A Comparative Analysis... P. 24—25; Inglehart R. The Renaissance of Political Culture // American Political Science Review. December 1988. Vol. 82. P. 1215—1220.

26. Lipset S.M., Seong K.-R, Torres J.C. A Comparative Analysis... P. 25—26; World Development Report 1984 / World Bank. New York: Oxford University Press, 1984. P. 266—267. Cp.: Dahl R.A. Polyarchy. P. 74—76.

27. Mainwaring S. The Transition to Democracy in Brazil // Journal of Interamerican Studies and World Affairs. September 1986. Vol. 28. P. 152.

28. New York Times. 1984. October 8. P. A3; Burton S. Impossible Dream: The Marcoses, the Aquinos, and the Unfinished Revolution. New York: Warner Books, 1989. P. 327.

29. Bermeo N. Redemocratization and Transition Elections: A Comparison of Spain and Portugal // Comparative Politics. January 1987. Vol. 19. P. 222.

30. Tun-jen Cheng. Democratizing the KMT Regime in Taiwan: Paper prepared for Conference on Democratization in the Republic of China. Taipei, Taiwan, Republic of China, January 9—11, 1989. P. 20. Более подробно о новом среднем классе и его политике на Тайване см. специальный выпуск, посвященный этой теме: Free China Review. November 1989. Vol. 39, а также: Chu Li-Hsi. New Generation Electorate // Free China Review. February 1990. Vol. 40. P. 48—50.

31. The Economist. 1987. June 20. P. 39; 1989. April 15. P. 24; Cotton J. From Authoritarianism to Democracy in South Korea // Political Studies. June 1989. Vol. 37. P. 252.
32. См.: Bermeo N. Redemocratization and Transition Elections. P. 219ff.; Linz J., Stepan A. Political Crafting... P. 48; Cardoso F.H. Entrepreneurs and the Transition Process: The Brazilian Case // Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives / Ed. by G.O'Donnell, P.C.Schmitter, L.Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 137—153.
33. Williams A. Southern Europe Transformed: Political and Economic Change in Greece, Italy, Portugal, and Spain. London: Harper & Row, 1984. P. 2—9; Tovias A. The International Context of Democratic Transition // The New Mediterranean Democracies: Regime Transition in Spain, Greece, and Portugal / Ed. by G.Pridham. London: Frank Cass, 1984. P. 159; Jaquette J.S., Lowenthal A.F. The Peruvian Experiment in Retrospect. P. 390; Conaghan C.M. Party Politics and Democratization in Ecuador // Authoritarians and Democrats. P. 146—147; Burton S. Impossible Dream. P. 283; New York Times. 1984. September 4. P. D1.
34. Diamandouros P.N. Regime Change and the Prospects for Democracy in Greece: 1974—1983 // Transitions from Authoritarian Rule: Southern Europe / Ed. by G.O'Donnell, P.C.Schmitter, L.Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 149.
35. Psomiades H. Greece. P. 252.
36. Medhurst K. Spain's Evolutionary Pathway from Dictatorship to Democracy // New Mediterranean Democracies. P. 30—31.
37. Краткое изложение такого же анализа см.: Lipset S.M., Seong K.-R., Torres J.C. A Comparative Analysis... P. 18—19.
38. Классификация стран по религиозному принципу дана на основе сведений из: The Statesman's Yearbook 1988—1989 / Ed. by J.Paxton. New York: St. Martin's Press, 1988. Очень маленькие страны и страны, где нет доминирующей религии, не учитывались.
39. Stokes H.S. Korea's Church Militant // New York Times Magazine. 1972. November 28. P. 68.
40. Цит. по: Fallows J. Korea Is Not Japan // Atlantic Monthly. October 1988. Vol. 262. P. 30.
41. Stokes H.S. Korea's Church Militant. P. 105; Washington Post. 1986. March 30. P. A3; New York Times. 1986. March 10. P. A3; 1987. April 15. P. A3; Lee S.-J. Political Liberalization and Economic Development in South Korea: Unpublished paper. Harvard University Department of Sociology, Center for Research on Politics and Social Organization, 1988. P. 22.
42. Bollen K.A. Political Democracy and the Timing of Development // American Sociological Review. August 1979. Vol. 44. No. 4. P. 583; Lipset S.M., Seong K.-R., Torres J.C. A Comparative Analysis... P. 29.
43. Trudeau P.E. Federalism and the French Canadians. New York: St. Martin's Press, 1968. P. 108. Цит. по: Lipset S.M., Seong K.-R., Torres J.C. A Comparative Analysis... P. 29.
44. Inglehart R. The Renaissance of Political Culture. P. 1226—1228.
45. Цит. по: Smith B.H. The Church and Politics in Spain: Challenges to Modern Catholicism. Princeton: Princeton University Press, 1982. P. 284.
46. Linz J.J. Religion and Politics in Spain: From Conflict to Consensus above Cleavage // Social Compass. 1980. Vol. 27. No. 2/3. P. 258.
47. Washington Post National Weekly Edition. 1987. Jan. 5. P. 29; Skidmore T.P. The Politics of Military Rule in Brazil, 1964—1985. New York: Oxford University Press, 1988. P. 27, 78; Villela H. The Church and the Process of Democratization in Latin America // Social Compass. 1979. Vol. 26. No. 2/3. P. 264; Smith B.H. Churches and Human Rights in Latin America: Recent Trends on the Subcontinent // Churches and Politics in Latin America / Ed. by D.H.Levine. Beverly Hills: Sage Publications, 1979. P. 155—193.
48. Skidmore T.P. The Politics of Military Rule... P. 78, 334; Bruneau T.C. The Political Transformation of the Brazilian Catholic Church. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. P. 222—223. Бруно подробно рассматривает десять инцидентов, свидетельствующих о нарастающем конфликте церкви и государства в Бразилии, с июля 1966 г. до начала 1972 г. (с. 182—216).
49. Skidmore T.P. The Politics of Military Rule... P. 137; Uhlig M.A. Pinochet's Tyranny // New York Review of Books. 1985. June 27. P. 38.
50. Bardaji A.F. Political Positions and Opposition in the Spanish Catholic Church // Government and Opposition. Spring 1976. Vol. 11. P. 200—201. См. также: Cooper. Catholicism and the Franko Regime. P. 35—44.
51. Bowen G.L. Prospects for Liberalization by Way of Democratization in Guatemala // Liberalization and Redemocratization in Latin America / Ed. by G.A.Lopez, M.Stohl. New York: Greenwood Press, 1987. P. 38.
52. Skidmore T.P. The Politics of Military Rule... P. 137; Uhlig M.A. Pinochet's Tyranny. P. 38.
53. Skidmore T.P. The Politics of Military Rule... P. 184.
54. Burton S. Impossible Dream. P. 217.

55. Skidmore T.P. The Politics of Military Rule... P. 137.
56. См. сообщения «Нью-Йорк тайме» о соответствующих папских визитах.
57. Time. 1989. December 4. P. 74; Garton Ash T. Eastern Europe: The Year of Truth // New York Review of Books. 1990 February 15. P. 17.
58. 1988 Catholic Almanac / Ed. by F.Foy. Huntington, Ind.: Our Sunday Visitor Books, 1987. P. 34.
59. New York Times. 1986. March 10. P. A3.
60. Ofrenco R.P. The Catholic Church in Philippine Politics // Journal of Contemporary Asia. 1987. Vol. 17 No 3 P. 329; Time. 1986. February 3. P. 34; February 17. P. 36, 39.
61. Dahl R.A. Polyarchy. P. 197. К четырнадцати случаям, которые выделяет в своем анализе Даль, я добавил Ирландию.
62. Sunshine J.H. Economic Causes and Consequences of Democracy. P. 134—140.
63. Alting Von Geusau F.A.M. Shaping the Enlarged Community: A Survey // From Nine to Twelve: Europe's Destiny? / Ed. by J.S.Schneider. Alphen aan den Rijn: Sijthoff and Noordhoff, 1980. P. 218.
64. Vemey S. Greece and the European Community // Political Change in Greece: Before and After the Colonels / Ed. by K.Featherstone, D.K.Katsoudas. London: Croom Helm 1987. P. 259.
65. Wiarda H.J. The Significance for Latin America of the Spanish Democratic Transition // Spain in the 1980s: The Democratic Transition and a New International Role / Ed. by R.P.Clark, M.H.Haltzel. Cambridge, Mass.: Ballinger Publishing, 1987. P. 159; Bermeo N. Redemocratization and Transition Elections. P. 218; Maxwell K. Portugal: A Neat Revolution // New York Review of Books. 1974. June 13. P. 16.
66. Bruneau T.C. Portugal in 1970s: From Regime to Regime: Paper prepared for Annual Meeting, American Political Science Association, Washington, D.C., August 28—31 1980 P. 15-16.
67. См.: Jacoby T. The Reagan Turnaround on Human Rights // Foreign Affairs. Summer 1986. Vol. 64. P. 1066—1086. Краткий обзор политики США по правам человека, выявляющий сходство в подходах Картера и Рейгана, см.: Dobriansky P. Human Rights and U.S. Foreign Policy // The New Democracies. P. 145—161. О роли Конгресса см.: Forsythe D.P. Human Rights and U.S. Foreign Policy: Congress Reconsidered. Gainesville: University of Florida Press, 1988. Анализ политики Картера см.: Muravchik J. The Uncertain

- Crusade: Jimmy Carter and the Dilemmas of Human Rights Policy. Lanham, Md.: Hamilton Press, 1986.
68. Цит. по: Muravchik J. The Uncertain Crusade. P. 214.
69. Whitehead L. Bolivia's Failed Democratization // Transitions from Authoritarian Rule: Latin America. P. 66, 223; New York Times. 1984. November 29. P. A3; 1989. January 15. P. 6; Time. 1987. June 29. P. 22; Economist. 1989. January 21. P. 40.
70. Цит. соответственно по: Hurtado O. Changing Latin American Attitudes: Prerequisite to Institutionalizing Democracy // Democracy in the Americas. P. 101; Boston Globe. 1984. December 3. P. 2; Burton S. Impossible Dream. P. 343; New York Times. 1980. August 1. P. A23.
71. См.: Abugattas L.A. Populism and After. P. 132; Maucri P. Nine Cases of Transitions and Consolidations // Democracy in the Americas. P. 217, 229; McClintock C. The Prospects for Democratic Consolidation in the «Least Likely» Case: Peru // Democracy in Developing Countries; Wiarda H.J. The Dominican Republic: Mirror Legacies of Democracy and Authoritarianism // Democracy in Developing Countries: Latin America. P. 437; New York Times. 1988. October 4. P. A6; Falcoff M. The Democratic Prospect in Latin America // The New Democracies. P. 68-69.
72. Garton Ash T. Eastern Europe: The Year of Truth // New York Review of Books. 1990. February 15. P. 17; Dobbs M. Gorbachev: Riding the Tiger // Washington Post National Weekly Edition. 1990. January 8-14. P. 6-7; Washington Post. 1989. November 22. P. 1; The New Germany // Economist. 1990. June 30. P. 4—5; Nevers R. The Soviet Union and Eastern Europe: The End of an Era. London: International Institute for Strategic Studies, Adelphy Paper No. 249, 1990.
73. Almond G., Mundt R.J. Crisis, Choise, and Change. P. 626-629; Huff D.L., Lutz J.M. The Contagion of Political Unrest in Independent Black Africa // Economic Geography. October 1974. Vol. 50. P. 352-367; Li R.P.Y., Thompson W.R. The «Coup Contagion» Hypothesis // Journal of Conflict Resolution. March 1975. Vol. 19. P. 63-88; Lutz J.M. The Diffusion of Political Phenomena in Sub-Saharan Africa // Journal of Political and Military Sociology. Spring 1989. Vol. 17. P. 93-114.
74. Maxwell K. Regime Overthrow and the Prospects for Democratic Transition in Portugal // Transitions from Authoritarian Rule: Southern Europe. P. 132; Maravall J. The Transition to Democracy in Spain. London: Croom Helm, 1982. P. 65.
75. New York Times. 1989. May 14. P. E6.
76. Washington Post. 1974. June 19. P. A10; Preston P. The Triumph of Democracy in Spain. London: Methuen, 1986. P. 60.
77. Falcoff M. The Democratic Prospect in Latin America. P. 67—68; Pastor R.A. How to Reinforce Democracy in the

Americas: Seven Proposals // *Democracy in the Americas*. P. 143; Wiarda H.J. The Significance for Latin America of the Spanish Democratic Transition // *Spain in the 1980s*. P. 165—172.

78. *New York Times*. 1983. December 13. P. 3; 1984. January 22. P. E3; *Washington Post*. 1984. January 25. P. A5.

79. *New York Times*. 1986. March 15. P. A7; *Boston Globe*. 1986. April 5. P. 1.

80. Garton Ash T. *The Revolution of the Magic Lantern* // *New York Review of Books*. 1990. January 18. P. 51; *Time*. 1989. November 27. P. 41.

81. Эта фраза, по-видимому, впервые появилась у Тимоти Гартон Эша. См.: Garton Ash T. *The Revolution of the Magic Lantern*. P. 42.

82. *New York Times*. 1989. December 28. P. A13.

83. О лидерах и выборе, который они делают, см.: Huntington S.P., Nelson J.M. *No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries*. Cambridge: Harvard University Press, 1976. P. 159—171; Diamond L. *Crisis, Choice, and Structure: Reconciling Alternative Models for Explaining Democratic Success and Failure in the Third World*. Paper presented to Annual Meeting, American Political Science Association, Atlanta, Georgia, August 31 — September 3, 1989. См. также о мотивах демократизации ниже, гл. 3.

Глава 3

1. См., напр.: Bingham Powell, Jr., G. *Contemporary Democracies: Participation, Stability, and Violence*. Cambridge: Harvard University Press, 1982. Chaps. 5—9; Linz J.J. *Perils of Presidentialism* // *Journal of Democracy*. Winter 1990. Vol. 1. P. 51—69.

2. Dahl R.A. *Polyarchy*. P. 33—40.

3. См.: Horowitz D.L. *Three Dimensions of Ethnic Politics* // *World Politics*. January 1971. Vol. 23. P. 232—236; Huntington S.P., Dominguez J.I. *Political Development* // *Handbook of Political Science*. Vol. 3 / Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. P. 74—75.

4. См.: Needier M.C. *The Military Withdrawal from Power in South America* // *Armed Forces and Society*. Summer 1980. Vol. 6. P. 621—623.

5. Об условиях, на которых военные правители договаривались о своем уходе от власти, см.: Dix R.H. *The Breakdown of Authoritarian Regimes* // *Western Political Quarterly*. December 1982. Vol. 35. P. 567—568 (о «выходных гарантиях»); Weiner M. *Empirical Democratic Theory*. P. 864—865; Baloyra E.A. *Conclusion: Towards a Framework for the Study of Democratic*

Consolidation // *Comparing New Democracies*. P. 299—300; Stepan A. *Rethinking Military Politics: Brazil and the Southern Cone*. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 64—65; Mauceri P. *Nine Cases of Transitions and Consolidations*. P. 225, 229; Abugattas L.A. *Populism and After*. P. 137—139; Vacs A.C. *Authoritarian Breakdown and Redemocratization in Argentina*. P. 30—31; Diamandouros P.N. *Transition to, and Consolidation of, Democratic Politics in Greece, 1974—1983: A Tentative Assessment* // *The New Mediterranean Democracies*. P. 54; Psomiades H.J. *Greece*. P. 253—254.

6. Tun-jen Cheng. *Democratizing the Quasi-Leninist Regime in Taiwan*. P. 496.

7. *New York Times*. 1990. March 9. P. A1, A11; March 11. P. E3.

8. Geremek B. *Postcommunism and Democracy in Poland* // *Washington Quarterly*. Summer 1990. Vol. 13. P. 129.

9. *New York Times*. 1990. March 11. P. E3.

10. Похожие выводы см.: Zartman I.W. *Transition to Democracy from Single-Party Regimes: Lessons from North America*. Paper presented to Annual Meeting, American Political Science Association, Atlanta, Georgia, August 31 — September 3, 1989. P. 2—4.

И. См.: Betts R.K., Huntington S.P. *Dead Dictators and Rioting Mobs: Does the Demise of Authoritarian Rulers Lead to Political Instability?* // *International Security*. Winter 1985—1986. Vol. 10. P. 112—146.

12. См.: Carr R. *Introduction: The Spanish Transition to Democracy in Historical Perspective* // *Spain in the 1980s*. P. 3—4.

13. Stepan A. *Introduction* // *Democratizing Brazil: Problems of Transition and Consolidation* / Ed. by A. Stepan. New York: Oxford University Press, 1989. P. IX.

14. *Ibid.*; Mainwaring S. *The Transition to Democracy in Brazil* // *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*. Spring 1986. Vol. 28. P. 149; Medhurst K. *Spain's Evolutionary Pathway from Dictatorship to Democracy* // *New Mediterranean Democracies*. P. 30.

15. Preston P. *The Triumph of Democracy in Spain*. London: Methuen, 1986. P. 93; Share D., Mainwaring S. *Transitions Through Transactions: Democratization in Brazil and Spain* // *Political Liberalization in Brazil: Dynamics, Dilemmas, and Future Prospects* / Ed. by W.A. Selcher. Boulder, Colo.: Westview Press, 1986. P. 179; Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 344—357.

16. Rupnik J. Hungary's Quiet Revolution // *New Republic*. 1989. November 20. P. 20; *New York Times*. 1989. April 16. P. E3.
17. Цит. по: Authoritarians and Democrats. P. 129; Borzutzky S.T. The Pinochet Regime: Crisis and Consolidation // *Authoritarians and Democrats*. P. 85.
18. См.: Needier M.C. The Military Withdrawal... P. 621-623. Там говорится о «второй фазе» переворотов и сделано замечание, что «военное правительство, которое возвращает власть в гражданские руки, — уже не то, которое когда-то вырвало власть у конституционного правительства».
19. Stepan A. Rethinking Military Politics. P. 32—40; Skidmore T.E. Brazil's Slow Road to Democratization: 1974—1985 // *Democratizing Brazil*. P. 33. Такая интерпретация совпадает с моим собственным впечатлением о намерениях Гольбери, сложившимся, когда я в 1974 г. работал с ним над планами демократизации Бразилии. Аргументы против нее см.: Baretta S.R.D., Markoff J. Brazil's *Abertura*: A Transition from What to What? // *Authoritarians and Democrats*. P. 45—46.
20. Цит. по: Weffort F. Why Democracy? // *Democratizing Brazil*. P. 332.
21. Carr R., Aizpurua J.P.F. Spain: Dictatorship to Democracy. 2nd ed. London: Allen & Unwin, 1981. P. 198-206.
22. Цит. по: Remnick D. The Struggle for Light // *New York Review of Books*. 1990. August 16. P. 6.
23. См.: Stepan A. Rethinking Military Politics. P. 42—43.
24. Джузеппе ди Пальма вскрыл значимость легитимности прошлого в своей работе: Di Palma G. Founding Coalitions in Southern Europe: Legitimacy and Hegemony // *Government and Opposition*. Spring 1980. Vol. 15. P. 170. См. также: Bermeo N. Redemocratization and Transition Elections. P. 218.
25. Payne S.G. The Role of the Armed Forces in the Spanish Transition // *Spain in the 1980s*. P. 86; Stepan A. Rethinking Military Politics. P. 36.
26. Тезисы, вынесенные ЦК на 9-й съезд компартии Испании 5—9 апр. 1978 г., цит. по: Linz J.J. Some Comparative Thoughts on the Transition to Democracy in Portugal and Spain // *Portugal Since the Revolution: Economic and Political Perspectives* / Ed. by J.Braga de Macedo, S.Serfaty. Boulder, Colo.: Westview Press, 1981. P. 44; Preston P. Triumph of Democracy in Spain. P. 137.
27. Skidmore T.E. Brazil's Slow Road... P. 34.
28. Beltran V.R. Political Transition in Argentina: 1982 to 1985 // *Armed Forces and Society*. Winter 1987. Vol. 13. P. 217; Mainwaring S., Viola E.J. Brazil and Argentina in the 1980s // *Journal of International Affairs*. Winter 1985. Vol. 38. P. 206-209.
29. Harvey R. Portugal: Birth of a Democracy. London: Macmillan, 1978. P. 2.
30. Almond G.A. Approaches to Developmental Causation // *Crisis, Choice, and Change*. P. 32.
31. *Washington Post*. 1983. October 7. P. A3; Whitehead L. Bolivia's Failed Democratization. P. 59.
32. Статья «Леоплитакса», названного «политическим обозревателем польской подпольной прессы»: *Uncaptive Minds*. May-June-July 1989. Vol. 2. P. 5.
33. Mufson S. Uncle Joe // *New Republic*. 1987. September 28. P. 22-23; *Washington Post National Weekly*. 1990. February 19-25. P. 7.
34. Boeniger E. The Chilean Road to Democracy // *Foreign Affairs*. Spring 1986. Vol. 64. P. 821.
35. Husarska A. A Talk with Adam Michnik // *New Leader*. 1989. April 3 - 17. P. 10; Sulkowski M. The Dispute About the General // *Uncaptive Minds*. March - April 1990. Vol. 3. P. 7-9.
36. См.: Cotton J. From Authoritarianism to Democracy in South Korea // *Political Studies*. June 1989. Vol. 37. P. 252-253.
37. *Economist*. 1986. May 10. P. 39; Stepan A. The Last Days of Pinochet? // *New York Review of Books*. 1988. June 2. P. 34.
38. Цит. по: Weffort F. Why Democracy? P. 345; Sanders T.G. Decompression // *Military Government and the Movement Toward Democracy in South America* / Ed. by H.Handelman, T.G.Sanders. Bloomington: Indiana University Press, 1981. P. 157. Как указывает Вейфорт, в Бразилии такой совет был несколько излишним. Прежде чем начать процесс трансформации, бразильский военный режим физически устранил большинство серьезных радикалов. Эта рекомендация гораздо уместнее в ситуации замещения.
39. *Time*. 1990. June 25. P. 21.
40. Слова Манделы цит. по: Baker P.H. A Turbulent Transition // *Journal of Democracy*. Fall 1990. Vol. 1. P. 17. Слова Боты: *Washington Post National Weekly Edition*. 1990. May 14-20. P. 17.

и соглашениях см.: Karl T.L. Petroleum and Political Pacts: The Transition to Democracy in Venezuela // *Transitions from Authoritarian Rule: Latin America*. P. 196–219; Levine D.H. Venezuela since 1958: The Consolidation of Democratic Politics // *The Breakdown of Democratic Regimes: Latin America* / Ed. by J.J.Linz, A.Stepan. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. P. 93–98; Wilde A.W. Conversations among Gentlemen: Oligarchical Democracy in Colombia // *Ibid.* P. 58–67; Hartlyn J. Colombia: The Politics of Violence and Accommodation // *Democracy in Developing Countries: Latin America*. P. 306 – 307.

2. Maravall J. The Transition to Democracy in Spain. P. 42–44; Share D., Mainwaring S. Transitions Through Transaction. P. 175–179.

3. Carr R. Introduction: The Spanish Transition to Democracy in Historical Perspective // *Spain in the 1980s*. P. 4–5.

4. Lamentowicz W. Dilemmas of the Transition Period // *Uncaptive Minds*. November – December 1989. Vol. 2. P. 19.

5. Carr R. Introduction. P. 4–5; Gunther R. Democratization and Party Building: The Role of Party Elites in the Spanish Transition // *Spain in the 1980s*. P. 54–58.

6. Dunkerley J., Morales R. The Crisis in Bolivia // *New Left Review*. January–February 1986. Vol. 155. P. 100–101; *International Herald Tribune*. 1990. April 28–29. P. 3.

7. *New York Times*. 1989. March 2. P. 1; March 24. P. A10.

8. Lamentowicz W. Dilemmas of the Transition Period.

9. Giner S. Southern European Socialism in Transition // *The New Mediterranean Democracies*. P. 140, 155.

10. Medhurst K. Spain's Evolutionary Pathway from Dictatorship to Democracy. P. 38; Lamounier B. Challenges to Democratic Consolidation in Brazil: Paper presented at Annual Meeting, American Political Science Association, Washington, D.C., September 1–4, 1988. P. 19–20; *New York Times*. 1989. August 1. P. A4.

11. Примерно то же о необходимости компромиссов см.: Di Palma G. Government Performance: An Issue and Three Cases in Search of Theory // *New Mediterranean Democracies*. P. 175–177.

12. Giner S. Southern European Socialism in Transition. P. 149; Diamandouros P.N. Transition to, and Consolidation of... P. 64.

13. Skidmore T.E. Brazil's Slow Road... P. 33–34; *Economist*. 1988. September 17. P. 48.

14. Weiner M. Empirical Democratic Theory. P. 865.

15. *New York Times*. 1987. September 1. P. 1.

16. Levine D.H. Venezuela since 1958. P. 89–92; Mauceri P. Nine Cases of Transitions and Consolidations. P. 215.

17. All the Spains: A Survey // *Economist*. 1979. November 3. P. 3; Gunther R. Democratization and Party Building. P. 58.

18. Mainwaring S., Viola E.J. Brazil and Argentina in the 1980s // *Journal of International Affairs*. Winter 1985. Vol. 38. P. 208–209.

19. Gallon Ash T. The Revolution of the Magic Lantern. P. 51.

20. Skidmore T.E. Brazil's Slow Road... P. 9–10.

21. Abugattas L.A. Populism and After. P. 137–138.

22. Gillespie C.G., Gonzalez L.E. Uruguay: The Survival of Old and Autonomous Institutions // *Democracy in Developing Countries: Latin America*. P. 223–224; *Economist*. 1982. December 4. P. 63; *New York Times*. 1980. December 2. P. A3; December 6. P. 3.

23. Vacs A.C. Authoritarian Breakdown and Redemocratization in Argentina. P. 16; *New York Times*. 1983. November 1. P. 1, A14; *Washington Post*. 1983. November 1. P. A1.

24. *Time*. 1983. November 21. P. 43; *Washington Post*. 1983. November 5. P. A10; *New York Times*. 1983. November 6. P. 6.

25. *Washington Post*. 1985. February 13. P. A1, A28.

26. Rose L.E. Pakistan: Experiments with Democracy // *Democracy in Developing Countries: Asia* / Ed. by L.Diamond, J.J.Linz, S.M.Lipset. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1989. P. 125–126.

27. Cea J.L. Chile's Difficult Return to Constitutional Democracy // *PS*. Summer 1987. Vol. 20. P. 669.

28. *New York Times*. 1989. March 28. P. 1; *Economist*. 1989. April 1. P. 39.

29. *New York Times*. 1989. June 6. P. A1; *Economist*. 1989. June 10. P. 43–44.

30. *New York Times*. 1990. February 27. P. A12; March 1. P. A20; March 8. P. A3; *Boston Globe*. 1990. February 27; Gjalten T. Let's Make a Deal // *New Republic*. 1990. March 19. P. 14; *Washington Post National Weekly Edition*. 1990. March 5–11. P. 7.

31. *New York Times*. 1990. May 29. P. A9; *Daily Telegraph* (London). 1990. May 28. P. 12; *Los Angeles Times*. 1990. July 10. P. H2.

32. *New York Times*. 1990. June 14. P. 1; June 15. P. A9; *Washington Post National Weekly Edition*. 1990. June 18–24. P. 18.

33. См.: Garreton M.A. Political Processes in an Authoritarian Regime: The Dynamics of Institutionalization and Opposition in Chile, 1973-1980 // *Military Rule in Chile: Dictatorship and Oppositions* / Ed. by J.S.Valenzuela, A.Valenzuela. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 173—174. Во время прежнего плебисцита в январе 1978 г. чилийский народ призвали сплотиться вокруг Пиночета в противовес «международной агрессии» против его страны. Это напоминало плебисциты в фашистских и коммунистических странах, когда правительство получало более 90% голосов; однако и тогда Пиночета поддержали только 75% чилийских избирателей.

34. Skidmore T.E. *Brazil's Slow Road...* P. 23.

35. Harris G.S. *Turkey: Coping with Crisis*. Boulder, Colo.: Westview Press, 1985. P. 59.

36. Sun-joo Han. *South Korea: Politics in Transition* // *Democracy in Developing Countries: Asia*. P. 283—284; Henderson G. *Constitutional Changes from the First to the Sixth Republics: 1948 to 1987* // *Political Change in South Korea* / Ed. by I.J.Kim, Young Whan Kihl. New York: Korean PWPA, 1988. P. 38.

37. Whitehead L. *Bolivia's Failed Democratization*. P. 58—60.

38. Цит. по: Stepan A. *The Last Days of Pinochet?* P. 33.

39. Цит. по: Danopoulos C P. *From Military to Civilian Rule in Contemporary Greece* // *Armed Forces and Society*. Winter 1984. Vol. 10. P. 236-237.

40. Burton S. *Impossible Dream*. P. 102; Rizvi H.-A. *The Civilianization of Military Rule in Pakistan* // *Asian Survey*. October 1986. Vol. 26. P. 1076-1077; *Economist*. 1988. October 29. P. 43.

41. Jackson K.D. *The Philippines: The Search for a Suitable Democratic Solution, 1946—1986* // *Democracy in Developing Countries: Asia*. P. 253; Rizvi H.-A. *The Civilianization of Military Rule in Pakistan*. P. 1076—1077; *Economist*. 1990. June 16. P. 45; *New York Times*. 1990. June 15. P. A9.

42. Цит. по: Burton S. *Impossible Dream*. P. 200—201; *Economist*. 1988. September 10. P. 44-47.

43. *Economist*. 1985. June 29. P. 38f.

44. Burton S. *Impossible Dream*. P. 208—211.

45. Carr R., Aizpurua J.P.F. *Spain: Dictatorship to Democracy*. P. 227.

46. Слова Криса Хани цит. по: *Economist*. 1988. June 18. P. 46. Слова Алвару Куньяла цит. по: Maxwell K. *Regime Overthrow and the Prospects for Democratic Transition in Portugal*. P. 123.

47. Эти данные о жертвах политического насилия взяты в первую очередь из сообщений в прессе, и к ним нужно относиться с известной долей скепсиса. С одной стороны, первые оценки количества жертв любого «инцидента» или «бойни» почти всегда бывают преувеличены и позднее подвергаются корректировке. См., напр., как понизилось число убитых в Пекине в июне 1989 г. и в Бухаресте в декабре 1989 г.: в первоначальных сообщениях назывались соответственно цифры 2 700 и 60 000 чел. (*New York Times*. 1990. June 3. P. 20; *Economist*. 1990. January 6. P. 47). С другой стороны, в правительственных сообщениях обычно занижаются как причиненные, так и понесенные силами безопасности потери, а многие политические смерти могут не попадать в официальную или независимую статистику, потому что убийцы или друзья жертв скрывают тела. Образец изолированного анализа политических смертей в Южной Африке за 1977—1984 г. см.: van der Merwe H.W. *A Technique for the Analysis of Political Violence* // *Politikon*. December 1989. Vol. 16. P. 63—74, Южноафриканский Институт расовых отношений оценивает число погибших от политического насилия за период с сентября 1984 г. по октябрь 1990 г. в 8 577 чел. (Safo W. *Special Report on Violence against Black Town Councillors and Policemen*. Johannesburg: South African Institute of Race Relations, December 1990. P. 1).

48. См.: Wheeler D.L. *The Military and the Portuguese Dictatorship, 1926—1974: «The Honor of the Army»* // *Contemporary Portugal: The Revolution and Its Antecedents* / Ed. by L.S.Graham, H.M.Makler. Austin: University of Texas Press, 1979. P. 215; Hammond J.L. *Electoral Behavior and Political Militancy* // *Ibid.* P. 269—275; Porch D. *The Portuguese Armed Forces and the Revolution*. London: Croom Helm, 1977. P. 165, 228; Bruneau T.C. *Discovering Democracy* // *Wilson Quarterly*. New Year's 1985. Vol. 9. P. 70-71.

49. Lopez-Pintor R. *Los condicionamientos socioeconómicos de la acción política en la transición democrática* // *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. 1981. Vol. 15. P. 21. Вочнп.: Ortega J.I.W. *The Transition from Below: Public Opinion Among the Spanish Population from 1977 to 1979* // *Spain at the Polls, 1977, 1979, and 1982: A Study of the National Elections* / Ed. by H.R.Penniman, E.M.Mujal-Leon. Durham, N.C.: Duke University Press, American Enterprise Institute, 1985. P. 344.

50. Garton Ash T. *Eastern Europe: The Year of Truth*. P. 18.

51. Weffort F. *Why Democracy?* P. 341-345.

52. Mainwaring S., Viola E.J. *Brazil and Argentina in the 1980s*. P. 208; *New York Times*. 1982. December 17. P. A6; *December 18*. P. 3; *December 20*. P. A2.

53. Myers R.H. Political Theory and Recent Political Developments in the Republic of China // *Asian Survey*. September 1987. Vol. 27. P. 1013; *New York Times*. 1986. December 1. P. A3; December 2. P. A6; *Washington Post National Weekly Edition*. 1990. January 22–28. P. 10.
54. Garton Ash T The German Revolution // *New York Review of Books*. 1989. December 21. P. 16.
55. *New York Review of Books*. 1990. February 15. P. 19.
56. *New York Times*. 1984. September 28. P. A3.
57. *Economist*. 1990. February 17. P. 35.
58. См.: Hehir J.B. Papal Foreign Policy // *Foreign Policy*. Spring 1990. Vol. 78. P. 45–46. Там приводится мнение Иоанна Павла II, «что насилие есть зло, что насилие как способ решения проблем неприемлемо» и поэтому не может быть «голой революционной» доктрины, — это мнение разделяют не все среди католического духовенства.
59. *New York Times*. 1983. August 22. P. A8.
60. Слова Збигнева Бюяка цит. по: Mason D.S. Solidarity as a Social Movement // *Political Science Quarterly*. Spring 1989. Vol. 104. P. 53. См. также: интервью Леха Валенсы Нилу Ко-нану, корреспонденту Национального общественного радио, 5 февр. 1985; Garton Ash T. *Eastern Europe*. P. 19.
61. Buthelezi M.G. Disinvestment Is Anti-Black // *Wall Street Journal*. 1985. February 20. P. 32.
62. *New York Times*. 1987. January 20. P. 3; Herbst J. Prospects for Revolution in South Africa // *Political Science Quarterly*. Winter 1988–1989. Vol. 103. P. 681–682.
63. *Economist*. 1985. July 27. P. 26; *Washington Post National Weekly Edition*. 1986. July 21. P. 15.
64. *Washington Post*. 1984. March 28. P. A16; *New York Times*. 1984. October 30. P. A1; *Boston Globe*. 1984. October 31. P. 3; November 28. P. 17; Lane C Marcos, He Ain't // *New Republic*. 1986. July 7. P. 21.
65. *New York Times*. 1986. May 15. P. A21; June 17. P. A2; 1987. March 4. P. A3; August 4. P. A13.
66. Flanigan W., Fogelman E. Patterns of Democratic Development: An Historical Comparative Analysis // *Macro-Quantitative Analysis: Conflict, Development, and Democratization* / Ed. by J.V.Gillespie, B.A.Nesvold. Beverly Hills: Sage Publications, 1971. P. 487–488.

Глава 5

1. О проблемах демократической консолидации см. также: Linz J., Stepan A. *Political Crafting...* P. 41–61; Whitehead L. *The Consolidation of Fragile Democracies: A Discussion*

with Illustrations // *Democracy in the Americas*. P. 79–95; Gillespie C.G. *Democratic Consolidation in the Southern Cone and Brazil: Beyond Political Disarticulation* // *Third World Quarterly*. April 1989. Vol. 11. P. 92–113.

2. Вдумчивое исследование этих вопросов со ссылками на случаи, относящиеся ко второй волне и началу третьей волны, см.: Herz J.H. *On Reestablishing Democracy after the Downfall of Authoritarian or Dictatorial Regimes* // *Comparative Politics*. July 1978. Vol. 10. P. 559–562 (там Херц формулирует вопрос как «простить и забыть или судить и чистить?»); Idem. *Conclusion* // *From Dictatorship to Democracy*. P. 277–281. Сравнение соответствующего опыта третьей волны в Аргентине, Бразилии и Уругвае см.: Stepan A. *Rethinking Military Politics*. P. 69–72, 107–108, 115–116. Великолепное обсуждение политических и нравственных проблем см.: *Aspen Institute, Justice and Society Program. State Crimes: Punishment or Pardon*. Queenstown, Md.: The Aspen Institute, Papers and Report of a Conference, November 4–6, 1988, 1989.

3. Эти данные, естественно, весьма приблизительные, взяты из разных источников, включая те, на которые я ссылался в гл. 4, говоря о жертвах демократизации. Цифры по Чили см. также: *New York Times*. 1989. August 1. P. A4; 1990. March 13. P. A3. По Бразилии: *New York Times*. 1985. December 15. P. 15.

4. Цит. по: Weschler L. *The Great Exception: I — Liberty* // *New Yorker*. 1989. April 3. P. 84.

5. Whitehead L. *Consolidation of Fragile Democracies*. P. 84.

6. Neier A. *What Should Be Done About the Guilty?* // *New York Review of Books*. 1990. February 1. P. 35.

7. Havel V. *New Year's Address* // *Uncaptive Minds*. January–February 1990. Vol. 3. P. 2.

8. Цит. по: Weschler L. *The Great Exception: I — Liberty*. P. 84.

9. Neier A. *What Should Be Done About the Guilty?* P. 35.

10. *New York Times*. 1989. August 1. P. A4; 1990. March 10. P. 4; *Boston Globe*. 1989. December 10. P. 17.

11. *New York Times*. 1983. May 29. P. E3.

12. Diamandouros P.N. *Transition to, and Consolidation of...* P. 57.

13. Psomiades H. *Greece*. P. 262–265. Точное число дел о пытках неизвестно, поскольку эти процессы проводились в самой различной юрисдикции и по обвинениям в самых разных преступлениях (физическое насилие, превышение власти), которые трудно отграничить от обычных уголовных дел.

14. См.: Nunca Mas: The Report of the Argentina National Commission on the Disappeared. New York: Farrar Strauss Giroux, 1986. P. 10, 51, *passim*.

15. Diamandouros P.N. Democratic Politics in Greece // *New Mediterranean Democracies*. P. 58.

16. Psomiades H. Greece. P. 263–264; *New York Times*. 1990. December 31. P. 3.

17. Ranis P. The Dilemmas of Democratization in Argentina // *Current History*. January 1986. Vol. 85. P. 30; Fox E. Argentina: A Prosecution in Trouble // *Atlantic Monthly*. March 1985. Vol. 255. P. 42.

18. *New York Times*. 1986. December 28. P. E3; 1987. February 21. P. 4; *Economist*. 1986. December 13. P. 42.

19. *New York Times*. 1990. December 30. P. 9.

20. *International Herald Tribune*. 1987. June 27–28. P. 5.

21. Cotton J. From Authoritarianism to Democracy in South Korea // *Political Studies*. June 1989. Vol. 37. P. 257.

22. Weschler L. The Great Exception: I — Liberty. P. 83; Stepan A. Rethinking Military Politics. P. 70–71. Я опирался в первую очередь на освещение уругвайской полемики, по вопросу об амнистии Вешлером. Его статьи в «Нью-Йоркер» впоследствии вошли в книгу: Weschler L. *A Miracle, A Universe: Settling Accounts with Torturers*. New York: Pantheon Books, 1990.

23. Данило Арбилья, цит. по: *Newsweek*. 1985. January 28. P. 23.

24. Weschler L. The Great Exception: I — Liberty. P. 85.

25. *New York Times*. 1989. April 18. P. A8.

26. Цит. по: *Washington Post*. 1986. February 2. P. C5.

27. Neier A. What Should Be Done About the Guilty? P. 34; *New York Times*. 1990. June 3. P. 6; June 11. P. A4.

28. Weschler L. The Great Exception: II — Impunity // *New Yorker*. 1989. April 10. P. 92–93; *Boston Globe*. 1989. April 16. P. 20.

29. Neier A. What Should Be Done About the Guilty? P. 34.

30. Schoenfeld G. Crimes and Punishments // *Soviet Prospects*. October 1990. Vol. 2; Bugajski J. Score Settling in Eastern Europe // *Ibid.* P. 1–3; *New York Times*. 1990. January 1. P. A13; July 7. P. A8; November 11. P. A16; *Times (London)*. 1990. May 29. P. 11.

31. *Problems in the Soviet Military // Soviet/East European Report*. 1990. September 20. Vol. 7. P. 1–2; *New York Times*. 1990. July 5. P. A7.

32. *New York Times*. 1989. May 11. P. A7.

33. McClintock C. The Prospects for Democratic Consolidation... P. 142; Shubert A. The Military Threat to Spanish Democracy: A Historical Perspective // *Armed Forces and Society*. Summer 1984. Vol. 10. P. 535; Zagorski P.W. Civil-Military Relations and Argentine Democracy // *Armed Forces and Society*. Spring 1988. Vol. 14. P. 423.

34. Psomiades H. Greece. P. 207.

35. Mujal-Leon E. The Crisis of Spanish Democracy // *Washington Quarterly*. Spring 1982. Vol. 5. P. 104; *New York Times*. 1981. November 15. P. A17; November 21. P. 2.

36. Bruneau T.C., MacLeod A. Politics in Contemporary Portugal. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1986. P. 118–126; *Washington Post*. 1984. January 28. P. A17, A24.

37. *New York Times*. 1990. March 11. P. E3, E21; September 18. P. 11; *Time*. 1990. March 26. P. 26.

38. Bruneau T.C., MacLeod A. Politics in Contemporary Portugal. P. 24. См. также вообше гл. 1 и 6 и следующую работу: Opello W.C., Jr. *Portugal's Political Development: A Comparative Approach*. Boulder, Colo.: Westview Press, 1985. Chap. 7.

39. *New York Times*. 1990. September 9. P. 6; December 6. P. A14; 1991. January 22. P. A17.

40. Barkey H.J. Why Military Regimes Fall: The Perils of Transition // *Armed Forces and Society*. Winter 1990. Vol. 16. P. 187; *New York Times*. 1987. July 3. P. A5; 1990. December 4. P. A13; *Economist*. 1987. July 4. P. 47.

41. См.: Diamandouros P.N. Transition to, and Consolidation of... P. 60; Danopoulos C.P. From Balconies to Tanks: Post-Junta Civil-Military Relations in Greece // *Journal of Political and Military Sociology*. Spring 1985. Vol. 13. P. 91, 95; McClintock C. Prospects for Democratic Consolidation... P. 134; Heywood P. Spain: 10 June 1987 // *Government and Opposition*. Autumn 1987. Vol. 22. P. 397–398. Даноупулос использует метафору «кнут и пряник», характеризуя военную политику Караманлиса и Папандреу.

42. Shubert A. The Military Threat to Spanish Democracy. P. 535–537; Needier M.C. Legitimacy and the Armed Forces in Transitional Spain: Paper prepared for Meeting, International Political Science Association, Rio de Janeiro, August 10–14, 1982. P. 16.

43. *International Herald Tribune*. 1990. May 30. P. 5; *New York Times*. 1982. March 31. P. A4; *Times (London)*. 1990. March 29. P. 13.

44. Danopoulos C.P. From Balconies to Tanks. P. 91–92; Giner S. Southern European Socialism in Transition. P. 151; *New York Times*. 1982. March 31. P. A4.

45. Цит. по: New York Times. 1989. July 22. P. 3.
46. On the Edge of Europe: A Survey of Portugal // *Economist*. 1984. June 30. P. 7.
47. New York Times. 1983. October 28. P. A5; 1984. January 24. P. A2; Times (London). 1990. March 20. P. 13.
48. Danopoulos C.P. From Balconies to Tanks. P. 93; Zagorski P.W. Civil-Military Relations... P. 424.
49. Danopoulos C.P. From Balconies to Tanks. P. 89; Coulombis T.A., Yannis P.M. The Stability Quotient of Greece's Post-1974 Democratic Institutions // *Journal of Modern Greek Studies*. October 1983. Vol. 1. P. 366; New York Times. 1989. January 15. P. 6; *Economist*. 1989. January 21. P. 40.
50. Danopoulos C.P. From Balconies to Tanks. P. 89, 93; New York Times. 1982. March 31. P. A4.
51. New York Times. 1990. December 6. P. A14.
52. Washington Post. 1984. May 5. P. A17; Washington Post National Weekly. 1987. November 9. P. 17; de Onis J. Brazil on the Tightrope Toward Democracy // *Foreign Affairs*. Fall 1989. Vol. 63. P. 128; New York Times. 1989. June 5. P. A9; Todorov Tz. Post-Totalitarian Depression // *New Republic*. 1990. June 25. P. 23-25; New York Times. 1990. November 9. P. A1, A10.
53. McDonough P., Barnes S.H., Lopez Pina A. The Growth of Democratic Legitimacy in Spain // *American Political Science Review*. September 1986. Vol. 80. P. 743; New York Times. 1989. May 7. P. E2; Bruneau T.C. Popular Support for Democracy in Post-revolutionary Portugal: Results from a Survey // *In Search of Modern Portugal: The Revolution and Its Consequences* / Ed. by L.S.Graham, D.L.Wheeler. Madison: University of Wisconsin Press, 1983. P. 35-36; McClintock C Prospects for Democratic Consolidation... P. 142.
54. Diamond L., Linz J.J., Lipset S.M. Democracy in Developing Countries: Facilitating and Obstructing Factors // *Freedom in the World: Political Rights and Civil Liberties 1987 - 1988* / Ed. by R.D.Gastil. New York: Freedom House, 1988. P. 231.
55. Linz J., Stepan A. Political Crafting... P. 46, 58-59; Zimmerman E. Economic and Political Reactions to World Economic Crises of the 1930s in Six European Countries: Paper presented to convention, Midwest Political Science Association, Chicago, April 10-12, 1986. P. 51 (цит. по: Linz J., Stepan A. Political Crafting... P. 46); Dix R.A. Book Review // *American Political Science Review*. September 1989. Vol. 83. P. 1055.
56. Linz J., Stepan A. Political Crafting... P. 49; McClintock C Prospects for Democratic Consolidation... P. 127.
57. Baloyra E.A. Public Opinion and Support for Democratic Regimes, Venezuela 1973-1983: Paper prepared for Annual

Meeting, American Political Science Association, New Orleans, La., August 29 - September 1, 1985. P. 10-11.

58. Hualani M. Waiting for the Revolution: The Relative Deprivation of the J-Curve Logic in the Case of Venezuela, 1968-1989: Paper prepared to Annual Meeting, American Political Science Association, Atlanta, Georgia, August 31 - September 3, 1989. P. 9-10.

59. McDonough P., Barnes S.H., Lopez Pina A. The Growth of Democratic Legitimacy in Spain. P. 751.

60. Данные по экономике и состоянию общественного мнения Испании взяты из: Linz J., Stepan A. Political Crafting... P. 43-45.

61. См.: O'Donnell G. Challenges to Democratization in Brazil // *World Policy Journal*. Spring 1988. Vol. 5. P. 281-300.

62. McDonough P., Barnes S.H., Lopez Pina A. The Growth of Democratic Legitimacy in Spain. P. 752-753; McClintock C Prospects for Democratic Consolidation... P. 140.

63. Эти и другие данные об изменениях в политической культуре Западной Германии см.: Baker K.L., Dalton R.J., Hildebrandt K. Germany Transformed: Political Culture and the New Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1981. *Passim* (esp. chap. 1, p. 273, 287); Conradt D.P. Changing German Political Culture // *The Civic Culture Revisited* / Ed. by G.A.Aimond, S.Verba. Boston: Little, Brown, 1980. P. 212-272; Idem. West Germany: A Remade Political Culture? // *Comparative Political Studies*. July 1974. Vol. 7. P. 222-238.

64. Baker K.L., Dalton R.J., Hildebrandt K. Germany Transformed. P. 68-69, 285; Tsuneishi W.M. Japanese Political Style. New York: Harper, 1966. P. 17-21.

65. International Herald Tribune. 1990. May 10. P. 1; May 16. P. 1; May 21. P. 2; Times (London). 1990. May 11. P. 10.

66. См.: Linz J.J. The Perils of Presidentialism. P. 51-70. См. также последующие статьи на эту тему Д.Горовица, С.М.Липсета и Х.Линца: *Journal of Democracy*. Fall 1990. Vol. 1. P. 73-91.

Глава 6

1. Интересные сообщения см.: *Economist*. 1988. September 10. P. 43-44; December 24. P. 61-66; 1989. August 5. P. 75.

2. *Economist*. 1989. May 6. P. 34; November 11. P. 40-41; Times (London). 1990. April 12. P. 12; The Observer. 1990. May 29. P. 18.

3. Times (London). 1990. April 24. P. 11.

4. См. речь Дж. Бейкера «Демократия и американская дипломатия» в Совете по мировым делам (Даллас, Техас, 30 марта 1990 г.) и реплики Рейгана в Союзе англоговорящих стран (Лондон), цит. по: *New York Times*. 1989. June 14. P. A6.

5. Sesser S. A Rich Country Gone Wrong // *New Yorker*. 1989. October 9. P. 80-84.

6. *New York Times*. 1989. December 28. P. A13; *International Herald Tribune*. 1990. May 12-13. P. 6.

7. *Times* (London). 1990. May 27. P. A21; *Time*. 1990. May 21. P. 34-35; *Daily Telegraph*. 1990. March 29. P. 13; *New York Times*. 1990. February 27. P. A10; April 9. P. A6.

8. Kennan G.F. *The Cloud of Danger*. Boston: Little, Brown, 1977. P. 41-43.

9. См.: Wallace W. *The Transformation of Western Europe*. London: Royal Institute of International Affairs, Pinter, 1990. P. 16-19; Howard M. *The Remaking of Europe* // *Survival*. March-April 1990. Vol. 32. P. 102-103.

10. Yu-sheng Lin. *Reluctance to Modernize: The Influence of Confucianism on China's Search for Political Modernity* // *Confucianism and Modernization: A Symposium* / Ed. by J.P. Liang. Taipei: Wu Nan Publishing Co., 1987. P. 25. Несколько иную интерпретацию проблемы прав человека и власти закона в конфуцианской традиции см.: Young S.B., Nguyen Ngoc Huy. *The Tradition of Human Rights in China and Vietnam*. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, Council on Southeast Asia Studies, 1990. Они утверждают, что в конфуцианской традиции существовал дуализм власти и добродетели, но признают, что в новое время власть все больше концентрировалась.

11. См.: Kelliher D. *The Political Consequences of China's Reforms* // *Comparative Politics*. July 1986. Vol. 18. P. 488-490; Nathan A.J. *Chinese Democracy*. New York: Alfred A. Knopf, 1985.

12. *Economist*. 1988. April 23. P. 37; November 5. P. 35; *New York Times*. 1982. May 20. P. A2; 1988. July 10. P. E2; Burma I. *Singapore* // *New York Times Magazine*. 1988. June 12. P. 118.

13. Pye L.W., Pye M.W. *Asian Power and Politics: The Cultural Dimensions of Authority*. Cambridge: Harvard University Press, 1985. P. 232-236.

14. *New York Times*. 1987. December 15. P. A14; Henderson G. *Korea: The Politics of the Vortex*. Cambridge: Harvard University Press, 1968. P. 365.

15. *Economist*. 1990. January 27. P. 31; *New York Times*. 1990. January 23. P. 1.

16. Цит. по: *New York Times*. 1985. August 14. P. A13.

17. Pye L.W. *Asia 1986 — An Exceptional Year* // *Freedom at Issue*. January-February 1987. Vol. 94. P. 15.

18. Gellner E. *Up from Imperialism* // *The New Republic*. 1989. May 22. P. 35-36; Humphreys R.S. *Islam and Political Values in Saudi Arabia, Egypt, and Syria* // *Middle East Journal*. Winter 1979. Vol. 33. P. 6-7.

19. *New York Times*. 1990. July 1. P. 5.

20. Краткую характеристику множества форм исламской политики см.: Ispahani M. *The Varieties of Muslim Experience* // *Wilson Quarterly*. Autumn 1989. Vol. 13. P. 63-72.

21. **World Bank**. *World Development Report 1990*. New York: Oxford University Press, 1990. P. 8-11, 16, 160; *Sub-Saharan Africa: From Crisis to Sustainable Growth*. Washington: World Bank, 1990.

22. Эти и следующие данные по ВВП на душу населения и темпам роста ВВП и ВВП см.: *World Bank. World Development Report 1990*. P. 178-181.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. <i>К. Альберт</i>	7
Введение.	8
Глава 1. ЧТО?	13
Начало третьей волны.	13
Понятие демократии.	15
Волны демократизации.	23
Вопросы, порождаемые демократизацией.	37
Глава 2. ПОЧЕМУ?	42
Чем объясняются волны.	42
Чем объясняются <i>волны демократизации</i>	45
Чем объясняется третья волна.	52
Утрата легитимности и проблема функциональности.	57
Экономическое развитие и экономические кризисы.	70
Религиозные перемены.	85
Новая политика внешних акторов.	98
Демонстрационный эффект <i>или</i> «снежный ком».	113
От причин к виновникам.	119
Глава 3. КАК? ПРОЦЕССЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ	122
Авторитарные режимы.	123
Процессы транзита.	134
Трансформация.	137
Замена.	156
Замещение.	165
Глава 4. КАК? ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ	179
Синдром третьей волны демократизации.	179
Компромисс и политика взаимных уступок по вопросу участия/умеренности.	180
Выборы: как ошеломляющие, так и иные.	189
Низкий уровень насилия.	209
Глава 5. НАДОЛГО ЛИ?	226
Демократическая консолидация и ее проблемы	226
Проблема палачей: судить и карать или простить и забыть?.	229
Проблема преторианцев: армия мятежная и могущественная.	250
Контекстуальные проблемы, утрата иллюзий и ностальгия по авторитаризму.	273
Развитие демократической политической культуры.	278
Институционализация демократического политического поведения.	285
Условия, способствующие консолидации новых демократий.	291
Глава 6. ДО КАКОЙ СТЕПЕНИ?	300
Причины третьей волны: останутся, потеряют силу или изменятся?.	301
Третий откат?.	309
Дальнейшая демократизация: препятствия и возможности.	315
Экономическое развитие и политическое руководство.	336
ПРИМЕЧАНИЯ	339